

Пропонований збірник містить наукові праці українських, російських та болгарських дослідників, в яких відображені актуальні проблеми салтово- та хозарознавства, вводяться до наукового обігу нові дані доби раннього середньовіччя Південно-Східної Європи. Також порушуються актуальні для сьогодення питання збереження археологічної спадщини.

ISBN 978-966-2562-34-7

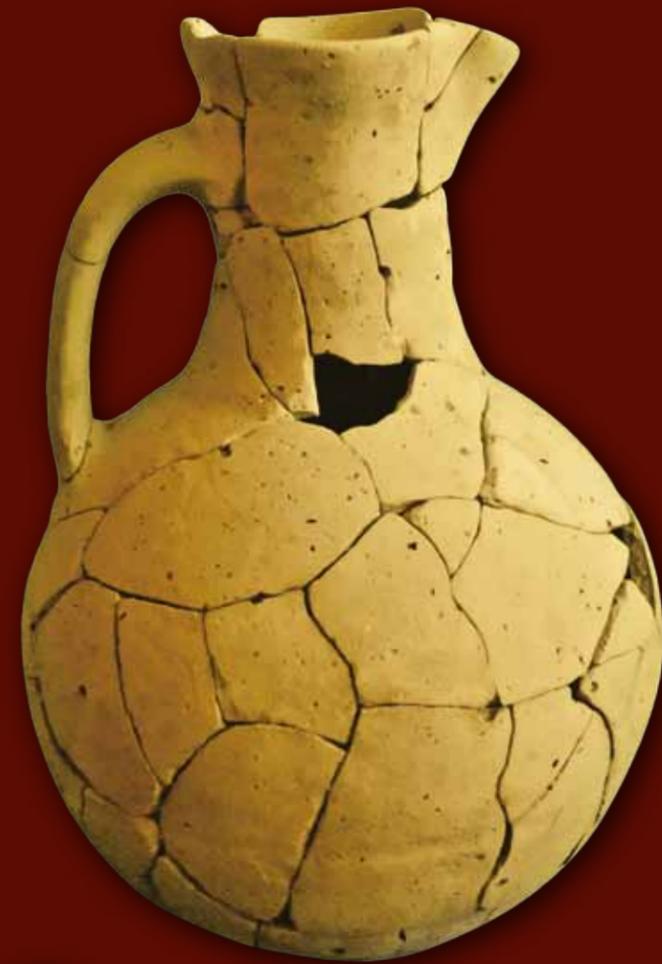

Обласний комунальний заклад
«Харківський науково-методичний
центр охорони культурної спадщини»

Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження • Збірник наукових праць • Випуск 3

САЛТОВО-МАЯЦЬКА АРХЕОЛОГІЧНА КУЛЬТУРА: проблеми та дослідження

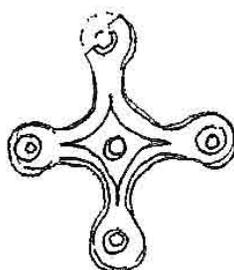
Збірник наукових праць • Випуск 3

Управління культури і туризму Харківської обласної державної адміністрації
Обласний комунальний заклад
«Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини»

САЛТОВО-МАЯЦЬКА АРХЕОЛОГІЧНА КУЛЬТУРА: проблеми та дослідження

Випуск 3

*Збірник наукових праць, присвячений
актуальним проблемам салтово- та хозарознавства*

Видавець Савчук О. О.
ХАРКІВ • 2013

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)
С16

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

головний редактор: провідний науковий співробітник відділу
пам'яток археології **Г. Є. Свистун**

члени колегії: д.і.н. **О. О. Тортіка**,
к.і.н. **В. В. Колода**,
к.і.н. **В. С. Аксьонов**

С16 **Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження** : збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово- та хозарознавства / упоряд. Г. Є. Свистун. — Х. : Видавець Савчук О. О. ; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. — 208 с. ; 68 с. іл. — Випуск 3.
ISBN 978-966-2562-34-7

Пропонований збірник містить наукові праці українських, російських та болгарських дослідників, в яких відображені актуальні проблеми салтово- та хозарознавства, вводяться до наукового обігу нові дані доби раннього середньовіччя Південно-Східної Європи. Також порушуються актуальні для сьогодення питання збереження археологічної спадщини.

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)

На першій та четвертій сторінках обкладинки:
артефакти з Кочетокського та Нетайлівського
могильників, а також з Мохначанського
городища. Дослідження та фото
Г. Є. Свистуна, В. І. Квітковського,
В. С. Аксьонова, В. В. Колоди

Видавець: ФО-П Савчук Олександр Олександрович
61093, м. Харків, вул. Соціалістична, буд. 21, оф. 6.
Тел.: 095.462.18.10
www.savchook.com • e-mail: savchooks@mail.ru
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготівників та розповсюджувачів видавничої
продукції ДК № 3897 від 14.10.2010 року

Формат 60x84/8 Папір офсетний та крейдований.
Друк ризографічний та цифровий.
Гарнітура Palatino Linotype. Підписано до друку 16.01.2013 р.
Умовн. друк. арк. 24,2. Наклад 500 прим.

Наукове видання
(в авторській редакції)
Технічний редактор О. О. Савчук
Відповідальний за випуск Г. Є. Свистун
Дизайн обкладинки С. В. Місяк

Надруковано з готового оригінал-макету
в друкарні ФО-П Петров В. В.
Єдиний Державний реєстр юридичних осіб
та фізичних осіб-підприємців.
Запис № 2480000000106167 від 08.01.2009.
61144, м. Харків, вул. Гв. Широнінців, 79в, к. 137;
тел. (057) 778-60-34; e-mail:bookfabrik@rambler.ru

ЗМІСТ

ВСТУПНЕ СЛОВО О. Д. КОВАЛЕНКА ТА Г. М. КУЛИК.....	5
ЖИТТЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ (СЛОВО ПОДЯКИ М. І. ШАКІНУ).....	8
НАШІ АВТОРИ.....	13
СПИСОК СКОРОЧЕНЬ	14

СТАТТІ

▫ Аксёнов В. С. (Харьков) Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины.....	15
▫ Аксёнов В. С. (Харьков), Березуцкий В. Д. (Воронеж, РФ) Разрушенное погребение салтово-маяцкой культуры у с. Терешково	21
▫ Афанасьев Г. Е. (Москва, РФ) Колтуновское (Олександрово) городище хазарского времени (к проблеме истоков архитектуры и строительных приемов).....	24
▫ Горбаненко С. А. (Київ) Палеоботанічні дослідження салтівських пам'яток Лісостепу	45
▫ Дідик В. В. (Харків) Намисто ранньосередньовічного Коропівського скарбу	52
▫ Квитковский В. И. (Харьков) Раннесредневековые жилища селища Пятницкое-I	58
▫ Колода В. В. (Харьков) Два салтовских комплекса из Государева Яра	73
▫ Коматарова-Балинова Е. (София, България) Хокери и псевдохокери от биритуалните некрополи в Североизточна България: Възможности за интерпретация	82
▫ Липтев А. А. (Харьков) Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи	88
▫ Майко В. В. (Симферополь), Пономарев Л. Ю. (Керчь) Салтово-маяцкие некрополи Восточного Крыма (материалы к археологической карте).....	97
▫ Свистун Г. Е. (Харьков) Кабаново (Старопокровское) городище	107
▫ Свистун Г. Е. (Харьков), Квитковский В. И. (Харьков) Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике	118
▫ Усманов Э. М. (Уфа, РФ) История Хазарии в школьных учебниках Российской Федерации.....	122
▫ Флёров В. С. (Москва, РФ) К проблеме постпогребальных обрядов: обзор литературы Болгарии, России, Украины	129

ІЛЮСТРАЦІЇ

□ К статъе В. С. Аксёнова	141
□ К статъе В. С. Аксёнова и В. Д. Березуцкого	142
□ К статъе Г. Е. Афанасьева	144
□ До статті С. А. Горбаненка	148
□ До статті В. В. Дідика	151
□ К статъе В. И. Квитковского	152
□ К статъе В. В. Колоды	161
□ К статъе Е. Коматаровой-Балиновой	169
□ К статъе А. А. Лаптева	178
□ К статъе В. В. Майко и Л. Ю. Пономарева	182
□ К статъе Г. Е. Свистуна	188
□ К статъе Г. Е. Свистуна и В. И. Квитковского	200
□ К статъе В. С. Флёрова	205

ШАНОВНИЙ ЧИТАЧУ!

Побачив світ третій випуск збірника, який присвячено актуальним проблемам салтово-маяцької археологічної культури та хозарознавства. Потужний сплеск зацікавленості цією проблематикою мотивує появу цілої низки наукових робіт, в яких висвітлюються всебічні прояви соціального, економічного, політичного та інших аспектів життя ранньосередньовічного населення

Хозарського каганату, ставляться перед науковою спільнотою нові завдання та підводяться підсумки вже пройдених тернистих дослідницьких шляхів.

Третій випуск збірника включає в себе 14 статей науковців з України, Росії та Болгарії.

Стаття Г. Є. Афанасьєва присвячена аналізу конструктивних особливостей Колтуновського городища, в якій, зокрема, фортифікацію в долині Тихої Сосни у IX ст. автор пов'язує з візантійською будівельною архітектурною традицією.

С. А. Горбаненко у своїй статті проводить палеоботанічні дослідження матеріалів з салтово-маяцьких лісостепових пам'яток Сіверсько-Донецький регіону. Дослідник проводить аналіз наукових матеріалів останнього десятиліття. Зауважимо, що до останнього часу така робота стосовно вказаного кола старожитностей практично не проводилася.

Не менш цікавими є матеріали, що знайшли своє відображення в роботі В. В. Колоди – розглядаються два комплекси салтівської археологічної культури, які відносяться до IX – початку X ст. Вони являють собою, перш за все, рештки інвентарю кремаційних поховань. Кожен з комплексів містив набір землеробських знарядь та предметів військового кочового побуту. В одному з комплексів знайдено набір інструментів коваля, а в другому – інструменти для обробки дерева та шкіри.

Надзвичайно актуальною на сьогодні є проблема висвітлення хозарської історії в шкільних підручниках. Цій проблемі присвятив свою роботу Е. М. Усманов. У школярській історії Хозарія представлена як малозначне державне утворення жорстоких тюрків-кочівників, що паразитували на міжнародній торгівлі і були перешкодою на шляху становлення давньоруської державності. Між тим, оперування застарілими науковими концепціями йде в розріз з основними педагогічними прин-

ципами – подавати науковий матеріал у школі потрібно виключно тільки найновіший, з передових рубежів науки.

В. С. Аксьонов у своїй статті вводить до наукового обігу матеріали катакомбного поховання № 94, котрі було знайдено у 2012 р. на Верхньо-Салтівському IV могильнику. В похованні виявлено хрестоподібну підвіску, яка виконувала роль хрестика – атрибута християнства. Матеріали цього та деяких інших поховань біля с. Верхній Салтів і Червона Гусарівка свідчать про те, що частина населення із соціальних низів басейну Сіверського Дінця у дру. полов. VIII–IX ст. н. е. була знайома з християнським вченням, котре співіснувало з язичницьким світоглядом і традиціями.

В. С. Фльоров звертає увагу у своїй статті на подібність ознак обряду знешкодження похованих в некрополях Першого Болгарського царства і Хозарського каганату. Стратиграфію могили (поховання) автор вважає найважливішою ознакою обряду та піддає критиці «гідродинамічну модель» формування стратиграфії в похованнях із зруйнованими скелетами.

Статтю О. О. Лаптева присвячено, досить поширеним в лісостеповому локальному варіанті салтівської культури, поховальним обрядам у вигляді ґрунтових інгумацій, які виявлені у могильниках. Перелічено їхні особливості та гіпотези щодо появи. На підставі поширення ямних могильників поблизу катакомбних некрополів зроблено висновок про співіснування у басейні Верхнього Подінців'я алан з етнічно неоднорідними носіями ямного поховального обряду.

Публікація В. В. Дідика присвячена аналізу намиста Коропівського скарбу, який датується кін. VII – меж. VII/VIII ст. В роботі представлені аналогії прикрас з Криму і Північного Кавказу.

Стаття В. Д. Березуцького та В. С. Аксьонова вводить до наукового обігу матеріали зруйнованого поховання біля с. Терешкове (Богучарський район Воронізької області). За знайденим матеріалом поховання належало дівчинці-підлітку та може бути датовано серед. / кін. VIII ст. н. е.

У публікації В. В. Майка та Л. Ю. Пономарьова вперше зібрано всю відому на сьогоднішній день інформацію про ранньосередньовічні некрополі східного Криму, які належать салтово-маяцькій археологічній культурі. Ці матеріали значно доповнюють наші відомості про поховальний обряд населення регіону Таврики у ранньосередньовічну добу.

Є. Коматарова-Балінова у своїй статті узагальнила і систематизувала дані щодо обряду поховань біритуальних некрополів Північно-Східної Болгарії та представила

аналогії на теренах Південно-Східної Європи і можливі інтерпретації витоків цих традицій.

В. І. Квітковський у своїй публікації проводить комплексний аналіз щодо житлових споруд поселення П'ятницьке-1 (Печенізький район Харківської області), подає численні аналогії будівельних особливостей, також висвітлює історію вивчення цього питання.

Г. Є. Свистун публікує результати досліджень оборонних споруд Кабанового городища (Чугуївський район Харківської обл.), проводить аналіз застосованих будівельних традицій та висвітлює історію вивчення цієї пам'ятки.

Також Г. Є. Свистуном та В. І. Квітковським у спільній роботі висвітлюються основні результати охоронних досліджень Кочетоцького кремаційного могильника (Чугуївський район Харківської області).

Загалом, роботи авторів третього випуску збірника вже традиційно охоплюють своїми дослідженнями значну територію Південно-Східної Європи, що дає можливість комплексно осягнути особливості історичного розвитку зазначеного ареалу за доби раннього середньовіччя.

Залишається лише побажати дослідникам плідної праці та натхнення в майбутніх наукових пошуках.

О. Д. КОВАЛЕНКО,
заступник
директора Харківського
науково-методичного
центру охорони
культурної спадщини

Г. М. КУЛИК,
завідувач відділу
пам'яток археології
ОКЗ «ХНМЦОКС

НАШІ АВТОРИ

Аксьонов Віктор Степанович – кандидат історичних наук, завідуючий відділом археології Харківського історичного музею (м. Харків)

Афанасьєв Геннадій Євгенович – доктор історичних наук, професор, головний науковий співробітник Відділу теорії і методики Інституту археології Російської академії наук (м. Москва, РФ)

Березуцький Валерій Дмитрович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Росії Воронежського державного педагогічного університету (м. Воронеж, РФ)

Горбаненко Сергій Анатолійович – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ранньослов'янського відділу ІА НАН України (м. Київ)

Дідик Віктор Васильович – старший науковий співробітник відділу пам'яток археології Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини (м. Харків)

Квітковський Віктор Ігоревич – пошукач відділу давньоруської та середньовічної археології Інституту археології Національної академії наук України, викладач Харківського гуманітарно-педагогічного інституту (м. Харків)

Колода Володимир Васильович – кандидат історичних наук, завідуючий науково-дослідною археологічною лабораторією, доцент кафедри історії України Харківського національного

педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (м. Харків)

Коматарова-Балінова Євгенія – науковий співробітник II ст. національного археологічного інституту та музею при Болгарській академії наук (м. Софія, Болгарія)

Лаптев Олексій Олексійович – науковий співробітник відділу пам'яток археології Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини (м. Харків)

Майко Вадим Владиславович – доктор історичних наук, завідуючий відділом середньовічної археології Кримського філіалу Інституту археології Національної академії наук України (м. Сімферополь)

Пономарьов Леонід Юрійович – науковий співробітник благодійного фонду «Деметра» (м. Керч)

Свистун Геннадій Євгенович – пошукач відділу давньоруської та середньовічної археології Інституту археології Національної академії наук України, провідний науковий співробітник відділу пам'яток археології Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини (м. Харків)

Усманов Ерік Маратович – аспірант Башкірського державного педагогічного університету ім. М. Акмулли (м. Уфа, РФ)

Фльоров Валерій Сергійович – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту археології Російської академії наук (м. Москва, РФ)

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

- АДИУ – Археологія і давня історія України
АДСВ – Античная древность и средние века
АДУ – Археологічні дослідження в Україні
АИК – Археологические исследования в Крыму
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АП – Археологічні пам'ятки
АСГЭ – Археологические сообщения государственного Эрмитажа
БИ – Боспорские исследования
БСП – Българите в Северното Причерноморие
ВППИ – Волгоградский государственный педагогический институт
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВИ – Вестник истории
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВХГУ – Вестник Харьковского государственного университета
ВХДУ – Вісник Харківського державного університету
ВХУ – Вісник Харківського університету
ГИМ – Государственный исторический музей
ГС СМК – гончарный сосуд салтово-маяцкой культуры
ГСУ, ИФ – Годичник на Софийския университет, Исторически факултет
ДБ – Древности Боспора
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА – институт археологии
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАИ – Известия на Археологическая институт
ИАК – Известия археологической комиссии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИНМВ – Известия на народния музей
ИА – Институт археології
КРС – крупный рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
ЛС СМК – лепной сосуд салтово-маяцкой культуры.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА – Научный архив
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НАН – национальная академия наук
НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
НИАЛ ХНПУ – научно-исследовательская археологическая лаборатория Харьковского национального педагогического университета
НТР – научно-техническая революция
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СМАК – Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження
СМК – салтово-маяцкая культура
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
Тр. ... АС – Труды ... археологического съезда
ХА – Хазарский альманах
ХГПУ – Харьковский государственный педагогический университет
ХИФО – Харьковское историко-филологическое общество
ХММ – Художественно-мемориальный музей
ХНПУ – Харьковский национальный педагогический университет
ХНПУ – Харківський національний педагогічний університет
ХНУ – Харьковский национальный университет
ЦНБ – Центральная научная библиотека

СИМВОЛЫ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ В ЗАХОРОНЕНИЯХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ С ТЕРРИТОРИИ ХАРЬКОВЩИНЫ

Анотація. Робота вводить у науковий обіг матеріали катакомбного поховання № 94, котре було досліджено у 2012 р. на Верхньо-Салтівському IV могильнику. В похованні була знайдена хрестоподібна підвіска, що виконувала роль хрестика. Матеріали цього та інших поховань біля с. Верхній Салтів (кат. № 15 Верхньо-Салтівського головного та № 30, 85, 99 Верхньо-Салтівського IV некрополів), а також поховань № 144, 159 могильника Червона Гусарівка свідчать про те, що частина рядового населення басейну Сіверського Дінця у другій половині VIII – IX ст. н.е. було знайоме з християнським вченням, котре співіснувало з язичницьким світоглядом. Про таке положення справ свідчить збереження явно язичницьких елементів у поховальному обряді болгарського та аланського населення Хазарії, а також подвійна природа хреста як головної християнської святині, з одного боку, та стародавнього язичницького символу – з іншого боку. Все це слід розглядати як факт того, що салтівське населення басейну Сіверського Дінця прийняло християнську віру лише формально.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, Верхній Салтів, катакомбне поховання, алани, християнство.

Abstract. The work introduces into scientific use the materials of catacomb burial No. 94, which was researched in 2012 at Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) IV ground burial. In this burial a cross-shaped pendant was found, it was used as pectoral cross. The materials of this and other burials near the village Verchniy-Saltov (Upper Saltov) (catacomb No. 15 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) basic and No. 30, 85, 99 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) IV ground burials), and also the materials of the burials No. 144, 159 of the Chervonaya Gusarovka burial go to prove that the part of ordinary population of Seversky Donets river basin in the second half of the VIII-IX centuries was familiar with Christian Teachings which were mixed with and existed together with pagan worldview. Such circumstances are proved by the fact of saving typical pagan elements at burial ceremony of Bulgarian and Alans population of Khazar Khaganate, and also by the fact of the dual nature of the cross: as a basis of Christian holy shrine on the one hand and as an ancient pagan symbol on the other hand. All this is to be considered as a fact that Saltov population of Podontsovie only formally accepted Christianity.

Key words: Saltovo-Mayatskaya culture, Verchniy-Saltov, catacomb burial, Alans, Christianity

Письменные источники свидетельствуют о проживании в Хазарском каганате наряду с населением, придерживающимся язычества, мусульман и христиан [1, с. 165; 2, с. 411]. Каган и его окружение в то же время исповедовали иудаизм [2, с. 327; 3, с. 108]. Однако, археологически эти данные в полной мере не подтверждаются. Так, археологами на памятниках салтово-маяцкой культуры (даже не территории домена кагана) пока не найдено ни одного предмета иудейского культа [4, с. 173]. Следы мусульманства в последнее время были выявлены на памятниках степного варианта салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца. Здесь открыты захоронения «зливкинского» типа середины IX–X вв., совершенные в соответствии с мусульманской погребальной традицией [5; 6]. С этой точки зрения интересно указание Ибн-Хаукаля, что среди внутренних болгар, занимавших территорию нижнего и среднего Подонья, наряду с мусульманами

есть и христиане [7, с. 218]. Это позволяет надеяться, что все же удастся выявить среди салтово-маяцких захоронений бассейна Северского Донца погребения христианского населения Хазарского каганата. Поэтому, каждая новая находка, которую можно рассматривать как предмет христианского культа, не может не вызывать интереса.

В 2012 г. совместной экспедицией Харьковского исторического музея и исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина была исследована катакомба № 94, обнаруженная на южной окраине исследуемого участка Верхне-Салтовского IV могильника. Катакомба была обнаружена по пятну дромоса на глубине 1,0 м (восточный край) – 0,7 м (западный край) от современной поверхности почвы. Дромос был ориентирован по склону оврага по линии восток – запад с незначительным отклонением к югу (азимут 115°). На уровне обнаружения он в плане

имел форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами размерами 2,7×0,4 м. Заполнение дромоса светло-серого цвета состояло из материковой глины, перемешанной с черноземом. В заполнении встречались мелкие кусочки природной извести. По цвету заполнение дромоса лишь незначительно отличалось от окружающего материка. Заполнение однородное до самого дна. В западной, расположенной ниже по склону, части дромоса было зафиксировано две ступеньки. От последней ступеньки дно дромоса было горизонтальным до самой восточной торцевой стенки. Первая ступенька была зафиксирована на 0,3 м ниже уровня обнаружения пятна дромоса. Размеры (ширина/высота) ступенек следующие: первой – 0,4/0,55 м; второй – 0,37/0,35 м. Глубина дромоса у восточной торцевой стенки, где находился вход в погребальную камеру, составляла 2,1 м от современной поверхности почвы. Вход-коридорчик шириной 0,4 м и глубиной 0,1–0,12 м, вырубленный в восточной торцевой стенке дромоса, вел в погребальную камеру. Камера по отношению к дромосу была продольная, ее длинная ось почти совпадала с длинной осью дромоса (азимут 110°). В плане погребальная камера имела форму эллипса размером 1,71×1,05 м. Пол камеры находился на одном уровне с дном дромоса.

В погребальной камере было произведено парное захоронение (Илл. 1: 1). Костяки принадлежали молодой женщине и ребенку 2–3 лет. Погребенные были уложены в вытянутом положении на спине, ногами ко входу в погребальную камеру. Костяк женщины с прямыми ногами и вытянутой вдоль тела левой рукой располагался параллельно правой боковой стенке камеры. Ее правая рука была слегка отведена в сторону так, что ее кисть перекрывала кости левой руки ребенка. Какой-либо погребальный инвентарь при костяке женщины отсутствовал.

Костяк ребенка с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми ногами лежал вдоль левой боковой стенки камеры. В отличие от женщины, ребенка сопровождали личные украшения. Так, у его черепа была обнаружена бронзовая бляшка-нашивки (Илл. 1: 7), которая украшала в древности матерчатую налобную повязку. В районе нижних ребер были расчищены остатки ожерелья, которое состояло из четырех бисерин синего цвета (Илл. 1: 2, 3), од-

ной 2-х секционной стеклянной бусины серебристого цвета (Илл. 1: 5), одной стеклянной цилиндрической бусины зеленоватого цвета (Илл. 1: 4) и одной плитчатой глазчато-полосатой бусины плохой сохранности (Илл. 1: 6). В состав ожерелья входила крестовидная подвеска плохой сохранности из оловянно-свинцового сплава (Илл. 1: 8).

Данное захоронение совершено в полном соответствии с языческой погребальной обрядностью раннесредневековых алан. Однако присутствие в детском захоронении крестовидной подвески позволяет по-другому взглянуть на данный комплекс.

Найденная подвеска реконструируется как литое изделие в виде ромбического щитка, три угла которого украшены пирамидкой из трех полусфер (Илл. 1: 8; 2: 5). Четвертый угол ромба переходил в петельку для подвешивания. Внутреннее поле ромба покрыто выпуклым орнаментом из нескольких полосок, расположенных перпендикулярно одна по отношению к другой и образующих своеобразный «сетчатый» или «шашечный» орнамент. Реконструируемая высота подвески 2,4–2,5 см, ширина – 1,9 см. Аналогичные подвески в количестве 20 экземпляров были обнаружены в одиночном женском захоронении № 85 того же Верхне-Салтовского IV могильника (Илл. 2: 4). При этом шесть крестовидных подвесок входили в состав ожерелья и располагались в районе груди погребенной женщины. Остальные были, по-видимому, пришиты к подолу её платья. От найденного изделия они отличаются только размером – 2,6–2,7×2,0 см.

Еще две подобные крестовидные подвески были обнаружены при костяке № 4 в катакомбе № 15 Верхне-Салтовского основного могильника (Илл. 2: 1, 2) в 1984 г. экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В. Г. Бородулина [8, с. 4, рис. 1: 27]. Одна подвеска была найдена при костяке № 2 в катакомбе № 30 Верхне-Салтовского IV могильника (Илл. 2: 3). Эти подвески по форме больше напоминают крест, чем подвески из катакомб № 85 и 94. Они также отлиты из свинцово-оловянного сплава в односторонней форме. Подвески размером 2,4×2,5 см имеют форму равноконечного креста. Середина креста оформлена в виде развернутого под 45° квадрата, поле которого украшено «шашечным» орнаментом. Верхний конец

креста преобразован в петельку для подвешивания, остальные три конца оформлены в виде трех соприкасающихся дисков, закрепленных на невысоком стержне.

Мне представляется, что данные подвески следует рассматривать как своеобразные символы христианской веры, получившие свое распространение среди населения, в мировоззрении которого еще основное место занимало язычество. Свидетельством этому могут служить подобные находки с христианских памятников Восточной Европы. Так, нательные кресты со стилистически близко оформленными концами – в виде трех соприкасающихся дисков (кресты трехлопастноконечного типа) – неоднократно встречались на памятниках IX–XIII вв. Киевской Руси [9, с. 200, табл. XXVI: 30, с. 224, табл. I: 21, 22]. Оформление средокрестия подвесок орнаментом в виде перечеркнутого косым крестом ромба отмечено на нательном кресте из листового серебра (вторая половина X – начало XI вв.) из погребения № 124 с Киевского некрополя [10, рис. 1: 1]. Средокрестие довольно часто имеет узор из ромба с вписанным внутри его крестом на крестовидных подвесках «скандинавского» типа, датируемых XI–XII вв. [11, с. 210, рис. 1: 5]. Для периода «двоеверия» характерно и кустарное изготовление христианских символов. Так, в древнерусских памятниках второй половины X века нательные кресты вырезались из арабских серебряных дирхемов [10, с. 223, рис. 1: 6]. Показательны случаи, когда языческие солнечные амулеты преднамеренно ломались, и, таким образом, превращались в изображения креста Господня [12, с. 205; 13, с. 127, рис. 1: 23].

Таким образом, подобные крестовидные подвески в захоронениях Верхне-Салтовского могильника могли играть роль и как символа христианской веры, и как своеобразного языческого амулета-оберега. С языческим мировоззрением данные подвески связывает их оформление. Так, центральной фигурой подвесок является ромб (кат. № 85, 94) или квадрат (кат. № 15, 30), что у многих народов мира является символом «своего», организованного и освоенного пространства, символизирует горизонтальную структуру мирового дерева. Исследователями отмечается связь квадрата с такими идеями как единообразие, порядок, земля [14, с. 630]. Фигуры в

виде ромба представлены уже в памятниках раннеземледельческих культур Евразии, где они обычно трактуются обычно как символ плодородия или собственно земли [15, с. 57–64]. Подквадратная горизонтальная мира известна и скифам, и осетинам [16, с. 125]. «Шашечный» орнамент, каким украшены центральные части рассматриваемых подвесок, специалистами трактуется как символ вспаханной нивы, подготовленной к посеву земли [15, с. 22]. Принимая во внимание все выше сказанное, расположенные в углах ромба строенные полусферы (кат. № 85, 94) и строенные полусферы на стержне (кат. № 15, 30) следует рассматривать как символ произросших на вспаханном поле побегов или ростков. Как отмечают исследователи, у квадрата как символа земли могут быть выделены углы. В этих точках нередко помещаются «малые» мировые деревья [14, с. 630]. У осетин сохранилось сказание, в котором за невесту – дочь солнца – Сослан должен был заплатить калым в виде четырехугольного дворца с посаженными по углам листьями дерева из подземного мира [17, с. 108]. К тому же, крестовидные подвески, благодаря оформлению концов в виде стилизованного трехлепесткового цветка на стебле, повторяют в плане начертание такого раннеземледельческого символа как «ромб с крючками» [15, рис. 1: 57–64]. Последний же у многих народов мира был символом божества земли, дающего жизнь всему живому [18, с. 107]. К тому же крест сам по себе у многих народов выступает сакральным символом.

Использование вещей со многоплановым сакральным подтекстом вполне допустимо в условиях, когда за приоритет в обществе ведется борьба между несколькими мировоззрениями. Именно такая ситуация и существовала в Хазарском каганате, где в обществе наряду с язычниками существовали представители христианства, мусульманства и иудейства. Это подтверждается находкой крестика-тельника в детском погребении их катакомбы № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (Илл. 2: 6) [19, с. 360, рис. 2: 12]. Нательный крестик отлит из бронзы. Он односторонний. Изделие имеет форму равноконечного креста с петелькой для подвешивания на одном из концов. Его размеры: высота с петелькой для подвешивания – 2,2 см, ширина – 1,6 см. Середина креста имеет едва

заметные ромбовидные очертания. Концы креста оформлены в виде стилизованного трехлепесткового цветка или в виде трех соприкасающихся дисков, что сближает данное изделие с крестами трехлопастноконечного типа, которые неоднократно встречались на памятниках IX–XIII вв. Киевской Руси [9, с. 200, табл. XXVI: 30, с. 224, табл. I: 21, 22]. Очертание концов найденного креста сближает его и с крестовидными подвесками так называемого «скандинавского» типа, датируемых концом X – началом XI–XII вв. [11, с. 210, рис. 1]. Некоторые исследователи предполагают византийское происхождение крестов «скандинавского» типа, а местом производства подобных крестов на территории Юго-Восточной Европы считают Крым [20, р. 255]. По-видимому, в качестве места изготовления крестика из катакомбы № 99 следует также считать Крымский полуостров. В качестве отдаленной аналогии кресту из катакомбы № 99 можно назвать крест с фигурными концами (тип 5, вариант 3) из склепа 210 могильника Эски-Кермен, найденный с вещами второй половины VIII в. [21, с. 167, 169, рис. 8: 10]. К произведенным в Крыму крестам исследовательница склонна относить изделия, представляющие собой дешевые, выполненные из бронзы копии византийских крестов из драгоценных металлов [21, с. 170]. Крестик из катакомбы № 99 относится именно к разряду таких дешевых бронзовых изделий, тогда как все кресты «скандинавского» типа серебряные. Обнаружение в данном захоронении креста-тельника свидетельствует, что часть аланского населения Северо-Западной Хазарии придерживалась христианской религии. Хотя при ребенке вместе с нательным крестиком был обнаружен достаточно представительный набор языческих аланских амулетов – бронзовая подвеска в виде когтя птицы, бронзовая подвеска в виде лошадки, подвеска из клыка животного, две подвески-печатки, которые были подвешены к поясу [19, с. 357, рис. 2: 4–6, 13, 14]. Символ же христианской веры располагался в наиболее значимом с мировоззренческой точки зрения месте – в области верхней части груди человека. В данном случае мы имеем дело со случаем, хорошо представленном в древнерусских материалах так называемого периода «двоеверия», когда в языческую среду только начинают проникать элементы хри-

стианской религии и что находит отражение в одновременном использовании и языческой, и христианской символики [22, с. 18; 23, с. 246, ил. 37–39]. О том же свидетельствуют и крымские материалы VI–IX вв., где кресты носились в составе ожерелья или в низке бус, вместе с разнообразными амулетами и подвесками [21, рис. 10–14, с. 179]. При этом крест, по-видимому, не только обозначал принадлежность верующего к христианству, но и служил своеобразным оберегом, ибо часто в ожерельях присутствовало одновременно 2–4 креста [9, табл. XLVII: 6; 21, рис. 10: 2, 3; 11; 12: 1; 22, с. 17; 23, ил. 37] или же они входили в наборы амулетов, где каждая вещь имела далекую от христианства символику [11, с. 212; 24, с. 116]. Однако, кресты в древнерусских комплексах конца XI–XIII вв. занимали центральное место в ожерелье [22, с. 17], как это имело место и в катакомбах № 15, 30, 85, 94, 99 Верхнего Салтова. Данные археологии, как и письменные источники, показывают, что на Руси даже в середине XIII – начале XVI вв. характерно присутствие крестов и иконок в составе ожерелья [25, с. 95]. Как считает ряд исследователей, «...христианские символы могут соединяться с языческими, и притом, как надо думать, не в целях только украшения» [26, с. 85].

Показательно, что крестовидные подвески и крестик-тельник из Верхнего Салтова были найдены в большинстве своем при костях детей. И только в одном случае (в катакомбе № 85) крестовидные подвески входили в состав ожерелья молодой женщины. По материалам Крыма VI–IX вв. кресты носили, в основном, женщины и дети (девочки) [21, с. 173]. Подобная ситуация отмечена и в древнерусских погребальных памятниках XI–XII вв. [22, с. 16]. Присутствие их в уборах детей объясняется тем, что из-за высокой смертности дети больше других возрастных групп населения нуждались в сакральной защите креста [22, с. 16].

Помимо катакомбных захоронений салтово-маяцкой археологической культуры крестовидные подвески и нашивки встречены в ямных захоронениях могильника Червоная Гусаровка. Так, в погребении № 144 была найдена бронзовая литая крестовидная подвеска размером 3,4×3,7 см (Илл. 2: 7). Она представляет собой равноконечный крест, концы которого оформлены в виде окружно-

стей диаметром 0,8 см, в одной из которых проделано отверстие для подвешивания. Остальные концы подвески украшены солярным орнаментом. Середина крестовидной подвески украшена орнаментом в виде ромба с кругом посередине. В захоронении № 159 на шее ребенка была найдена нашивка в виде равноконечного креста, размером 3,0×2,6 см. Нашивка изготовлена из двух тонких бронзовых пластинок, скрепленных между собой бронзовой заклепкой. Концы привески несколько расширены и имеют по небольшому пластинчатому выступу, которые согнуты в трубочки и таким образом образуют четыре петельки (Илл. 2: 8). Благодаря этим петлям привеска крепилась к одежде погребенной. В обоих случаях нательные символы христианской веры сопровождали костяки малолетних детей, как это имело место и в указанных выше аланских катакомбных захоронениях. Обе эти находки были найдены в захоронениях, обрядность которых сохраняла яркие языческие черты (сосуды в головах, личные украшения и т.п.).

Разнообразие типов, материалов и способов изготовления крестовидных подвесок/нашивок из комплексов салтово-маяцкой культуры верхнего течения Северского Донца указывает на то, что они изготавливались от случая к случаю. Так, крестовидная подвеска из погребения № 144 могильника Червоная Гусаровка, по мнению В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной, возможно, была сделана из крестовидного навершия булавки балтского типа [27, с. 161, прим. 18]. Такое положение вещей было обусловлено спросом на предметы христианского культа как на особую категорию вещей, символическое значение которых было хорошо понятно. При этом оформление данных предметов культа, по-видимому, зависело от эстетических запросов заказчика. Присутствие в некоторых крестовидных подвесках языческих мотивов указывает на то, что часть аланского населения была христианами лишь формально, хотя аланы с IV–VI вв. были знакомы с христианством, то есть еще до их переселения в бассейн Северского Донца в 30-е годы VIII века. Как свидетельствуют источники, даже в XI в. христианизация алан Северного Кавказа была слабой [28, с. 59]. Так, в катакомбном Змейском могильнике XI–XII вв. нательные кресты были найдены лишь в некоторых отдельных погребениях, да и те свя-

зываются исследователями с влиянием Киевской Руси [29, с. 134]. В достоверно христианских захоронениях алан XII–XIV вв. на погосте около храма на городище Верхний Джулат нательные кресты не были выявлены вообще [30, с. 106].

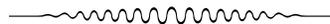
Таким образом, рассмотренные находки позволяют говорить о знакомстве рядового салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца во второй половине VIII–IX вв. с христианским учением, которое переплеталось и мирно сосуществовало с языческим мировоззрением. О таком положении дел свидетельствует сохранение явно языческих элементов в погребальном обряде болгарского и аланского населения Хазарии, а также двойственная природа креста как основной христианской святыни, с одной стороны, и как древнего языческого символа – с другой.

Таковы небольшие материалы, позволяющие говорить о распространении христианского учения в среде смешанного населения северо-западной окраины Хазарского каганата во второй половине VIII–IX вв.

Литература:

1. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гурган и Поволжье IX–XI вв. / Б. Н. Заходер – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 278 с.
2. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов – М.–Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. VII. Ал-Мукаддасий. VIII. Мас'уди. IX. Ибн-Хаукаль / Н. А. Караулов // СМОМПК. – Вып. XXXVIII. – Тифлис, 1908. – С. 1–130.
4. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата / М. Г. Магомедов – М.; Наука, 1983. – 224 с.
5. Копыл А. Г., Татаринцов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце / А. Г. Копыл, С. И. Татаринцов // СА. – 1979. – № 1. – С. 267–269.
6. Кравченко Э. Б., Гусев О. А., Давыденко В. В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим данным) / Э. Б. Кравченко, О. А. Гусев, В. В. Давыденко // Археологический альманах. – № 7. – Донецк: «Лебедь», 1998. – С. 113–140.
7. Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах (с половины V в. до конца X в.) / А. Гаркави – СПб.: Типография Императорской АН, 1870. – 308 с.

8. Аксенов В. С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине / В. С. Аксенов // *Finno-Ugrica*. – Казань: Институт истории АНТ, 1998. – № 1 (2). – С. 3–12.
9. Седов В. В. Славяне в VI – XIII вв. / В. В. Седов – М.: Наука, 1982. – 326 с.
10. Недошивина Н. Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра / Н. Г. Недошивина // *СА*. – 1983. – № 4. – С. 222–225.
11. Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа / М. В. Фехнер // *Славяне и Русь*. – М.: Наука, 1968. – С. 210–214.
12. История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. / Пер. с армянского К. Патканова – СПб., 1861. – 361 с.
13. Ковалевская В. Б. Хронология древностей Северокавказских алан / В. Б. Ковалевская // *Аланы: история и культура*. – Владикавказ: СОИГИ, 1995. – С. 123–183.
14. Топоров В. Н. Квадрат / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира*. – Т. 1. – М.; НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. – С. 630–631.
15. Амброз А. К. Раннеземледельческий культурный символ «ромб с крючками» / А. К. Амброз // *СА*. – 1965. – № 2. – С. 14–27.
16. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен / Д. С. Раевский – М.: Наука, 1977. – 216 с.
17. Демюзиль Ж. Скифы и нарты / Ж. Демюзиль. – М.: Наука, 1990. – 229 с.
18. Голан А. Миф и символ / А. Голан – М.: Руслит, 1993. – 375 с.
19. Аксёнов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) / В. С. Аксёнов // *Сугдейский сборник*. – Киев – Судак: ТОВ «Горобець», 2010. – Вып. IV. – С. 354–364.
20. Petrukhin V., Pushkina T. Old Russia: the earliest stages of Christianization / V. Petrukhin, T. Pushkina // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum waren des 8–14 Jahrhunderts*. – Stuttgart, 1997. – Bd. 2. – P. 247–258.
21. Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма / Э. А. Хайрединова // МАИЭТ. – Симферополь: Таврика, 2007. – Вып. XIII. – С. 151–182.
22. Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестиками и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) / Н. А. Макаров // *КСИА*. – 1991. – Вып. 205. – С. 11–21.
23. Мильков В. В. Комментарии к иллюстрациям / В. В. Мильков // *Введение христианства на Руси*. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – С. 214–252.
24. Мальм В. А. Крестики с эмалью / В. А. Мальм // *Славяне и Русь*. – М.: Наука, 1968. – С. 113–117.
25. Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья / Д. А. Беленькая // *СА*. – 1976. – № 4. – С. 88–99.
26. Анучин Д. Н. О христианских крестах и образках в могилах средней и западной России / Д. Н. Анучин // *Труды X Археологического съезда в Риге*. – Т. III. – М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. – С. 83.
27. Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства / В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина // *Archeologia Abrahamica*. – М.: «Индрик», 2009. – С. 157–177.
28. Куссаева С. С. Аланский катакомбный могильник XI–XII вв. у станции Змейской (по раскопкам 1953 г.) / С. С. Куссаева // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии*. – Т. 1. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. – С. 51–61.
29. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) / В. А. Кузнецов // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии*. – Т. 1. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. – С. 62–135.
30. Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат / О. В. Милорадович // *МИА*. – 1963. – № 114. – С. 87–106.

РАЗРУШЕННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ У С. ТЕРЕШКОВО

Анотація. Робота вводить у науковий обіг матеріали зруйнованого поховання біля с. Терешково (Богучарський район Воронізької області). Інвентар поховання містить бронзові штамповані гудзики-бубонці, нашивні бляшки, бляшки від смуги на голову, бронзовий литий бубонець, бронзовий литий гудзик, одну скляну намистину, сережку зі складню привіскою, три поясні бляшки. За матеріалом поховання належало дівчинці-підлітку та може бути датовано серединою/кінцем VIII ст. н.е.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, поховання, поясна гарнітура, нашивні бляшки, гудзики-бубонці.

Abstract. The work introduces into scientific use the materials of destroyed burial near the village Tereshkovo (Bogucharskiy District of Voronezh Region). Goods of destroyed burial are the following: some bronze pressed buttons – bells, sewed on plates, plates of head-bands, a bronze cast button, a bronze cast bell, one glass bead, an earring with complex appendage, three vest plates. According to these materials the burial was the one of a girl – teenager and it can be dated the middle/ end of the VIII century.

Key words: Saltovo-Mayatskaya culture, burial, cast bells, buttons-bells.

Летом 2008 г. во время проведения археологических раскопок на городище Рыжкин кордон (правобережье Среднего Дона, Богучарский район Воронежской области) [1] поступило сообщение от жителей с. Терешково о находках «серебряных бляшек» в обрыве берега р. Дон неподалеку от села. Сообщалось, что один из «любителей старины» собрал бляшек более сотни штук.

При осмотре места находок «бляшек» было выяснено следующее. Местонахождение находилось в 2,5 км восточнее села, на краю обрывистого правого берега Дона (первая надпойменная терраса высотой 6 м над уровнем поймы реки) (Илл. 1). Как было установлено позже, находки являлись результатом разрушения берегом реки погребения. Удалось найти очевидца, который рассказал, что в обнажении берега торчали кости человека, а череп лежал на склоне, и что человек головой был ориентирован на север, в сторону реки. Кости куда-то исчезли и к моменту осмотра нами берега Дона ни одной из них обнаружить не удалось.

Была произведена зачистка обнажения, во время которой на участке напротив находок на уровне 0,5 м ниже материка было обнаружено несколько округлых камней из плотного песчаника, находившихся впритык

друг к другу. Не исключено, что они могли являться частью заслона входа в камеру катакомбы (?) или частью заполнения ямы. Еще около десятка подобных камней найдены на склоне обрыва берега реки. Разведочная траншея 1×6 м, заложенная рядом с предполагаемым местом погребения следов других погребений не обнаружила.

При помощи металлоискателя нами было произведено обследование места находок бляшек. В результате поисков удалось обнаружить 166 предметов, связанных с данным захоронением. Наиболее массовой находкой были штампованные пуговицы-бубенчики и штампованные бляшки. Все они были сделаны из бронзы и, вероятно, покрыты серебром.

Пуговицы-бубенчики состояли из двух половинок, каждая из которых представляла собой полусферу, с примыкающим к ней с боку треугольным ушком. В ушке имелось круглое отверстие для пришивания. Диаметр изделий 19–20 мм (Илл. 2: 1, 2). Одна пуговица имеет меньшие размеры – 15 мм в диаметре (Илл. 2: 3). Всего было обнаружено 120 половинок, т.е. в погребении находилось 60 пуговиц-бубенчиков. Это подтверждается тем, что в нескольких случаях половинки пуговиц лежали в изначальном положении – попарно ушками друг к другу. Такое боль-

шое количество пуговиц-бубенчиков в одном погребении – явление для салтовских погребальных комплексов достаточно редкое, чаще при погребенном человеке находится до десятка подобных изделий. Так, например, в катакомбе № 5 Старо-Салтовского могильника было обнаружено 103 аналогичных пуговицы-бубенчика [2, рис. 3: 12], 66 таких пуговиц находилось при костяке женщины в катакомбе № 16 Рубежанского могильника [3, рис. 6: 38]. Интересно, что известные на сегодняшний день погребальные комплексы с большим количеством штампованных пуговиц-бубенчиков датируются второй половиной VIII – началом IX в. [2, с. 141; 3, с. 76].

В погребении находились и штампованные круглые в плане полусферические бляшки с отверстиями для пришивания по краю – 35 экземпляров. Четыре экземпляра имели по одному отверстию, 30 экземпляров было снабжено двумя отверстиями (Илл. 2: 5), еще в одном экземпляре было сделано три отверстия (Илл. 2: 6). Материалы салтовских катакомбных захоронений показывают, что данные изделия являются половинками тех же самых двусоставных пуговиц-бубенчиков, у которых в процессе эксплуатации треугольная петелька пришла в негодность. В оставшихся без треугольного выступа полусферах пробивались отверстия, через которые они затем нашивались на одежду. Такие бляшки, например, в большом количестве (84 экз.) встречены в уже упомянутом выше катакомбном захоронении № 5 Старо-Салтовского могильника [2, рис. 3: 13].

В обнаруженный комплекс украшений входили четыре круглые полусферические слегка уплощенные бляшки с круглым выступом наружу. Все бляшки были снабжены двумя отверстиями для пришивания, расположенными на краях полусферы напротив друг друга. Диаметр бляшек составлял 23 мм (Илл. 2: 4). Размер данных бляшек сближает их с хорошо известными по салтовским катакомбным захоронениям бляшками-нашивками, которые украшали головную ленту аланских детей и девочек-подростков. Такие бляшки довольно часто встречаются в аланских катакомбных захоронениях Подонья [2, рис. 5: 31; 3, рис. 4: 26; 6: 13 – 15; 4, рис. 58]. В салтовских древностях Подонечья аналогичные бляшки лишь изредка встречаются в захоронениях представителей других этносов

салтовской культуры (ингумационное погребение № 300 биритуального могильника Красная Горка) [5]. Как показали исследования памятников аланского населения Северного Кавказа, аналогичные и подобные им бляшки использовались в качестве украшений налобных повязок, являющихся отличительной особенностью аланских девочек-девушек, прошедших обряд инициации, но не достигших еще брачного возраста [6, с. 7, 62]. На налобную повязку в большинстве случаев пришивалось две-три бляшки. Присутствие данных изделий в разрушенном захоронении у с. Терешково позволяет предположить, что в нем была захоронена, по-видимому, девочка-подросток.

Среди находок присутствует бронзовый литой бубенчик (15×23 мм) с ушком и отверстием в нем для подвешивания (Илл. 2: 8). В полости бубенчика располагался маленький бронзовый шарик. Найдена также бронзовая литая пуговица с длинным ушком и отверстием в нем (7×14 мм) (Илл. 2: 7).

Также найдены три штампованные бляшки, которые, вероятно, украшали пояс умершего человека. Одна бляшка имела форму прямоугольника (20×24 мм) с сильно закругленными углами (Илл. 2: 12). Она плоская. Ее поле украшено тисненым орнаментом в виде двух параллельных рядов небольших округлых выпуклостей по периметру бляшки. Кроме того, был обнаружен фрагмент похожей бляшки, только с иным тисненым орнаментом – большие округлые выпуклости в окружении малых (Илл. 2: 13). Он, вероятно, также имел прямоугольную форму. Его размеры 20×24 мм. Детали поясной гарнитуры, украшенные подобным тисненым орнаментом, в салтово-маяцких древностях Подонцовья – явление достаточно редкое. Штампованные позолоченные поясные наконечники, украшенные аналогичным орнаментом, встречены в катакомбе второй половине VIII – начала IX вв. № 5 Старосалтовского могильника [2, рис. 3: 24, 25]. Подобный тисненый орнамент (большие округлые выпуклости в окружении малых) встречен на больших пластинчатых фибулах с Пастырского городища, Харьевского клада, из Песчанки и Верхнего Салтова [7 с. 154, рис. 48: 1, 2, с. 71, рис. 71, 3, 4, с. 97, рис. 14, 16, 28, 29; 8, рис. 3: 36, 37], которые датируются концом VIII – началом IX вв. Аналогичным орнаментом

украшена бронзовая пластинчатая подвеска из захоронения первой половины VIII века (№ 59) могильника Мокрая Балка [9, рис. 6,б].

Еще одна поясная бляшка имела подтрапиевидную форму (20×20 мм). Она плоская. В нижней части щитка присутствует имитация горизонтальной прямоугольной прорези для подвесного ремешка (Илл. 2: 11). Поле бляшки украшено двумя зонами спирального орнамента. Данная бляшка снабжена двумя отверстиями для пришивания, расположенными друг против друга. Бляшки данного типа, украшенные подобным орнаментом, встречены в катакомбах № 3, 22 Дмитриевского катакомбного могильника [4, рис. 86]. Данные бляшки, по мнению А. В. Комара, характерны для салтовского хронологического горизонта I/II (780–800 гг. н.э.) [10, с. 130, табл. 4: 12, 13, с. 132].

Кроме того, в месте находок бляшек была обнаружена серьга (Илл. 2: 10) и стеклянная бусина бочковидной формы черно-серого цвета (Илл. 2: 9). Серьга представляет собой разомкнутое бронзовое кольцо из проволоки диаметром 1 мм и подвешенным к нему штырем, на окончании которого находились остатки сложносоставной привески в виде полого колпачка (Илл. 2: 10).

Таким образом, обнаруженные в районе разрушенного захоронения вещи находят самые широкие аналоги в памятниках салтово-маяцкого населения Подонцовья. Присутствующие среди находок предметы поясного набора позволяют датировать разрушенное погребение у с. Терешково второй половиной/концом VIII в.

Литература

1. Березуцкий В. Д. Отчет об охранных раскопках на территории Воронежской области в 2008 г. / В. Д. Березуцкий // Архив ИА РАН.
2. Аксенов В. С. Старосалтовский ктакомбный могильник / В. С. Аксенов // *Vita antiqua*. К.: ВПЦ «Київський університет», 1999. – № 2. – С. 137–149.
3. Аксенов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце / В. С. Аксенов // *Донская археология*. – Ростов-на-Дону; Изд-во РГУ, 2001. – С. 62–78.
4. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнева – М.: Наука, 1989. – 288 с.
5. Михеев В. К. Отчет об исследовании могильника Красная Горка салтовской культуры в 1992 г. / В. К. Михеев // Архив МАЭСУ.
6. Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки / А. А. Иерусалимская – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1992. – 70 с.
7. Приходнюк О. М. Пастирське городище / О. М. Приходнюк – Київ – Чернівці: «Зелена Буковина», 2005 – 244 с.
8. Амброз А.К. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул / А.К. Амброз // РА. – 1993. - № 2. – С. 179–184.
9. Ковалевская В. Б. Проблемы математической обработки археологического материала VI–IX вв. (по материалам Кавказа) / В. Б. Ковалевская // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* – Самара: СамВен, 1996. – С. 5–23.
10. Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) / А. В. Комар // *Vita antiqua*. – К.: ВПЦ «Київський університет», 1999. - № 2. – С. 111–136.

КОЛТУНОВСКОЕ (ОЛЕКСАНДРОВО) ГОРОДИЩЕ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ (К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРИЕМОВ)

Анотація. Стаття присвячена аналізу конструктивних особливостей Колтуновського городища. Автор прийшов до висновку про те, що будівельні матеріали, використані при зведенні стін цього укріплення, знаходять численні паралелі в пам'ятках візантійської архітектури. Конструктивні особливості кріпосних стін і будівельні прийоми, зафіксовані на цій пам'ятці, перегукуються з візантійськими. Строга геометрична форма укріплення повторює зразки візантійських фортифікацій і сягає своїм корінням часів планування римського табору. Поява візантійської кріпосної архітектури в долині Тихої Сосни у IX ст., в землях хозарських конфедератів - донських алан, автор розглядає в контексті інформації візантійських джерел про будівництво візантійськими фахівцями під керівництвом спафарокандідата Петронія Каматіра фортеці Саркел на прохання кагана і бека Хозарії. Це відповідало інтересам Візантії і Хозарії в зв'язку з загальною політичною ситуацією, що склалася в 30-х - 50-х рр. IX ст. між Хозарським каганатом, Візантією, Аланією, Руссю і Арабським халіфатом.

Ключові слова: Колтуновське городище, Олександрово городище, Візантія, Хозарія, фортифікація, цегла, фундамент, кріпосні стіни, алани, салтово-маяцька культура

Abstract. This article analyzes the design features of Koltunovskoe fort. The author came to the conclusion that the construction materials, which were used in the construction of the walls, have numerous parallels in byzantine architecture. Design features of walls and construction techniques, recorded on this monument, are in common with the byzantine architecture. Strict geometric shape repeats patterns of byzantine forts and is rooted in the layout of a roman camp. The appearance of the byzantine fortress architecture in the valley Tihaja Sosna in IX c., in the lands of the khazar's confederate alans of the Don, the author considers in the context of information of byzantine sources about construction of the Sarkel fort by byzantine specialists, led spafarokandidat Petrona Kamatir, on the request of kagan and bek of the khazars. It was in the interests of Byzantium and the khazars in connection with the general political situation in the IX c. between the Khazar's khannate, Byzantium, alans, russ and the Arab caliphate.

Key words: Koltunovskoe fort, Oleksandrovo fort, Byzantium, Khazaria, fortification, brick foundation walls, Alans, Saltovo-Mayak Culture.

Городище у села Колтуновка Алексеевского района Белгородской области (координаты 50,643886° северной широты и 38,823063° восточной долготы) было открыто автором в 1977 г. в процессе археологических разведок в долине Тихой Сосны по маршруту от ее устья до истоков [1, л. 1–14]. Оно находится в 1,5 км к востоку от села и в 0,5 км к северо-западу от железнодорожной станции Мотома на первой надпойменной террасе правого берега р. Тихая Сосна, возвышаясь над поймой на 7–10 м. У жителей Колтуновки это место известно под названием «Турецкая крепость» или «Юркова пасека». На составленных в 1964 г. топографических картах масштаба 1:100000 оно фигурирует под названием «урочище Пасека Мордовского» (Илл. 1). Расположенный рядом брод через Тихую Сосну являлся важным стратегическим отрезком пути на левый берег реки и далее на север. Не случайно в

документах XVII в. говорится о необходимости его усиленной охраны от татарских набегов. Мыс, на котором находится памятник, с двух сторон ограничен балками. За ними, с западной, южной и восточной сторон, вдоль по речной террасе разместилось селище салтово-маяцкой культуры. Судя по ареалу распространения подъемной керамики, площадь территории, активно эксплуатируемой средневековым населением, приближалась к 35 га. Прямоугольной формы городище (Илл. 2) со всех четырех сторон ограничено валами шириной около 10–13 м, скрывающими оплывшие стены. Внутренние размеры 187×112 м, внутренняя площадь – около 2,3 га. По углам городища прослеживаются легкие западины диаметром в 10 м, вероятно следы угловых башен. Сильно пострадали валы с северо-западной, юго-западной и юго-восточной сторон: в годы Великой отечественной войны на их гребне были устроены

ходы сообщений, защитные щели и другие военно-инженерные сооружения. Внутреннее пространство городища активно распаивается, культурный слой нарушен, а на поверхности встречаются фрагменты кухонной и столовой керамики салтово-маяцкой культуры, фрагменты амфор и большое количество осколков артиллерийских снарядов, мин и авиационных бомб. В центральной части городища на фоне чернозема хорошо просматривается холм.

Изучение материалов по истории освоения этой территории в XVII в. позволило установить, что этот памятник, под названием «Олександрово городище», впервые упоминается авторами отчета «Осмотр Калмиуского, Изюмского и Муравского шляхов и постройка там городов и разных укреплений 1637 г.», написанном по итогам поездки в этот регион Федора Вахромеева, Сухотина и Евсея Юрьева. «А от Черемховаго броду верст с 15 **Олександрово городище** стоит на осыпи. А под городищем плесо реки Сосны в длину по берегу сажень с 200, а через реку саж. с 15, а по мере тово городища в передней стене от Иловского лесу осыпи 20 с, а от осыпи до лесу с полверсты. А с дву сторон того городища по 40 с, въ четвертой стороне от реки от Сосны вверх горы 30 с. А длина городищу сверху 64 с., а поперег 57 с. А против **Олександрова городища** в Иловском лесу поляна терновая от городища с версту; а наперед сего в той поляне ставвали стоялые головы из городов из резапсково полку с Ельца. А по сказке оскольских станичников наперед сего под **Олександровом городищем** через реку Сосну хаживали станичники из Терновой поляны от стоялых голов и переезжали Калмиускую сакму к урочищу и к ... и верх Боучара. А татарове в тот брод не хаживали и ныне не ходят, а промеж **Олександрова городища** к Черемховаго броду по реке по Сосне иных бродов и перелазов нет – пришли камыши и ржавцы большие. А от **Олександрова городища** версты с 3 брод Чесночной, в длину тово броду по берегу и через реку по 10 с., брод мелок, с обе стороны береги сухие. А против тово броду с ногайской стороны сакмы камышом, до горы с полверсты, а от горы та сакма лежит ... вниз по реке по Сосне к Ольшанскому городищу подле Иловского лесу ... татарская сакма полово места с версту» [2, с. 5].

Локализация Олександрова городища не представляет затруднений. На карте – трехверстке (Ряд XXI, лист 17), составленной по старинным чертежам и изданной Картографическим Отделом Корпуса Военных Топографов, в этом месте обозначен хутор Чесношный, расположенный на левом берегу р. Тихая Сосна. В хутор ведет дорога с правого берега реки из деревни Русская Матренка, проходящая через деревню Муховка и далее к броду через реку напротив хутора Чесношный. Это и есть именно тот брод, который в «Осмотре 1647 г.» фигурирует как «брод Чесночный», расположенный в трех верстах от Олександрова городища. Второй ориентир – это Иловский лес, который сохранил свое название вплоть до настоящего времени. В завершении своего доклада участники экспедиции рекомендовали правительству провести следующие организационные мероприятия по военному обустройству этой территории: «А в Терновой поляне у **Олександрова городища** учинить стоялых голов, а ратных людей надобно 300 конных и с которых городов Государь укажет, а оберегати им Калмиуской сакмы вверх по Сосне к Черемховому и Каменному броду и **Олександрову городищу**» [2, с. 9].

Первоначально в опубликованной информации об открытии Колтуновского (Олександрова) городища мною было высказано мнение, что это позднее укрепление, относящееся, вероятно, к XVII–XVIII вв., и поставленное на селище салтово-маяцкой культуры [3, с. 96]. Поздних материалов там найдено не было. Фактически эта точка зрения опиралась не на полученные в процессе разведок археологические материалы, а на выводы С. А. Плетневой о том, что соседнее Алексеевское городище – это памятник XVII–XVIII вв., периода активной колонизации этих территорий Российским государством [4, л. 20–25]. Поскольку и Колтуновское городище, и Алексеевское городище располагались недалеко друг от друга, всего в 14 км, имели одинаковую форму прямоугольника, необычную для традиционных мысовых городищ носителей салтово-маяцкой культуры, интерпретация С. А. Плетневой Алексеевского городища была экстраполирована мной и на Колтуновское городище. Позже оказалось, что это был ошибочный подход к исторической интерпретации обоих памятников.

В 1985 г. в рамках выполняемой мной научной программы по изучению городищ населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с целью исследования конструкции вала и сбора данных для датировки Колтуновского городища было принято решение заложить раскоп-разрез, пересекающий северо-восточный вал у восточного угла городища (Илл. 3). Раскоп шириной 2 м протянулся в длину на 16 м, захватив центральную часть вала, а также его внутренний и внешний скаты. На этом участке ширина вала в основании доходила до 13 м. Внешний скат имел уклон в 14° , внутренний в 15° . Поверхность вала была хорошо задернована и видимые следы материала, из которого он сооружен, визуально начали прослеживаться после первого штыка (Илл. 4). В **квадрате В-1** раскоп прорезал нижнюю часть внутреннего склона вала. Под дерновым слоем толщиной 10–15 см находился слой чернозема толщиной 0,62–1,14 м. Ниже залегал материковый суглинок. В **квадрате Б-1** культурный слой имел более сложную стратиграфию. Было установлено, что здесь материковый суглинок перекрыт слоем чернозема (погребенной почвы) толщиной в западной части 0,4 м, а в восточной – 0,42 м. В восточной части квадрата погребенную почву перекрывала стена из сырцового и землелитного кирпича, сохранившейся высотой в 24 ряда кладки или 1,4 м. Внутренний фас стены, начиная с 19 ряда кладки, имел отрицательный угол наклона – около 10° по отношению к перпендикуляру от погребенной почвы. Верхняя часть стены от 19 до 24 ряда кладки, наоборот, – имела положительный угол наклона – около 70° . Можно предполагать, что если отрицательный угол наклона стены образовался в результате ее осадки в сторону внутренней части городища, то положительный угол верхней части стены образовался по причине естественного разрушения, размыва верхних рядов кладки сырцовой/землелитной стены. Последний вывод наглядно иллюстрирует разрез верхней части стены, на котором мы видим «сползание» крайних кирпичей на внутреннюю сторону стены. Горизонтальная зачистка стены на уровне 19 ряда кладки позволила установить, что она сложена в технике двухщитовой кладки. С внутреннего края стены был зафиксирован внутренний щит/облицовка толщиной 0,4 м. На всю высоту он

был выложен в один кирпич, причем кладка велась на известковом/меловом растворе (Илл. 5). Ядро стены представляло собой несвязанный с облицовкой монолит из полноформатного или половинчатого сырцового/земляного кирпича на глиняном растворе. К внутреннему фасу крепостной стены примыкал слой гумусированного суглинка, покрывавшего средневековую погребенную почву. От основания стены он протянулся на 2,6 м с уклоном в 30° , а его толщина у подошвы стены составляла 1,24 м. В восточной части квадрата гумусированный суглинок, поднимаясь к вершине вала, непосредственно подстилал дерн. В западной части склон гумусированного суглинка был перекрыт черноземом. Своим происхождением гумусированный суглинок связан с процессом разрушения сырцовых/землелитных кирпичей стены, вследствие чего суглинисто-гумусированный грунт скапливался у ее подошвы. В **квадрате А-1** располагалась большая часть исследованного участка стены. Ее основание покоилось на слое чернозема (погребенной почвы) толщиной 0,5 м. Отчетливо фиксировался наружный щит (облицовка) стены. Она была сложена на известковом/меловом растворе в один кирпич шириной 0,4 м на всю высоту и не имела перевязки с ядром стены, сложенным из кирпичей на глиняном растворе. Внешний фас сырцовой стены имел положительный угол наклона в $3\text{--}4^\circ$. В итоге удалось установить, что общая толщина сырцовой стены (ядро с двумя облицовками) составляет 3–3,1 м. К внешней облицовке из сырцовых кирпичей и параллельно ей примыкала другая стена, сложенная из меловых блоков. Она образовывала как бы еще одну облицовку сырцовой стены с внешнего фаса (Илл. 6). Так же как и сырцовая стена, стена из меловых блоков была сложена прямо на уровне средневековой дневной поверхности без углубленной в грунт субструкции. Сохранность стены плохая. Удалось зафиксировать развал целых блоков и их обломков, которые образовывали двухщитовую кладку. Внешний и внутренние щиты образовывали меловые блоки. Пространство между ними забутовывалось щебнем и заливалось меловым раствором. Судя по сохранившимся на поверхности внешнего фаса кирпичной стены отпечаткам меловых блоков, каменная стена облицовывала кирпичную на всю ее

высоту. Ширина каменной стены составляла 1,3–1,4 м. Общая толщина стены Колтуновского городища на этом участке составляла 4,3–4,5 м. С внешней стороны к меловой стене примыкала прослойка глины, перекрывающая древнюю погребенную почву. Ее толщина у внешнего ряда меловых блоков составляла 0,16 м, а затем постепенно уменьшалась и заканчивалась на расстоянии 2,2 м от меловой стены. Характер залегания глиняной прослойки и ее структура позволяют предполагать, что это глиняный натек, образовавшийся при строительстве стены. Это остатки глиняного раствора, стекавшего вниз в процессе работы по укладке сырцовых кирпичей. Глиняную прослойку перекрывала известковая/меловая прослойка толщиной 0,03–0,04 м и длиной 0,92 м. Своим происхождением она связана со строительством каменной стены из меловых блоков на известковом/меловом растворе, во время которого раствор через швы кладки стекал к основанию стены. Остатки кладки каменной стены и примыкающие к ним прослойки глиняного раствора и известкового/мелового раствора были перекрыты слоем щебня – продуктом разрушения каменной стены и ее щебневого заполнения. Наибольшую толщину (0,76 м) этот слой имел у внешнего фаса сырцовой стены, а затем постепенно понижался и на расстоянии 4,3 м от стены исчезал. Слой мелового щебня был перекрыт подстилающим дерн слоем чернозема, толщина которого у внешнего фаса сырцовой стены составляла 0,46 м. В нем изредка встречались вкрапления глины (остатки разрушившихся сырцовых кирпичей) и редкий меловый щебень (продукт разрушения стены из меловых блоков). В **квадрате Б-1** средневековую погребенную почву, также как и в предыдущем квадрате, перекрывала глиняная и известковая/меловая прослойки. Над ними располагались слой мелового щебня и подстилающий дерн слой чернозема.

Таким образом, проведенные полевые исследования показали, что под валом Колтуновского городища скрываются остатки крепостной стены. Она возводилась на уровне средневековой дневной поверхности без углубленной в грунт субструкции и состояла из двух конструктивных частей. Первая – это стена из сырцового/землебитного кирпича квадратной формы с размерами сторон от

27 до 46 см при толщине 3–6 см. Чаще всего использовался кирпич с размерами сторон 36–38×36×38×5,5 см, но изредка применялся и кирпич в половину формата. Кирпичная стена шириной 3–3,2 м и сохранившейся высотой в 1,5 м состояла из ядра толщиной в 2,3 м и облицовки, внешней и внутренней, толщиной 0,4 м каждая. Ядро стены представляло собой монолит кладки из сырцового/землебитного кирпича на глиняном растворе. Кирпичная облицовка была сделана на известковом/меловом растворе. Вторая конструктивная часть крепостной стены – это пристроенная к внешней облицовке кирпичной стены каменная стена толщиной в 1,3–1,4 м. При ее возведении применялись меловые блоки размерами 30–40×20–30×18–20 см. Общая толщина крепостной стены Колтуновского городища составляет 4,5–4,6 м. Время постройки этого памятника определяет керамика VIII–X вв., найденная в квадратах Б'-1 и В'-1 на уровне средневековой дневной поверхности, перекрытой продуктом разрушения крепостной стены [5, с. 10–16; 6, с. 4–11].

В 1990–1993 гг. материалы аэрофотосъемки этого памятника (залет Я-432-4/V-84, кадры 150–157) использовались мною (Илл. 7) для разработки метода дешифровки археологических объектов салтово-маяцкой культуры на базе системы «Микро-СВИТ». В итоге удалось выявить такие элементы структуры городища, которые невозможно было обнаружить при осмотре памятника на местности. Был четко зафиксирован уничтоженный к настоящему времени восточный отрезок южной стены городища, основание которой выделялось белой полосой на фоне чернозема. Зафиксирован отрезок средневековой дороги, подходящей к срединной части южной стены, что, в свою очередь указало на место расположения крепостных ворот. Методы аэрокосмического зондирования были применены и для исследования центрального участка городища, где прослеживалось овальное светлое пятно. Оказалось, что в этом месте грунт скрывает остатки какого-то овального или круглого в плане сооружения, которое по своей окружности имело каменную крепиду [7, с. 14–25].

Мне уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что геометрическая планировка стен Колтуновского городища и использованные при его возведении

строительные приемы и строительный материал находят параллели в укреплениях 4-го типа, расположенных в долине Тихой Сосны и Нижнего Дона. Прямоугольная форма памятника сближает Колтуновское городище с Алексеевским и Левобережным Цимлянским городищами. Устройство стен на уровне средневековой дневной поверхности без углубленного в грунт фундамента роднит Колтуновское городище с Маяцким, Верхнеольшанским, Алексеевским и Красным городищами в долине Тихой Сосны, а также с Левобережным Цимлянским, Семикаракорским и Камышевским городищами на Нижнем Дону. Использование при возведении стен сырцового кирпича сближает Колтуновское городище с Мухомудеровским, Алексеевским, Красным и Семикаракорским городищами. Стена из меловых блоков находит параллели в Маяцком, Верхнеольшанском, Правобережном Цимлянском и Камышевском городищах. Очерченный круг памятников свидетельствует о существовании в IX–X вв. в бассейне Дона двух регионов (долина Тихой Сосны и Нижний Дон), где в крепостном зодчестве фиксируются принципиально новые архитектурные традиции и строительные приемы, которые ранее были нехарактерны ни для алано-асо-фуртасского, ни для северокавказского, ни для оногуро-булгаро-хазарского, ни для славянского, ни для финно-угорского населения Юго-Восточной Европы [8, с. 89–132; 9, с. 123–150], а появляется здесь как новое явление в организации обороны территории.

Возникают вопросы о времени строительства этих фортификационных сооружений и об истоках воплощенных в них архитектурных и строительных традиций. Косвенное основание для ответа на первый вопрос дает нам информация о строительстве в 834–837 гг. Петроной Каматиром крепости Саркел для хазар. Об этом событии рассказывается в сочинении «Об управлении империей», чье авторство приписывается императору Константину VII Багрянородному (908–959 гг.) [10, с. 171–173], и в сочинении Продолжателя Феофана [11, с. 56, 57]. Этот отрезок времени соответствует поздним монетам из клада, найденного на Правобережном Цимлянском городище, которые представлены обломками дирхемов аббасидского халифа Харуна ар-Рашида (786–809 гг.). Установлен-

ная из контекста письменного источника дата строительства Саркела укладывается в хронологические рамки, полученные методом радиоуглеродного анализа древесины из стены Алексеевского городища. В 1976 г. А. М. Поливанов обнаружил в разрушенной части крепостной стены фрагмент обуглившегося дерева (вероятно остатки внутристенной деревянной конструкции). Фрагмент дерева был передан им для исследования в Институт зоологии и ботаники АН ЭССР. Согласно определению Э. Ильвеса, это была ель с 42-годовалными кольцами. На январь 1977 г. ее возраст составлял 1170 ± 40 лет, то есть фрагмент древесины можно датировать в пределах 767–847 гг. Таким образом, есть основания отнести строительство фортификационных укреплений данного типа и в долине Тихой Сосны, и на Нижнем Дону к первой половине IX в.

Для ответа на второй вопрос необходимо определиться с направлением поиска аналогий. Более полувека назад М. И. Артамонов при описании результатов раскопок выстроенного из кирпича Левобережного Цимлянского городища сделал предположение о том, что в технологии производства саркельского кирпича нет ничего византийского [12, с. 25]. Коллегами и учениками М. И. Артамонова оно было воспринято как неоспоримая аксиома. И в дальнейшем на много десятилетий эта идея сформировала в нашей науке «восточное» направление поиска аналогий и истоков архитектурных традиций памятникам типа Левобережного Цимлянского – Семикаракорского городищ. П. А. Раппопорт и С. А. Плетнева считали, что технологию производства кирпича строители Левобережного Цимлянского городища восприняли у средневековых жителей Орен-калы [13, с. 39; 14, с. 20]. С такой научной позицией трудно согласиться. Она основана исключительно на формальном признаке сходства размеров кирпичей Левобережного Цимлянского городища и Орен-калы. Исследователи упустили из вида три чрезвычайно важных обстоятельства. Во-первых, стены Орен-калы с кирпичами, сходными по размерам с саркельскими, лежат на культурном слое IX в. и относятся к третьему строительному периоду – X–XI вв. [15, с. 151, 173]. Они относятся к тому времени, когда Саркел уже давно был построен. Во-вторых, Орен-кала скрывает

остатки средневекового города Байлакан, который был занят арабскими войсками в середине VII в., после чего эта область входила в состав Арабского халифата вплоть до начала X в. Исследователи не учли общую политическую ситуацию между Византией, Хазарским каганатом и Арабским халифатом, сложившуюся в первой трети IX в., когда происходило возведение кирпичных крепостей на Дону. Трудно допустить, чтобы строители крупнейшего укрепленного района Арабского халифата в Закавказье – города Байлакан, могли участвовать в возведении фортификационных сооружений для своего исторического противника – Хазарского каганата, с которым они непрерывно воевали на протяжении более двух столетий. В-третьих, саркельский формат кирпичей можно найти и на соседствующих с Хазарией землях Византийской империи. Это приводит к выводу о том, что поиски истоков архитектуры и строительных приемов, воплощенных в Колтуновском городище, следует вести не только на закавказских территориях Арабского халифата, но и значительно ближе – в Византийской империи.

Несмотря на очевидную методическую ошибку формального подбора аналогий «хазарскому» кирпичу на закавказско-сасанидском направлении, эта позиция и сейчас иногда находит своих сторонников. На ней основывается В. С. Флеров при анализе параметрических характеристик семикаркорского кирпича. Он убежден в том, что использованный при возведении хазарских крепостей в бассейне Дона кирпич по своим размерам отличается от византийского, но сравнительный анализ материала не проводит и свои аргументы не излагает. Вслед за П. А. Рапопортом и С. А. Плетневой он видит генетические корни «хазарского» кирпича в Орен-кале – Байлакане эпохи Арабского халифата. В. С. Флеров игнорирует информацию первоисточника о поздней дате орен-калинских кирпичей и при полном отсутствии в своем распоряжении технологических характеристик для сравнительного анализа, делает весьма странный логический вывод о том, что хазары все же именно в Орен-кале заимствовали и технологию производства, и размеры кирпича [16, с. 158].

Точку зрения В. С. Флерова разделяет болгарский историк Б. Живков, который по-

вторяет ту же методическую ошибку. Для доказательства восточного происхождения «хазарского» кирпича он приводит параллели строительного материала из построек, возникших или позже возведения Саркела и Правобережного Цимлянского городища [17, с. 292, 293], или не имеющих никакого отношения к крепостному зодчеству предшествующего времени. Вероятно, автор не достаточно глубоко знаком с археологическим первоисточником для сравнительного анализа, с кирпичом из окружающих хазарский мир регионов (включая таманские византийские, крымские византийские, абхазские византийские и балканские византийские строительные материалы), где традиция возведения кирпичных сооружений начинается с эпохи античной колонизации понтийских регионов. По этой причине он уклоняется от сравнения параметрических характеристик «хазарского» кирпича с византийскими образцами. Слабость его позиции проявляется и в неиспользовании методов археологического и архитектурного анализа крепостного зодчества (стратиграфия, хронология, план и внутреннее пространство, динамика развития застройки), которые С. Ваклинов (Станчев) считал первостепенными при исследовании раннесредневекового болгарского монументального зодчества. Б. Живков не стал сопоставлять свои выводы с информацией позднеантичных и византийских письменных источников о производстве и размерах кирпича в империи, а так же уклонился от анализа информации нарративных документов о вкладе Византии в строительство крепостей для Хазарии. Степень его знакомства с работами в области позднеантичной, византийской, кавказской, ближневосточной крепостной архитектуры и строительных материалов [17, с. 341–376], к сожалению, ограничивает возможности автора проводить исследование такого сложного археологического источника как крепостная архитектура и строительные материалы Хазарского каганата. Все это создает впечатление явной тенденциозности в работе Б. Живкова, нацеленной на очередную попытку декларации многовековых среднеазиатских корней «болгарского» этномаркирующего следа в архитектурных традициях крепостного зодчества IX–X вв. в бассейне Дона и в археологическом материале салтово-маяцкой культуры, ко-

торые неизвестно каким образом передавались, неизвестно как сохранились и неожиданно нашли свое практическое воплощение на территории Хазарского каганата в виде совершенно сложившихся, законченных форм монументальной архитектуры.

В диссертационном исследовании историка Е. С. Галкиной особое место отводится изложению авторской версии исторической интерпретации крепостей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и, в частности, тех крепостей, которые были построены государственной властью (городища 4-го типа по типологии Г. Е. Афанасьева). Включаясь в дискуссию об истоках архитектуры подобных фортификационных сооружений, Е. С. Галкина, отстаивая свое базовое предположение о том, что эти крепости принадлежали иранцам Русского каганата, с которым враждовали тюрки Хазарского каганата, считает более обоснованной закавказско-сасанидскую версию М. И. Артамонова и П. А. Раппопорта. Это утверждение выглядит неожиданным, так как ни М. И. Артамонов, ни П. А. Раппопорт, ни их последователи – С. А. Плетнева и В. С. Флеров – никаких аргументов для обоснования своих позиций никогда не излагали, они лишь высказывали рабочее предположение в надежде на то, что будущие исследования его подтвердят. Е. С. Галкина пишет о том, что характер кладки и размеры кирпичей имеют прямые аналогии в иранской строительной технике, которая, согласно ее исследовательской парадигме, таинственным образом передавалась салтовцам через родственные иранцам Русского каганата сармато-аланские племена степей и через аланские племена Северного Кавказа [18, с. 434–460]. Возникает вопрос: о каких кирпичях и характере кладки может идти речь, если ни одна из четырех кирпичных крепостей в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья не изучались Е. С. Галкиной с задачей их сравнения с иранскими или византийскими оборонительными сооружениями? Сарматские и северокавказские аланские кирпичные крепости науке вообще не известны. Нет и научных исследований, в которых была бы представлена хронологическая цепочка реально существовавших в прошлом кирпичных фортификационных объектов и доказана тысячелетняя преемственность техники производства кирпича,

его размеров и техники кладки, исходящая с иранской территории через сарматское и аланское население Северного Кавказа к носителям салтово-маяцкой культуры Донецко-Донского междуречья. Все это делает точку зрения Е. С. Галкиной совершенно не обоснованной.

Рассмотрим строительные материалы Колтуновского городища. Возведение крепостных стен из кирпича – это обычное явление для тех районов византийской империи, где был недостаток в камне. Витрувий давал следующие рекомендации при выборе строительного материала: «Что же до материала, из которого должно выкладывать или строить самую стену, то тут нельзя ничего предписывать из-за того, что далеко не всюду можно иметь достаточное количество нужных запасов. Но надо пользоваться либо тесаным камнем, либо базальтом, либо бутом, или же либо обожженным, либо сырым кирпичом, – где что найдется» [19, с. 29]. Как известно, кирпичное зодчество Византии восходит своими истоками в римское время. Витрувий упоминает о кирпичах в пяти местах своего сочинения, подробно описывая их размеры. Самый маленький римский кирпич назывался бессалис. Он имел сторону размерами в две трети римского фута – около 20 см при толщине 4,5 см. Следующий по размеру кирпич – педалис имел сторону величиной в римский фут – 29,5 см и соответствовал греческому кирпичу тетрадорон. Далее идет сесквипедалис, со стороной, равной полутора футам – 44,3 см и, наконец, бипедалес, со стороной в два фута – 59 см. Греческие кирпичи тетрадорон имели сторону в 29,5 см, а пентодорон имели сторону в 36,9 см. Существовал и так называемый лидийский кирпич – лидион со сторонами 40×28×4 см. Эта римская традиция разнообразия размеров кирпича была наследована византийской строительной практикой.

Несмотря на бытующее мнение о том, что в Византии строительный кирпич имел стандартные размеры стороны около одного фута [20, с. 144], в действительности вариативность размеров византийских кирпичей была очень большой, как и писал Витрувий. Это наглядно показывают раскопки византийской мастерской в Khirbat el-Hannuna, расположенной в 2 км к западу от кибуца Нирам в Израиле. Найденные там сырцовые

и обожженные кирпичи имели размеры сторон от 10 до 40 см. При сравнении кирпичей Колтуновского городища с византийскими образцами необходимо иметь в виду и то, что в разных областях империи существовали свои местные линейные меры (римский фут, греческий фут, византийский фут и др.), которые были переменными. Существовали местные строительные традиции и представления об оптимальных размерах и пропорциях строительного материала. При осуществлении крупных государственных строительных проектов собирались мастера из самых различных мест Византии, поэтому на территории Византийской империи мы не находим примеров строгой стандартизации размеров использованного кирпича. Разница в размерах кирпича зависела и от традиционных размеров формовочных ящиков, и от состава смеси, влияющих на усадку при сушке и обжиге, которая составляла до 10 %.

Колтуновский кирпич был квадратной формы с размерами сторон от 27 до 46 см при толщине 3–6 см. Чаще всего использовался кирпич с размерами сторон 36–38×36–38×5,5 см, но изредка применялся и кирпич в половину формата. Ближайшие параллели кирпичам максимального формата мы находим на Красном городище, расположенном в долине Тихой Сосны в 58 км от Колтуновского городища. В процессе раскопок там найдены кирпичи прямоугольной формы размерами 50–55×25–30×7–8 см или 40×20×10 см, квадратные кирпичи размерами 40–46×40–46×7–8 см. Изредка квадратные кирпичи Красного городища достигали размеров 50–55×50–55×7–8 см [21, с. 204–225]. Раскопки Семикаракорского городища на Нижнем Дону также иллюстрируют большое разнообразие форматов сырцового и обожженного кирпича, который применялся при возведении крепостных стен. По первоначальным наблюдениям В. С. Флерова наиболее часто встречающиеся размеры сырцового кирпича приближались к 25×25×4–5 см, а обожженного – 26×26×6 см [22, с. 61]. Позже исследователь скорректировал свои выводы. Приведенная им статистика показывает, что стороны семикаракорского обожженного полноформатного кирпича варьируют в пределах 28–21,5 см, размеры же сырцового полноформатного кирпича – 30×30 см [23, с. 489–534]. В процессе раскопок Левобереж-

ного Цимлянского городища были найдены кирпичи, которые П. А. Раппопорт условно разделил на две группы, воспринятые С. А. Плетневой в качестве законченной типологии. Первая представлена кирпичами, имеющими размеры 24×24×5 см; 36×24×5 см; 24×12×5 см. Вторая группа – это кирпичи, имеющие размеры 27×27×7 см; 30×30×7 см, 34×34×7 см [13 с. 12–14]. Нетрудно заметить, что вариация в размерах кирпичей внутри второго типа значительно больше разницы в размерах между кирпичами первого типа и нижней границы второго типа. С методической точки зрения уже сам этот факт полностью отвергает предложенную типологию. Для создания подлинной типологии кирпичей, из которых строилось Левобережное Цимлянское городище, необходимо было исследовать как их количественные признаки, так и частотные, построить вариационный ряд. Можно сожалеть, что коллекционные описи кирпичей отсутствуют (за исключением хранящихся в Эрмитаже кирпичей со знаками [24, с. 163–169], а сам материал покоится на дне Цимлянского водохранилища. Следует признать очевидный факт: зафиксированные на этом памятнике размеры кирпичей колебались в пределах 24–34 см по сторонам и в пределах 5–7 см по толщине.

С. А. Плетнева и В. Н. Чхаидзе приводят информацию о том, что в расположенной на Таманском полуострове Таматархе из кирпичей размерами 40–42×20–22×6–7 см была сложена оборонительная стена, исследованная Б. А. Рыбаковым в 1952–1954 гг. [25, с. 21–28; 26, с. 122, 123]. Там же, на Тамани, в Фанагории, в ряде случаев было зафиксировано сооружение стен из сырцового половинчатого кирпича размерами 40–44×20–25 см [27, с. 397, 403, 409]. В процессе работ на «Береговом» раскопе А. Г. Атавин обнаружил кладку стены из сырцового кирпича размерами 30×?×10 см [28, л. 8]. В 1989 г. А. А. Завойкин и А. Г. Атавин на территории раскопа «Береговой» в восточном углу квадрата IVA открыли остатки средневекового дома, выходящего за пределы раскопа. Исследователям удалось установить, что пол этого помещения был вымощен сырцовыми кирпичами размерами 36×40×12 см [29, л. 17]. Параллели формату кирпича Колтуновского городища можно найти и в византийских памятниках Крыма. Близкие по размерам кирпичи извест-

ны в Херсонесе с позднеантичного времени. Следует упомянуть раскопанную Г. Д. Беловым под помещением V цистерну, предназначенную для хранения соленой рыбы. Ее дно было вымощено кирпичами размером 51×44 см [30, с. 222]. Кирпичи с размерами сторон в 44×35 см ($\frac{3}{4}$ полного формата) найдены М. А. Тихановой в апсиде базилики Мангупа, где ими был вымощен пол [31, с. 380]. На основании анализа материалов раскопок 1938 г. исследовательница датирует возведение мангупской базилики VI в. [31, с. 387]. В храме, построенном в IX в. на юго-восточном склоне г. Мангуп, В. Л. Мыц обнаружил обожженные кирпичи размерами 40×39×3 см, которыми также был вымощен пол [32, с. 60].

Большое разнообразие форматов кирпича зафиксировано в византийских памятниках Абхазии, среди которых имеются кирпичи, аналогичные по размеру колтуновским. По данным, опубликованным С. М. Сакания, прямоугольные кирпичи ($\frac{1}{2}$ полного формата) с длинной стороной в 50 и 40 см использовались при строительстве октогонального храма в городе Сухум, а кирпичи с размерами сторон в 47 и 40 см – в Цандрипшском храме. В Сухумской крепости и на Пицундском городище встречались квадратные кирпичи размерами 43,5–45×43,5–45 см [33, с. 955]. Л. Г. Хрушкова пишет о находках в мавританской октогональной церкви квадратных кирпичей со сторонами 35, 40, 40,5, 41,4, 42 см, а в купольной церкви в с. Драна обнаружен кирпич размерами 30×30 см [34, с. 218, 263].

Начиная с позднеантичных времен кирпичи с размерами сторон около 40 см широко бытуют в архитектурных памятниках на Балканах. В качестве примера можно указать кирпичи из Царичин Града, расположенного на юго-востоке Сербии. Среди многообразия размеров кирпичей, использовавшихся при возведении различных зданий в Царичин Граде, М. Еремич отмечает и прямоугольные, почти квадратные кирпичи размерами 43×40×6 см [35 с. 213–238]. Там же, на Балканах, при раскопках византийских базилик в Хисаре, построенных не позже VI в., в вымостке пола были обнаружены кирпичи размерами 47,5×46×4 см и 44×44×5 см вместе с кирпичами 34×32×4 см и половинчатыми кирпичами 32×15×3,5 см [36, с. 16–21]. В процессе строительства мавзолея Галлы Пладиции в Равенне был использован половинча-

тый кирпич размерами 43×25×10 см. Там же, при возведении над могилой Святого Апполинария базилики во второй четверти VI в., применялся кирпич со сторонами 50×34 см, что составляет $\frac{3}{4}$ полного формата кирпича.

Размеры кирпичей Красного городища хорошо укладываются в параметры сырцовых кирпичей, известных по раскопкам византийских памятников на Ближнем Востоке. К примеру, на южном побережье Синайского полуострова в Египте на территории жилого квартала византийского портового города на берегу Красного моря, М. Каватоко раскопал византийские постройки из сырцового кирпича, размеры сторон которого варьировали в пределах 40–49 см. Чаще всего встречались кирпичи со сторонами в 43 см, но некоторые экземпляры достигали 38 и 54 см. Там же были обнаружены фрагменты обожженного кирпича размерами 22×9 см и сырцовые кирпичи размерами 30×30 см [37]. Сырцовые кирпичи с размерами сторон около 40 см довольно обычны и для позднеантичных – византийских памятников Иордании. Сходные примеры представлены и в византийском фортификационном зодчестве Северной Африки. В материалах раскопок фортов Thabvdeos и Badias упомянуты кирпичи размерами сторон 40×40 см, а в фортах Ksar Graouch и Bourada встречались кирпичи с размерами длинных сторон от 46 до 60 см [38, р. 138]. Как видим, параметры кирпичей Красного городища находят широкие параллели в византийском провинциальном зодчестве.

Сохранившиеся экземпляры колтуновских каменных блоков имели размеры 30–40×20–30×18–20 см. Эти параметры аналогичны меловым блокам, из которых выложены стены Маяцкого городища. Результаты статистической обработки массового строительного материала Маяцкого городища показывают, что средние размеры мелового блока там составляли 41,8×29,5×22,3 см. Здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что среднестатистическая ширина блока практически равна величине византийского фута – 31,23 см (византийский фут был несколько больше римского фута (0,298 м), но немного меньше греческого фута (0,315 м)). Наконец, нельзя не заметить, что средняя толщина маяцких блоков – 22,3 см – приближается к византийской спифаме – 23,4 см (разница

11 мм). Общая закономерность состоит в том, что каменотесы Маяцкого городища стремились делать блоки длиной в 1 и $\frac{1}{3}$ византийского фута, шириной в 1 византийский фут, толщиной в $\frac{2}{3}$ византийского фута. Близкие размеры и пропорции каменных блоков характерны для ряда византийских фортификационных сооружений. В качестве одного из многочисленных примеров можно назвать римско-византийский форт III–VI вв. Табус, расположенный на берегу Ефрата в Центральной Сирии [39]. В 2004 г. он был обследован экспедицией Хельсинкского университета в процессе полевой отработки комплекса разнообразных методов дистанционного зондирования археологических памятников. Руины форта охватывают площадь размерами $300 \times 80 \times 100$ м, возвышаясь на 90 м над аллювиальной террасой реки. Крепостные стены этого треугольного в плане укрепления были облицованы щитами из мраморного камня средними размерами $40 \times 30 \times 20$ см, уложенными на известковый раствор. Эти размеры блоков аналогичны параметрам блоков Колтуновского и Маяцкого городищ.

В какой степени строительные приемы, воплощенные мастерами при возведении Колтуновского городища, соответствовали византийской строительной традиции в теории и в практике? Витрувий рекомендовал следующим образом устраивать фундамент для возведения на нем крепостных стен и башен: «... следует приступить к закладке фундаментов башен и стен, поступая следующим образом: копать ров до материка, если можно до него дойти, да и в самом материке, на глубину, соответствующую размерам возводимой постройки, и шириною больше будущих надземных стен, и заполнять его самой основательной каменной кладкой» [19, с. 28]. Казалось бы, устройство крепостных стен Колтуновского городища на уровне средневековой дневной поверхности не соответствует этим рекомендациям и говорит о примитивизме строительства, но это не так. Простейшие инженерные расчеты показывают, что один кубический метр кладки из полного кирпича, из которого было построено Колтуновское городище, весит 1700–2000 кг. Давление на грунт кирпичной кладки высотой 1 м составляет $0,17\text{--}0,2$ кг/см². Таким образом, грунт возвышенности (твердая глина высокой плотности с критическим значени-

ем 3 кг/см²), на котором расположился этот памятник, обладает достаточным сопротивлением для постройки на нем кирпичной крепостной стены на высоту около 15 м (в реальности она не превышала 3–4 м). Тезис о строительстве крепостных стен без углубленного в материк фундамента, как проявление примитивизма зодчих, в данном случае должен быть отвергнут.

В научной литературе можно встретить мнение о том, что возведение стен без углубленного фундамента является элементом хазарской строительной традиции [40, с. 549; 41, с. 124; 18, с. 434–460]. Это явное заблуждение. Во-первых, наша наука пока не знает образцов каменного или кирпичного крепостного зодчества, которое можно было бы обоснованно связать именно с хазарской строительной традицией (а не со строительной традицией хазарского времени). Во-вторых, история раннесредневековой архитектуры знает на территории Евразии большое количество примеров выдающихся архитектурных памятников, которые не имеют углубленных в материк фундаментов. Остановлюсь лишь на беглом перечислении некоторых примеров, относящихся к рассматриваемому времени. На востоке – кхмерские храмы, Кутуб-минар в Индии, на западе – башни Ирландии. Есть они и на византийских, и на древнерусских, и на северокавказских аланских территориях, и на донских аланских территориях. Чем же объясняется отсутствие углубленных фундаментов: примитивизмом зодчих, как полагают некоторые коллеги, или наоборот – точным расчетом и опытом архитекторов? Сопоставление фундамента Колтуновского городища с византийскими субструкциями затруднительно в связи с тем, что количество археологически хорошо изученных и опубликованных фундаментов византийских памятников невелико. Однако общее мнение исследователей состоит в том, что византийские фундаменты, строились исключительно исходя из конкретной ситуации [42, с. 243]. В этом отношении показательна территория Фессалоник. По характеру слагающих поверхность грунтов она подразделяется на три зоны. На одном участке материковая скала выходит на поверхность и создает хорошие условия для возведения сооружений без углубленных фундаментов. На другом – скальный материк покрыт напластованиями

красной глины. В третьем – гумусный слой перекрывает глиняное основание. В зависимости от распределения грунтов на территории Фессалоник византийские строители использовали здесь различные системы фундаментов.

Яркий пример устройства неуглубленных в материк субструкций дают нам позднеантичные – ранневизантийские памятники Центральной Иордании. К примеру, форт Даджания, одно из звеньев в цепи пограничных укреплений позднеимперского – ранневизантийского времени, имел в плане вид параллелограмма размерами 102,2×99,15×99,75×101,1 м. Его стены толщиной 2,25 м, выстроенные в технике двухщитовой кладки с заполнением, и сохранившиеся в настоящее время на высоту в 4 м, опирались не на углубленный фундамент, а на материковое основание [43, р. 276]. Иную субструкцию имели крепостные стены лагеря эль-Леджджун, расположенного в 78 км от форта Даджания. Лагерь эль-Леджджун имел в плане вид прямоугольника размерами 237,76×191,91×240,29×190,18 м, а его стены толщиной 2,4 м покоились на фундаменте, углубленном в грунт на 2,5 м [44, р. 115, 116]. На Ближнем Востоке традиция возведения стен без фундамента уходит еще в библейские времена. Можно вспомнить о раскопках в 1956 г. экспедицией под руководством М. Дотана в северной части Синайского полуострова форта Телл-е-Кудейрата, относящегося к VIII–VII вв. до нашей эры [45, р. 134–151]. Стены этого прямоугольного форта размерами 60×41 м, укрепленного по углам и в середине каждой стороны башнями, были заложены или в мелких траншеях или прямо на материковой поверхности. Население римского времени города Капернаум, родины апостолов Петра, Андрея, Иоанна и Иакова, практиковало строительство добротных одноэтажных домов из местного вулканического базальта, без фундамента и без раствора. Эта же традиция продолжалась на Ближнем Востоке и в византийское время. К примеру, в результате раскопок византийских зданий, осуществленных в 2006 г. Е. Штерн в местечке эд-Дамун в западной Галилее, установлено, что основания некоторых стен опирались прямо на поверхность, без применения углубленных фундаментов [46]. Центральное здание монастырского ком-

плекса V–VI вв., раскопанное в 1990–1992 гг. в местечке Кхирбет Абу Райш к северо-востоку от Хеврона, было построено без фундамента прямо на материковой поверхности, которая местами была выровнена землей и мелким камнем [47, р. 339–358].

Для понимания и правильной исторической интерпретации метода возведения крепостных стен Красного городища без углубленного фундамента важно обратить внимание на существование этой же строительной технологии на византийских территориях в Северном Причерноморье, там, где природные условия обеспечивали достаточное сопротивление грунта давлению стены при заданных ее параметрах. Для нашей темы интересна конструкция западной оборонительной стены Херсонеса по данным раскопок Г. Д. Белова в 1948 г. Он исследовал участок стены с наружной стороны до стыка первой и второй куртин. В результате раскопочных работ установлено, что кладка стен производилась методом возведения двухщитов из блоков, пространство между которыми заполнялось бутовым камнем на растворе извести с песком. В районе арки ворот раскоп был доведен до материка. Оказалось, что здесь стена покоится на слое материковой глины толщиной 0,2–0,3 м. При толщине стены в 4 м не наблюдалось никаких следов ее осадки или деформации. Время возведения исследованной части стены Г. Д. Белов определяет последней четвертью V в. На это указывают сходство техники кладки и строительного материала западной стены с башней Зенона, стратиграфическое расположение над склепами, датированными монетами IV в. н.э., на это указывает и датировка заполнения рва перед стеной, и ряд других аргументов [48, с. 237–245].

Крепостные стены без углубленных фундаментов прослеживаются и на других византийских укреплениях Крыма – Бакла, Аю-даг, Мангуп. Городище Бакла расположено на террасе у подошвы горы на высоте 470 м. Оно занимает площадь около 1 га и состоит из цитадели и посада. Неукрепленное поселение возникло на этом месте еще в начале V в., а ко второй половине VI в. относится начало строительства вытянутой вдоль обрыва цитадели шириной до 60 м и длиной до 200 м. На северо-восточном участке были исследованы участки укрепления строитель-

ного периода времен Юстиниана. Это были остатки башни и примыкающей к ней части крепостной стены, выложенной в технике двухщитовой кладки с забутовкой. Важно отметить, что эти участки оборонительного пояса были возведены на слое глины, перекрывающей скалу [49, с. 145]. Укрепления на вершине горы Аю-даг в Крыму ограждают территорию площадью 3,25 га и принадлежат средневековым жителям Партенита. Подсчитано, что общая длина оборонительного периметра, состоящего из крепостных стен, прямоугольных и полукруглых башен, составляет 693 м. Максимальная высота стен на наиболее сохранившихся участках достигает 3 м при ширине основания в 2–2,5 м. Объем каменных завалов позволяет полагать, что первоначальная высота стен была около 4,5 м. По мнению Л. В. Фирсова, стены сложены в типично византийской технике двухщитовой кладки из глыб местного диабазы длиной 0,2–0,8 м с забутовкой между щитами. Исследователь особо обращает внимание на то, что крепостные стены лишены субструкции: кладка велась прямо на уровне средневековой дневной поверхности. Собранный материал свидетельствует о том, что система оборонительных сооружений возводилась в VIII–X вв. [50, с. 113–133].

Важные строительные параллели Красному городищу дают укрепления Мангупа – центра византийских владений в горной Таврике, города Дорос. Первые оборонительные сооружения здесь возводятся во времена правления Юстиниана, а в дальнейшем они дополняются, перестраиваются и модифицируются. К IX–X вв. относится, по мнению А. Г. Герцена, строительство куртины «А» главной линии обороны. Интересной особенностью строительной техники, использованной при ее возведении, является то, что северо-западный фланг этой куртины (толщиной в 3,5 м при высоте около 5 м), в отличие от других участков крепостных сооружений, возводился не на фундаменте или скальном основании, а прямо на уровне средневековой дневной поверхности, на культурном слое толщиной 0,5–1 м, образованном не позднее VII в. При этом в кладке использовался раствор с примесью цемянки, что прямо указывает на специфику византийских строительных традиций. А. Г. Герцен осторожно пишет о параллелях в синхронных памятни-

ках крепостного зодчества салтово-маяцкой культуры [51, с. 75–80; 52, с. 112, 113]. Более однозначным выглядит мнение Ю. М. Могаричева, который приписывает строительство куртины «А» хазарам [41, с. 124].

С точкой зрения Ю. М. Могаричева согласиться трудно, особенно если учесть, что данный строительный прием зафиксирован в Крыму не только на византийских фортификационных объектах, но и в византийских церквях и жилых постройках. Так, например, раскопки церкви IX в. на северо-западном склоне г. Мангуп, проведенные В. Л. Мыцом в 1981 г., позволили установить, что стены храма, сложенные из известкового бута, стоят прямо на материковой глине [32, с. 60]. Аналогичный строительный прием был прослежен А. В. Гадло при раскопках трехнефной базилики VIII–X вв. у д. Пташкино на левом берегу р. Шаклар в 1962–1964 гг. Там кладка стен велась прямо на поверхности земли без углубленного фундамента [53, с. 138]. Другой показательный пример дают результаты археологических исследований средневекового христианского храма на горе Сююрю-кая (Карадаг). В. Г. Тур установил, что строительство сложенных без углубленного фундамента кладок VIII, IX, X и XI относится ко времени, предшествующему запустению и разрушению храма [54, с. 235–239], что, судя по монетам и другим находкам, произошло в середине XVI в. Наконец, способ возведения стен, не имеющих углубленного в грунт фундамента, фиксируется в раннесредневековом Крыму и в строительной практике жилых построек. На территории поселения, расположенного на левом берегу р. Бельбек, в процессе охранных раскопок в 1975–1977 гг. была исследована группа жилых и хозяйственных построек, которые, по мнению А. И. Романчук и Л. А. Омельковой, являются типичными для сельских поселений Таврики VIII–IX вв. Стены этих построек были сложены в виде двух панцирей из необработанного известняка, между которыми находилось заполнение мелким бутом на грязевом растворе. Важно отметить, что эти стены не были перевязаны в углах и были возведены без углубленного в грунт фундамента [55, с. 97]. Зафиксированные исследователями дилатационные (деформационные) швы в углах построек (отсутствие перевязки стыкующихся стен) представляют собой своего рода вер-

тикальный разрез в конструкции, разделяющий сооружение на отдельные блоки и, тем самым, придающий сооружению некоторую упругость. Устройство дилатационных (деформационных) швов в углах зданий является показателем многовекового высокого уровня архитектурных и строительных знаний, которые передавались только в результате практической деятельности. Есть все основания согласиться с мнением С. Б. Сорочана о том, что идея о хазарском вкладе в культуру средневекового населения Крыма сильно преувеличена [56, с. 44–57].

По своей конструкции крепостная стена Колтуновского городища может быть отнесена к характерному для римско-византийских фортификационных сооружений типу трехслойных стен, состоящих из двух щитов (внутреннего и внешнего) и заполнения между ними. Крайние (облицовочные) вертикальные ряды кладки с внешней и с внутренней стороны выполнены из сырцовых кирпичей полного формата без перевязки с центральным слоем стены. Они были сложены на известковом растворе белого цвета и хорошо прослеживались на внутреннем фасаде на всю сохранившуюся высоту стены. Здесь мы встречаемся с тем же приемом, что и в церквях Святого Ильи, Пантелеймона и Спасителя в Фессалониках, где кладка на глине была скрыта за известковым раствором, которым строители замазали швы [42, с. 127]. Техника кладки кирпичей внутреннего массива стены Колтуновского городища нерегулярная. Чаще всего кирпичи верхнего ряда перекрывают швы между кирпичами нижнего ряда, но иногда швы двух-трех рядов вертикальной кладки совпадают. Это, однако, не повлияло на прочность стены, так как примененный раствор светло-желтой или коричневатой глины заполнял практически все полости, образуя прочный кирпичный монолит стены. Горизонтальные ряды кирпичей располагались чаще всего на расстоянии 2–3 см. Толщина вертикальных швов составляла 1–3 см.

Ближайшую территориальную аналогию устройству каменной облицовки для кирпичного ядра стены Колтуновского городища мы находим на Таманском городище, где в 1952–1954 гг. проводила работы экспедиция под руководством Б. А. Рыбакова по изучению сохранившегося участка крепостной стены.

Установлено, что крепостная стена шириной 7,6 м (25 византийских футов) представляла собой сложное в конструктивном отношении сооружение, основу которого составлял вал, перекрытый стеной из сырцового кирпича и огражденной изнутри и снаружи каменными щитами. По мнению С. А. Плетневой, он был насыпан как внутреннее заполнение кирпичной стены – кирпичная кладка с наружной и с внутренней стороны вала являлась как бы его панцирями. С этим предположением трудно согласиться. Исследования конструкции средневековых щитовых крепостных стен (каменных и кирпичных) свидетельствует о том, что мероприятия по возведению щитов и засыпки внутристенного заполнения всегда производились одновременно, с тщательной нивелировкой заполнения стены и кладки панцирей. Кроме того, предусматривалась система анкерных креплений, которые гасили боковое давление забутовки на панцири, что предотвращало их от разрушения. Оборонительные валы облицовывались кирпичом или камнем (так называемая одежда крутостей) только в тех случаях, если возникала необходимость устройства кирпичных или каменных «одежд» для уже построенных и функционирующих валов, чей грунт уже достаточно осел и не имел тенденции к расползанию – боковому давлению на будущие кирпичные/каменные щиты крепостной стены. При этом отрезок времени, прошедший между этими двумя строительными периодами, может быть очень небольшим. Процесс обустройства лагерей, ранее защищенных земляными валами с палисадом или без него, путем обкладки старых валов сырцовым кирпичом хорошо документирован археологическими исследованиями римских лагерей и фортов в Паннонии [57, р. 208–215]. Вывод о том, что сооружение вала и кирпичной стены Таманского городища относится к разным строительным периодам (в пределах одной исторической эпохи), подтверждает находка кострища и фрагмента сосуда на вершине вала, под кирпичной кладкой. С их трактовкой, как остатков ритуальных манипуляций строителей, трудно согласиться ввиду полного отсутствия аргументов в пользу этого предположения.

В поисках аналогий конструкции крепостной стены Таманского городища интерпретаторы этого материала [25, с. 21–28; 26,

с. 120–131] не обратили внимание на имеющиеся византийские параллели. Однако, интуитивный вывод В. Н. Чхаидзе о том, что стену возводили местные строители, может все же указывать на признание исследователем возможности проявления в этом сооружении поздней провинциальной римско-византийской строительной традиции. Аналогию конструкции таманской стены мы находим на юго-западе Анатолии в стене позднего римско-ранневизантийского форта Pafenses. Он расположен у населенного пункта Тилли в месте впадения р. Бохансу в р. Тигр в 37 км к юго-западу от города Сиирт на юго-востоке Турции. Территория памятника занимает мыс на левом, северном берегу Тигра, в месте, где река встречается со своим притоком Бохансу и меняет течение с широтного на меридиональное. В 1985 г. К. Лайтфут совершил археологические разведки в этом районе с задачей найти остатки позднеримского, византийского форта, который в письменных источниках упоминался под названием Pafenses и являлся важной стратегической базой римских всадников во времена правления Константина II (337–361 гг.), будучи опорным пунктом в борьбе с персами [58, р. 509–529]. Вновь открытый форт располагался на треугольном мысу, ограниченном с запада Тигром, а с востока Бохансу. От основного массива берега этот мыс, вероятно, был отрезан рвом, следы которого хорошо прослеживаются на космических снимках, опубликованных Google. По своему периметру форт был укреплен крепостными стенами, остатки которых в большей степени сохранились к настоящему времени только со стороны Тигра. Крепостные стены форта, выходявшие на Бохансу, оказались практически полностью уничтоженными. В районе возвышенности в южной части памятника К. Лайтфут зафиксировал конструкцию стены на двух участках. В одном случае это была стена, сложенная из чередующихся слоев камня и керамической плитки. Для темы нашего исследования наибольший интерес представляет крепостная стена, зафиксированная исследователем на втором участке. Конструктивно она состояла из двух щитов, сложенных из бутового камня на известковом растворе, пространство между которыми заполнял массив кирпичной кладки. Археологические основания для датировки

форта Pafenses базируются на нумизматическом материале последней четверти III–IV вв. Как видим, в форте Pafenses К. Лайтфут выявил тот же принцип конструкции крепостной стены, который был зафиксирован на Таманском городище и на Колтуновском городище, на памятниках, относящихся к несколько более позднему времени.

На Ближнем Востоке эта строительная традиция охватывает и бытовые памятники. В качестве примера можно указать на раскопки Г. Серова и П. Нахшони в Израиле, в Horbat Ma'on (кибуц Нирым близ сектора Газа), в 700 м к западу от древней синагоги, раскопанной в 2006 г. Наибольший интерес представляют исследования территории «А», где сохранились культурные слои византийского, раннего исламского, средневекового и мамлюкского периодов. Установлено, что обнаруженные там остатки византийских строений принадлежат хорошо спланированному комплексу больших сооружений общественного назначения, состоящего из двух зданий, примыкавших к улице. Их стены шириной 0,8–1 м были сложены из сырцового кирпича и по внешнему фасу имели каменную облицовку. Каменная облицовка применялась и для оформления колон этого здания. Полученные материалы позволяют надежно датировать этот комплекс VI–VII вв. [59, р. 209].

Византийский автор сочинения «De Re Strategica» рекомендовал возводить крепостные стены толщиной в 5 византийских кубитов (2,34 м) [60, р. 171–227], что равно 7,5 византийским футам. Толщина крепостных стен Колтуновского городища в основании составляет 3–3,2/4,5–4,6 м, то есть 10/15 византийских футов. Можно напомнить, что толщина кирпичных стен Левобережного Цимлянского городища, которое строилось под руководством византийских специалистов, составляла 3,75 м или ровно 12 византийских футов. Такая же толщина стен зафиксирована и на Красном городище. Если сравнить эту величину с толщиной стен византийских фортов Северной Африки, Ближнего Востока и Балкан, то мы увидим их значительную вариабельность. Так, толщина византийских крепостных стен на северо-африканских территориях колебалась от 1,3 до 2,6 м, достигая чаще всего 1,9 м (в византийских линейных мерах этот пик приходится на 6 футов). Та-

кую толщину стен имели 13 из 36 византийских фортов, обмеренных в этом регионе Д. Принглом. Следующий пик приходится на форты с толщиной стен в 7 футов (9 объектов) и 8 футов (8 объектов). Однако византийская фортификация знает и более толстые стены. В Константинополе, например, стена Феодосия имела ширину 4,8 м, стены Карфагена – 5 м, 4,25 м, 3,6 м, крепостные стены Сергиополиса – 3 м, а стены Ситифиса и Дары имели толщину 3,75 м или ровно 12 византийских футов [38, р. 173–176]. Близкая толщина византийских крепостных стен зафиксирована в Дуросторе – 3,6 м [61, р. 69–71], что также сближает их со стенами Колтуновского городища.

Перейдем к вопросу о прямоугольном плане Колтуновского городища. Если его сравнить с планами оборонительных сооружений крупных византийских городов – Константинополя, Херсонеса, Зенобии, то станет ясно, что между ними нет ничего общего. Однако большое количество параллелей можно найти в памятниках византийского фортификационного зодчества на равнинных территориях в Северной Африке, в Сирии и Иордании, на Балканах и в Аджарии, четкая геометрическая планировка которых с полным основанием может рассматриваться как возможный прототип Колтуновского городища. Приведу некоторые из многочисленных параллелей. Одним из прекрасно сохранившихся до настоящего времени византийских фортов в Алжире является Тамугади (Тимгад). О времени его постройки сообщает Прокопий: это произошло в 13 год правления Юстиниана (1 апреля 539 г. – 1 апреля 540 г.). Строительство велось под руководством византийского патриция Соломона. Форт представлял собой прямоугольное сооружение размерами 111,25×67,5 м, площадью около 0,75 га. Его стены и углы были защищены восемью прямоугольными башнями. Стены толщиной 2,4–2,7 м были облицованы снаружи и изнутри каменными блоками. Забутовка между ними состояла из вторичного строительного материала и щебенки без скрепляющего раствора [62, р. 201–205; 38, р. 232–236]. Византийская крепость Тевесте, построенная Соломоном между 536 и 544 гг., была в десять раз больше Тамугади. Крепостные стены обрамляли прямоугольник размерами 290×260 м, площадью около 7,5 га.

Они имели толщину 2–2,1 м и поднимались на высоту 9–10 м. Техника строительства типична для этого времени: стены состоят из двух панцирей, сложенных из обработанных блоков, пространство между которыми заполнено щебнем и залито бетоном. Куртины были усилены 15 башнями, расстояние между которыми не превышало 95 м. В крепость можно было попасть через три воротных прохода, главными из которых были так называемые «ворота Соломона» [62, р. 179, 180; 38, р. 238–242]. Форт Ситифис был построен в 539–544 гг. Форт имел в плане прямоугольную форму размерами 158×107 м, площадью около 1,69 га. Одиннадцать башен, высота которых достигала 10–13 м, фланкировали куртины стен. В процессе раскопок в 1960 г. в 20 м от западной крепостной стены были обнаружены следы сухого рва шириной 5 м и глубиной 2–3 м. Второй отрезок рва, располагающийся у северной стены, был обнаружен раскопками 1977 г. [38, р. 227–229]. Форт Анастасиана возведен во времена правления Тиберия II Константина (578–582 гг.). Это было прямоугольное в плане фортификационное сооружение размерами 53×45 м, площадью около 0,24 га. Стены толщиной в 1,4 м сложены в типично византийской технике. Первоначально укладывались два параллельных ряда из каменных блоков, пространство между которыми забутовывалось щебнем на растворе. Куртины стены фланкировали восемь башен: по одной на каждом углу и по одной в срединной части каждой стороны [62, р. 283; 38, р. 181–183]. Византийский форт Лимиса в Тунисе сооружен во времена правления Маврикия (582–602 гг.). Форт располагался на склоне возвышенности в 0,5 км от руин римского города. Он был построен рядом со старой римской, но все еще действующей цистерной для сбора воды размерами 28,4×11,25 м при глубине 1,35–1,45 м. Вода стекала в цистерну по каменным трубам из родников. Размеры форта небольшие – всего 31,15×28,85 м, площадь около 0,1 га. Стены толщиной 2,2–2,25 м (юго-западная стена имела толщину 1,3 м) и высотой в 7 м были построены в типично византийской технике: две параллельные стены из каменных блоков, пространство между которыми заполнено щебенчатым раствором. Четыре угловых башни высотой в 12 м усиливали форт [62, р. 205–210; 38, р. 212–214].

Последовательная эволюция римского форта и его превращение в византийский форт прослеживается и на восточных границах Византийской империи. После того как римляне захватили набатейское государство, они построили так называемую *Via Nova Traiana*, протянувшуюся от современной южной Сирии до Красного моря на протяжении 430 км. В последующие годы здесь шло усиленное строительство фортов и наблюдательных башен, особенно усилившееся во времена правления Диоклетиана. Наглядным примером позднеимперского крепостного зодчества в этом регионе является форт ел-Леджджун [44 р. 111–121]. Он был построен около 300 г., разрушен землетрясением в 363 г., отстроен заново, активно использовался византийцами, вновь разрушен землетрясением в 505 г., опять восстановлен и вновь разрушен землетрясением в 551 г. Форт имел прямоугольную форму площадью 4,6 га. Углы фланкировались башнями. Кроме того, вдоль стен располагались еще 20 башен. В середине каждой крепостной сены находились ворота. После того как в 636 г. Византия навсегда потеряла ближневосточные провинции, покинутые ими крепости становятся образцом для подражания при возведении омейядских (660–750 гг.) «пустынных» дворцов и крепостей на территории современных Ливана, Иордании, Сирии, Ирака. В ряде случаев они документируют применение при сооружении крепостных стен тех форматов кирпича, которые традиционно считаются византийскими – 27×27 см, 31×31 см, 32×32 см, 34×34 см [63, р. 440–442, pl. 46].

Если же от южных и восточных границ Византийской империи перенестись к ее северным границам, то типологически близкий форт мы найдем на юго-восточном побережье Черного моря в 15 км от Батуми близ с. Гонио. Это – крепость Апсарос, расположенная в 1000 км к югу от Колтуновского городища [64; 65, с. 189–191]. Строительство укреплений, как место дислокации римского легиона, здесь началось еще в I–II в. Что же сближает Колтуновское городище и крепость Апсарос? В обоих случаях мы видим план прямоугольника, как и требовали римские инструкции по организации лагеря легионеров. Соотношение ширины и длины стен у Колтуновского городища составляет 1:1,56, а у крепости Апсарос 1:1,26.

Площадь сравниваемых памятников – 2,3 га и 4,8 га. Соответственно различаются и размеры сторон. Сопоставима и толщина стен этих памятников: Колтуновское городище – 3–3,2/4,5–4,6 м (10/15 византийских футов), крепость Апсарос – 3,1 м (10 византийских футов). В обоих случаях главные ворота располагались в середине узкой стены крепости. В обоих случаях они были ориентированы в сторону, откуда с большей вероятностью можно ожидать подхода противника. Как видим, в основе архитектурных истоков Колтуновского городища лежат те же принципы построения римского лагеря, которые были подробно описаны в античных письменных источниках, сохранены в византийских фортах и знакомы нам по хорошо изученным археологическим памятникам [66, р. 13–21]. Представленный материал позволяет заметить последовательную хронологическую цепочку развития прямоугольных в плане оборонительных сооружений римско-византийского форта с I–II вв. вплоть до IX в., когда было построено Колтуновское городище.

При анализе генетических корней плана Колтуновского городища возник вопрос о линейных мерах, использованных архитекторами при выносе проекта данного форта на местность. Разумеется, однозначно ответить на него можно только тогда, когда этот памятник будет полностью раскопан. Однако некоторые предварительные соображения можно высказать уже сейчас. Располагая планом городища и информацией о толщине крепостной стены на раскопанном участке, мы можем с определенной долей условности экстраполировать данные о толщине раскопанной части стены на все остальные участки стен форта. Трансформируя эти данные в византийскую систему линейных мер, становится очевидным, что при выносе проекта на местность архитектор разбил площадку размерами 625×400 византийских футов (в расчетах использовалась величина византийского фута, равная 0,3123 м). При этом толщина кирпичной стены проектировалась в 10 византийских футов, а вместе с дополнительно пристроенной к внешнему фасу стеной из меловых блоков равнялась 15 византийским футам. Эта же система линейных мер прослеживается и на соседнем типологически близком Колтуновскому – Красном городище [21, с. 204–225]. С внешней стороны этот

памятник имел следующие размеры: северная сторона – 78 м, восточная сторона – 78 м, южная сторона – 63 м, западная сторона – 78 м. Трансформируя эти данные в византийскую систему линейных мер, мы получаем размеры трапеции: 250×250×200×250 византийских футов. Толщина крепостных стен Красного городища в основании составляет 3,86–3,9 м, что равно почти 8 византийским кубитам или чуть больше 12 византийских футов. Изложенные выводы перекликаются с моими наблюдениями и на Маяцком городище. Там инструментальные обмеры крепости по внешнему периметру стен дают нам следующие величины: юго-западная, юго-восточная и северо-восточная стены – около 94 м каждая, а северо-западная стена – около 125 м. Переведа эти значения в византийскую систему мер длины в футах, мы получаем следующие результаты. Юго-западная, юго-восточная и северо-восточная стены имели в длину ровно по 300 византийских футов каждая, а северо-западная стена была длиной ровно 400 византийских футов. К этому можно добавить и расчеты, основанные на измерении толщины юго-западной, юго-восточной и северо-восточной стен на тех участках, которые не подвергались деформации в процессе разрушения сооружения. В среднем толщина юго-западной, юго-восточной и северо-восточной крепостных стен составляет около 6,2 м, что равно 20 византийским футам. Параметрические характеристики Левобережного Цимлянского городища приводят к аналогичным выводам. Если принять во внимание, что зафиксированная раскопками толщина крепостных стен составляла 3,75 м, и к параметрам крепости, указанным П. А. Раппопортом, прибавить толщину стен с обеих сторон крепости, то наружные размеры крепости будут равны 186,15×125,33 м. Трансформируя эти данные в византийскую систему измерений, мы получаем следующий результат. Крепость имела наружные размеры ровно 600×400 византийских футов. Протяженность куртин была около 100 футов, размеры угловых башен – 25×25 футов, размеры промежуточных башен – 15×15 футов, толщина крепостных стен – 12 футов. Ясно, что при проектировании крепости и выносе ее на местность архитекторами применялась именно византийская система линейных мер, выраженная в футах.

В качестве одного из примеров использования византийской системы линейных мер в фортификационном зодчестве на коренной территории Византийской империи можно привести монастырь Святой Екатерины на Синайском полуострове, основанный в IV в. Мать Константина Великого – Елена построила часовню «Неопалимая Купина» на месте, где Моисей видел чудо. В VI в. для защиты живущих там монахов по приказу Юстиниана были возведены крепостные стены. Прокопий Кессарийский так описывает это событие: «4. На этой горе Синае живут монахи, жизнь которых заключается в непрерывных размышлениях о смерти; ничего не боясь, они наслаждаются дорогой для них пустыней. 5. Так как они ничего не желают, и выше всяких человеческих страстей ни о каком стяжании не заботятся и не ухаживают за своим телом и во всех остальных отношениях не хотят себе никакой пользы, 6. то император Юстиниан выстроил для этих монахов церковь во имя богородицы, чтобы они могли проводить свою жизнь, молясь в этой церкви и совершая священнослужение. 7. Эту церковь он выстроил не на самой вершине горы, но много ниже: человеку невозможно проводить ночь на вершине этой горы, так как там в течение ночи слышатся постоянные шумы и всякие другие вызывающие религиозный страх явления, поражающие ужасом ум и волю человека. 8. Говорят, что отсюда некогда и Моисей принес полученные им от бога законы. 9. У подошвы этой горы император построил очень сильное укрепление и поместил здесь значительный военный гарнизон, чтобы варвары-сарацины не могли отсюда совершенно незаметно ворваться в области Палестины, так как страна эта, как я сказал, была пустыня. 10. Вот что было здесь сделано.» [67, книга 5, глава VIII].

Строительство крепостных стен монастыря Святой Екатерины велось под руководством архитектора Стефана родом из города Айла (современный порт Акаба на территории Иордании). В плане монастырь имеет вид трапеции, приближающейся к параллелограмму, с внутренними размерами 89×75×88×75 м. Толщина крепостных стен, сложенных из тесаных блоков твердого гранита, достигала 3 м. Если к указанным внутренним размерам прибавить двухкратную толщину стен (для получения размеров мо-

настыря по наружному периметру) и трансформировать эти данные в византийскую систему линейных мер, то станет ясно, что при выносе проекта монастыря на местность архитектором была размечена кратная 10 и 50 площадка размерами 250×300 византийских футов. При этом толщина крепостных стен проектировалась в 10 византийских футов. Сопоставляя византийские размеры Колтуновского, Красного, Маяцкого и Левобережного Цимлянского городищ с наблюдениями П. Андервуда [68, р. 64–74], изучавшего параметрические характеристики построек византийских архитекторов эпохи Юстиниана, мы находим общую закономерность: средневековыми архитекторами при выносе плана сооружений на местность применялись размеры, кратные 10 и 50.

Все вышеизложенное приводит нас к следующим выводам. Возведение крепостных стен Колтуновского городища в виде прямоугольника укладывается в римско-византийскую традицию организации долговременной обороны объектов различного таксономического порядка. Размеры внешнего периметра куртин Колтуновского городища и их толщина позволяют предполагать использование архитекторами византийской системы линейных мер. Площадь Колтуновского городища вписывается в рамки варьирования размеров площади византийских фортов. Строительство трехслойных (двухпанцирных) стен характерно для памятников римско-византийского круга. Практика возведения зданий без углубленного в грунт фундамента присуща тем регионам римско-византийского мира, где строительная площадка в силу своих геологических условий позволяла это делать. Формат сырцового кирпича, использованного при возведении стен Колтуновского городища, вписывается в параметры византийских кирпичей. Среднестатистические размеры меловых блоков Колтуновского городища свидетельствуют об использовании каменщиками византийской системы линейных мер при изготовлении строительных блоков. Все это позволяет усматривать в Колтуновском городище архитектурные и строительные традиции, ха-

рактерные для провинциального византийского крепостного зодчества, прослеженные ранее на Маяцком и Красном городищах, типологически близких Колтуновскому. Архитектурно-строительная, метрологическая, этнокультурная и хронологическая характеристики Колтуновского городища дают основания рассматривать его возведение в контексте информации о строительстве византийскими специалистами под руководством спафарокандидата Петроны Каматира крепости Саркел по просьбе кагана и бека Хазарии [11, с. 56, 57]. Строительством Саркела и образованием Херсонской фемы совместные оборонительные мероприятия Византии и Хазарии не ограничились. Базирующиеся на глубоком анализе византийских нарративных источников и эпиграфических памятников выводы дают веские основания полагать, что деятельность византийских архитекторов и строителей, направленная на укрепление обороноспособности Хазарии и Алании, привела к созданию цепи укреплений в бассейне Дона [69, р. 186; 70, р. 176] и в бассейне Кубани [71, с. 120–122]. Появление византийской строительной технологии, выявленной в архитектуре Колтуновского (Олександрова) и типологически сходных с ним городищ в долине Тихой Сосны и на Нижнем Дону, тесно сопряжено с общей политической ситуацией сложившейся в 30-х – 50-х гг. IX в. между Хазарским каганатом, Византией, Русью и Арабским халифатом. В. В. Седов считал, что построенная в долине Тихой Сосны цепь крепостей могла быть использована не только для обороны северо-западных рубежей Хазарского каганата, но и для покорения соседнего славянского населения в тот период времени, когда для Русского каганата в 30–40-х гг. IX в. создалась очень неблагоприятная политическая обстановка. Попытки Русского каганата установить контакты с Византией в 838 г. оказались безрезультатными и это, по мнению исследователя, привело к ответным акциям руссов, к нападению на византийскую Амастриду, поводом для чего послужило то обстоятельство, что построившие Саркел и другие хазарские крепости византийские архитекторы и мастера приплыли из этой византийской фемы [72, с. 74].

Литература:

1. Афанасьев Г. Е. Археологические разведки в долине Тихой Сосны // Архив ИА РАН. – М. – Р-1. – № 6959.
2. Багалея Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. / Д. И. Багалея // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Т. 2. – Вып. 1. – Харьков. – 1890. – 433 с.
3. Афанасьев Г. Е. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихой Сосны / Г. Е. Афанасьев // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. – Воронеж, 1983. – С. 89–101.
4. Плетнёва С. А. Отчёт Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции о работах летом 1962 г. // Архив ИА РАН. – М. – Р-1. № 2471.
5. Афанасьев Г. Е. Отчёт о раскопках Афоньевского могильника и Колтуновского городища в 1985 г. // Архив ИА РАН. – М. – Р-1 № 12961.
6. Афанасьев Г. Е. Колтуновское городище в системе обороны Салтовской земли / Г. Е. Афанасьев // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара, 1993. – С. 4–12.
7. Афанасьев Г. Е. Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии / Г. Е. Афанасьев // КСИА. – Вып. 210. – 1993. – С. 14–25.
8. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г. Е. Афанасьев // Археологические открытия на новостройках. – Вып. 2. – М.: Наука, 1987. – 199 с.
9. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона / Г. Е. Афанасьев – М.: Наука, 1993. – 178 с.
10. Багрянородный Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный – М.: Наука, 1989. – 494 с.
11. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Феофана Продолжатель – М.: Наука, 1992. – 347 с.
12. Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа / М. И. Артамонов // МИА. – № 62. – 1958. – С. 7–84.
13. Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела / П. А. Раппопорт // МИА. – № 72. – 1959. – С. 9–39.
14. Плетнёва С. А. Саркел и «шёлковый путь» / С. А. Плетнёва – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 167 с.
15. Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки на городской стене Орен-кала в 1953–1954 гг. / Н. В. Минкевич-Мустафаева // Труды Азербайджанской (Оренкалинской экспедиции). – МИА. – № 67. – 1959. – С. 148–173.
16. Флёров В. С. Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (эюд к теме фортификации) / В. С. Флёров // Хазарский альманах. – Т. 1. – Харьков. – 2002. – С. 151–168.
17. Живков Б. Хазария през IX и X век / Б. Живков – София: ИК «Гутенберг», 2010. – 377 с.
18. Галкина Е. С. Кочевая периферия восточных славян и древней Руси: этносоциальные процессы и политогенез. – Дис. ... док. ист. наук. – М. – 2006. – 641 с.
19. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Витрувий – М.: издательство «Архитектура», 2006. – 328 с.
20. Оустерхаут Р. Византийские строители / Р. Оустерхаут – Киев-Москва: издательство «Корвинпресс», 2005. – 332 с.
21. Афанасьев Г. Е., Красильников К. И. Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища / Г. Е. Афанасьев, К. И. Красильников // Проблемы археологии Кавказа. – М. – 2012. – С. 204–225.
22. Флёров В. С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону? / В. С. Флёров // РА. – 2001. – № 2. – С. 56–70.
23. Флёров В. С. Обожжённые кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) / В. С. Флёров // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7. – Донецк. – 2009. – С. 489–534.
24. Флёрова В. Е. Граффити Хазарии / В. Е. Флёрова – М.: Наука, 1997. – 172 с.
25. Плетнёва С. А. Оборонительная стена в Таматархе – Тмутаракани / С. А. Плетнёва // Историко-археологический альманах. – Вып. 6. – Армавир. – 2000. – С. 21–28.
26. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове / В. Н. Чхаидзе. – М.: Таус, 2008. – 327 с.
27. Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории / В. Д. Кузнецов, Л. А. Голофаст // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск–Новосибирск. – 2010. – № 1. – С. 393–429.
28. Атавин А. Г. Отчёт о работе Средневекового фанагорийского отряда в 1984 г. – М. – 1985 // Архив ИА РАН, Р-1 № 10320.
29. Завойкин А. А. Полевой отчёт о раскопках в Фанагории в 1989 году – М. – 1990 // Архив ИА РАН. Р-1. – № 14333.
30. Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. / Г. Д. Белов // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. – МИА. – № 4. – М.–Л. – 1941. – С. 202–267.
31. Тиханова М. А. Базилика / М. А. Тиханова // Археологические памятники юго-западного Крыма. – МИА. – № 34. – М. – 1953. – С. 333–389.
32. Мыц В. Л. Загородный храм и некрополь Мангупа / В. Л. Мыц // Античная древность и средние века. – Вып. 21. – Свердловск. – 1984. – С. 57–66.

33. Саканиа С. М. Строительная керамика в Абхазии в IV–IX вв. / С. М. Саканиа // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. – Вып. VIII. – М. – 2008. – С. 955.
34. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья / Л. Г. Хрушкова – М.: Наука, 2002. – 584 с.
35. Јеремиић М. Опеке Царичиног града / М. Јеремиић // *Зборник Радова*. – Ниш и Византија. – IV. – Ниш. – 2006. – С. 213–237.
36. Цонев Д., Маджаров К. Две новооткрити базилики в Хисар / Д. Цонев, К. Маджаров // *Археология*. – Кн. 1. – 1965. – София. – С. 16–21.
37. Kawatoko M. Archaeological Survey of the Rāya/al-Tūr Area on the Sinai Peninsula, Egypt. 2003 // http://150.48.245.51/seikabutsu/2003/01254/contents/0007_001.htm
38. Pringle D. The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest (An account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries) / D. Pringle – Oxford, BAR International Series 99 (i), 1981. – 610 p.
39. Lönnqvist M., Lönnqvist K., Stout Whiting M., Törmä M., Nunez M., Okkonen J. Documenting, Identifying and Projecting a Late Roman – Byzantine Fort Tabus on the Euphrates / M. Lönnqvist, K. Lönnqvist, M. Stout Whiting, M. Törmä, M. Nunez, J. Okkonen // CIPA 2005 XX International Symposium. – 26 September – 01 October 2005. – Torino. – Italy // <http://cipa.icomos.org/fileadmin/template/doc/TURIN/427.pdf>
40. Артамонова О. А., Плетнёва С. А. Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) / О. А. Артамонова, С. А. Плетнёва // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Вып. VI. – Симферополь. – 1998. – С. 539–624.
41. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму / Ю. М. Могаричев – Симферополь, 2005. – 192 с.
42. Липатов А. А. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты. – Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 487 с.
43. Godwin W. L. The castellum Da'jāniya (Area T) / W. L. Godwin // *The Roman frontier in Central Jordan*. – Vol. 1. – *Dumbarton Oaks*. – 2006. – P. 275–287.
44. Parker S. T. The Legionary Fortress el-Lejjūn / S. T. Parker // *The Roman frontier in Central Jordan*. – Vol. 1. – *Dumbarton Oaks*. – 2006. – P. 111–122.
45. Dothan M. The Fortress at Kadesh-Barnea / M. Dothan // *Israel Exploration Journal*. – 1965. – P. 134–151.
46. Stern E. Ed-Damun final report / E. Stern // *Hadashot Arkheologiyot. Excavations and Surveys in Israel*. – Vol. 122. – 2010: // http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.asp?id=1357&mag_id=117
47. Magen I., Baruch Y. Khirbet Abu Rish (Beit 'Anun) / I. Magen, Y. Baruch // *Liber Annus*. – № 47. – 1997. – P. 339–358.
48. Белов Г. Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле неё / Г. Д. Белов // *Археологические памятники юго-западного Крыма*. – МИА. – № 34. – М. – 1953. – С. 237–254.
49. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин – Симферополь, 1999. – 352 с.
50. Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма / Л. В. Фирсов. – Новосибирск, 1990. – 471 с.
51. Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа. – Дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1984. – 235 с.
52. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа / А. Г. Герцен // *Материалы по археологии, истории, этнографии Таврики*. – Вып. 1. – 1990. – С. 87–166.
53. Гадло А. В. К истории восточной Таврики VIII–X вв. / А. В. Гадло // *Античная древность и средние века*. – Вып. 17. – Свердловск. – 1980. – С. 130–145.
54. Тур В. Г. Археологические исследования средневекового христианского храма на горе Сюрюю-кая (Карадар) / В. Г. Тур // *Vita Antiqua*. – № 2. – 1999. – С. 235–239.
55. Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек / А. И. Романчук, Л. А. Омелькова // *Античная древность и средние века*. – Вып. 16. – Свердловск. – 1979. – С. 94–104.
56. Сорочан С. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминимум? / С. Сорочан // *Україна в Центрально-Східній Європі*. – № 7. – 2007. – С. 44–70.
57. Visy Z. The Border Defence of Pannonia / Z. Visy // *Hungarian Archaeology at the Turn of the Millennium*. – Budapest. – 2003. – P. 208–215.
58. Lightfoot C. S. Tilli – a Late Roman Equites Fort on the Tigris / C. S. Lightfoot // *The Defence of the Roman and Byzantine East*. – Part ii. – *BAR International Series*. – 297 (ii). – 1986. – P. 509–529.
59. Seriy G., Nahshoni P. Horbat Ma'on / G. Seriy, P. Nahshoni // *Hadashot Arkheologiyot. Excavation and Survey in Israel*. – № 116. – 2004: // http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.asp?id=48&mag_id=108
60. Lawrence A. W. A Skeletal History of Byzantine Fortification / A. W. Lawrence // *The Annual of the British School at Athens*. – Vol. 78. – 1983. – P. 171–227.
61. Angelova S., Buchvarov I. Durostorum in Late Antiquity (fourth to seventh centuries) / S. Angelova, I. Buchvarov // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. – Vol. 2. – Byzantium, Pliska, and the Balkans. – Berlin – 2007. – P. 61–88.
62. Diehl Ch. L' Afrique Byzantine. Histoire de la Domination Byzantine en Afrique (533–709) / Ch. Diehl – Paris. – 1896. – 644 p.
63. Bell. G. L. Palace and Mosque at Ukhaidir / G. L. Bell – Oxford. 1914. – 180 p.

64. Леквинадзе В. А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости / В. А. Леквинадзе // ВВ. – Т. 20. – 1961. – С. 225–242.

65. Мумуладзе Ш., Кахидзе Е., Халваши М. Гонио-Апсарос в позднеантичную эпоху / Ш. Мумуладзе, Е. Кахидзе, М. Халваши // Сборник кратких содержания докладов международной научной конференции «Археология, этнология фольклористика Кавказа». – Тбилиси. – 2010. – С. 189–191.

66. Petković S., Ružić M., Jovanović S., Vuksan M., Zoffmann Zs. K. Roman and Medieval Necropolis in Ravna near Knjaževac / S. Petković, M. Ružić, S. Jovanović, M. Vuksan, Zs. K. Zoffmann – Belgrade, 2005. – 342 p.

67. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. / Кесарийский Прокопий – М., 1996. – С. 138–297.

68. Underwood P. A. Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian / P. A. Underwood // Cahiers Archéologiques. – III. – 1948. – P. 64–74.

69. Vernadsky G. The Origins of Russia / G. Vernadsky – Oxford, 1959. – 354 p.

70. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453 / D. Obolensky – London, 1971. – 560 p.

71. Малахов С. Н. Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. / С. Н. Малахов // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. – М. – 2004. – С. 120–122.

72. Седов В. В. Древнерусская народность / В. В. Седов – М., 1999. – 316 с.

ПАЛЕОБОТАНІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ САЛТІВСЬКИХ ПАМ'ЯТОК ЛІСОСТЕПУ¹

Аннотація. Памятники салтовской культуры исследуются более 100 лет. При этом, палеоботанические исследования материалов до последнего времени практически не проводились. Предлагаемая статья является полным сбором палеоботанических данных из лесостепных памятников (Северско-Донецкий регион); материал проанализирован в течение последнего десятилетия.

Ключевые слова: салтовская культура, палеоботаника, культурные растения.

Abstract. Sites of saltov culture are research more that 100 years. In this case, paleobotanical study of materials until recently practically did not carry out. The pre-sent article is a complete collection of paleobotanical data from the forest-steppe sites (Severskiy Donetsk region); material analyzed during the last 10 years.

Key words: Saltov culture, paleobotany, cultural plants.

Пам'ятки салтівської культури понад 100 років привертають увагу дослідників матеріальних і культурних решток Хозарського каганату, відомих під назвою салтівської (салтово-маяцької) археологічної культури (середина VIII — середина X ст.). За доволі довгий період досліджень салтівських пам'яток накопичено значну кількість матеріалів, що дають змогу оцінювати ці складові життя носіїв салтівської культури. У цьому відношенні знаряддя землеробства не становлять винятку: велика кількість залізних деталей різноманітних форм для виконання землеробських робіт однозначно вказує на високий рівень розвитку цієї життєво важливої галузі. Доволі довго лише землеробські знаряддя слугували основою для оцінки рівня розвитку землеробства у носіїв салтівської культури.

Другою складовою, що дає не менше інформації для характеристики землеробства, є культурні рослини. Їхні дослідження дають змогу отримати відповіді на питання, які неможливо вирішити винятково у результаті аналізу землеробських знарядь. Втім, палеоботанічні (як і інші природничі) дослідження більш специфічні, ніж ті, що базуються винятково на археологічних даних. У результаті того, що для визначень методами природничих наук мінімально необхідним є хоча б зацікавленість дослідника пам'ятки у співпраці

з науковцями неархеологічних напрямків діяльності, такі визначення доволі часто залишаються не зробленими.

Загалом, розуміння того, що природничі дослідження в археології мають значний потенціал і можуть дати велику кількість важливої інформації, з'являлося поступово, з накопиченням матеріалів. Так, дослідження з палеоботаніки і археозоології стали масовими в середині 1950-х рр., що знайшло масове відображення у науковій літературі починаючи з 1970-х рр. (детально див.: [1, с. 15—20; 2, с. 20—28]). З огляду на вище викладене, певна затримка від часу виявлення матеріалу до моменту його аналізу методами природничих наук є цілком закономірною.

Аналогічна ситуація склалася і з палеоботанічними визначеннями матеріалів з пам'яток салтівської культури. Однією з перших спроб визначення є досвід В. А. Петрова щодо матеріалів з Саркела за результатами розкопок 1950-х рр.²: незначний за обсягом матеріал було досліджено в польових умовах, але надалі не було детальніше проаналізовано. У зв'язку з чим у науковій літературі результати аналізів визнано попередніми [3, с. 37]. Було встановлено існування серед палеоботанічних знахідок жита, пшениці (не вказано до виду), ячменю (не вказано до виду), конопель і проса [3, с. 37]. Якихось даних щодо кількості проаналізованого матеріалу, кількості ям / об'єктів і т. д. (з яких мож-

1) Дослідження проведено за часткового фінансування зі Стипендії від «Наукового Товариства ім. Шевченка в Америці», Фонду ім. Антона Савицького.

2) Матеріал зберігається в фондах Державного Ермітажу (Санкт-Петербург, РФ).

на було б отримати хоча б якусь інформацію щодо співвідношення вирощуваних культурних рослин) наведено не було.

З 1960-х рр. палеоботанічні визначення матеріалів салтівської культури проводилися для південних пам'яток — Керченського і Таманського півостровів, Криму ([4, с. 72—73; 5, с. 67]; визначення співробітників «Всесоюзного Інститута растениеводства»).

У 1974—1977 рр. К. І. Красильников проводив археологічні дослідження поселення Роголик, що знаходиться в степовій зоні (р. Євстуг, Станично-Луганський р-н, Луганська обл.). У 1977 р. в ході розкопок житла 20 виявлено значну кількість обгорілих зернівок культурних рослин. Матеріал, що становив понад 5 відер (близько 30 кг) проаналізовано Г. О. Пашкевич (тезово див.: [6, с. 17]; детально: [7]). До 2000-х рр. це фактично всі дослідження з палеоботаніки салтівських матеріалів. Зауважимо, що на перерахованих вище пам'ятках виявлено і досліджено обгорілі рештки зернівок культурних рослин; у випадку із Саркелом (наймасовіший, проте не проаналізований матеріал) — визначення визнано попередніми; інші наведені приклади характеризують одну або кілька проб, що не дають змогу провести статистичний аналіз матеріалів.

Від початку 2000-х рр. розпочато цілеспрямовані дослідження палеоботанічних матеріалів. Увагу було зосереджено на лісостепових пам'ятках салтівської культури, розташованих у Сіверсько-Донецькому регіоні. Для дослідження обрано метод цілеспрямованого пошуку інформації: огляд виробів з глини з метою зняття відбитків зернівок культурних і бур'янових рослин. Його вперше застосовано у колишньому Радянському Союзі наприкінці 1960-х рр. З. В. Янушевич [8]. Такий підхід відрізняється від попереднього тим, що він майже завжди приносить результати, незалежно від того, чи відбулася археологізація решток культурних рослин у давнину. Фактично, з часу переходу людських спільнот від привласнюючих форм господарювання до відтворюючих, відбитки зернівок культурних рослин на виробках з глини спорадично знаходять серед матеріалів будь-яких археологічних культур. Тим цінніша ця інформація, що за винятком зернівок проса на денцях усі інші зернівки майже завжди потрапляли до глиняного тіста випадково, а отже інфор-

мація про них може слугувати статистичною базою (випадковою вибіркою) для оцінювання розвитку зернового господарства. Тому такий метод інформативніший, ніж визначення випадкових знахідок обгорілих решток зернівок культурних рослин, що походять з незначної кількості об'єктів (у разі, якщо кількість таких об'єктів менша за мінімальну статистичну)³. Впродовж 2000-х рр. проведено аналіз матеріалів з шести пам'яток. Нині вже можна підбити певні підсумки щодо досліджень у цьому напрямі.

Досліджені пам'ятки (Лл. 1; Табл. 1)⁴

1. Верхній Салтів, комплекс: *городище, поселення, могильник* (Вовчанський р-н, Харківська обл.). Знаходиться на корінному правому березі р. Сіверський Донець. Досліджується з кінця XIX ст. Проаналізовано матеріали з розкопок 1947—1948 рр. катакомб С. А. Семенова-Зусера (фонди археологічного музею при ХНУ ім. В. Н. Каразіна), 1959—1961 рр. городища і селища під керівництвом Д. Т. Березовця (НФ ІА НАН України), 1996—1998 рр. поселення під керівництвом В. В. Колоди (фонди археологічної лабораторії ХНПУ ім. Г. Сковороди), 1998—2002 рр. городища під керівництвом Н. В. Чернігової (фонди археологічного музею при ХНУ ім. В. Н. Каразіна). Матеріал зібрано автором, проаналізовано Г. О. Пашкевич (детально див.: [9]; перша повна публікація: [10]).

2. Коропові Хутори⁵, *городище, поселення* (Зміївський р-н, Харківська обл.). Знаходиться на корінному правому березі р. Сіверський Донець. Досліджується з початку XX ст.; масштабні розкопки, з яких проаналізовано матеріал, проводив В. В. Колода у 2003—2007 р. (фонди археологічної лабораторії ХНПУ ім. Г. Сковороди). Матеріал зі-

3) За інформативністю і отриманням статистичних даних також доволі важливим є метод промивання ґрунту з заповнення об'єктів. В ідеалі, найкращим варіантом є поєднання обох методів цілеспрямованого пошуку інформації й співставлення результатів, що частково коригують один одного, а також взаємно доповнюють. Однак, в реальних умовах археологічних розкопок може не бути відповідних можливостей для проведення флотації.

4) Нумерація пам'яток (в алфавітному порядку) відповідає номерам на карті-схемі (Лл. 1) і в Табл. 1.

5) У науковій літературі є два варіанти написання назви пам'ятки: Коропові Хутори, Коробові Хутори. Друга назва з'явилася пізніше.

брано автором, проаналізовано Г. О. Пашкевич (детально див.: [9]; перша повна публікація: [11]).

3. Мохнач, *городище* (Зміївський р-н, Харківська обл.). Знаходиться на корінному правому березі р. Сіверський Донець. Досліджується з кінця XIX ст.; масштабні розкопки проводив В. В. Колода, починаючи з 2001 р. Проаналізовано матеріали до 2008 р. включно, у 2008 р. — включаючи матеріали, що не увійшли до колекції зберігання (фонди археологічної лабораторії ХНПУ ім. Г. Сковороди). Матеріал зібрано автором, проаналізовано Г. О. Пашкевич (детально див.: [9]; перша повна публікація: [12]).

4. Мохнач П, *поселення* (Зміївський р-н, Харківська обл.). Знаходиться на корінному правому березі р. Сіверський Донець. Відоме завдяки розвідкам Середньовічної археологічної експедиції ХНПУ ім. Г. С. Сковороди у 2008 р. Археологічні роботи проведено під керівництвом В. В. Колоди у 2009, 2011 рр. Переглянуто у тому числі матеріал в польових умовах, що не увійшов до основної колекції зберігання (фонди археологічної лабораторії ХНПУ ім. Г. Сковороди). Матеріал зібрано і проаналізовано автором (детально див.: [13, с. 149]; публікується вперше).

5. П'ятницьке I, *поселення* (Печенізький р-н, Харківська обл.). Знаходиться на лівому березі р. Велика Бабка, правому притоку р. Сіверський Донець. Відоме з середини XX ст.; дослідження, матеріали з яких проаналізовано, проведено під керівництвом В. І. Квітковського у 2009 р. Переглянуто у тому числі матеріал у польових умовах, що не увійшов до основної колекції зберігання (фонди археологічної лабораторії ХНПУ ім. Г. Сковороди). Матеріал зібрано автором, проаналізовано Г. О. Пашкевич (детально див.: [14]; перша повна публікація: [15]).

6. Чугуїв, *городище* (м. Чугуїв, Харківська обл.). Знаходиться на корінному правому березі р. Сіверський Донець. Досліджується з середини XIX ст. Археологічні дослідження проведено експедицією під керівництвом Г. Є. Свистуна у 2004—2007 і 2009 рр. Переглянуто увесь матеріал (фонди Художньо-меморіального музею І. Є. Рєпіна). Матеріал зібрано і проаналізовано автором (детально див.: [16]; перша повна публікація: [17]).

Палеоботанічні спектри⁶ пам'яток за кількістю відбитків зернівок культурних рослин на виробках з глини показують, що просо становить понад половину відбитків (Лл. 2; Табл. 1). Загалом відбитки зернівок представлені типовим набором.

Розміри зернівок (Лл. 3; Табл. 2)⁷

Просо (*Panicum miliaceum*). Серед відбитків злаків на виробках з глини у найбільшій кількості знайдені відбитки проса, пшона (зернівок без лусочок) і його плівок. Просо має такі розміри: 1,4—2,2 × 2—2,9 мм. Відбитки зернівок без плівок відповідно мають діаметр 1,4—1,8 мм.

Ячмінь плівчастий (*Hordeum vulgare*) має такі розміри: ширина зернівки (В) коливається в межах 3—4,5 мм; довжина (L) — 7,5—9 мм. Відповідно співвідношення L/B знаходиться в межах 2,3—2,5. *Ячмінь пляшкоподібний* (*Hordeum vulgare* var. *lagunculiforme*) з досліджуваного регіону відомий лише з матеріалів Верхнього Салтова. Його розміри такі: В — 3—3,7 мм, L — 8,2—10 мм. Характерною ознакою такого ячменю є потенційна шестирядність, оскільки бічні колоски в кожній трійці не сидять, а мають ніжку довжиною від 1 до 3 мм. У даному випадку ніжка складає в середньому 2,5 мм. Виявлено також один відбиток ячменю голозерного (*Hordeum vulgare* var. *coeleste*).

На кераміці з салтівських пам'яток досліджуваного регіону відомі відбитки зернівок *пшениці*. Вони належать до трьох її різновидів — *двозернянки* (*Triticum dicosson*), *однозернянки* (*Triticum monocosson*), *плівчасті*, *голозерні* (*Triticum aestivum* s. l.). Розміри плівчастої пшениці, двозернянка: В — 2,5—3,6 мм; L — 5,8—7,8 мм; L/B — 2,2—2,9; однозернянка (1 відбиток з поселення Мохнач П): В — 3,2 мм; L — 5,8 мм; L/B — 1,8. Голозерні характеризуються меншими розмірами: В — 1,6—4 мм; L — 4,5—6,4 мм; L/B — 1,5—2,4.

Жито (*Secale cereale*), основні розміри: В — 2—2,9 мм; L — 6—9 мм; L/B — 2,6—3.

6) Базові поняття: палеоботанічний спектр (ПБС) і палеоботанічний комплекс (ПБК) див.: [18].

7) Дано зведену таблицю (Табл. 2) і рисунок (Лл. 3) лише відбитків зернівок культурних і бур'янових рослин з поселення Мохнач П, оскільки ці матеріали публікуються вперше; варіабельність розмірів зернівок з інших пам'яток див. у відповідних публікаціях.

Виявлено також відбитки *vivca* (*Avena* sp.). Його розміри: В — 2,2–3,2 мм, L — 8,2–9,2 мм; L/B — 2,8–3,2.

Серед відбитків зафіксовано також *gorox* (*Pisum sativum*) у незначній кількості. Його діаметр становить 4–5,8 мм.

Розміри відбитків зернівок бур'яну *столосу* (*Bromus* sp.: *B. secalinus*, *B. arvensis*) знаходяться в межах: В — 1,7–2,2 мм, L — 5,6–7,3 мм; L/B — 2,5–3,8.

Зернівки з пам'яток досліджуваного регіону в цілому мають подібні розміри і пропорції.

При складанні палеоетноботанічних спектрів основних зернових культур за масою з матеріалів виключено кількість відбитків зернівок проса, виявлених на дніщах тощо: Верхній Салтів — 32 од., Мохнач — 13, Мохнач П — 0 (оскільки кількість відбитків на денцях не підраховувалася), Коропові Хутори — 5, П'ятницьке I — 0, Чугуїв — 3 (в незначному фрагменті обмазки).

Для того, щоб з'ясувати різницю між зернівками, ми не знайшли можливості скористатися «археологічними» матеріалами: відбитки зернівок можуть дати лише приблизне уявлення про різницю в розмірах (чим ми послуговувалися раніше); викопні рештки зазвичай представлені обгорілим матеріалом, що практично зводить нанівець спробу встановити індекси різниць зернівок. Оскільки кожному виду зернівок культурних рослин притаманні різні відсотки їхніх складових, що під дією вогню вигорають нерівномірно і, відповідно, зернівки втрачали різну частку маси, результати їх зважування також спотворені.

Єдиний вихід ми вбачаємо в певній допустимій «модернізації»: порівняти між собою кількість зернівок різних культурних рослин одного року врожаю однакових за масою зразків. З цією метою було зважено проби по 10 г зернівок основних культурних рослин (просо, ячмінь плівчастий, тверда пшениця — для характеристики двозернянки, м'яка пшениця — для характеристики голозерних, жито, овес) і перераховано вміст цих проб. В них виявилось:

просо	ячмінь плівчастий	тверда пшениця
1285	232	207

м'яка пшениця	жито	овес
227	266	375

зернівок. Беручи за базову одиницю вимірів найменшу із зернівок, просо, проводимо перерахунок зернівок для встановлення індексу (1 зернівка ... культурної рослини = n зернівкам проса):

просо	ячмінь плівчастий	тверда пшениця
1	5,5	6,2
м'яка пшениця	жито	овес
5,7	4,8	3,4

Усі подальші статистичні розрахунки проведено саме на цій основі (Лл. 4). Результати кластерного аналізу показали 80%-у подібність отриманих результатів: найбільшу (87 %) демонструють пам'ятки Мохнач і Верхній Салтів, найменшу (80,6 %) — групи Чугуїв, Мохнач П, Коропові Хутори / П'ятницьке I, Мохнач, Верхній Салтів (Лл. 5).

З-поміж представлених порівнюваних зернових культур чітко помітні подібні і відмінні риси. У першу чергу звертає на себе увагу незначна кількість проса у всіх ПБС: від 5,7 до 9,6 %. Також невеликими долями представлено овес — від 0 (у двох випадках) щонайбільше до 7,2 %. Пара пшениці плівчаста—голозерні завжди представлена з переважанням останньої: мінімум на 3 %, максимум на 24 %. Пшениця двозернянка (плівчаста) представлена мінімум 4,5 % (у двох випадках), максимум майже 1/4 (в одному); загалом в 4-х випадках показник незначний. Мінімальний показник пшениць голозерних — 11,8 %; п'ять інших показників знаходяться в межах приблизно від 1/4 до 1/3 від загальної маси зернівок.

Нестабільні й показники жита: мінімальний показник — 3,4 %, максимальний — 30 %. Крім того, про вирощування жита свідчать і знахідки відбитків супутнього бур'яну — столосу (див. Табл. 1). Прикметно, що саме на кераміці з пам'ятки, де виявлено мінімальну кількість жита (П'ятницьке I), не виявлено жодного відбитка цього бур'яну.

Певну стабільність показників демонструє ячмінь плівчастий: у трьох випадках він представлений приблизно половиною усього ПБС, у трьох інших становить 1/5—1/4 частку. У останніх його місце в ПБС переважно займає пара пшениці голозерні—жито. Загалом об'єднані дані цієї пари становлять від 1/3 до майже 2/3.

Ячмінь плівчастий разом із просом та плівчастою пшеницею є однією з найдавніших культурних рослин, вирощуваних на території сучасної України [19, с. 23]. Це пояснюється їх невибагливістю та властивостями. Адже для вирощування означених рослин підходить будь-який тип ґрунтів. Крім того, просо не вимагає глибокої оранки. Більше того, такий обробіток ґрунту не бажаний і призводить до уповільнення проростання зернівок [20, с. 9]. Ячмінь не примхливий до кліматичних умов, родючості ґрунту та агротехнічних можливостей; може рости на менш родючих ґрунтах, ніж пшениця, витримує легку засоленість. Завдяки цьому посіви ячменю займають великі площі, і він є однією з важливих зернових культур на Землі. Ячмінь плівчастий належить до посухостійких та швидкостиглих культур [21, с. 188]. У південних районах інколи встигають отримати по два врожаї цієї зернової культури. Відомо, що в Грузії, якщо пшениця не зійшла, висівають ячмінь, і він навіть у разі пізнього посіву встигає дати врожай [22, с. 81]. Крім того, ячмінь плівчастий цілком міг вирощуватися не лише для людських потреб, а й для відгодівлі тварин, що може визначати його важливу роль незалежно від змін у рівні розвитку агротехнічних можливостей.

На відміну від них, пшениці голозерні й жито повинні вказувати на підвищення рівня розвитку обробітку ґрунту. Адже найважливішим фактором, що дав змогу культивувати і широко застосовувати їх в землеробстві, було вдосконалення орних знарядь. Дослідники пов'язують широке впровадження жита з появою залізних наконечників, що давали змогу робити глибшу та якіснішу оранку [23; 24, с. 98—99]. Таким чином, вирощування жита і пшениць голозерних у суттєвих кількостях цілком можуть маркувати вдосконалення орних знарядь та пов'язаних з цим агротехнічних можливостей древніх землеробів.

Ячмінь не лише зернова культура, але й фуражна і використовується для годівлі ко-

ней і під час відгодівлі свиней на бекон. У середньовіччі ячмінь навіть називали «кінським», оскільки він «кормит скотину лучше, чем пшеница, и людям здоровее, чем плохая пшеница» [25, с. 18]. У господарстві використовуються також солома і полова, що мають якості, які наближують їх до сіна [26, с. 124].

Як уже зазначалося, крім значної кількості відбитків жита, на його культивування як окремої культури опосередковано вказує знахідка стоколосу. Обидва його види — стоколос житній та стоколос польовий нині належать до засмічувачів озимих посівів, переважно жита [27, с. 5—7]. В археологічній літературі прийнято вважати, що вони маркують вирощування озимого жита (див., напр.: [28, с. 333; 29, с. 210] та ін.). Жито можна використовувати для приготування їжі, а також для відгодівлі худоби. Солома жита може бути використана для відгодівлі великої рогатої худоби в зимовий період.

Також для годівлі худоби використовують овес. Цікаво зазначити, що перелічені культурні рослини (ячмінь плівчастий, жито, а також овес) в ПБС становлять від половини до 70 %. Винятком є лише показники Чугуївського городища, де зернівки культурних рослин, що могли бути використані для годівлі худоби, становлять усього 30 %. Можливо, така тенденція відповідає формуванню міста і (як наслідок) споживання, а не відтворення сільськогосподарських продуктів [17] (у тому числі відсутність потреби у відгодівлі тварин).

Література

1. Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. — К.: Академперіодика, 2007. — 198 с.
2. Горбаненко С. А. Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. — I тис. н. е.) / С. А. Горбаненко, Г. О. Пашкевич. — К.: Академперіодика, 2010. — 316 с.
3. Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа / М. И. Артамонов // МИА. — 1958. — № 62. — С. 7—84.
4. Баранов И. А. Таврика в эпоху средневековья (салтово-маяцкая культура) / И. А. Баранов. — К.: Наук. думка, 1990. — 168 с.
5. Пономарев Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) / Л. Ю. Пономарев // Салтово-маяцкая археологическая культура: проблемы та дослідження. — 2012. — Вип. 2. — С. 67—78, 130—132.

6. Пашкевич Г. А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.: Каталог II / Г. А. Пашкевич. — Препр. — Киев, 1991. — 47 с.

7. Пашкевич Г. А. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам поселения Роголик) / Г. А. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Древности. — Харьков, 2004. — С. 225—236.

8. Янушевич З. В. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья / З. В. Янушевич, В. И. Маркевич // Интродукция культурных растений. — Кишинев, 1970. — С. 83—110.

9. Колода В. В. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне / В. В. Колода, С. А. Горбаненко. — К.: ИА НАН Украины, 2010. — 216 с.

10. Пашкевич Г. А. Приложение. Результат палеоэтноботанических исследований материалов из Верхнесалтовского археологического комплекса / Г. А. Пашкевич, С. А. Горбаненко / Колода В. В., Горбаненко С. А. К вопросу о средневековом земледелии (по материалам Верхнесалтовского археологического комплекса) // *Stratum plus*. — 2001—2002. — № 5. — С. 460—463.

11. Колода В. В. Землеробство жителів салтівського селища Коробові Хутори / В. В. Колода, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 82—92.

12. Колода В. В. Землеробство салтівської культури (за матеріалами Мохначанського городища) / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // *Vita antiqua*. — 2009. — № 7—8. — С. 261—280.

13. Колода В. В. Археологические исследования ХНПУ на территории Харьковской обл. в 2008 г. / В. В. Колода, В. И. Квитковский // АДУ 2008. — 2009. — С. 146—149.

14. Квитковский В. И. История археологических исследований многослойного селища Пятницкое-I Печенежского района Харьковской области / А. И. Квитковский // Слобожанське культурне надбання: Збірка статей учених з пам'яткоохоронної роботи. — Харків: Курсор, 2009. — Вип. 2. — С. 85—91.

15. Квітківський В. І. Матеріали з землеробства жителів поселення П'ятницьке I / В. І. Квітківський, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Археологія. — 2011. — № 3. — С. 122—128.

16. Свистун Г. Є. Чугуївське городище. Археологічні дослідження у 2009 р. / Г. Є. Свистун. — Харків: Мачулін, 2010. — 100 с.

17. Свистун Г. Є. Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугуївського городища салтівського часу / Г. Є. Свистун, С. А. Горбаненко // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. — Харків, 2011. — Вип. 1. — С. 75—86, 136—143.

18. Кравченко Н. М. Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) / Н. М. Кравченко, Г. А. Пашкевич // Археология и методы исторических конструкций. — К., 1985. — С. 177—190.

19. Пашкевич Г. А. Культурные растения Украины от неолита до средневековья (по палеоэтноботаническим материалам): Дис. ... д-ра биол. наук в форме науч. докл. 03.00.05 / Г. А. Пашкевич. — Киев: Ин-т ботаники АН Украины, 1992. — 46 с.

20. Елагин И. И. Просо на целинных и старопахотных землях / И. И. Елагин. — М.: Знание, 1955. — Сер. V, № 9. — 32 с.

21. Культурная флора СССР: Т. 2, ч. 2. Ячмень. — Л.: Агропромиздат, 1990. — 424 с.

22. Брегадзе Н. А. Очерки по истории агроэтнографии Грузии / Н. А. Брегадзе. — Тбилиси: Мецниереба, 1982. — 238 с.

23. Lange E. The development of agriculture during the first millennium A. D. / E. Lange // *Geologiska Föreningens i Stockholm Föreläsningar*. — 1975. — 97. — P. 115—124.

24. Яжджевский К. О значении возделываемой ржи в культурах железного века в бассейнах Одры и Вислы / К. Яжджевский // Древности славян и Руси. — М., 1988. — С. 98—99.

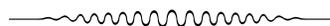
25. Агрικультура в памятниках Западного средневековья: переводы и комментарии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 364 с.

26. Растениеводство. — М.: Агропромиздат, 1986. — 512 с.

27. Смирнов В. Р. Генетика ржи / В. Р. Смирнов, С. П. Соснихана. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 264 с.

28. Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли / А. В. Кирьянов // МИА. — 1959. — № 65. — С. 306—362.

29. Горбаненко С. А. Методи інтерпретації сільськогосподарських матеріалів / С. А. Горбаненко // Археологія: від джерел до реконструкцій / АДУ. — 2011. — № 5. — С. 201—214.

Таблиця 1. Зведені палеоботанічні дані з лісостепових салтівських пам'яток

Рослина, назва	Кількість	Пам'ятки					
		Верхній Салтів	Коропові Хутори	Мохнач	Мохнач П	П'ятницьке I	Чугув
Просо	Одиниці	60	11	25	16	8	14
	%	54,0	55,0	52,1	32,7	25,0	38,9
Ячмінь плівчастий	Одиниці	20	4	11	9	14	5
	%	21,6	16,0	22,9	18,4	43,8	13,9
Ячмінь плівчастий пляшкоподібний	Одиниці	4	—	—	—	—	—
Ячмінь голозерний	»	1	—	—	—	—	—
Пшениця двозернянка	»	4	1	1	5	1	5
	%	3,6	4,0	2,1	10,2	3,1	13,9
Пшениці голозерні	Одиниці	6	4	6	8	7	8
	%	5,4	16,0	12,5	16,3	21,9	22,2
Пшениця однозернянка	Одиниці	—	—	—	1	—	—
Жито	»	11	5	5	7	1	3
	%	9,9	20,0	10,4	14,3	3,1	8,3
Овес	Одиниці	6	—	—	4	1	1
	%	5,4	—	—	8,1	3,1	2,8
Горох	Одиниці	1	—	—	1	1	1
Стоколос	»	1	3	4	3	—	3
Бур'ян, не визначено	»	—	—	—	2	—	—
Колосок, не визначено	»	—	—	—	—	—	1
У сь о г о	»	114	28	52	56	33	41

П р и м і т к а. У колонці «Кількість», графі «%» дано лише основні зернові культури; для інших відсоток не підраховано (для Верхнього Салтова відсоток ячменя плівчастого і ячменя плівчастого пляшкоподібного дано разом у графі «ячмінь плівчастий»).

Таблиця 2. Розміри відбитків зернівок рослин з поселення Мохнач П, мм

Назва	Розміри		Індекс L/B
	Ширина, B	Довжина, L	
Просо звичайне	2,11 Ч 2,72 (1,9—2,2) Ч (2,54—2,91)		
Ячмінь плівчастий	3,24 (2,87—3,65)	8,03 (7,76—8,73)	2,48 (2,35—2,84)
Пшениця двозернянка	3,1 (2,94—3,34)	7,23 (6,67—7,78)	2,23 (2,12—2,35)
Пшениця однозернянка	3,24	5,78	1,78
Пшениці голозерні	3,45 (3,02—3,95)	6,07 (5,76—6,44)	1,76 (1,6—1,88)
Жито	2,54 (2,14—2,78)	7,66 (7,44—7,93)	3,02 (2,9—3,23)
Овес	2,67 (2,16—3,15)	8,7 (8,2—9,2)	3,16 (3,07—3,22)
Горох посівний	5,75—5,8		
Стоколос	2,06 (1,9—2,24)	6,26 (5,59—6,71)	3,04 (2,5—3,53)

НАМИСТО РАННЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОГО КОРОПІВСЬКОГО СКАРБУ

Аннотація. Публікація посвячена аналізу бус Короповського клада, который датируется к. 7 – рубежом 7–8 вв. Бусы клада изготовлены из стекла, янтаря, роговика, сердолика. В общих чертах набор бус из Гапоново по крымским и северокавказским аналогиям датируется 6–9 вв. н. э. Однако, ряд изделий из янтаря (Илл. 1: 34, 40), монохромного стекла (Илл. 1: 15), глазчатых бус (Илл. 1: 8) позволяет сузить дату ожерелья из Коропового к концу 7- начала 8 веков. Что позволяет синхронизировать дату сокрытия клада с эпохой функционирования древностей, так называемой, группы 2а.

Ключевые слова: клады древностей антов, раннесредневековые бусы, пенковская культура.

Abstract. This publication is devoted to analysis the beads from Koropivsky hoard, which dates from the end of the 7 th - begining 8 th c. Beads of hoard made of glass, of amber, of hornfeles stone, carnelian. Generally, set of beads from Garonovo in keeping with crimean and nothernkavkas analogies concern to 6-9 th c. However, a number of products from the monochrome glass (Pic. 15), amber (Pic. 34, 40), oculate beads (Pic. 8) allows you to narrow the date necklaces Koropovo before the end 7 - begining 8 th c. It allows you to synchronize the date concealing hoard with functioning of 2a group.

Key words: treasures of antiquities of ants, early middle ages beads, Penkovskay culture.

Скарби кола старожитностей антів за термінологією А. А. Спіцина мають порівняно довгу історію вивчення [1–3]. У загальних рисах, завдяки наполегливій праці двох поколінь дослідників вдалось окреслити їх ареал поширення, хронологію, речовий асортимент. Важливим науковим здобутком стали результати синхронізації головних культуровизначальних прикрас з надійно датованими комплексами Криму та Північного Кавказу [2; 3].

Випадковий характер виявлення більшості ранньосередньовічних скарбів Півдня Східної Європи не завжди дозволяє точно визначити їх речовий склад. Як правило, у першу чергу до рук дослідників потрапляють масивні металеві вироби (фібули, браслети, ремінна гарнітура). І, навпаки, предмети мініатюрних розмірів, виготовлені зі скла та природних мінералів, через свою крихкість є досить випадковою категорією знахідок. Саме до цієї групи виробів належить намисто, котре завдяки своїм технологічним та сировинним ознакам може відігравати роль цінного культурно-хронологічного джерела. Звичайно, перелік комплексів кола старожитностей антів зі знахідками намиста досить короткий. Це Гапонівський скарб першої групи, Пастирські 1949, 1992 рр. та Харівський скарби другої групи [3, с. 16–22; 4, с. 172, табл. 4, 1–9; 5, с. 50].

Метою справжньої наукової розвідки є публікація намиста, що було виявлено у складі Коропівського скарбу у Зміївському районі Харківської області, на правому березі р. Сіверський Донець. У провідному харківському краєзнавчому часопису автор вже надавав попередню інформацію про умови фіксації, гарнітурний склад та культурно-типологічну приналежність Коропівського скарбу [6, с. 214–226]. Окремо приділялась увага виробам степового зразку – штампованим прямокутним та трьохчасній напівсферичній накладкам, напівсферичній бляшці, литому півкулястому дзвонику. Пошук близьких аналогій та синхронізація з подібними виробами з Північного Кавказу та середньоаварських могильників Дунайської низини дозволили підтвердити датування Коропівського скарбу кінцем VII – рубежом VII/VIII ст.[7, с. 19–25].

Загальна кількість намистин Коропівського скарбу складає 54 екземпляри. Матеріал розподіляється на чотири категорії: бурштин, сердолік, роговик та скло. Технологічний аспект способів виготовлення коропівського намиста спирається на дослідження З. А. Львової [8, с. 90–93].

Представницьку колекцію за кількістю форм складають намистини з бурштину, який має темний помаранчево-червоний колір, крихку поверхню. вкриту різнотонови-

ми тріщинками. Хімічний склад бурштину невідомий, тому його геологічна атрибуція до певного дніпровсько-балтійського бурштинового родовища не з'ясована. В коропівській колекції наявні наступні форми виробів:

1. видовжений прямокутник неправильних обрисів (4 екземпляри) з повздовжніми гранями, прямокутний або квадратний у розтині (Лл. 1: 34, 35, 39, 40). Довжина дорівнює 18–25 мм, ширина коливається від 6 до 10 мм, висота складає 10–15 мм. Канал отвору циліндричний, з фаскою на початку товщиною 2,2 мм.

2. плеската дископодібна намистина з фаскою біля каналу. Повні розміри невідомі через деформацію. Приблизні обриси графічно реконструйовані (Лл. 1: 38).

3. видовжений прямокутник неправильних обрисів з трикутним або заокругленими трьома кутами (Лл. 1: 36, 37). Довжина 18–20 мм, висота 10–12 мм, ширина 8–10 мм. Канал отвору циліндричний, з фаскою діаметром 2–3 мм.

Намисто першого зразку знайдено у довгій споруді № 1 Пастирського городища [5, с. 50, рис. 54; 10]. Аналогічні недосконалого обрису бурштинові прикраси були у Пастирському скарбі 1949 р. [4, с. 172, табл. 4, 1–9].

Близькі за обрисами зразки виробів, що відповідають другому варіанту, зафіксовані у Гапонівському скарбі [3, с. 211, рис. 34; 5, 8]. Плеската, наближена до округлих обрисів бурштинова намистина з зашліфованою поверхнею походить з матеріалів польових досліджень 1955 р. на Пастирському городищі [5, рис. 33; 15].

Аналогії бурштинового намиста призматичних обрисів із трикутним розтином та заокругленими ребрами, що відповідають третьому варіанту, мають доволі широке коло відповідників. Подібна форма бурштинового намиста є найпоширенішою серед бурштинових прикрас Гапонівського скарбу [3, рис. 23; 2–8]. Певна кількість аналогічних за обрисами виробів була присутня у супроводжувальному інвентарі жіночого поховання VII ст. з виразним набором фібул з с. Мохнач у водозборі Сіверського Дінця [9, рис. 4, 10]. Намисто зазначених обрисів продовжує побутувати у вбранні похованих жінок Верхньосалтівського могильника, де

воно, згідно даних М. В. Хорунжої датується IX ст. [10, с. 223–238].

Подібне бурштинове намисто з трикутним розтином зафіксовано у катакомбах Мокрої Балки. Часовий діапазон його функціонування співпадає з хронологією гончарного посуду періодів IIб (кат. № 251), IIIа (кат. № 29), IIIб (кат. №№ 52, 119), що відповідає хронологічним межам середини – останньої чверті VII ст. [11, с. 149–154]. Інвентар комплексів Мокрої Балки може виконувати роль надійних часових реперів, тим більше, що саме в катакомбі № 45 знайдено накладку у вигляді трьох з'єднаних сфер, найближча аналогія якої наявна у складі Коропівського скарбу.

Таким чином, бурштинове намисто Коропівського скарбу слід розглядати у якості точного хроноіндикатора. Як було продемонстровано, два перші варіанти прикрас мають широке коло аналогій. Найбільш пізнім слід вважати намисто з прямокутним розтином за аналогіями з Пастирського городища, що відповідає рубежу VII/VIII ст. та добі формування салтівської культури. Зразки виробів з трикутним розрізом займають більш ранню позицію, вони старші десь у межах 50–70 рр. та добре синхронізуються з речовими наборами Гапонівського скарбу та поховальних комплексів Мокрої Балки, які чітко співпадають з часом накопичення та випадання у землю скарбів першої групи старожитностей антів.

Наступна добірка намиста (11 екз.) виготовлена з роговику. Природній матеріал має білий колір та пористу структуру. Форма виробів циліндрична із нахиленими вершинами, висота коливається від 3 до 6 мм, діаметр варіює від 5 до 9 мм. Канал рівний, діаметр складає 2–3 мм. (Лл. 1: 23–32). У скарбових наборах старожитностей антів, окрім Коропового, намисто із роговику відсутнє. Прикраси із зазначеного мінералу доволі часто використовувались у вбранні салтівських жінок [10, рис. 1, 6].

Малочисельну колекцію утворюють прикраси із сердоліку. Для виготовлення намиста використовувався сердолік рожевого, майже без темних прожилок, кольору. Поверхня виробів старанно оброблена, без технологічних сколів, ретельно наполовірована. Намистини розділяються за формою на три варіанти:

1. кулястих обрисів, діаметр та висота 10 мм, отвір каналу прямий висотою 2 мм, з обох сторін на зовнішніх сторонах присутня фаска (Лл. 1: 1).

2. еліпсоподібних обрисів, діаметр дорівнює 12 мм, висота складає 7 мм, канал отвору прямий циліндричний діаметром 2 мм (Лл. 1: 2).

3. дископодібних обрисів, діаметр дорівнює 8 мм, висота – 2,5 мм, канал отвору прямий, діаметр дорівнює 2 мм (Лл. 1: 3).

Намисто описаних варіантів є найбільш поширеними формами прикрас ранньосередньовічних пам'яток VI–IX ст. Східної Європи та Північного Кавказу [12].

Чільне місце у складі коропівського намистового убору посідають скляні вироби, що відрізняються різноманітністю кольорової гами та декоративних елементів. Кольорове забарвлення репрезентоване екземплярами з монохромного та багатокольорового скла.

До категорії прикрас, які виготовлені з однобарвного скла, належать п'ять екземплярів. Особливо вигадливі обриси має краплеподібна підвіска з непрозорого зеленого скла з темно-помаранчевими вкрапленнями (Лл. 1: 13). Її висота складає 24 мм, верхній діаметр дорівнює 9 мм, нижній діаметр – 12 мм, товщина верхнього краю сягає 4 мм, а нижня товщина дорівнює 8 мм. Канал отвору прямий, діаметром 3 мм. На лицьовій стороні перпендикулярно отвору проходить повздовжнє заглиблення.

Мапа поширення подібних підвісок охоплює території Криму та Північного Кавказу, де фіксується їх концентрація від Кавказьких Мінеральних Вод до Дагестану. Малочисельна добірка описаних підвісок VII ст. засвідчена в похованнях Чир–Юрту та Скалистого. Кількість зазначених прикрас помітно збільшується в VIII–IX ст. Північного Кавказу (могильник біля станції Старокорсунської, Чмі). Саме в цей час спостерігається поява третьої зони концентрації краплеподібних підвісок в ареалі салтівської культури (Маяцьке селище, Верхньосалтівський могильник) [13, с. 29]. На матеріалах Верхньосалтівського могильника М. В. Хорунжа датувала подібні вироби виключно IX ст. [10, с. 235]. Враховуючи часову та територіальну обмеженість побутування краплеподібних підвісок у тради-

ційному вбранні ранньосередньовічних племен Криму, Кавказу, водозборів Сіверського Дінця, слід визнати важливість подібних намистин у розробці хронологічних проблем другої групи старожитностей античності.

Наступна намистина має еліпсоподібну форму, діаметром 15 мм та висотою 8 мм. Виготовлена із напівпрозорого скла жовтого кольору (Лл. 1: 14). Схоже намисто датується V–IX ст. та має доволі неосяжний ареал поширення у південних районах Східної Європи, Криму, Північного Кавказу [13, с. 6].

В стилістичну групу монохромного скла ввійшли малі намистини глухого темного та синього кольорів, еліпсоподібних обрисів діаметрами 5–7 мм, з прямим каналом (Лл. 1: 4–6). Найближчі у територіальному плані аналогії відшукуються в речовому наборі Гапонівського скарбу [3, рис. 34а; 10–32; рис. 34б; 1–7]. Відомо, що подібні малі намистини були у вжитку вже з I ст. н.е. на пізньоскіфських пам'ятках Криму [14, с. 67–73]. Масове використання цих прикрас без перерви було продовжено в ранньому середньовіччі. На теренах Сіверського Дінця подібні вироби засвідчені у намистових наборах Верхньосалтівського могильника [10].

До групи монохромних виробів також належить кубічна намистина глухого темно-синього скла з круглими фасками на вершинах навколо каналу, який має циліндричні обриси діаметром 4 мм. Основні розміри намиста наступні: довжина 12 мм, висота 10 мм, ширина 10 мм (Лл. 1: 20). Аналогічне намисто датується V–IX ст. Статистична частота його вжитку збільшується у комплексах VII–IX ст. Ареал поширення охоплює Крим, Північний Кавказ, Середнє Поволжя. Окрім того, спорадично кубічні намистини фіксуються на пам'ятках салтівської культури (Дмитрівське) [13, с. 21].

Окрему стилістичну та технологічну добірку утворюють поліхромні та очкові намистини. Спосіб їх виробництва доволі простий – основа виготовлялася шляхом накручування скляної маси на інструмент та прикрашалась накладними смугами або вічками на гарячий напівфабрикат. Прикладом подібної технологічної операції є еліпсоподібна намистина з червоного непрозорого скла, декорована білими повздовжніми хвилястими смугами. Діаметр виробу складає 10 мм, висота – 8 мм. Канал отвору циліндричний.

Окремі вироби присутні в комплексах V–VII ст. Північного Кавказу (Кам'яна Балка, Гіляч) та Криму (Семеіз). В VIII–IX ст. частка зазначених прикрас істотно зменшується. Намисто з повздовжнім хвилястим декором було типовим також для ранньосередньовічних західноєвропейських старожитностей [13, с. 56]. У складі старожитностей антів намисто подібного типу не зафіксовано.

Більш строкату у стилістичному відношенні та складну у технологічному аспекті групу складають вічкові намистини. Технологічна схема їх виробництва доволі високотехнологічна і вимагала від майстра бездоганного володіння операціями видування, скручування, рубання, зварювання скляної маси [8, с. 93].

Яскравим прикладом художньої досконалості та технологічної майстерності є намистина кулястої форми із зеленого, напівпрозорого скла, прикрашеного двома комбінованими вічками, що утворюються у поєднанні червоного кола, жовтого овалу та помаранчевої вставки. Діаметр прикраси складає 15 мм, діаметр вічок дорівнює 6 мм (Іл. 1: 8). У середині намистини помітний з'єднувальний шов. Саме його фіксація дозволяє констатувати наступний спосіб виробництва: накручування скляної палички на інструмент, подальше зварювання, накручування рідким склом майбутніх вічок на заготовку. Згідно картографічних даних В. Б. Ковалевської, окрім одиничних кримських знахідок, основний ареал поширення охоплює локальний регіон – між Кавказькими Мінеральними Водами, витоками Піддумка та Дар'яльською ущелиною. Хронологічна межа побутування намиста даного типу охоплює VII–IX ст. н.е. Спираючись на археологічний контекст поховальних комплексів означеного регіону, схожі прикраси з'являються у др. пол. VII ст. Однак, статистичний пік їх моди припадає на часові межі VIII ст. [13, с. 40]. Саме переважна локалізація кулеподібних вічкових намистин із прозорого зеленого скла на Північному Кавказі та порівняно вузька дата їх вжитку перетворюють подібну знахідку у намистовому уборі Коропівського скарбу на важливий хроноіндикатор, який, попри все інше, ще опосередковано окреслює певні культурно-економічні контакти носіїв Коропівського скарбу з ранньосередньовічними племенами Північного Кавказу напередодні формування

салтівської культури. Багаторічні польові дослідження салтівських поховальних пам'яток водозборів Сіверського Дінця не виявили подібних прикрас у намистових уборах салтівських модниць.

Наступна добірка об'єднує 8 екземплярів вічкових овальних намистин жовтого скла із симетрично приплюснутими вершинами та трьома виступаючими вічками з темно-синіми або червоними обводами. Діаметр виробів коливається в межах 8–10 мм, висота дорівнює 5–6 мм. Канал отвору конічний (Іл. 1: 10, 12). Технологічна схема виробів наступна: основу виготовляли шляхом обертання скляної палички навколо інструмента, вічки вироблялися методом накручування рідкого скла на скляну заготовку. Ареал поширення таких виробів охоплює райони Північного Кавказу, Криму, салтівські пам'ятки (Верхній Салтів) [13, с. 48; 10, с. 231]. Окремі екземпляри зафіксовані у речовому наборі Пастирського скарбу 1992 р. [5, рис. 50]. Факт їх фіксації є симптоматичним явищем у вивченні проблем хронології та внутрішньої періодизації скарбів другої групи старожитностей антів. Згідно даних В. Д. Ковалевської, намисто описаного типу датується VIII–IX ст. [13, с. 47]. Запропоновану дату переконливо обґрунтовує історичний контекст Пастирського скарбу 1992 р., який було заховано у землю близько сер. VIII ст. у результаті хозарського погрому Пастирського городища.

Наступний тип намиста репрезентований виробами еліпсоподібної форми червоного непрозорого скла з білими виступаючими вічками, діаметр прикрас складає 6 мм, висота – 9 мм. Канал циліндричний (Іл. 1: 19). Ареал поширення охоплює Крим (Скалісте), Північний Кавказ (Кам'яна Балка). Схожі екземпляри прикрас датуються др. пол. VII – перш. пол. VIII ст. [13, с. 49].

Двочастна намистина із глухого червоного скла з білими смугами та блакитними вкрапленнями має 12 мм завдовжки та 9 мм завширшки. Пряму аналогію описаному типу скляних прикрас можна побачити серед матеріалів аварського могильника Колькет-Фекетекапу [15].

Аварська аналогія та решта вічковидних намистин належить до категорії вузько датованих скляних прикрас, що на думку О. Жиронкиної являють собою яскраву стилістичну та хронологічну групу, яка харак-

терна для старожитностей передсалтівського та ранньосалтівського часів [16, с. 244–245, abb. 2,2]. Звичайно, хронологічно вузький діапазон побутування різнотипових варіантів намиста з виступаючими вічками ще потребує подальших досліджень та перевірки методом кореляції з вузько датованими хроноіндикаторами ранньосередньовічних поховальних комплексів Криму та Кавказу. Без сумнівів, у складі Коропівського скарбу, окрім намиста з виступаючими вічками, до категорії точних хронодіагностів належать призматичні бурштинові намистини з прямокутним розтином (Лл. 1: 34, 40), скляна краплеподібна підвіска із непрозорого зеленого скла (Лл. 1: 15), куляста намистина із прозорого зеленого скла з двома симетричними трикольоровими вічками (Лл. 1: 8). Описані варіанти намиста за кавказькими та кримськими паралелями мають порівняно вузький часовий діапазон побутування у межах др. пол. VII – сер. VIII ст., що частково дозволяє синхронізувати їх часові межі з датою схоронення у землю Коропівського скарбу у кін. VII – на рубежі VII/VIII ст.

Типологічний набір більшості скляних та бурштинових виробів Коропового скарбу не знаходять прямих стилістичних відповідностей у намистових наборах Гапонівського скарбу. Подібна несхожість повинна пояснюватися тільки протилежною хронологічною позицією та різною культурно-типологічною приналежністю обох скарбів, оскільки Гапонівський скарб належить до старожитностей антів першої групи, а Коропівський демонструє входження до другої групи.

Наявність у намистовому уборі Коропівського скарбу призматичних бурштинових намистин з трикутним розтином та монохромних виробів малих розмірів може свідчити про перехідний характер намистового убору Коропівського скарбу та його порівняно ранній вік відносно Пастирських 1949, 1992 рр. та Харівського скарбів. На основі порівняльного аналізу фібул та речей степового зразку автором вже декларувалася культурно-типологічна приналежність Коропівського скарбу до окремої групи 2а, яка на думку І. О. Гавритухіна, складає самостійну, але малочисельну культурну ланку між старожитностями Мартинівського та Харівського зразків.

Відповідно, скарби групи 2а датуються кінцем VII – поч. VIII ст. Загальна кількість коропівського намиста, яка складає 54 екземпляри, належить, згідно етнографічних та археологічних даних, до одного намистового гарнітуру, що повинен був використовуватися впродовж певного часового відтинку життя його власниці. Час придбання намиста у мандрівних торговців (щось на кшталт офеней дореформеної Росії), повинен займати порівняно короткий термін, про що свідчить як намисто із вузьким діапазоном, так і вироби зі скла, які мають широкі межі вжитку. Тобто, свідомо у намистовий убір додавалися форми скляних виробів, які були у моді жінок старшого покоління. Паралельно з традиційними прикрасами «з прабабусиних скриньок» увага приділялася модним, але нетрадиційним прикрасам. Шляхи їх потрапляння у намистовий убір Коропового скарбу могли, окрім торгового походження, пояснюватися складними первісними звичаями межплемінного обміну подарунками, або мілітарними шляхами у вигляді військової здобичі у спільних з кочовиками походах. Вочевидь, про ймовірне кавказьке спрямування військових акцій побічно свідчить скляна намистина з прозорого зеленого скла (Лл. 1: 8).

Враховуючи висловлені припущення та речовий контекст Коропівського скарбу (фібули, вироби кочового кола) вузькою датою намиста треба вважати кінець VII – перш. пол. VIII ст.

Література

1. Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга древностей антов в Среднем Поднепровье. / Г. Ф. Корзухина // МАИЭТ. – 1996. – вып.V. – С. 200–320.
2. Щеглова О. А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье / О. А. Щеглова // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск, 1990. – С. 165–205.
3. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / И. О. Гавритухин., А. М. Обломский – М., 1996. – С. 362.
4. Брайчевський М. Ю. Пастирський скарб 1949 р. / М. Ю. Брайчевський // Археологія, 1952. – Т. VII. – С. 161–173.
5. Приходнюк О. М. Пастирське городище / О. М. Приходнюк – Чернівці, 2005. – С. 244.

6. Дідик В. В. Нова знахідка ранньосередньовічного скарбу у водозборі Сіверського Дінця / В. В. Дідик // Слобожанське культурне надбання – Вип. 2. – Харків, 2009. – С. 214–226.

7. Дідик В. В. Вироби степового зразку із ранньосередньовічного Коропівського скарбу / В. В. Дідик // Салтово–маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. – Харків, 2012, видавець Савчук. О. О. – Вип. 2. – С. 19–26.

8. Львова З. А. Технологические классификации изделий из стекла / З. А. Львова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа – Ленинград, 1979. – Вип. 21. – С. 68–82.

9. Аксенов В. С., Бабенко Л. И. Погребение VI–VII вв. из с. Мохнач / В. С. Аксенов, Л. И. Бабенко // РА. – 1998. – № 3 – С. 111–120.

10. Хорунжая М. В. Бусы из захоронений Верхне–Салтовского могильника (раскопки 1984 г.) / М. В. Хорунжая // Хазарский альманах – 2007. – Т. 6. – С. 223–238.

11. Малашов В. Ю. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка / В. Ю. Малашов //

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – М., 1996. – С. 149–151.

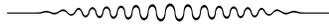
12. Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы 6–9 вв. / В. Б. Деопик // СА. – 1961. – № 3. – С. 202–232.

13. Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии / В. Б. Ковалевская – М., 2000. – С. 363.

14. Яценко И. В. Скифские захоронения I в. н.э. в греческом склепе близ Евпатории / И. В. Яценко // Вестник Московского университета. – 1978. – № 6. – С. 67–73.

15. Гавритухин И. О. Хронология среднеаварского периода / И. О. Гавритухин. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – Донецк, 2001 – С. 45–165.

16. Zironkina O. Selten Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von Netailovka (Metalovka) am Nordlichen Donez (Sewersksj Donez / O. Zironkina // Perlen.Archeologi.Techiken. Analsien. – Bonn. – 1996. – S. 244–251.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА СЕЛИЩА ПЯТНИЦКОЕ-I

Анотація. Багаторічні археологічні дослідження багатошарового селища П'ятницьке-I дозволили віднайти 8 ранньосередньовічних жител. Отриманий матеріал дав важливі свідчення про домобудівну техніку, внутрішнє планування та опалювальні пристрої жител салтівської культури.

Котловани будівель були квадратні чи прямокутні в плані, орієнтовані кутами чи стінами за сторонами світу, з піччю-кам'янкою в північному куті. Лише у житлі 8 опалювальний пристрій був представлений заглибленим вогнищем у центрі. Стіни споруд були побудовані у безстовповій техніці, скоріш за все зрубній. В декількох випадках вони були поставлені за межами котловану.

В заповненні жител було знайдено багато речей салтово-маяцької культури та окремі артефакти пенківської культури.

Ключові слова: житло, піч, вогнище, селище, домобудування, П'ятницьке-I.

Abstract. Eight early medieval dwellings were discovered due to the long-term archeological investigations of the multilayer Pyatnitskoye-1 settlement. The received material presented the valuable information about a house building technique, interior planning, and heating facilities of the Saltov population.

According to the site plan, the foundation pits of the dwelling houses were square or rectangular; they were oriented to the cardinal directions, and each of them had a stone stove in a northern corner. Only the dwelling №8 had the heating facilities, presented by a sunk fireplace, at the center. The walls of the buildings were raised using a pillarless or, most probably, a log construction technique. They were installed beyond the foundation pit in some cases.

Numerous artifacts of the Saltov culture and the single ones of the Penkovka culture were founded in the filling of the dwellings.

Key words: dwelling, stove, fireplace, settlement, house building, Pyatnitskoye-1.

Жилые постройки являются одним из важнейших элементов материальной культуры народа. В них отражены природно-климатические условия, традиции домостроения, вид экономической деятельности, место в социальной иерархии их владельцев. Все эти факторы влияют на форму постройки, технику ее возведения, интерьер и планирование внутреннего пространства. Изучение жилищ позволяет говорить об этническом составе, хозяйственной направленности и социальной организации носителей конкретной археологической культуры.

В научной литературе вопросы, связанные с изучением жилых построек лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (СМК) неоднократно поднимались исследователями на материалах различных памятников [1, с. 38–75; 2, с. 95–120; 3, с. 20–44; 4; 5; 6; 7].

За время многолетних раскопок многослойного селища Пятницкое-I так же были выявлены раннесредневековые жилища, которых на сегодняшний день исследовано в количестве восьми единиц. Безусловно, такое

малое количество объектов не позволяет судить о принципах и типологии салтовского домостроительства в целом, однако они дополняют уже имеющиеся данные с других памятниках, а так же дают достаточный материал для анализа особенностей домостроительных традиций населения данного поселения.

Селище Пятницкое-I расположено в 1 км к югу от с. Пятницкое Печенежского района Харьковской области. Оно занимает широкую пойму левого берега р. Большая Бабка (правый приток Северского Донца). Его площадь значительна: вдоль реки оно тянется широкой (≈1 км) полосой на протяжении ≈2 км (Илл. 1). Природной особенностью данного селища является то, что гнезда поселений здесь располагались на высоких песчаных дюнах¹, которые не затапливались во время весеннего половодья. На сегодняшний день территория поселения частично задернована, частично находится под распашкой.

1) Вероятнее всего, данные дюны в геологическом отношении являются останцами первой надпойменной террасы. В археологической литературы такие возвышения традиционно именуются дюнами – Ред.

Памятник был открыт С. А. Плетневой во время разведок 1957 г. [8, с. 7, 8]. Однако его первые археологические исследования были проведены Б. А. Шрамко лишь в 1977 г. после случайного обнаружения богатого воинского кремационного погребения [9, с. 19, 20; 10]. При осмотре местности им были найдены несколько захоронений, совершенных по обряду кремации и ингумации² [10, с. 48]. В 40 метрах к северу от погребений, при зачистке профилей разрушенной бульдозером дюны, удалось выявить остатки большого земляночного жилища и 2-х хозяйственных ям (Илл. 2) к западу от него [9, с. 19–21].

В следующем 1978 году небольшие по объему раскопочные работы на памятнике (раскоп-1) близ места первоначального обнаружения находок провел В. К. Михеев (Илл. 1). Им были обнаружены несколько разрушенных средневековых захоронений по обряду ингумации, захоронение коня, а так же часть разрушенной бульдозером хозяйственной ямы СМК [11, с. 6, 7].

Спустя 10 лет раскопки памятника продолжил А. В. Крыганов. В 1988 г. он заложил раскоп-2 на уцелевшей части дюны, где первоначально было обнаружены профили постройки (Илл. 1). На площади 85 м² были исследованы 2 жилища, 1 хозяйственная яма и захоронение по обряду трупоположения (Илл. 2) [12, с. 119–123, рис. 1, 2; 13, с. 6, 7].

В 1990 г. исследователь продолжил работы на памятнике и заложил раскоп-3 в 1 км к северу от места работ 1988 г. (Илл. 1). Тут были проведены значительные (~350 м²) исследования на одной из высоких обширных дюн, частично разрушенной карьером для добычи песка. В раскопе был обнаружен насыщенный (до 80 см) культурный слой салтовского времени и изучено 1 жилище, 1 постройка и 18 хозяйственных ям (Илл. 4). В двух из них были обнаружены захоронения собаки и лошади. Кроме салтовских материалов в раскопе были обнаружены 2 единичных сосуда срубной культуры [14, с. 10–16].

После 1990 г. памятник долгое время не исследовался. Лишь в 2005 г. работы на поселении продолжил В. К. Михеев. К северу

2) Отметим, что в отчете за 1977 г. нет данных о древних ингумационных погребениях, но обнаружены несколько могил XIX - начала XX вв., относящиеся к хутору, который там располагался [9, с. 19, табл. XXII, 2].

от раскопа-3 им было заложено 5 раскопов (раскопы-4–8) – 3 на левом берегу р. Большая Бабка и 2 на правом (Илл. 1). В трех из них (раскопы-4–6) был выявлен средневековый слой. Наибольшую информацию дал раскоп-6. В нем было обнаружено 14 хозяйственных комплексов. Впервые за годы исследования на памятнике были обнаружены материалы, относящиеся к раннему железному веку. В раскопах-7–8, заложенных на правом берегу реки, археологический материал отсутствовал [15, с. 5–13].

Современный этап в изучении памятника начался в 2008 году, когда археологические исследования здесь начала Средневековая экспедиция Харьковского национального педагогического университета под руководством В. В. Колоды [16, с. 8–33], а с 2009 года и по сегодняшний день – Слобжанская раннесредневековая археологическая экспедиция под руководством автора [17; 18; 19].

Для облегчения дальнейшего исследования памятника всем, когда-либо заложенным раскопам, была дана единая нумерация с нанесением их на карту (Илл. 1). Нами были продолжены работы в раскопе-3. Он был расширен в южном и юго-восточном направлении³. В исследованных квадратах были выявлены остатки 2 углубленных и 1 наземного жилища, 1 хозяйственная постройка, 1 открытый очаг, 23 ямы различного назначения и захоронение человека в круглой яме⁴ (Илл. 4).

В 200 м к северу от раскопа-2, был заложено новый раскоп-9 (Илл. 1). Здесь был обнаружен культурный слой салтовской и срубной археологических культур, а так же единичные артефакты, принадлежащие к культурам ямочно-гребенчатой керамики (неолит), бондарихинской (бронза) и скифской. Из археологических комплексов были обнаружены 1 жилище и 5 хозяйственных ям раннего средневековья, 1 ингумационное захоронение и 5 хозяйственных ям бронзового века [17, с. 40]⁵.

Жилые постройки селища были обнаружены в различных раскопах и имели раз-

3) На сегодняшний день общая площадь раскопа, вместе с раскопом 1990 года составила 781 м².

4) Материалы этого захоронения уже были нами опубликованы [20, с. 26–29].

5) Более подробная история исследования селища, а так же раннесредневековые материалы раскопа-9 были опубликованы нами ранее [21, с. 14–20].

личные цифровые и буквенные обозначения. Поэтому, для удобства описания всем им была дана единая нумерация (Табл. 1).

Как упоминалось выше, в 1977 г. при зачистке профилей разрушенной при строительстве ирригации дюны (Илл. 2) Б. А. Шрамко были зафиксированы остатки жилища-1 [9, с. 21, табл. XX, XXII, 3–4]. Эти профили, и описание, приведенное в отчете, дают некоторое представление о конструкции этой постройки. Зачистка 1 (Илл. 2: 2) была сделана на южной стороне возвышенности. Здесь хорошо прослеживается профиль землянки с одной столбовой ямкой. Длина выходящей сюда стороны землянки составила 7,88 м, при глубине 1 м от поверхности. Столбовая ямка диаметром 18 см имела глубину 50 см от уровня пола постройки. Вторая зачистка (Илл. 2: 3) сделана в северной стенке первой траншеи, разрезающей возвышенность. Здесь длина профиля землянки составила 8 м, глубина до дна землянки – 1,60 м. Столбовая ямка диаметром 15 см располагалась ниже уровня пола на 35 см [9, с. 21]. Основываясь на полевых наблюдениях, автор предположил, что постройка имела квадратную форму [9, с. 21; 10, с. 48].

Отопительное сооружение, скорее всего, было представлено в виде печи-каменки, сложенной из кусков песчаника, остатки которой были найдены во время работы буль-

дозера. Здесь же были обнаружены многочисленные фрагменты салтовской керамики, а так же 3 жерновых камня [9, с. 20, 21]. Западнее от профилей постройки были обнаружены профили 3 хозяйственных ям [9, с. 21] (Илл. 2: 2, 3).

На северо-восточном и северо-западном останцах этой же дюны А. В. Крыгановым были исследованы еще 2 средневековых жилища⁶ (Илл. 2: 1).

Жилище 2 расположено в СЗ части дюны (Илл. 2). В плане оно имело форму прямоугольника, один из углов которого был скруглен. Длинной осью жилище было сориентировано по линии СВ-ЮЗ. Размеры его составили 350×145 см (5 м²). Глубина от уровня современной дневной поверхности (СДП) составляла 25–50 см (10–20 см от уровня материка). По всей площади котлована полуземлянки были разбросаны камни от разрушенной печи-каменки. Больше всего их было в СВ углу где, видимо, она и находилась [13, с. 4]. В СВ углу имелось небольшое понижение пола, видимо, для размещения в нем отопительного устройства (Илл. 3: 1).

Находки в заполнении постройки были представлены фрагментами керамической посуды салтовской культуры – в основном

6) А.В. Крыгановым уже были опубликованы материалы исследований 1988 г. [12, с. 119–123], однако, для целостности освещаемого материала считаем необходимым повторно опубликовать их часть.

Таблица 1. Каталог жилищ селища Пятницкое-І

№	Название комплекса по отчету	Раскоп	Автор отчета, год.
1			Шрамко Б. А., 1977.
2	Жилище 1	2	Крыганов А. В., 1988.
3	Жилище 2	2	Крыганов А. В., 1988.
4	Жилище 1	3	Крыганов А. В., 1990.
5	Комплекс № 20	3	Колода В. В., Квитковский В.И., 2008.
6	Комплекс № 22	3	Квитковский В. И., Колода В. В., 2009.
7	Комплекс № 40	3	Квитковский В. И., 2011.
8	Комплекс № 1	9	Колода В. В., Квитковский В. И., 2008.

кухонных горшков. Также имели место незначительное количество амфорного боя и пряслица, изготовленные из стенок амфор. Помимо прочего, были обнаружены несколько фрагментов лепной посуды пеньковской культуры (ПК) с защипами по краю венчика (Илл. 5: 3). В западном углу жилища, на полу, лежали одна целая и половинка шлако-железных линз. Кроме того, множество обломков костей и несколько кусков глиняной обмазки [13, с. 4].

Западнее от вышеописанного комплекса располагалось жилище 3. В плане прямоугольное, как и жилище 1, оно было ориентировано длинной осью по линии СВ-ЮЗ (Илл. 3: 2). Размеры его составили 450×370 см (16,7 м²) и углубленность от СДП – 50–70 см (20–25 см от уровня материка). В северном углу котлована располагалась округлая в плане яма диаметром 1,30 м и глубиной от пола 10 см. Возможно, это была предпочажная яма, поскольку рядом и над ней находилось скопление камней от отопительного устройства. Не меньшее их количество было найдено и в западном углу (Илл. 3: 2). Позже, в публикации, автор интерпретировал эти развалы как остатки разрушенной печи-каменки в северном углу [12, с. 121]. При расчистке по всей площади пола постройки был зафиксирован слой углей, который, возможно, является следами пожара.

В заполнении жилища было обнаружено множество фрагментов салтовской керамики – в первую очередь кухонных горшков. Также было найдено до полутора десятков фрагментов посуды пеньковской культуры, среди которой стоит выделить почти полностью сохранившийся профиль биконического сосуда, покрытого лощением (Илл. 5: 2). Есть несколько фрагментов амфор и 2 пряслица, изготовленных из амфорного боя. Как и в предыдущем жилище, было зафиксировано множество костей животных [13, с. 5].

Еще 4 жилища были исследованы в раскопе-3 (Табл. 1).

Жилище 4 располагалось в северном углу раскопа (Илл. 4). Оно было прямоугольным в плане с сильно закругленными углами, и размерами сторон 370×420 см (15,5 м²); ориентировано длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Глубина котлована составила 105 см от уровня СДП. В северном углу было обнаружено большое количество камней песчани-

ка от разрушенной печи. Под ними залегал сильно обожженный грунт (Илл. 5: 1). Среди камней был обнаружен развал сероглиняного одноручного кувшина со сливом (Илл. 5: 4). В пределах жилища обнаружены 2 ямы. Яма «А» округлая в плане (диаметром 70 см) с вертикальными стенками и глубиной 40 см от уровня пола имела меловую обмазку стенок и дна. Под обмазкой на дне находилось скопление камней. Яма «Б» была в плане овальной (70–55 см), и имела глубину от уровня пола до 30 см (Илл. 5: 1). В ее заполнении так же имелись камни, мелкие фрагменты салтовской керамики и обломки костей животных. В районе печи была найдена пастовая бусина. В южном углу жилища, на глубине 80 см, был найден ключ от замка [14, с. 11, табл. XXV, 6].

Почти в 10 м южнее от жилища 4 был обнаружен комплекс № 20, который мы интерпретируем как остатки наземного жилища 5. Он представлял собой остатки печи-каменки, подковообразной в плане с предпечной ямой к югу от нее (Илл. 6: 1).

Отопительное устройство, по-видимому, располагалось в углу постройки, которая была углублена лишь до уровня предматерикового слоя. Его примерные границы к востоку и ЮЗ от отопительного устройства фиксировались темным пятном по зачистке на глубине 60 см [16, рис. 22, 2], профилю в-в' бровки раскопа (Илл. 6: 1), а так же обилию находок керамики СМК и костей животных к югу, ЮВ и ЮЗ от печи.

Печь была сложена из больших, средних и мелких камней насухо, без применения какого-либо раствора. Ее размеры составили 135×110 см. Кладка камней возвышалась над уровнем предматерика, где она была возведена на высоту 25–30 см. Расстояние между челюстями печи составило 50 см. Сильно пропеченный под был углублен до уровня материка (-65 см) и обмазан 2-х сантиметровым слоем глины. Устье печи было обращено на юг (Илл. 6: 1). Свод не сохранился, однако, по-видимому, он был возведен из глины на прутяном каркасе. Об этом свидетельствуют обнаруженные в заполнении топки и в культурном слое над отопительным устройством многочисленные куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев [16, с. 17, 18].

Предпечная яма, трапециевидная в плане, на 5 см была углублена в материк и в СЗ и

южной части ее границы не фиксировались (Илл. 6: 1). Зафиксированные размеры ямы составили: 80–100×160 см [17, с. 13, 14].

В заполнении комплекса было обнаружено большое количество печной обмазки, углей, золы, рваных камней от развала печи, керамика СМК, а так же кости животных (Табл. 2). Отметим существенное преобладание лепной керамики, к которой относятся найденные вблизи печи (на уровне ее основания) 2 целых и 1 полный профиль кухонных лепных сосудов (Илл. 5: 2–4). 2 сосуда имели баночную форму (Илл. 6: 2, 3), были сделаны из грубого крупношамотированного теста. Цвет их поверхности колебался от терракотового до коричнево-серого. Внутри сосуда 1 найдены угли. Сосуд 3 был более профилирован (Илл. 6: 4), сделан из теста с меньшей примесью шамота среднего размера, цвет поверхности серый с черными подпалинами. Обжиг всех сосудов костровой. Они были неорнаментированные, и лишь на сосуде 2 (Илл. 6: 3) просматриваются небрежные вертикальные расчесы штампом. Также в топке печи была найдена бронзовая пластина с отверстием по центру и 3 отверстиями по краям (Илл. 6: 5), не имеющая следов воздействия огня [16, с. 17, 18; 17, с. 13, 14].

Жилище 6 располагалось южнее предыдущего (Илл. 4). Оно представляло собой прямоугольную в плане постройку общими размерами 500×440 см (22 м²). Углы котлована были закруглены и обращены по сторонам света (Илл. 7). Практически отвесные стены опускались до уровня -100 см, где располагался ровный материковый пол без подмазки. СВ стенка, начиная от середины, отклонялась к востоку, образуя в восточном углу нишу-ступеньку. В плане она была овальной формы и имела размеры 90×80 см; глубину, равную 80 см. В ее центре был обнаружен вы-

брос печины (скопление диаметром 50 см и толщиной в 5–7 см). Возможно, угли и печина были выброшены на ступеньку, которая являлась входом для ликвидации влаги и грязи, которая проникала извне. Практически возле входа, на глубине 90 см, к ЮВ стене примыкала небольшая полочка с размерами 160×30 см. Вдоль всей СЗ стены, на полу котлована выявлена пропеченность материкового пола мощностью 1–2 см и шириной 20–30 см (Илл. 7). Вероятно, что это следы горевших бревен от конструкции СЗ стены.

На полу постройки, в углах и посередине СВ и ЮВ стен были обнаружены ямки «В–Е», от столбов (Илл. 7). Ямки «В» (50×20), «Г» (20×30), «Е» (50×30) были прямоугольные в плане с закругленными углами, углубленные ниже уровня пола на 15, 20 и 30 см соответственно. Ямка «Д» была круглой с диаметром 30 см и глубиной 105 см. В 40 см к СЗ от ямки «Г» обнаружена еще одна ямка «Б» овальной формы с размерами 50×35 см. Дно ее было двухуровневым, углубленное ниже уровня пола на 10 и 20 см. Возможно, она служила для дополнительной опоры кровли.

В 70 см от СЗ стены обнаружена хозяйственная яма «А» овальной формы. Ее верхние размеры составили 100×120 см, нижние – 80×80 см. Дно ямы располагалось на глубине 120 см от СДП. Яма, предположительно связана с обслуживанием печи, расположенной в непосредственной близости [17, с. 15, 16].

В западном углу размещалась глубокая, округлая в плане яма-погреб, которая выходила за основной периметр котлована (Илл. 7). Ее размеры составили 200×150 см. Практически отвесные стены опускались к ровному дну на глубину 200 см. Из основного помещения, в погреб вела ступенька размерами 60×15 см расположенная на 35 см ниже уровня пола. В СЗ части погреба была рас-

Таблица 2. Опись не взятого материала из заполнения жилища 5

наименование находки	Г л у б и н а (см)	
	60–80	итого
Амфора	4	4
ГС СМК кухонная	1	1
ЛС СМК кухонная	9	9
СМК столовая	19	19
Камни	48	48
Кости	17	17
В С Е Г О	98	98

чищена полочка в виде полумесяца, на глубине -160 см. Размеры ее составили 120×30 см [16, с. 20, 21].

Северный угол постройки занимало отопительное устройство, которое представляло собой сильно разрушенную печь-каменку, от которой сохранился большой завал камней 150×150 см в плане и высотой 50 см от уровня пола. Расчистка этого завала показала, что это была большая (100×130 см) подковообразная в плане печь, стены которой были сложены на материке из средних и мелких камней песчаника насухо. В северной части печи кладка сохранилась на высоту 50 см. В плане ее под размерами 90×60 см имел овальную форму и был немного углублен ниже уровня пола – на 7–10 см. Он не был обмазан глиной и имел пропеченность в 3 см. Устье печи обращено на юг. Отопительное устройство отстояло от СВ и СЗ стен котлована на 25–30 см (Илл. 7). Между печью и СЗ стеной был найден большой кусок глиняной обмазки толщиной 5 см с отпечатками бревен. Видимо, какая-то часть стен постройки была обмазана глиной.

Заполнение комплекса было однородным и состояло из чернозема, с большим количеством камней, костей животных, глиняной обмазки, керамики и других категорий находок СМК. 75% всех не взятых находок составляли кости и камни (Табл. 3). Керамический комплекс представлял собой фрагменты амфор, пифосов, столовых сосудов (Илл. 8: 1, 6, 8) и кухонных гончарных (Илл. 8: 2–5, 9), а также лепных (Илл. 8: 7, 10) горшков. Отметим большой, по сравнению с раскопом, процент пифосов (Илл. 8: 12), сделанных из грубого шамотированного теста, что говорит

о хранении жителями данной постройки продуктов земледелия. Интересной представляется находка неполного развала сероглиняной баклаги (Илл. 8: 11). Отметим, что на территории раскопа уже были найдены баклаги ранее [14, табл. XXIII, 1]. В целом же они являются довольно редким видом посуды на лесостепных памятниках СМК.

Подавляющее количество находок было сделано на глубине 80–100 см (Табл. 3). Это свидетельствует о том, что после прекращения функционирования постройки жители селища производили сброс мусора в его котлован.

Среди особых находок следует отметить изделия различных категорий. Орудия труда: несколько игл (Илл. 8: 13, 14) и нож (Илл. 8: 24); бытовые предметы: накладка на сундучок (Илл. 8: 17), язычок от ременной пряжки (Илл. 8: 15); вооружение: трехлопастный наконечник стрелы (Илл. 8: 16); бронзовые украшения: бубенчик (Илл. 8: 23). Также было найдено несколько пряслиц из стенок сосудов и их заготовки (Илл. 8: 18–22).

В южном углу раскопа было исследовано жилище 7. Оно представляло собой большую (26,7 м²), прямоугольную в плане постройку (Илл. 9). Небольшая ее часть немного уходила под ЮВ борт раскопа. Это, однако, не помешало пониманию комплекса в целом. Углы котлована были немного закруглены и обращены по сторонам света. Стенки, исследованные размеры которых составили 490×545 см, практически отвесно опускались до глубины 110–120 см (0)⁷, где располагался ровный материковый пол.

7) В связи с различными глубинами в площади постройки, уровень пола был принят как нивелировочный «0».

Таблица 3. Опись не взятого материала из жилища 6

наименование находки	Г л у б и н а (см)				Итого
	60	80	100	120	
СМК амфоры	17	77	48		142
СМК тара		8	6		14
ГС СМК кухонная	6	89	53		148
ЛС СМК	3	8	5		16
СМК столовая		9	5		14
Обмазка			1	1	2
Камни	53	219	259	29	560
Кости животных	68	280	101		449
В С Е Г О	147	690	478	30	1345

Южный угол и часть ЮЗ стены были перерезаны более поздним комплексом № 44. В свою очередь, северный угол постройки перерезал более раннюю яму № 42 (Илл. 9).

В ЮВ углу, на уровне +10 (-100) см была исследована небольшая ступенька размерами 60×40 см, которая частично уходила под бровку раскопа. Видимо, здесь располагался вход.

Северный угол постройки занимало отопительное устройство, которое представляло собой печь-каменку. Она сохранилась в хорошем состоянии – кладка камней была практически не разрушенной, и лишь глиняный свод обрушился в топку. Подковообразная в плане, с размерами 115×80 см, она была сложена из средних и мелких камней песчаника насухо. Многие из этих камней (≈80) имели следы побелки. По-видимому, в древности вся печь была побелена. Кладка камней сохранилась на высоту 55 см. Печь была возведена на уровне материкового пола, что наглядно показано в разрезах *в-в'*, *г-г'* (Илл. 9).

В топке печи были найдены куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев – части обвалившегося глиняного свода (судя по фрагментам свода – он был плоским). Под располагался на уровне пола и в плане имел форму вытянутого овала, с размерами 80×35 см. Он не был обмазан глиной и имел пропеченность в 6–7 см. Устье печи обращено на ЮВ. Расстояние между челюстями составляло 40 см. Печь отстояла от СЗ стены на 40 см и от СВ на 65–70 см (Илл. 9).

В 40 см к ЮЗ от отопительного устройства помещался большой обработанный камень подтреугольной формы (45×70×30 см) с ровной поверхностью (Илл. 9), который, по-видимому, выполнял функцию припечного столика.

Стратиграфия комплекса была следующей: с дневной поверхности и до глубины 20–30 см шел горизонт темно-серого суглинка (на чертеже разреза обозначен косой штриховкой). Ниже до глубины 60–80 см более темный (до черного) гумусный слой (на Илл. 9 без штриховки). Следует отметить, что именно в нем было обнаружено большинство находок. Ниже и до материкового пола постройки (110–120 см) располагалась более светлая палево-серая почва, показанная на разрезах *а-а'*, *б-б'*⁸ (обозначена прямой штри-

ховкой) (Илл. 9). Образование этих слоев можно объяснить следующим: нижний слой образовался сразу же после прекращения функционирования постройки – во время засыпки ее котлована в древности. Средний (темный, гумусный горизонт с большим количеством находок) сформировался во время хозяйственной деятельности салтовского населения – уже после прекращения использования жилища. Верхний слой образовался, в свою очередь, после прекращения жизни на поселении. О том, что котлован жилища был засыпан, свидетельствует и небольшое количество находок в его заполнении – практически все они располагались у дна котлована (Табл. 4).

В заполнении постройки было обнаружено большое количество камней, костей животных, глиняной обмазки, керамических сосудов и других категорий находок СМК (Табл. 4). 46% всех не взятых находок составили камни. Комплекс керамических сосудов представлял собой фрагменты амфор (Илл. 10: 8, 9, 11), пифосов (Илл. 10: 2, 7), столовых сосудов (Илл. 10: 14, 15) и кухонных горшков (Илл. 10: 1, 3–6, 12), характерных для раскопа в целом. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие лепной керамики, которой в раскопе обнаружено гораздо больше. Следует так же отметить и большой, по сравнению с раскопом, процент пифосов, что говорит о хранении жителями данной постройки продуктов земледелия. Так же, как и в жилище 6, тут были найдены фрагменты баклаги (Илл. 10: 13). Среди всего материала керамических сосудов особо выделяется полный развал большого светлоглиняного столового пифоса с двумя ручками, орнаментированного горизонтальными и вертикальными канелюрами по тулову и лощением в виде различных узоров между ними (Илл. 10: 10). Его тесто было тщательно вымешанное, обжиг равномерный, качественный. Его крупные фрагменты были разбросаны по полу на большой площади в восточной и ЮВ части котлована.

Среди особых находок следует отметить следующие: нож (Илл. 10: 18); набор инструментов, состоящий из 3 предметов (ножа и 2 заготовок для ножа или пилочек?), подвешенных на кольцо (Илл. 10: 21); обломок изделия неясного назначения (Илл. 10: 22); неорнаментированный бронзовый ремен-

8) Отметим, что слой над ЮЗ частью постройки, практически до материка был разрушен карьером для добычи песка.

Таблица 4. Описание не взятого материала из жилища 7

наименование находки	Г л у б и н а (см)			итого
	80	100	120	
СМК амфоры	10	13	45	68
СМК тара	1			1
ГС СМК кухонная	7	43	31	81
ГС СМК стол.		1	7	8
ЛС СМК	2	2		4
Обмазка	14	7		21
Камни	41	21	117	179
Кости животных			26	26
В С Е Г О	75	87	226	388

ной наконечник (Илл. 10: 19); 2 пряслица из стенок сосудов (Илл. 10: 16–17); глиняное лощило прямоугольной формы со сработанной верхней поверхностью (Илл. 10: 20), а так же каменный куб неясного назначения с длиной сторон, равной 3,5 см [19, рис. 27, 4]. Наиболее интересной находкой стало обнаружение бронзового перстенька с геометрическим орнаментом (Илл. 10: 23). Такие перстни не известны у носителей салтово-маяцкой культуры, а наиболее близкой аналогией является перстень с орнаментом в виде 4-х спиралей из пеньковского поселения Днепроовского Левобережья Сушки [23, рис. 63, 7]. В схожей традиции сделано и кольцо из пеньковского захоронения вблизи с. Мохнач [23, рис. 20, 22].

На территории раскопа-9, заложенного в южной части селища, в 200 метрах к северу от раскопа-2, было обнаружено жилище 8 (Илл. 1)⁹.

Комплекс имел практически квадратную в плане форму размерами 400×430 см (17,2 м²). Своими стенами постройка была ориентирована по сторонам света, ее углы были немного закруглены. Пол помещения прослежен на глубине 100–110 см, он имел небольшой уклон к югу и ЮЗ. Южная стенка высотой примерно в 1 м от ЮВ угла отходит на 25–30 см к югу, образуя небольшую нишу. В ЮЗ углу прослежена еще одна полукруглая в плане, выступающая за пределы основного котлована, ниша шириной 175 см. В ней на уровне -90 см располагалась неширокая (до 25 см) материковая ступенька. Здесь, вероятно, располагался вход в помещение. Вдоль южной стенки прослежены 2 столбо-

вые ямки (Илл. 11). Их размеры составляли 25×30 см; дно вогнутое, углубленное на 20 см ниже уровня пола.

В центре пола обнаружена большая очажная яма. Ее верхняя часть представляла собой неправильный круг размерами в плане 200×200 см. Дно ямы обнаружено в южной части на уровне -190 см. В северной части на уровне -170 см прослежена полуовальная в плане материковая полочка-ступенька с размерами в плане 70×45 см. В западной части ямы на уровне -145 см выявлена еще одна материковая полочка-останец серповидной в плане формы (170×20–35 см). На ней был найден сильно разрушенный открытый очаг, обмазанный глиной (Илл. 11). Его остатки были обнаружены в заполнении ямы в виде кусков печины со следами заглаживания пальцами с одной (наиболее прокаленной) стороны. Толщина этих кусков составляла 3–4 см. Здесь же размещалось немало кусков рваного камня-песчаника со следами воздействия огня, а так же сильно поколотых до состояния щепок костей животных [16, с. 28, 29].

Заполнение жилища артефактами салтовской культуры было весьма значительным – здесь было обнаружено более 900 различных артефактов (Табл. 5). Большинство из них располагались на уровне 40–60 см, что может свидетельствовать о том, что после прекращения эксплуатации постройки ее котлован использовался для сброса мусора. Среди особых находок следует отметить орудия труда: несколько игл (Илл. 12: 2, 3); фрагмент ножа (Илл. 12: 4); крюк для вынимания мяса из котла, изготовленный из квадратного в сечении витого прута (Илл. 12: 1); фрагмент пряслица, выточенный из стенки амфоры (Илл. 12: 9) и обломок кварцитового

9) Как уже упоминалось выше, нами уже публиковались материалы исследований раскопа-9 [21, с. 14–20].

Таблиця 5. Опис не взятого матеріала из жилища 8

наименование находки	Г л у б и н а (см)						
	60	80–100	120	140	160	180	итого
СМК амфоры			6	3	2	1	12
СМК тара	3		2				5
СМК кухонная	193	65	18	5	7		288
СМК столовая	22	9	2	2			35
Камни	98	63	21	5	23	6	216
Кости животных	136	85	27	32	25	6	311
НЖП	4						4
ЧМШ	9	2					11
ЛС СМК	7	8	3		6		24
В С Е Г О	472	232	79	47	63	13	906

жернова (Илл. 12: 14). Здесь также были найдены небольшой слиток цветного металла серого цвета, кусок кричного железа, несколько кусков чернометаллургического шлака, обломки стенок колб-тиглей от железоделательных горнов, неполные развалы гончарных сосудов, в том числе и гофрированных амфор. В комплексе обнаружено несколько непонятных по назначению обломков железных предметов (Илл. 12: 5), обломок бронзового зеркала (Илл. 12: 8) и железный язычок от пряжки ремня (Илл. 12: 7). Среди интересных керамических артефактов необходимо отметить и фрагменты доньев кухонных горшков с клеймами (Илл. 12: 10, 11) и фрагмент амфорной стенки с тремя отверстиями для связывания (Илл. 12: 6). Среди значительного костного материала в этом комплексе выявлены крупные ребра со следами среза или следами разделки туши [16, с. 28–31].

Как и во всем раскопе-9, в данном комплексе выявлено незначительное количество лепных керамических сосудов при подавляющем численном превосходстве гончарной кухонной посуды. Определенное количество фрагментов от толстостенных пифосов, сделанных из грубого шамотного теста указывают на хранение некоторого количества зернового запаса местными жителями.

Для анализа жилых построек, описания которых были приведены выше, мы использовали типологию, основанную на следующих признаках: стационарность; расположение пола по отношению к дневной поверхности; форма и размер котлованов, их ориентировка; конструкция стен; форма и конструкция крыши; планировка внутренне-

го помещения (расположение и тип отопительного устройства, наличие входа, хозяйственных ям, полочек или лежанок, настила пола)¹⁰.

Все жилища, обнаруженные на селище Пятницкое-1, были стационарными. Их котлованы были в разной степени углублены в грунт – от 25 до 160 см. Такая углубленность котлованов имеет широкие аналогии на других салтовских памятниках лесостепной зоны [1, с. 51; 4, с. 48; 7, с. 111]. Глубина залегания пола всех жилищ раскопа-3 (кроме постройки 5) была приблизительно одинаковой и составила 100–110 см (Табл. 6). При анализе углубленности построек следует учитывать то, что средневековая древняя дневная поверхность располагалась приблизительно на 30–35 см ниже современной, на что указывают стратиграфические наблюдения, проведенные за несколько лет работы на памятнике. Учитывая этот фактор, жилища 2 и 5 мы относим к наземным. Незначительную углубленность жилища 2 (25–50 см) можно объяснить выравниванием площадки для возведения сооружения на склоне дюны (Илл. 3: 1). Жилище 5 даже не было углублено в материк, и его контуры просматривались лишь в предматериковом слое (-55–60 см), а основание печи жилища 5 располагалось немногим ниже древнего дневного горизонта.

Форма всех раскопанных котлованов была прямоугольной или квадратной. Такая форма

10) Большинство указанных признаков были использованы для классификации жилых построек в этнографии [24, с. 5–20; 25, с. 4–23], а так же, с некоторыми изменениями и археологами [1, с. 5–20; 4, с. 47–48].

жилищ наиболее распространена в салтовско-маяцкой культуре [1, с. 48; 6, с. 16; 7, с. 111; 26, с. 59, 60]. В жилищах 1 и 5 форму построек было невозможно определить. Однако по косвенным данным мы предполагаем, что они также были квадратными или прямоугольными. Так, учитывая практически одинаковую длину двух профилей жилища 1, снятых на расстоянии 6,7 м¹¹ друг от друга, есть основания предполагать, что, и данный комплекс имел квадратную или прямоугольную форму. Контуры же жилища 5 в виде пятна, границы которого заворачивали под прямым углом, просматривались по зачистке на глубине 60 см [16, с. 18; рис. 20; рис. 22, 2].

Углы почти всех построек (2, 4, 6–8) были закруглены, а в жилище 2 западный угол был существенно скруглен (Илл. 3: 1). Закругления углов салтовских построек – довольно распространенное явление на многих памятниках [3, с. 22; 4, с. 48; 5, с. 272, 276; 7, с. 102, 105, 106], в отличие от сильного округления одного из углов. Подобный строительный прием, известный нам на территории лесостепных памятников СМК, был использован лишь в 2-х постройках Верхнесалтовского городища. Там, в обоих случаях был скруглен южный угол [4, с. 46; рис. 2, б; 4, б]. В качестве предположения выскажем мысль, что в месте закругления располагался вход в котлован.

Размеры всех раскопанных котлованов колеблются от 5,25 м² до 26,7 м². Это соответствует размерам малых и средних жилищ с других салтовских памятников лесостепи [1, с. 50; 4, с. 49; 6, с. 14]. Судя по длине профилей (ок. 8 м) и расстояния между ними (6,7 м) размеры жилища 1 были довольно велики. Если предположить, что профили были сняты вплотную к противоположным стенам котлована, а котлован был прямоугольным, то площадь постройки составила бы 53,6 м². К примеру, по классификации жилищ, предложенной А. З. Винниковым и С. А. Плетневой для Маяцкого археологического комплекса, большими считаются жилища с площадью 25–46 м² [22, с. 159]. О площади жилища 5 вследствие недостатка материала говорить невозможно.

Одним из самых сложных, однако, и наиболее принципиальным вопросом при ре-

конструкции внешнего облика построек является устройство их стен. В зависимости от их конструкции все исследованные жилища СМК можно разделить на те, в которых были обнаружены ямки от столбовых опор или кольев, несущих каркас стены – столбовые (опорно-столбовые) и каркасно-плетневые, и такие, в которых следы таких опор обнаружены не были – бесстолбовые¹².

При возведении опорно-столбовой конструкции в углах и посередине стен устанавливались столбы-опоры, к которым крепились деревянная обшивка. Следует отметить, что к постройкам со столбовыми стенами приемлемо относить только такие сооружения, в которых количество несущих опор было достаточным для возведения каркаса стены¹³.

Плетневые (каркасно-плетневые) стены состояли из вертикально поставленных столбов или жердей, между которыми вбивались или устанавливались колья. Сооруженный таким образом каркас заполнялся или оплетался хворостом, соломой, лозой или тростником. Такие стены должны были оставить после себя близко расположенные ямки от кольев, жердей или небольших столбиков в котловане или за его пределами.

Если для столбовых и плетневых построек принцип сооружения стен в целом понятен и может лишь возникнуть вопрос о способе крепления обшивки к несущим опорам, то для бесстолбовых построек их конструкцию определить достаточно сложно. Часто ее можно только предполагать¹⁴. К постройкам, возведенным без столбовых опор, относятся срубы, а также каменные, глиняные или саманные здания. Подобные конструкции стен зафиксированы как в археологии [4, с. 41; 28, с. 61], так и в этнографии народов Восточной Европы [29, с. 226; 30, с. 519, 520]. Кроме того, Г. Е. Афанасьев, рассматривая вопрос о постройках, не

12) Впервые деление на столбовые и бесстолбовые постройки СМК было предложено В. Д. Белецким в его работе о жилых постройках Саркела-Белой Вежи [27, с. 41, 42].

13) То есть, в тех случаях, когда столбовые ямки были зафиксированы во всех углах и, часто, посередине стен.

14) Такая ситуация связана с тем, что органические материалы, из которых возводились стены, чаще всего не сохраняются в условиях грунтов лесостепной зоны междуречья Днепра и Дона, что является существенной трудностью при интерпретации способов возведения стен в постройках.

11) 2,9 м – ширина бульдозерной траншеи 1; 3,8 м – ширина южного участка [9, с. 20].

Таблиця 6. Конструктивні особливості жилищ

№	Размеры		Форма	Конструкция стен	Отопительное устройство				Элементы интерьера					
	Длина × ширина см (S м ²)	-h см			Тип		Место		Хоз. ямы	Ст. ямки	Полочки	Ступени	Другое	
					Печь-каменка	Углубл. очаг	Угол	Центр						
1		100–160	Пр.?	БС/ОС	+					+				
2	350×145 (5,25)	25–50	Пр.	БС	+		+			+				СУ
3	450×370 (16,6м ²)	50–70	Пр.	БС	+		+			+				
4	370×420 (15,5)	105	Пр.	БС	+		+			+				
5		60		БС	+		?							
6	500×440 (22)	100	Пр.	БС/Км	+		+			+	+	+	+	Н
7	490×545 (26,7)	110–120	Пр.	БС	+		+						+	КС
8	400×430 (17,2)	100–110	Кв.	БС		+		+		+	+		+	Н

Примечания: Кв. – квадратная; Пр. – прямоугольная; БС – бесстолбовая; Км. – комбинированная; ОС – опорно-столбовая; СУ – скругленный угол; Н – ниша; КС – каменный столик.

оставивших столбовых ямок, предложил возможность применения населением СМК фахверковой конструкции [1, с. 45], а С. А. Плетнева допустила использование жердевого или плетневого каркаса стен, крепившегося в культурном слое, который не оставил археологических следов [3, с. 39]. Кроме предложенных выше способов нельзя исключать и применение древними строителями какой-либо другой техники постройки стен.

Какаясь вопроса о существовании срубных домов у салтовского населения Лесостепи, отметим, что остатки сруба здесь были достоверно зафиксированы всего лишь в одном случае на Верхнесалтовском городище [4, с. 41, рис. 1, а]. Однако, несмотря на подобную статистику, на наш взгляд, срубные постройки, были представлены в большем количестве. В отличие от степных регионов, где ощущался недостаток строительной древесины, в долине среднего течения Северского Донца было достаточное количество строительного леса, необходимого для возведения срубов, что подтверждают результаты исследований палеопочв, проведенных на ряде памятников региона (городища Мох-

нач, Верхний Салтов, Коробовы Хутора) [31, с. 48, 158–162].

В целом определение типа безстолбовой конструкции должно решаться индивидуально для каждой отдельной раскопанной постройки и зависеть от обнаруженных в заполнении котлована или поблизости его конструктивных деталей и материалов строительства, а также стратиграфических наблюдений. Так, от турлучных или глиняных стен должны остаться развалы глины, каменных – развалы камня и фундаменты каменной кладки, от фахверковых стен – канавки для крепления каркаса.

В трех жилищах селища Пятницкое-I (1, 5, 8) были обнаружены ямки от столбов. В постройке 1 в зачищенных профилях были обнаружены остатки двух ямок (Илл. 2: 2, 3). Основываясь на этих данных, Б. А. Шрамко высказал мысль о том, что перекрытие жилища 1 опиралось на столбы, расположенные в углах и у стен постройки [9, с. 21; 10, с. 48]. Конечно, отвергать такую конструкцию, как возможную, нельзя. Однако, наличие столбов у стен не всегда является признаком опорно-столбовой конструкции. В некоторых салтов-

ских жилищах у стен и в углах котлованов обнаруживались единичные столбовые ямки [7, с. 106, рис. 5], или их количество было явно недостаточным для возведения опорно-столбовых стен [7, с. 104, рис. 4]. Как раз такая ситуация была зафиксирована в котловане жилища 8, где возле южного борта были зафиксированы две столбовые ямки (Илл. 11). Двух опор для постройки стен было явно недостаточно, поэтому тут могла использоваться только безстолбовая техника, а установка столбов была связана с сооружением деталей интерьера или ремонтом (укреплением) южной стены. В жилище 5 обнаружены 3 «комплектные» (в углах и посередине стены) ямки возле ЮВ стены котлована и 1 посередине СВ стенки (Илл. 7). В данном случае, можно предположить возведение стен в комбинированной конструкции (ЮВ и СВ стены в опорно-столбовой технике, а СЗ и ЮЗ стены в безстолбовой). Не исключено и то, что столбы устанавливались для каких-то иных целей (установка лежанок, укрепление бортов котлована, ремонт стен и т.п.), а все стены были возведены в безстолбовой строительной технологии.

В 6 жилищах (2–4, 6, 7) селища Пятницкое-1 столбовые ямки в котлованах и возле них отсутствовали вовсе. Остатки строительного материала (дерево, развалы глины или каменные кладки) либо какие-то элементы конструкции, указывающие на способ возведения стен в безстолбовой технике во время исследований построек обнаружены не были. Исходя из этого, мы предполагаем, что их стены были срубными.

Еще одним важным критерием, для восстановления внешнего вида стен постройки является их расположение по отношению к углубленному котловану. Традиционно считается, что периметр стен постройки совпадал с границами котлованов. Однако, в ряде случаев возведение стены внутри котлована представляется маловероятным, а подчас и невозможным. К таким факторам можно отнести вынос отопительного устройства или иных конструктивных элементов за пределы основного котлована, а также в случае, если отопительное устройство вплотную примыкает к его стенам. Возможность такого конструктивного решения в салтовском домостроении, по аналогии со славянским, уже предлагалась нами [7, с. 112; 32, с. 159].

Среди построек Пятницкого-1 стены с отступом от котлована могли быть построены в жилище 6. На это указывает размещение погребя в западном углу жилища (Илл. 7), который при возведении СЗ и СВ стены в пределах котлована оказался бы за пределами жилого помещения, а угол нависал над ямой. Судя по чертежу жилища 4 (Илл. 5: 1) часть камней от разрушенной печи находилась на краю котлована за его пределами. Скорее всего, здесь печь была вплотную пристроена к бортам котлована, а значит, и возведение стен внутри его было довольно затруднительным. В этом случае вынос стен за его периметр также вполне вероятен. Еще одной постройкой, где стены отстояли от исследованного котлована, является жилище 2. На эту мысль наводит наземный характер постройки и очень малая площадь котлована (5 м²), которая сильно выделяется среди других исследованных жилищ селища (Табл. 6). В случае же отступа стен от котлована, жилая площадь могла быть существенно увеличена.

С конструкцией стен тесно связан вопрос используемого строительного материала. Во всех приведенных выше постройках, скорее всего, основным материалом являлось дерево. Кроме того, в заполнении некоторых котлованов, была обнаружена глиняная обмазка. Ее количество, было небольшим, потому можно предположить, что лишь часть деревянных стен обмазывалась глиной. Возможно, это были места возле печи, там, где были щели или соединения различных конструкций. Нельзя исключать и использование других стройматериалов, таких как войлок, хворост, грунт, и другие материалы, которые не прослеживаются археологически, но известны в этнографии [30, с. 519, 520; 33, с. 18–29]. В заполнении раскопа-3 было найдено около десятка железных гвоздей [16, с. 27; 17, с. 12, 31; 18, с. 11; 19, с. 11]. Возможно, они использовались для соединения элементов интерьера.

Для описанных построек, вследствие отсутствия каких либо данных, говорить о конструкции кровли затруднительно. По аналогии с материалами этнографии народов Северного Кавказа и Восточной Европы, можно лишь предположить, что крыша могла быть различных видов – односкатная, двухскатная или четырехскатная [29, с. 223–259; 34, с. 10–77].

Одним из главных элементов жилого помещения является отопительное устройство,

которое служило для обогрева и приготовления пищи. Тип отопительного устройства и место его расположения – один из наиболее консервативных и мало изменяющихся элементов интерьера. В семи жилищах селища (1–7) были зафиксированы печи-каменки, и в одном случае – очаг (жилище 8). В пяти случаях печи были расположены в северном углу котлована¹⁵. Для жилищ 1 и 5 их месторасположение достоверно определить невозможно. Отметим, что почти все печи были сильно разрушены. Практически целым сохранилось лишь отопительное сооружение в постройке 7.

Все исследованные печи были сложены насухо из камней песчаника различного размера (большие, средние и мелкие), имели подковообразную в плане форму и размеры 100–135×80–110 см. Высота кладки камней составляла 50–55 см. На них устраивалось плоское глиняное перекрытие (свод) на прутяном каркасе. Под располагался на уровне пола или был незначительно (5–10 см) углублен. В одном случае он был обмазан глиной (жилище 5). Устьем печи были обращены на юг или ЮВ – в середину помещения. Печь в жилище 7, по-видимому, была побелена. Следы побелки были обнаружены более чем на 80-ти ее камнях [19, с. 14]. Отметим, что это пока единственный известный нам случай побелки печей. В целом подобные печи-каменки имеют широкие аналогии как на салтовских [35, с. 47, 48; 36, с. 60] так и синхронных славянских памятниках [37, с. 120]. Практически аналогичны по конструкции печи были распространены и в жилищах пеньковской культуры [23, с. 25].

В центре жилища 8 был обнаружен открытый очаг углубленный ниже уровня пола. Он располагался на полочке в СЗ части большой очажной ямы (Илл. 11). Очаг был обмазан глиной и, также как и большинство печей, сильно разрушен [16, с. 28, 29]. Подобные по конструкции очаги мало распространены на лесостепных памятниках СМК [36, с. 45]. Ближайшей ему аналогией является очаг, исследованный в постройке на городище Мохнач. В отличие от очага жилища 8, в

Мохначе не использовалась глиняная обмазка, а очажная яма располагалась не в центре, а возле ЮЗ стены сооружения [38, с. 52, 53, рис. 83, 84].

Кроме отопительных устройств были обнаружены и другие элементы интерьера древних жилищ (Табл. 6). В четырех случаях удалось выявить место входа в котлованы построек. Жилища 6–8 имели четко выраженный вход в виде ниш-ступенек (в жилище 7 ступенька не была вынесена в нишу), в восточном (6, 7) и ЮЗ (8) углу котлована. В постройке 2, мы предполагаем вход на месте закругления западного угла. В остальных жилых сооружениях место входа в жилое пространство определить не удалось.

Полы жилищ были земляными, без какой-либо подмазки. Практически во всех их сделаны углубления и ямы различного размера и назначения. Так, небольшое углубление в северном углу жилища 2 было сделано для установки в нем печи. Ямы в жилищах 3, 5, 6, 8 также были связаны с обслуживанием очага, а в западном углу котлована постройки 6 был сооружен большой погреб. Для хранения небольшого зернового запаса, по-видимому, использовалась яма «А» в восточном углу жилища 4 (Илл. 5: 1). Ее стенки и дно были обмазаны мелом [14, с. 11], как и фрагменты тарных пифосов для хранения зерна, найденные в раскопе-3 [19, с. 8]. В жилищах 6 и 8 обнаружены ямки от столбов, которые не имели отношения к конструкции стен, и могли быть оставлены столбами-опорами какой либо мебели или других элементов интерьера. В одном случае (жилище 6) была выявлена небольшая полочка в стене котлована (Илл. 7). Необычным элементом интерьера является каменный столик возле печи в постройке 7 (Илл. 9). Сделаем предположение, что в качестве подобного столика использовались и единичные жерновые камни, найденные возле отопительных устройств в ряде жилищ на различных памятниках СМК [5, рис. 2; 39, рис. 29, 30].

Практически все исследованные котлованы жилищ были ориентированы углами по сторонам света с некоторыми, по-видимому, сезонными смещениями. Лишь постройка 8 была, без существенных отклонений – ориентирована по сторонам света своими стенами. Отметим также, что все постройки, раскопанные на раскопе-3, выстроены в линию по

15) Сомнения вызывает лишь размещение печи в северном углу жилища 3. А. В. Крыганов в отчете отметил, что не меньшее количество камней от развала печи было обнаружено и в западном углу [13, с. 5], где также могла располагаться печь.

оси север-юг с небольшим смещением к востоку (Илл. 4), что говорит об определенной планировке их размещения.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на обнаружение материалов пеньковской культуры в заполнении салтовских жилищ. Они были найдены в трех постройках (2, 3, 7) и были представлены фрагментами керамики (Илл. 5: 2, 3) и бронзовым перстеньком (Илл. 10: 23). Единичные фрагменты пеньковской посуды попадались и в культурном слое раскопов-3, 9 [16, с. 13; 17, с. 9, 29; 18, с. 10]. Также, при исследованиях синхронного селища салтовского кремационного могильника, известного как Кочетокский, расположенного к западу от селища, в подъемном материале и в культурном слое были зафиксированы пеньковские древности [40, с. 79, илл. 9% 3, 6].

Пеньковские вещи, конечно, могли попасть в обиход салтовского населения в результате случайных находок на поселении и прилегающих окрестностях¹⁶. Вместе с тем, не исключена возможность проникновения в салтовскую среду представителей пеньковской культурной общности, которые заселяли данную территорию до прихода салтовских племен. Отметим, что, кроме бассейна р. Большая Бабка, пеньковские материалы встречаются и на других погребальных и поселенческих памятниках СМК [42, с. 108–118; 43, с. 88].

Таким образом, рассмотрев жилые постройки селища салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I, можно сделать следующие выводы. На селище исследованы как наземные, так и углубленные в грунт постройки. Практически все они были возведены в единой домостроительной традиции. Жилые постройки были квадратные или прямоугольные в плане, ориентированные углами по сторонам света, с печью-каменкой в северном углу. Из общего порядка выбивается только жилище 8, ориентированное по сторонам света своими стенами и отопительным устройством в виде углубленного очага в центре. Стены всех построек были возведены в безстолбовой технике, скорее всего срубной.

Литература

1. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г. Е. Афанасьев // АОН. – Вып.2. – М.: Наука, 1987. – 200 с.
2. Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища / А. З. Винников // Маяцкое городище (Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции). – М.: Наука, 1984. – С. 95–135.
3. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 286 с.
4. Колода В. В. Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові / В. В. Колода // Археологія 2000. – № 4. – С. 40–54.
5. Свистун Г. Е. Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 годов) / Г. Е. Свистун // Древности 2009. – Харьков, 2009. – Вып.8. – С. 269–284.
6. Савицкий Н. М. Жилые постройки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.и.н / Н. М. Савицкий. – Воронеж, 2011. – 23 с.
7. Квитковский В. И. Жилища селища салтово-маяцкой культуры Коробовы Хутора / В. И. Квитковский // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 9. Хазарское время – Донецк, 2012. – С. 99–119.
8. Плетнева С. А. Отчет к открытому листу №8 Сев-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. / С. А. Плетнева // НА ИА НАНУ. – № 1957/17.
9. Шрамко Б. А. Отчет о разведках и раскопках 1977 года / Б. А. Шрамко // НА ИА НАНУ. – № 1977/95.
10. Шрамко Б. А. Погребение VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области / Б. А. Шрамко // Древнерусское государство и славяне. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 48–50.
11. Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1978 году / В. К. Михеев // НА ИА НАН Украины. – № 1978/72.
12. Крыганов А. В. Памятник салтово-маяцкой культуры у с. Пятницкое на Харьковщине / А. В. Крыганов // Вестник Харьковского университета. – Харьков, 1992. – №362. Серия «история». – Вып. 25. – С. 119–123.
13. Крыганов А. В. Отчет о полевых исследованиях Разведочного отряда Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1988 г. / А. В. Крыганов // НА ИА НАНУ. – № 1988/162.
14. Крыганов А. В. Отчет об археологических раскопках поселений и городища в Волчанском и Чугуевском районах Харьковской области в 1990 г. / А. В. Крыганов // НА ИА НАНУ. – № 1990/190.
15. Михеев В. К. Отчет о научно-исследовательской работе Международного Центра хазароведения за 2005 г. / В. К. Михеев // НА ИА НАНУ. – № 2005/266.

16) К примеру, в непосредственной близости от поселения СМК, через р. Большая Бабка известно большое пеньковское селище Пятницкое-II [41, с. 16].

16. Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2008 году (селище Пятницкое-I и городище Мохнач в Харьковской области) / В. В. Колода, В. И. Квитковский // НА ИА НАНУ. – б/н.
17. Квитковский В. И. Отчет об археологических исследованиях Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2009 году / В. И. Квитковский, В. В. Колода // НА ИА НАНУ. – б/н.
18. Квитковский В. И. Отчет о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2010 году / В. И. Квитковский // НА ИА НАНУ. – б/н.
19. Квитковский В. И. Отчет о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2011 году / В. И. Квитковский // НА ИА НАНУ. – б/н.
20. Квитковский В. И. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I / В. И. Квитковский // СМАК. – Вып.2. – Харьков, 2012. – С. 26–29.
21. Квитковский В. И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I / В. И. Квитковский СМАК. – Вып.1. – Харьков, 2011. – С. 14–20.
22. Винников А. З., С.А. Плетнева. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева. – Воронеж, 1998. – 216 с.
23. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – 170 с.
24. Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В. Основные принципы типологизации / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Я. В. Чеснов // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 5–20.
25. Кочнев В. И. Основные принципы выделения типов жилища / В. И. Кочнев, Б. Р. Логашова, Н. Н. Чебоксаров // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. – М.: Наука, 1981. – С. 4–23.
26. Красильников К. И. Население Степного Подонцовья в хазарское время / К. И. Красильников // Дивногорский сборник. – Вып.1: Археология. – Воронеж, 2009. – С. 52–82.
27. Белецкий В. Д. Жилища Саркела – Белой Вежи / В. Д. Белецкий // МИА. – № 75. – М.–Л., 1959. – С. 41–130.
28. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева // – МИА. – №142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.
29. Чижикова А. Н. Жилища / А. Н. Чижикова // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 223–259.
30. Волков Ф. К. Украинский народ в его прошлом и настоящем / Ф. К. Волоков // Этнографические особенности украинского народа. – Петроград, 1916. – С. 455–647.
31. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне / В. В. Колода, С. А. Горбаненко. – К., 2010. – 216 с.
32. Квитковский В. И. К вопросу о реконструкции внешнего вида жилых построек лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры / В. И. Квитковский // Дивногорский сборник. – Вып.3. – Воронеж, 2012. – С. 154–162.
33. Вейштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. / С. И. Вейштейн. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
34. Лавров Л. И. Этнография Кавказа / Л. И. Лавров. – Л., 1982. – 223 с.
35. Красильникова Л. И. Вогнища і печі в спорудах хозарського часу зі Степового Подонців'я / Л. И. Красильникова // Археологія 2003. – №2. – С. 48–60.
36. Квитковский В. И. Отопительные сооружения на поселениях салтовской культуры в лесостепной зоне бассейна Северского Донца / В. И. Квитковский // Дивногорский сборник. – Вып.1: Археология. – Воронеж, 2009. – С. 44–51.
37. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище / П. А. Раппопорт // САИ. Е1–32. – Л., 1975. – 180 с.
38. Колода В. В., Квитковский В. И. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2007 году / В. В. Колода, В. И. Квитковский // НА ИА НАНУ. – б/н.
39. Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2010 году (городища Мохнач и Коробовы Хутора в Змиевском районе Харьковской области) / В. В. Колода // НА ИА НАНУ. – б/н.
40. Свистун Г. Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». — Випуск 2. — Харків, 2012. — С. 79-84, 133-141.
41. Колода В. В., Свистун Г. Е., Квитковский В. И., Лаптев А. А. Отчет о совместных археологических разведках в Харьковской области в 2007 г. (в бассейне рек Тетлега и Большая Бабка) / В. В. Колода, Г. Е. Свистун, В. И. Квитковский, А. А. Лаптев // НА ИА НАНУ. – б/н.
42. Плетнева С. А. Об этнической неоднородности племен северо-западного хазарского пограничья / С. А. Плетнева // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 108–118.
43. Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII – начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Харьков, 1994. – Вып.1. – С. 87–100.

ДВА САЛТОВСКИХ КОМПЛЕКСА ИЗ ГОСУДАРЕВА ЯРА

Анотація. В роботі розглядаються два комплекси салтівської археологічної культури, що відносяться до IX – поч. X ст. Вони являють собою, скоріш за все, рештки інвентарю кремаційних поховань. Артефакти виявлені в місцині із назвою «Государев Яр» в околицях с. Богородичне Донецької області України. Кожен з комплексів містив набір землеробських знарядь та предмети військового кочового побуту. В одному з комплексів знайдено набір інструментів коваля, а в другому – інструменти щодо обробки дерева та шкіри. В окремих випадках вдалося прослідкувати технологічні прийоми, за допомогою яких ковали створювали ті чи інші вироби.

Ключові слова: салтівська археологічна культура, ковальство, землеробство, обробка дерева, вершник.

Abstract. Two complexes of Saltov archaeological culture dated by IX-X cen. are discussed in the work. They probably present the remains of the implements from cremation burials. The artifacts were found in Gosudaryev Ravine area located near Bogorodichnoje village (Donetsk region, Ukraine). Each complex contained a set of agricultural tools and objects of military nomad life. One of the complexes comprised a set of a blacksmith's implements, while another one – the tools for wood and leather. Besides, some techniques involved in the process of blacksmith's product creation have been traced.

Key words: Saltov archaeological culture, blacksmith's production, agriculture, wood processing, horseman.

Осенью 2012 г. в научно-исследовательскую лабораторию Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды были переданы два археологических комплекса железных предметов. Они были найдены в лесу на правом берегу Северского Донца в 4–5 км к северу от с. Богородичное Донецкой области. Удалось уточнить, что предметы были выявлены между селами Богородичное (Донецкая обл.) и Студенок (Харьковская обл.) в местности с названием Государев Яр (в наибольшем южном ответвлении в его верховьях). Вещи лежали двумя скоплениями на поверхности, рядом с неглубокими перекопами, в сопровождении фрагментов гончарной и лепной керамики: среди первой упоминались обломки гофрированных амфор, а фрагмент верхней части одного лепного сосуда из слабообожженного шамотного теста был передан вместе с железными предметами. В связи с тем, что комплексы были довольно четко обособлены и локализованы, было решено присвоить им условные названия Государев Яр-1 (комплекс-1) и Государев Яр-2 (комплекс-2). Поступившие предметы сами по себе вызывают научный интерес в плане изучения хозяйства, ремесла и быта раннесредневекового населения, проживавшего на границе степи и лесо-

степи в бассейне Северского Донца. Кроме того, некоторые из них несут на себе явные следы определенных технологических операций и приемов кузнечной обработки, что в значительной степени обогащает наше понимание ремесленной деятельности упомянутого выше населения.

Определенные трудности вызвала локализация места обнаружения. Современная туристическая карта имеет весьма схематическое изображение линий, по которым весьма сложно определить местоположение яра, как такового, вообще (Илл. 1: 1). На археологической карте Харьковской губернии, составленной накануне XII всероссийского археологического съезда в северо-западном направлении от Богородичного видны 2 яра, что выходят к правому берегу Донца (Илл. 1: 2). Но какой из них имел название Государев Яр – не обозначено. И только на карте-трехверстке XIX в. сохранилось название Государева Яра, равно как и название местности – Теплинский лес – где были обнаружены рассматриваемые в данной публикации комплексы (Илл. 2), что позволило нанести их местоположение и на две другие, упомянутые выше, карты (Илл. 1).

Рассмотрим представленные комплексы, которые по набору предметов близки между собой.

Поступивший комплекс *Государев Яр-1* (Илл. 3) насчитывал 14 железных предметов и фрагмент верхней части лепного сосуда (Илл. 4: 3). Сосуд (по всей видимости – кухонный горшок) был сделан из довольно плотного теста со значительной примесью мелкого и среднего шамота (фракции – до 5 мм). У него высокое плечико, он украшен пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю закругленного чуть отогнутого венчика; обжиг – некачественный (костровой-?) обжиг: внешняя и внутренняя поверхности черепка – светло-коричневые с терракотовым подпалом, на изломе – черные. Имеющиеся в комплексе металлические предметы можно условно разделить на три группы: хозяйственные орудия, орудия кузнеца и предметы, используемые воином-кочевником. Рассмотрим их подробнее.

Хозяйственные орудия

В этой группе следует выделить, прежде всего, орудия сельского хозяйства (чересло, наральник, мотыга и коса-горбуша), а также орудие широкого спектра хозяйственного использования (пешня).

Чересло – плужный нож (Илл. 5: 1) относится, по способу крепления к деревянной основе пахотного орудия, к черешковым наконечникам орудий [1, с. 4, рис. 4: 2], а по форме рабочей части – к ножевидным¹. Его общая длина (с учетом несколько обломанного кончика) составляет ≈52 см при длине рабочей части ≈23 см². Стержень для крепления имел прямоугольно сечение 3,4×2,2 см. Аналогичные по форме и размерам чересла известны на салтовских памятниках – городище Маяки, правобережное Цимлянское [2, с. 23, рис. 23: 4–7; 4, рис. 46: 3]. Известны они и

1) Современное состояние источниковой базы по пахотным орудиям раннего средневековья позволяет выделить на основе формы рабочей части, по крайней мере, 2 типа чересел – перьевидные (длинный железный стержень и относительно короткое и симметричное лезвие рабочей части, заточенное с двух сторон [2, рис. 23:3; 3, с. 31, рис. 3: 4]) и ножевидные (рабочая часть с односторонней заточкой составляет от 1/3 до 1/2 длины орудия и изогнута в сторону лезвия).

2) Пользуясь случаем, приносим свои извинения за неточность в описании и прорисовке чересла одного из комплексов Сухой Гомольши [3, с. 31, рис. 3: 4], которые не соответствуют реальности – смотри фото [3, рис. 1]. Общая длина артефакта составляет ≈42 см, вместо написанных и прорисованных 33 см (остальные данные верны).

на северянских городищах, расположенных в контактной зоне славян и населения Хазарии – Битица, Мохнач [5, с. 41, рис. 13: 3, 8³].

Наральник (Илл. 5: 2) относится ко втульчатым симметричным широколопасным пахотным орудиям по типу IV2 по классификации Ю. А. Краснова [1, с. 40–42]. Он укреплен наварными пластинами, что, вероятно, свидетельствует о его мощности (особенно в сочетании с описанным выше череслом) и использовании для вспашки тяжелых черноземов на плато. Его общая длина – 21 см, ширина – ≈14 см, длина рабочей части – 15 см, втулки – 6 см, ширина втулки – 8 см; ширина наварных полос рабочего края – 3,2 см. Аналогии этому наральнику, в том числе и с наварными лезвиями широко известны в салтовском мире: городища Маяки, Мохнач, Правобережное Цимлянское, селище Верхний Салтов [2, с. 33–37, рис. 22; 6, с. 62, 77, 78, рис. 32: 1–2, рис. 40: 1]. Известны наральники такого типа и в славяно-русской среде [1, с. 42, 68 (ссылка 19); 7, рис. 52: 1, 53: 11; 8, с. 70–71, рис. 3: 1, 2]. Однако заметим, что на славянских синхронных поселениях они не имели наварных усиливающих полос.

Мотыга (Илл. 5: 3) относится к ручным орудиям вторичной обработки почвы. Она представлена проушным изделием с несколько согнутым лезвием в сторону рукояти. Общая длина изделия – 16 см, длина лезвия – 10 см, ширина лезвия – 8 см; размеры овальной проушины – 2,5×2,0 см. Подобные мотыги (или с таким же типом крепления) известны на салтовских памятниках: городища Маяки, Мохнач, Правобережное Цимлянское, селище Верхний Салтов, Поляны (в Крыму) – [2, с. 39, рис. 24: 1–8; 6, с. 65, 79, рис. 32: 6, 40: 3; 9, с. 71, рис. 24: 9]. На славянских памятниках Днепровского Левобережья такие мотыги практически не выявлены [5: с. 44], единственная известная нам мотыга с таким типом крепления, найденная на синхронном салтовской культуре северянском поселении, происходит из контактной славяно-хазарской территории – городище Водяное [8, с. 72, рис. 3: 7].

3) Данная прорисовка двух чересел со славянской части городища Мохнач проводилась в полевых условиях сразу после обнаружения. Сейчас же, после реставрационной очистки они имеют более четко выраженные лезвия рабочих частей, максимально приближающие их к стержневым ножевидным орудиям.

Осмотр мотыги выявил некоторые технологические особенности ее изготовления. За основу был взят вытянутый металлический брусок квадратного сечения 2,2×1,3 см (минимум), который в процессековки был согнут пополам. Срединная часть бруска образовала верхнюю часть дуги проушины. Для формирования нижней части проушины между согнутыми краями бруска был вставлен металлический клин, верхняя часть которого явно видна в проушине. Еще одним доказательством помещения этого клина являются сохранившиеся швы кузнечной сварки (Илл. 4: 2). После кузнечной сварки, сформировавшей шейку изделия (верхний край рабочей части), нагретые концы были расплющены. Впоследствии рабочей части мотыги была придана необходимая форма.

Коса-горбуша (Илл. 5: 5) имеет общую длину ≈49 см при ширине лезвия 3,5 см. Пятка, в отличие от лезвия, имеет прямоугольный профиль (толщина полосы металла ≈3 мм). Пятка заканчивается шипом (1,5 см), отогнутым по отношению к пятке под углом в 90°. Основываясь на типологии данных изделий, разработанной В. К. Михеевым, мы можем отнести рассматриваемое изделие к типу ИБ2 – с отогнутой под почти под прямым углом пяткой и изогнутым лезвием [2, с. 29, рис. 21: 5, 6]. В целом, коса – орудие заготовки кормов для стойлового содержания скота довольно широко представлено в салтовской среде, а группа изделий с отогнутой пяткой и отогнутым шипом на ней является господствующей. Они известны на селище Верхний Салтов [6, рис. 37: 4], городищах Дмитриевка, Маяки, Правобережное Цимлянское [2, рис. 21: 1–6; 4, рис. 46: 6, 7; 10, рис. 29: 19; 11, рис. 13: 1, 14: 7]. Известны такие косы и в славянской среде Днепровского Левобережья: городища Битица-I, Ницаха [5, рис. 28: 9; 14–16].

К хозяйственным орудиям широко спектра использования мы относим и *пешню* (Илл. 5: 4), во втулке которой сохранились остатки рукоятки из трубчатой кости (Илл. 4: 1). Общая длина изделия составляет 20,5 см (рабочая часть – 13,5 см, втулка – 7 см); максимальная ширина рабочей части орудия – 3,3 см (при толщине в 8–9 мм), ширина лезвия – 1,5 см; размер окружности втулки – 3,0×3,7 см. Традиционно, втульчатые орудия такого вида относят к деревообрабатывающему инструменту – долотам типа-1 [2, с. 71, рис. 17: 16;

32: 13–15; 12, рис. 2]. Однако, изделие из комплекса Государев Яр-1 не имеет следов расплющивания или развальцовывания края втулки, что было следствием нанесения по нему ударов в процессе работы с деревом. Внешний край у втулки нашего орудия не имеет таких следов. Более того – он имеет неровный (разновысокий) край, что невозможно в случае нанесения ударов по нему. К тому же, он был насажен на трубчатую кость крупного животного, которая также бы раскололась вдоль и выпала в случае использования данного инструмента как долота. Мы предполагаем, что это орудие использовалось в качестве наконечника пешни для выдалбливания лунок во льду, который более хрупок (по сравнению с деревом). Костяная втулка могла использоваться для соединения этого орудия с деревянной рукоятью (в случае транспортировки пешня разбиралась на рабочую часть со втулкой и рукоять⁴). Таким образом, орудия подобного типа, упомянутые ранее, могли использоваться по нескольким хозяйственным назначениям: для работы по дереву и при зимней рыбной ловле.⁵

Орудия кузнеца.

К ним относятся 2 молотка, наковальня, ножницы по металлу и напильник.

Молотки (Илл. 6: 1, 4). Не смотря на то, что орудия имеют различную форму и вес оба они относятся к молоткам-чеканам, а не обычным кузнечным молоткам-ручникам для начальной горячей проковки («выминания») заготовок черного металла.

Большой из них (Илл. 6: 1), весом 790 г., и мел необычную для салтовских кузнечных молотков вислообушную форму, аналогии которой нам пока не известны. Его общая длина составляла 28,3 см, из которых на проушную втулку приходилось лишь 5,5 см. Овальная, слегка наклоненная в сторону рукояти проушина имел размеры 2,7×3,5 см. Длина втулки составляла 3,5–4,0 см. Наличие заостренного углубления в нижней части отверстия свидетельствует о том, что технология изготовления этого инструмен-

4) Последнюю, впрочем, можно было изготовить на месте из подручного материала.

5) Поливариантность использования орудий хозяйственной деятельности не редкость в салтовской культуре, например – ножи или мотыжки с вертикальной втулкой.

та во многом была сходна с выше описанной технологией изготовления мотыжки: изначальная железная полоса (брусок) изгибался посередине и обжимался на круглом стержне. Затем концы заготовки подвергались кузнечной сварке, в результате которой создавалось тело рабочей части инструмента. Практически квадратный в сечении (2,2×2,3 см) боек молотка имел длину 23 см. Ударная площадка бойка была округло-выпуклой. Это, а также практическое отсутствие сработанности или следов приложения значительной силы в виде расширения ударной части позволяет высказать мысль об использовании этого инструмента для вытягивания сферических по форме поверхностей из листового цветного металла (например: бронзовые котлы). Значительный вес инструмента создавал удар достаточной силы даже при малом замахе, а длинный стержень рабочей части позволял вытягивать (расклепывать) металл на дне сосуда не повреждая край предмета обработки.

Второй молоток (Илл. 6: 4) был также проушным, имел вес 190 г. Он изготовлен из изогнутого в сторону рукояти прямоугольного бруска с размерами: 12×2,5×0,6–1,0 см и утолщение к нижней (рабочей) части. Пробитая и несколько растянутая в стороны (≈3,5 см) срединная часть снабжена прямоугольной проушиной 2,4×0,8 см. Такой молоток с успехом мог использоваться для мелких кузнечных и разнообразных слесарных и ремонтных работ. Аналогии такому молотку-чекану (по весу, размерам и форме) имеются в салтовской культуре: на городищах Маяки, Мохнач, Правобережное Цимлянское, в Сухой Гомольше [2, рис. 35: 12; 3, с. 32, илл. 4: 4; 4, рис. 50: 1; 13, с. 75, рис. 2: 1].

Наковальня-шперон (Илл. 6: 5)⁶ имела слегка выпуклую почти квадратную (≈11,0×11,0 см) рабочую поверхность. Ее общая высота составляет ≈13 см. Нижний квадрат ножки – 3,5×3,5 см. Наличие глубокой трещины (до 3 см) в теле наковальни (Илл. 3; 6: 5) свидетельствует также об использовании при ее изготовлении такого приема как сгибание изначального бруска-заготовки и последующей кузнечной сваркой и формиро-

ванием тела в горячем состоянии. Аналогии таким наковальням известны на салтовских памятниках: городища Маяки, Мохнач, Правобережное Цимлянское [2, рис. 35: 7–10; 4, рис. 49: 2, 3; 13, с. 75, рис. 2: 2], на синхронном памятнике Кордон-Оба в Крыму [9, с. 81]. Еще одна находка известна в захоронении кузнеца-кочевника начала II тыс. н.э. в степной части Украины [14, с. 24].

Напильник (Рис. 6: 2) имел общую длину 16 см, размер рабочей части – 11×1,8 см при толщине до 0,5 см. В виду сильной коррозии на его рабочих плоскостях не удалось выявить структуру и рядность рабочей поверхности, однако на боковых гранях местами прослеживается однорядная косая насечка. Аналогий этому слесарному инструменту известно немного. Наиболее близкие по размерам – два напильника с двурядной перекрещивающейся насечкой на обеих плоскостях и на ребрах – найдены близ Сухой Гомольши [3, с. 32, рис. 4: 1, 2; 5: 1–4]. Кроме них, нам известны напильники салтовской культуры с однорядной насечкой и лишь на одной плоскости: на городищах Правобережное Цимлянское и Маяки [2, с. 89; 4, с. 324, рис. 50: 7–9].

Ножницы по металлу (Илл. 6: 6) относятся к шарнирным изделиям. Общая длина инструмента – 29 см, режущих кромок – ≈3 см. Нижняя ручка-рычаг – прямая, прямоугольная в сечении (2,0×0,7 см); ее конец заострен в форме «лопаточки» шириной 1,3 см. Верхняя ручка имеет S-видный изгиб; она имеет аналогичное предыдущей сечение в своей средней части, но внешний край представляет собою овальный в сечении стержень 1,3×1,0 см. Аналогии ножницам немногочисленны и известны на уже упоминавшихся городищах Маяки и Правобережном Цимлянском [2, с. 89, рис. 35: 26–27; 4, рис. 50: 4]. Своеобразие наших ножниц в том, что у них самые маленькие рабочие лезвия, и лишь у них конец верхней рукояти имеет не уплощенную форму.

К предметам кузнечного труда следует отнести небольшой уплощенный стержень, который мог играть роль заготовки для небольшого изделия (Илл. 6: 3). Заметим, что железные заготовки не раз сопровождали наборы кузнечных инструментов [3, с. 32, илл. 4: 1–4; 13, с. 73, рис. 3: 6–8; 15, с. 207, рис. 3: 7].

6) Такая разновидность наковальни используется не как самостоятельное орудие, а как вставка в более массивную основу, для чего и служила ножка в виде усеченного клина

Предметы воинского и кочевого употребления

Они представлены в данном комплексе парой стремян, обломком боевого топора и дужкой от котла.

Стремена (Илл. 7: 1, 4) относятся к так называемому «салтовскому» типу-2, виду-3 варианту-1 (арочные) с петлей прямоугольной формы. Их высота 17,7 и 18,0 см, ширина арки – 12,7 и 11,8 см – соответственно. Ширина подножки, усиленной тремя жгутами – по 5,3 см, на поле подножки прослежено в одном случае 4 и 1 отверстие круглое (диаметром ≈ 3 мм) внизу и по паре аналогичных отверстий по обоим бокам в месте схождения жгутов. По форме петли для путалища, ширине подножки, наличию на ней трех ленточных жгутов и прорезей они отнесены В. С. Аксеновым к типу-2, виду-3, варианту-В/Г [16, с. 80–81, рис. 18: 5–7] Аналогии им довольно известны в салтовских лесостепных комплексах⁷. Наиболее близкие датируются началом – третьей четвертью IX в.: погребение № 175 в Сухой Гомольше, № 101 в Красной Горке [16, с. 129–133]. Отметим, что известные на сегодняшний день стремяна типа-2 имеют строго горизонтальную или слегка вогнутую к петле подножку прямоугольной формы с четким углом при переходе к арке стремени, сама же арка имеет ромбическое сечение. У стремян из рассматриваемого нами комплекса сечение арки – овално-ромбическое, что, в целом, можно считать сходством с ранее известными. Однако есть у наших стремян и одна значительная особенность – подножка, в плане, имеет форму овала и плавно (без видимых углов) переходит в арку. Это, как нам представляется, сближает данные стремяна со стремянами печенежско-огузского круга из восточноевропейской степи X в. [17: рис. 82: 8, 9].

Боевой топор (Илл. 7: 2) представлен обломком нижней части – лезвие с частью шейки. Сохранившаяся высота изделия – 8,5 см, ширина и высота лезвия – по 4 см. По классификации В. С. Аксенова эти топоры относятся к типу-2 – с оттянутым в сторону ручки лезвием, образующим как бы уступ [18,

с. 109]⁸. Данный тип изделий имеет довольно широкую датировку – VIII–XI вв. [18, с. 109], однако есть мнение, что подобные топоры появляются не ранее конца IX в. [19, с. 86].

К походному кочевому быту салтовцев следует отнести и металлический котел, *железная ручка* от которого также входила в состав комплекса-1 (Илл. 7: 3). Она была изготовлена из плоской железной полосы шириной в 2,0 см и толщиной 2–3 мм. Общая длина полосы составляет 48 см, расстояние между изогнутыми концами – 32 см, что, в свою очередь, свидетельствует о диаметре верхнего края самого котла. Концы изогнутой полосы оформлены в виде крючков. На одном из них, что имел дополнительную шишечку-утолщение, сохранился обломок железного ушка с двумя отверстиями для крепления к самому котлу. Крючок на другом краю дужки был заострен. Аналогии котлам с такими ручками известны не только в салтовской среде [2, рис. 11:15; 4, рис. 54: 1, 2; 11, рис. 13: 2, 3; 18, с. 105; 20, с. 122, рис. 2: 1e], но и на городище Битица-I волынцевской культуры [21, рис. 65: 15].

В целом, археологический комплекс Государев Яр-1 относится к салтовской археологической культуре, с изделиями которой имеет наиболее полные и устойчивые аналогии. Основываясь на фрагменте боевого топора и пары стремян, считаем возможным отнести его ко второй половине IX – началу X вв.

Поступивший комплекс *Государев Яр-2* (Илл. 8) насчитывал 17 железных предметов, которые можно условно разделить на три группы: сельскохозяйственные орудия, орудия труда и предметы быта, а также предметы воина-всадника. Рассмотрим их подробнее.

Сельскохозяйственные орудия

К ним относятся чересло, наральник, пара мотыг и серп.

Чересло (Илл. 10: 1) типологически относится к тому же типу, что и аналогичное изделие из Государев Яр-1, но отличается размерами. Его общая длина (с учетом несколько обломанного кончика) составляет ≈ 38 см при длине рабочей части ≈ 17 см. Стержень для крепления имел прямоугольно сечение

7) В максимальном количестве они представлены в диссертационной работе В. С. Аксенова [16, с. 80–82, рис. 18]

8) Там же собрано и значительное количество аналогий с территории Восточной Европы.

3,3×2,1 см. Аналогии ему приведены при описании комплекса-1. Отметим, однако, что наиболее близкими из них являются пара чересел с городища Мохнач в их современном состоянии (после очистки).

Тип *наральника* при такой степени его повреждения (Илл. 10: 2) установить сложно, ясно лишь то, что он относится ко втульчатым широколезвийным изделиям относится ко втульчатым симметричным широколопасным пахотным орудиям в пределах типов IV1 – IV4 по классификации Ю. А. Краснова [1, с. 37–42]. Часть втулки и лезвия отсутствуют. На сохранившейся части лезвия сохранились следы его неоднократного укрепления наварными пластинами, что, вероятно, свидетельствует о ценности данного орудия для его хозяина и продолжительной работе на тяжелых черноземах плато. Причем, если с внутренней стороны была наварена 1 пластина, то с противоположной четко видно последовательная наварка двух полос (Илл. 9: 2). Общая длина изделия – 28,5 см, длина рабочей части – 20,5 см, втулки – 8 см. Сохранившаяся ширина рабочей лопасти составляет ≈12 см (в целом состоянии равнялась, вероятно, 18–20 см), сохранившаяся ширина втулки ≈8 см, Ширина наварных полос рабочего края – 2,5–3,0 см. Возможные аналогии этому наральнику приведены выше.

Мотыги представлены двумя изделиями, которые относятся к разным типам: проушная (Илл. 10: 3) и втульчатая (Илл. 10: 4).

Первая из упомянутых имеет общую длину ≈18,5 см, длина ее лезвия с полукруглым лезвием составляет 11 см, при ширине лезвия – 8 см. Верхняя часть с проушиной представляет собою брусок размеры овальной проушины – 7,5×3,7×2,0 см. Овальная проушина имеет размеры 3,2×2,0 см. Осмотр той стороны мотыга, которая была обращена к рукояти позволил выявить некоторые технические приемы кузнеца, изготавливавшего данное изделие (Илл. 9: 1). Заготовка для мотыги представляла собою брусок, сечение которого было близко к сечению верхней части изделия. После формирования проушины металл был расклепан до куска округлой в плане форме с размерами ≈15–16 см. Затем концы расклепанной и прокованной заготовки были согнуты с трех сторон и соединены кузнечной сваркой во внешне монолитное лезвие трапециевидной формы. Завершала

все свободнаяковка, сформировавшая полукруглый рабочий край мотыги. Аналогии этому орудию обработки почвы приведены выше.

Вторая (втульчатая) мотыга относится к типичным салтовским кузнечным изделиям широкого спектра применения. Общая длина изделия чуть 14,3 см, длина лезвия – 7 см, крепления – ≈7 см; ширина рабочего лезвия – 8,5 см, втулки – 5,5 см.

Серп (Илл. 10; 5) по классификации В. К. Михеева относится к группе-I, характерной чертой которых является наличие плоской пяты, что является продолжением клинка и на внешнем конце оснащена шипом для соединения с рукоятью, отогнутым под прямым углом к лезвию. Изделия этой группы составляют значительный процент (≈1/3) от общего числа серпов [2, с. 45, рис. 44: 1–3]. Размеры нашего серпа следующие: длина дуги – 28 см, высота дуги – 8,3 см, длина лезвия – 27 см, длина рукояти – 5–6 см, ширина лезвия – до 2,0 см, ширина пяты – до 2,2 см, толщина спинки лезвия – до 0,4 см, толщина пяты – 0,5 см, высота шипа – 1,5 см. Практически по всей длине на лезвии серпа имелись зазубрины, направленные в сторону рукояти (Илл. 9: 3). Очистка лезвия серпа позволила выявить прием, который использовался кузнецом для получения этих зазубрин: каждому зубцу соответствует след от удара небольшого зубильца (с лезвием длиной не более 0,5 см) по еще горячему краю изделия (Илл. 9: 3а).

Орудия труда и предметы быта

Эта группа представлена орудиями общего назначения (шило, нож), деревообрабатывающими (струг и нож-ложкорез), шпорным ножом и дужкой от котла.

Нож (Илл. 11: 4) весьма стандартной для салтовской культуры формы, однако его размеры – выше среднего. Общая длина ≈22 см, длина лезвия в целом состоянии ≈16,5 см, ширина – до 2,5 см при ширине обушка – до 0,6 см. Между черешком овального сечения и лезвием – четко выражены упоры для рукояти.

Шило (Илл. 11: 3) изготовлено из квадратного в сечении кованного стержня длиной (в несогнутом состоянии) – 10,5 см и максимальной толщиной 0,9 см.

Нож-ложкорез (Илл. 11: 5) также весьма стандартных размеров и формы для сал-

товской культуры, равно как и для соседних с ней славянских культур. Общая длина – 9,5 см, длина рабочей части – 3,2 см, ширина – 1,5 см. На противоположном от лезвия конце – отогнутый шит для крепления металлической части инструмента к деревянной рукояти.

Струг (Илл. 11: 6) – довольно редкий для салтовской культуры инструмент. Общая длина нашего изделия 23,7 см, рабочего лезвия – 14 см, ширина лезвия – 2,0 см, толщина обушка – 0,5 см. Наш экземпляр относится к наиболее распространенному типу-1 – с прямым лезвием. Аналогии изделию известны на городищах Верхний Салтов, Маяки, Правобережное Цимлянское [2, с. 70, рис. 32: 10, 11]. Заметим, что струг из нашего комплекса-2 имеет наименьшее лезвие из известных нам на сегодняшний день, кроме того, его рукоятки не были изогнуты.

Шорный нож (Илл. 11: 3), характерной чертой которого является отогнутость рукояти в сторону обушка и закругленная режущая часть лезвия, позволяющая лучше работать с кожей (мехом). Такие ножи также не редкость на поселенческих комплексах салтовской лесостепи.

Дужка-ручка от котла (Илл. 11: 1), аналогичная вышеупомянутым, была изготовлена из прямоугольной в сечении ($\approx 1,7 \times 0,3$ см) полосы, длиной 56 см. Расстояние между крючьями для подвешивания – 31 см, что приблизительно соответствует диаметру самого котла.

Предметы воина-всадника

В эту группу мы входит по паре сбруйных (?) колец и стремян, пластина от луки седла и фрагмент верхней части боевого топора.

Сбруйные кольца (Илл. 12: 1, 2) имели сходные параметры. Они были изготовлены из круглого в сечении прута 0,7–1,0 и 0,7–0,9 см, их диаметр был, соответственно, 5,0–5,2 и 4,4–4,7 см. Аналогии им известны во всех культурах юга восточной Европы конца I тыс.

Стремена, не смотря на свою схожесть, что позволяет их отнести к одному типу-2 (с округлой петле для путалища), виды и варианты их различны. Одно из стремян, дошедшее до нас в относительно целом виде (Илл. 12: 4), по размеру подножки (4,8–5,3 см), наличию на ней трех дополнительных жгутов и прорезей следует отнести к виду-3, варианту-

В/Г. Высота всего изделия – 18,5 см, ширина – 12,7 см. Дужка арки имеет линзовидное сечение. На неповрежденной части подножки прослежены две группы по 3 отверстия в каждой (диаметр $\approx 0,3$ см); аналогичные отверстия (по паре) обнаружены с каждой стороны изделия в месте соединения жгутов. Эта находка имеет аналогии в салтовской среде (смотри выше описание комплекса-1). Единственным отличием от иных представляется сечение арки: оно линзовидное, а не ромбическое, как у иных представителей данного типа-вида-варианта. Второе стремя сохранилось гораздо хуже (согнута арка, хрупкая и отломанная подножка). Ширину отломанной вогнутой подножки $\approx 4,0$ см, что позволяет отнести его к виду-2 того же типа-2, а наличие одного жгута и отсутствие прорезей в теле подножки – к варианту-Б [16, с. 80, 81]⁹. Изначальные размеры стремени были близки предыдущему в паре: высота всего изделия – 19 см, ширина – 12 см. Имеющиеся аналогии (погребение № 175 в Сухой Гомольше, № 101 в Красной Горке) позволяют датировать эту пару стремян началом – третьей четвертью IX в.: [16, с. 129–133].

Пластина от луки седла (Илл. 12: 3) была изготовлена из полосы металла длиной ≈ 32 см и сечением $1,5–1,7 \times 0,2$ см. Расстояние между концами составляет 23 см, что, вероятно, соответствует и размерам и трапециевидной форме самой деревянной луки. С одной стороны в пластине прослежено 2 сквозных отверстия диаметром 0,3 см (скорее всего, изначально их было 4 симметрично расположенных). Аналогии пластине, как одиночные, так и парные, известны, прежде всего, в аланской среде салтовской культуры [15, с. 207, рис. 3: 10; 10, рис. 43; 16, с. 77, рис. 14: 1]¹⁰.

Боевой топорик (Илл. 12: 6) представлен фрагментом верхней части – обушок и втулка. Высота втулки – 3,0 см, длина и ширина – $4,4 \times 3,7$ см; овальная проушина имеет размеры $3,1 \times 2,3$ см. Отметим, что наличие сварного шва в верхней части проушины сви-

9) Заметим, что сбоку стремени, где подножка переходит в арку, сохранились остатки трех нешироких жгутов. Возможно, крайние жгуты были утрачены в процессе износа (ритуального повреждения) и долговременной деструкции изделия в грунте. В этом случае данное стремя следует отнести к варианту-В.

10) В последней из упомянутых работ приведены наиболее широкие аналогии.

детельствует в пользу того, что при изготовлении топора использовали единый перегнутый брусок или же двухполосную сварку. Короткий обушок (3,0 см) почти квадратного сечения (2,3×2,0 см), который заканчивался ударной площадной прямоугольного сечения 2,8×2,2×0,7 см. Отсутствие лезвия не позволяет определить его типологию и провести аналогии [16, с. 89–91].

Таким образом, комплекс Государев Яр-2 относится к салтовской археологической культуре. Единственными датирующими предметами являются стремена, которые и определяют его хронологию: начало – третья четверть IX в.

В целом же, подводя итог рассмотрению новых комплексов, следует обратить внимание на то, что они довольно близки друг другу по набору инвентаря. В обоих наличествуют орудия земледелия (прежде всего, обработки почвы), орудия ремесленника (в одном случае – кузнеца, в другом – обработка дерева и кожи), а всадническое снаряжение кочевого воина-всадника по номенклатуре совпадает в трех важнейших позициях: стремена, топор и ручка от котла. Данные комплексы найдены в округе городища Богородичное (его второе название – Теплинское городище – по названию леса) (Илл. 2). Городище, известное еще по материалам XII археологического съезда в 1902 г. в Харькове (Илл. 1: 2) – [22, с. 42, 43]. В третьей четверти XX в. на нем проведены небольшие исследования [2, с. 20, 21, рис. 2: 5]. По мнению последнего исследователя этого салтовского памятника в комплекс с городищем входило обширное селище с салтовским материалом [23, с. 185–187]. Вполне вероятно, что рассмотренные нами комплексы Государев Яр-1 и Государев Яр-2 указывают на место расположения возможного могильника по обряду кремации (исходя из обожженности части инвентаря). последующие исследования должны пролить свет на этот вопрос.

И еще один вывод: присутствие такого количества орудий для качественной обработки почвы лишь подтверждает ранее высказанное нами мнение о распространении пашенного земледелия гораздо южнее современной границы степи и лесостепи (и не только в поймах рек).

Литература

1. Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю. А. Краснов – М.: Наука, 1987. – 236 с.
2. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев – Харьков: Вища школа, 1985. – 148 с.
3. Колода В. В. Еще одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши / В. В. Колода // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. – Вип. 2. – Харків: Видавець Савчук О. О.; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2012. – С. 30–36.
4. Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. / С. А. Плетнева // МАИЭТ. – Вып. IV. – 1994. – С. 271–397.
5. Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н.е. / С. А. Горбаненко – К.: Академперіодика, 2007. – 196 с.
6. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне / В. В. Колода, С. А. Горбаненко – К.: ИА НАНУ, 2010. – 216 с.
7. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского левобережья / О. В. Сухобоков – К.: Наукова думка, 1975. – 167 с.
8. Колода В. В., Горбаненко С. А. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 68–77.
9. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья / И. А. Баранов – К.: Наукова думка, 1990. – 168 с.
10. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С. А. Плетнева – М.: Наука, 1989. – 288 с.
11. Флеров В. С. Правобережное Цимлянские городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. / В. С. Флеров // МАИЭТ. – Вып. IV. – 1994. – С. 441–516.
12. Колода В. В. Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2005 г. / В. В. Колода // АДУ 2004–2005: Збірка наукових праць. – Вип. 8. – К. – Запоріжжя: ІА НАНУ, Дике Поле, 2006. – С. 213–216.
13. Колода В. В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище / В. В. Колода // ХА. – 2002. – Т. I. – С. 69–78.
14. Гаврилюк Н. А., Кравченко С. Н. Отчет о раскопках поселения IV в. до н.э. в г. Васильевка Запорожской области в 1985–1986 гг. – Запорожье – Киев, 1987 // Архив ИА НАНУ. – К. – № 1986/4а.
15. Колода В. В., Колода Т. А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии / В. В. Колода, Т. А. Колода // ХА. – Т. 8. – К. – Харьков, 2009. – С. 203–215.

16. Аксьонов В. С. Поховання з конем другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами ґрунтових могильників). – Дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1999. – 217 с. – Рукопись / Архив Харьковского исторического музея.

17. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1982. – 301 с.

18. Аксенов В. С., Михеев В. К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогольшинский могильник VIII–X вв. // ХА. – Т. 5. – К.–Харьков, 2006. – 306 с.

19. Крыганов А. В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII–X вв. – Дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1987. – 371 с. – Рукопись / ИА НАНУ. – Ф. 12. – № 656.

20. Колода В. В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Среднедонечья / В. В. Колода // ХА. – 2007. – Т. 6. – С. 120–132.

21. Юренко С. П. Восточные славяне VIII–IX вв. / С. П. Юренко // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К.: Наукова думка, 1990. – С. 290–302.

22. Багалеи Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии / Д. И. Багалеи // Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. – Т. I. – С. 1–92.

23. Кравченко Э. Городища среднего течения Северского Донца / Э. Кравченко // Проблемы на прабългарската история и култура. – Вип. 4-1. – София: Национален археологически институт БАН, 2007. – С. 167–206.

ХОКЕРИ И ПСЕВДОХОКЕРИ ОТ БИРИТУАЛНИТЕ НЕКРОПОЛИ В СЕВЕРОИЗТОЧНА БЪЛГАРИЯ: ВЪЗМОЖНОСТИ ЗА ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Анотация. Методу даной статті є узагальнення і систематизация даних щодо поховань типу хокери та псевдохокери на біритуальних могильниках раннього середньовіччя Північно-Східної Болгарії. Автор уточнює ознаки таких поховань і робить висновок, що практика поховання небіжчиків в скорченому положенні триває протягом усього функціонування біритуальних могильників. Вона описана і стосовно більш пізніх некрополів, в тому числі початку християнської доби, що є доказом її стабільності і консерватизму.

Ключові слова: хокер, псевдохокер, могильник, Північно-Східна Болгарія.

Abstract. The purpose of this article is to summarize and organize data type hokers graves and cemeteries birituals pseudohokers on early medieval North-Eastern Bulgaria. The author clarifies the characteristics of graves and concludes that the practice of burial dead in a crouched position continues throughout operation birituals burials. It is described and applied later cemeteries, including the beginning of the Christian era, which is proof of its stability and conservatism.

Key words: hoker, pseudohoker, cemetery, North-Eastern Bulgaria.

Проучването и публикуването на биритуалните некрополи в България продължава повече от половин век. В резултат на тези усилия на науката са известни над 30 паметника. На тях са посветени десетки статии и няколко монографични труда.

Независимо, че са притегателно поле за работа на поколения археолози, биритуалните некрополи продължават да поставят множество въпроси, на които се търси отговор. Дискусиите, свързани с тяхната хронология, както и със социално-икономическия облик на населението, което ги е оставило, в последните години предизвикаха някои спорове, които за съжаление останаха на страниците на българските периодични издания. Част от посочваните от авторите там «широки» паралели – от земите на Централна Азия, през Средна Волга, Северен Кавказ, дори Дагестан и Чечня, Поднепровието, Крим и така нататък, предизвикват освен интерес, и сериозен скептицизъм.

Целта на настоящата статия е да се систематизират и обобщят данните за хокерите и псевдохокерите от посочените некрополи. Въпреки че в публикациите липсва конкретно терминологично уточнение, с понятието «хокер» се обозначават скелети, положени на една страна, с крака, сгънати в коленете под различен ъгъл. Позицията на ръцете е постоянна, те са свити в лактите и поставени пред гръдния кош, като дланите често дос-

тигат и докосват лицето. Такива гробове са известни от некрополите при с. Топола, Девня 1 и Девня 3 (Ил. 2: 3, 7, 10–12). Хокерите, положени с лице, обърнато към дъното на гробната яма, са редки. От некрополите в Южна Добруджа такъв е познат само от Топола (Ил. 3: 6). «Псевдохокери» са погребаните по гръб с различно усукване на долните крайници. Количествено те са повече. При тези от Нови Пазар, Бдинци и Девня 3 краката са толкова силно свити, че допират гръдния кош (Ил. 4: 2, 3, 6, 8). Затова изследователите им ги определят като хокери. Най-често срещани са псевдохокерите, чиито долни крайници са подгънати под остър ъгъл, като колената се разминават, или кръстосват (Ил. 5: 6). Скелети, положени по гръб със събрани и повдигнати колена, при които ходилата почти стъпват на дъното на ямата, са познати само от некрополите при Балчик и Топола (Ил. 8). Псевдохокерите са единични, двойни и тройни. Сред тях единичните преобладават. В Нови Пазар, Девня 1 и Девня 3 те достигат съответно 17, 14 и 12% спрямо останалите гробове с трупопологане. В Бдинци, Топола и Кюлевча съотношението им е между 5 и 9%. В останалите некрополи псевдохокерите са съвсем малко. На този етап липсва зависимост между броят им и разпределението на кремациите и инхумациите (Табл. 1).

Да се проследят някакви планиграфски закономерности при тези гробове е трудно,

защото нито един от некрополите, в които се откриват, няма сигурно установени археологически граници. В Девня 1 хокерите са пръснати по периферията на проучената площ [1, с. 58], а в Девня 3 са в централната част, сред останалите гробове с инхумация [2, с. 47]. В Нови Пазар те се вписват в общото групиране в редици с посока север-юг и са концентрирани предимно в източната половина на разкопания терен [3, табл. 3]. Интересна картина предлага некрополът край с. Топола, където част от гробовете са разположени в непосредствена близост един до друг и по периферията. Така се очертават няколко «гнезда» от по два-три гроба по западната, северозападната и северната граница (подобна е ситуацията на гробове № 54, 58, 81; 271, 273 и № 311, 316)¹. Би могло да се допусне, че са организирани на семеен принцип, независимо, че част от погребаните имат еднакви пол и възраст. Псевдохокерите в Кюлевча [4, с. 87] и Бдинци [5] са хаотично пръснати по цялата площ на некропола. Никъде нямат маркировка.

Случаи на застъпване с ясна суперпозиция са известни от некропола при Балчик, където два от общо седемте псевдохокера попадат под каменно-тухлени камери с горели човешки кости. При едната двойка гробовете – 21 и 20, е констатирано пълно застъпване [6, с. 9], а при другата – 162 и 160, камерата е на 0,20 м над свитите долни крайници на скелета (Ил. 1)².

Характерна особеност на единичните хокери и псевдохокери е малката дълбочина на вкопаване спрямо нивото на съвременния терен, както и плитките гробни ями. В Бдинци дълбочината варира от 0,40 до 0,65 м, а на псевдохокерите – от 0,40 до 0,80 м. Единични са гробовете, които са на дълбочина от 1,00 до 1,50 м – от Кюлевча, Топола³ и Нови Пазар. В обобщенията си изследователят на некропола при Нови Пазар, Ст. Станчев, отбелязва, че псевдохокерите, които са с по-силно свити долни крайници, са и по-плитко заровени, и то

там, където чакълестият пласт е бил доста подебел и не е бил пречка за копаене на гроба. Доказват го останалите труположения, които са сравнително по-дълбоки [3, с. 13].

Най-разпространеното гробно съоръжение е обикновената яма. В Девненските некрополи от езическия период тя има правоъгълна или трапецовидна форма, стесняваща се при краката. Ями с правоъгълна форма и заоблени ъгли са известни от Нови Пазар, Кюлевча, Бдинци, Топола и Балчик. Съоръженията с овална и кръгла форма са малко. Така са изградени само два гроба от Бдинци, където погребаните са в позиция хокер. Каменните покрития също са редки – има ги в Топола, Бдинци, Девня и Балчик (Ил. 5: 6). Пак от тези некрополи са познати и съоръжения, при които по дългите или късите страни на ямата са поставяни по няколко вертикално забити камъка.

Ориентацията на хокерите и псевдохокерите е неустойчива. На този признак могат да се обособят две групи некрополи: такива, които запазват доминиращата за всички погребани посока и такива, които я нарушават. Към първата група принадлежат Нови Пазар, Девня 1 и 3, Топола и Кюлевча, с основна ориентация север-юг или север-североизток, както и Хитово 3, където тя е изток-запад. Втората група включва некрополите Бдинци и Балчик, също с основна посока север-юг. В Бдинци тя е различна при 75% от псевдохокерите, а в Балчик всички гробове имат различна ориентация едни спрямо други и спрямо основната посока за некропола.

Характерна особеност в елементите на обрета е оскъдният гробен инвентар. От обектите, в които е правен обстоен антропологичен анализ се вижда, че дарове, и то много рядко, са поставяни само в гробове на мъже (Топола) и деца (Бдинци).

Сред накитите се срещат обеци от типа «отворени халки», изработени от медна сплав (в гроб 78 от Бдинци и гроб 24 от Нови Пазар). Затворени медни халки, полагани в областта на таза или при главата, са известни от Топола и Нови Пазар. Намерени са и три натрошени и силно корозирали токи с четириъгълна рамка – две от Кюлевча и една от Топола. Сравнително по-запазена е катарамата от Девня 3 (гроб 89) с четириъгълен щит с два нита за прикрепване към кожен ремък и елипсоидна рамка (Ил. 4, 8). Групата на металните изделия завърш-

1) Използва се теренна документация от разкопките на некропола край с. Топола до 1991 г., когато са проучени 331 от 459 гроба. Благодаря на Ст. Ангелова и Е. Ангелова.

2) Използва се теренна документация на Л. Дончева-Петкова от експедициите в периода 2004–2008 г.

3) Изследователите на некропола определят «долно», «средно» и «горно» ново. В тях попадат съответно по 2, 7 и 4 псевдохокера.

ва с двете желязени ножчета от Нови пазар (гробове 19, 21). Керамичните съдове са още по-малко и са фрагментирани. Единственото цяло гърне със силно извито устие и украса от връзани линии е разчистено под ходилата на скелета от гроб 15 в Бдинци [5, с. 86, табл. 10]. Още едно дъно от гърне е открито в Топола (гроб 299). От там е и едната, известна за сега купа (гроб 54). Намерена е само една кана, тип III по класификацията на Л. Дончева-Петкова [7, с. 73, табл. 15] и тип F XI/1 по класификацията на У. Фидлер [8, Abb 29]. Открита е разтрошена в гроб 24 от Нови Пазар (Ил. 6: 3). Най-представителните предмети, поставени като дарове, са костен игленик от гроб 19 в Нови Пазар и стъклена висулка от гроб 311 в Топола.

Макар и рядко, при мъртвите е слагана животинска храна – най-често домашни птици. В новопазарския некропол мястото на храната в гроба е строго определено – около главата на покойния. В два случая – от Бдинци и Кюлевча, птичките кости са около таза и при краката. Поставянето на месо от две животни е рядкост – в гроб 21 от Нови Пазар. Като продължение на стратиграфските наблюдения на Ст. Станчев върху този некропол може да се добави, че трите псевдохокера (19, 21, 24), при които има оставена храна и дарове, са и най-дълбоки, съответно 1,55; 1,30; 1,40 м.

Броят на хокерите и псевдохокерите е най-голям в Девня 1 и Девня 3. С изключение на вече описания 89, всички останали са без инвентар. Такъв не е намерен и в балчишкия некропол.

Двойните гробове са различни. При едни и двамата покойници са положени в позиция псевдохокер, при други – псевдохокер и по гръб с изпънати крайници, и хокери, при които в обща гробна яма са полагани кремيرانите останки на още един индивид.

Двойни псевдохокерни гробове са разкопани в Девня 3 и Варна, завод за манометри. От първия некропол и двата скелета са положени по гръб. Крайниците им са силно прегънати като коленете се разминават. Ръцете на единия са опънати покрай тялото, а на другия дясната е сгъната в лакътя, като дланта опира до лъчевата кост на лявата. Главите и на двата скелета са обърнати на запад. Във втория гроб са погребани възрастен и дете. Скелетът на възрастния е по гръб, краката са извити под прав ъгъл и кръстосани при глезените. Детето покрива в горната дясна

половина скелета на възрастния. Ръцете му са поставени върху тазовата област, краката са прегънати в коленете в посока, противоположна на възрастния (Ил. 9: 1) [9, с. 110]. Разположението и на двата гроба е изолирано. В Девня 3 гроб 136 заема най-източната част, а във Варна, гроб 31 е в югоизточната. И двата гроба са сравнително отдалечени от останалите трупологания. Те са ориентирани север-юг, тоест запазват основната посока, доминираща в двата некропола. За съжаление липсват данни за дълбочината им и формата на гробната яма. Както и повечето единични, гробове 136 и 31 са без инвентар.

Двоен гроб с погребани в позиция псевдохокер и по гръб е известен само от Бдинци (155). И тук са разкрити останките на възрастен и дете [5, с. 97, 98]. Детето е с изпънати крайници и положено под свитите крака на възрастния. Гробът попада в централната част на некропола, в непосредствено съседство с окръжаващите го инхумации. В сравнение с единичните гробове е вкопан по-плитко, само на 0,20 м. Гробното съоръжение представлява яма с елипсовидна форма, подобно на гробове 15 и 32, където също са погребани деца и следва тяхната ориентация – юг-север.

Единственият троен гроб е проучен в Топола – 135 (Ил. 9: 2). В него последователно са погребани мъж и жена на еднаква възраст – 40–45 г. и юноша на около 15 г. Скелетите на мъжа и жената са извити в противоположни посоки, главите са обърнати на запад и изток, като долните им крайници се застъпват при глезените. Между тях е положен трети, по-млад индивид, също в позиция псевдохокер. Гробът се намира сравнително изолирано в югоизточния край на некропола [10, с. 153]. По отношение на дълбочината си той е отнесен към т. нар. «долно ниво», към което принадлежат само гробове с трупологание, чиято численост е 4,24% спрямо общия брой инхумации в некропола. На 0,80 м над скелетите е проследено разрушено каменно покритие. Ориентацията и на тримата погребани е север-юг с леко отклонение на изток. Тройният гроб от Топола също е безинвентарен. Единствено около разнесеното каменно покритие са разчистени фрагменти от гърне, изработено от сивокафява глина с примеси от пясък и слюда.

Да се даде пълната картина на ритуалите, съпровождащи смъртта и погребението, е

сложна задача, тъй като гробовете и техните мъртви материализират финала на обичаи, извършени в миналото. При тяхното интерпретиране може да се мисли в две посоки. Едната е, че полагането в позиции хокер и псевдохокер е характерно за покойници с различен от останалите статус. В полза на това говорят някои от наблюденията на Ст. Станчев за гробове 7 и 35 от новопазарския некропол (Ил. 4: 2, 6). Той смята, че тялото е прегъвано така, като че ли коленете му са били привързани за врата [3, с. 114]. Авторът се позовава на някои етнографски паралели, заимствани от В. Голмстен, който твърди, че привързването е имало за цел тялото да стои в седнала поза. Така близките на покойния го държат в дома известно време, като извършват различни действия, свързани с главата на семейството и домашния бит. Тази хипотеза трудно би могла да бъде потвърдена, тъй като направеният полово-възрастов анализ на погребаните от некропола край Нови Пазар изключва всички псевдохокери [11, с. 347–373]. Антропологическата характеристика на скелетите от Изворул (Румъния), където се установяват сравнително точни паралели на позициите от гробове 7 и 35, показва, че погребаните в тях действително са от мъжки пол на възраст между 40 и 50 г. (Ил. 4: 1, 2) [12]. Различно тълкуване на този обичай предлага С. А. Плетнева. Тя смята, че в ареала на салтово-маяцката култура той е резултат на ритуално действие, което цели да се обезвредят и разграничат бедните покойници от по-богатите. Като доказателство на тезата си тя дава примери с описаните гробове от Нови Пазар и привежда паралели от Дмитриевския некропол, в който извършваните хокерни погребения са предимно на жени, с което се доказва тяхното неравноправно положение [13, с. 76]. Контрааргументи на изказаните от С. А. Плетнева предположения са предложени от В. С. Флеров. Като се позовава на резултатите от проучванията на Верхне-Салтовския некропол, той с основание посочва, че хокерната позиция, в която са полагани жените едва ли е резултат от техния социален статус, защото във Верхний Салтов покойниците от женски пол са полагани по гръб [14, с. 25].

Следи от т.нар. «обреди по обезвреждане» също се регистрират в гробовете с хокери и псевдохокери. Един такъв случай, в който може да се допусне завързване на краката при

глезените, се наблюдава при двойния гроб 31 от Варна (Ил. 9: 1). Скелетите, при които е установено ампутирание на ходилата, са малко. Практиката да се разрушават части от трупа, най-вече чрез отрязване на крайници достига най-висока честота в Девня 1. Там тя е прилагана при 24% от погребаните по обряда на инхумацията. Според направения по време на разкопките анализ, ампутацията е извършена чрез изрязване на ставните връзки. Въпреки този висок процент обаче, премахване на ходилата е регистрирано само при един от хокерите в некропола, при който тибите плътно опират равно изрязаните стени на гробната яма (Ил. 2: 7) [15, с. 72; 16, с. 154, 155]. Втори гроб, при който е установено премахване на стъпалата, е от Топола (гроб 12). Както повечето хокерни и псевдохокерни погребения от некропола, и той принадлежи на мъж на възраст между 40 и 50 г. Засега частично разчленяване на тялото познаваме от един наскоро публикуван гроб от Върбяне [16, с. 166, табл. 7]. От запазените кости на долните крайници личи, че те са били прегънати, черепът е поставен в ниша, която е по южната дълга стена на ямата, а останалите части на скелета са напълно разбъркани.

«Обредите по обезвреждане», свързани със страха от мъртвите включват и поставянето на камъни върху най-важните части от тялото – над главата, краката или гърдите. Това е добре документирано отново в Девненските некрополи и само от там са известни псевдохокери, «затиснати» с по един голям камък (Ил. 2: 10). Вероятно свързано с този обичай е побиването на камъни по стените на ямата или нейното покриване. Неговата най-висока концентрация е в Бдинци – при 61% от гробовете. Много от съоръженията са опалвани. Доколкото може да се съди по данните от некропола при Бдинци, се вижда, че такива ритуални действия са съпровождали погребенията на деца. Въглени и вар до този момент са открити само в 5 от гробовете в Нови Пазар. Ст. Станчев прави опит за възстановка на ритуала, като предполага, че след изкопаването на ямата, на дъното и са запалвани дребни съчки. Докато те са горели, са изсипвани парчета вар. Той смята, че употребата на огъня и ворта е преживелица от трупоизгарянето [3, с. 29].

За това, че в позиции хокер и псевдохокер е погребвано население с особен социален статус, е разполагането им по периферията

в некропола край с. Топола за единичните гробове и изолираното местоположение на двойните гробове от Девня 1 и Варна, както и на тройния от Топола. Това разположение намира точен паралел в некропола от Изворул, където гробовете с хокерни погребения са най-много, в сравнение с други паметници, проучени по левия бряг на Дунав и Северна Добруджа, като Султана и Капул Виилор-Истрия (Румъния). Там те са единични. Все пак обредите и обичаите по обезвреждането не са масови и ако се съпоставят с останалите, при които телата са полагани по гръб и с изпънати покрай тялото ръце, те съставляват незначителен процент.

Сред т.нар. «вторични (могилни) гробове от българския кръг», проучени по Северното и Западното Черноморие, по Днепър, Кубан и Дон, и датирани във времето преди хазарското нашествие, погребани в позиции хокер и псевдохокер не са познати. Появата им може да се свърже с присъствие или влияние на чужди етнически елементи, най-често определяни в литературата като късно сарматски [17, с. 5–12] или алански [3, с. 43–45]. В зоната на салтово-маяцката култура взаимовлиянията на ямния, български и катакомбния, алански вариант се проследяват в редица некрополи като Дмитриевския, Маяцкия, Лубянский и пр. Те засягат не само конструкцията на гробните съоръжения [18, с. 34; 19, с. 52; 14, с. 36], а и позициите, в които са полагани покойните. В Дмитриевския некропол сред преобладаващите катакомбни съоръжения са намерени и ямни. В пет от тях мъртвите са от мъжки пол и са положени по гръб, а останалите четири са хокерни и принадлежат на възрастни жени. Те са напълно аналогични с женските от единичните и двойните катакомби (Ил. 2: 2, 4; 3: 1, 3, 5; 5: 7). Данните за тяхната етническа принадлежност са все още противоречиви [20, с. 119]. Близостта им с хокерните гробове от езическите биритуални некрополи в Североизточна България се определя от четири признака: позиция на тялото, форма на гробното съоръжение, пол и оскъден гробен инвентар. Двата двойни гроба от Варна и Девня и единият троен от Топола също са близки с катакомбния погребален обред. За разлика от колективните катакомбни гробове обаче, те са безинвентарни. В Маяцкия некропол, където и единичните, и двойните гробове се характеризират с висока степен на разрушаване на части от тялото, в

позиция хокер (там, където може да се установи) също са погребвани предимно жени. Подобен на описаните е гробът от Върбяне. В ямните некрополи на т.нар. Зливкински вариант на салтово-маяцката култура погребаните в позиции хокер и псевдохокер са по-малко. В епонимния некропол те се свързват с определен тип съоръжения – овални или кръгли ями, в които погребаните лежат извити на едната си страна. В тях се намират и дървени въглени [21, с. 115]. Въпреки че полът и възрастта им не са известни, те намират сравнително точен паралел с гробове 15 и 32 от Бдинци. Хокерни погребения в кръгли ями са разкрити и в Саркел. Те принадлежат на жени и деца от женски пол (Ил. 3: 7) [13, с. 97]. Такива хокери са открити и в стопански ями с елипсовидна форма в близост до производствени постройки. В едната от тях, в селището Рогалик на р. Евсуг в района на средното течение на Северски Донец, също е погребано дете. Гробът има северна ориентация и е без инвентар. Сходства с псевдохокерите със силно свити долни крайници имат няколко гроба от Рогожино, които са със северна ориентация. И те се смятат за резултат от аланско влияние, заради намерената там керамика със севернокавказки аналогии [18, с. 25]. Ями, оградени, или покрити с камъни, подобни на откритите в Бдинци, Топола, Балчик и Девня, са известни от некропола при Каменск-Шахтинск, където свитите скелети лежат върху въглени и имат южна ориентация. За разлика от своите български паралели, при тях, обикновено до главата, са поставяни съдове. Каните се отличават със своята форма и цвят – сферични, жълти, без излъскване. Въз основа на тях С. А. Плетнева датира некропола в VI–VII в. Р. Рашев го отнася към средата VIII–IX в., позовавайки се на късноаварска коланна апликация [18, с. 26]. Югоизточна ориентация има единственият (според достъпната ми информация) хокер от гроб 51 от биритуалния Красногорски некропол. Освен с посоката си, той се отличава от останалите трупоположения по малката си дълбочина на вкопаване [22, с. 47]. От проучените некрополи на Крим псевдохокери са известни от единични безинвентарни гробове от Тепсен (Ил. 3: 4) [23, с. 119] и Фанагория (Ил. 5: 5) [24, с. 262–265].

Засега липсва достатъчно изчерпателен антропологичен анализ на костния материал от биритуалните некрополи в Североизточна

България. На базата на определени морфологични особености на черепите с изкуствена деформация, каквито имат част от псевдохокерите от Топола, Н. Кондова и С. Чолаков подкрепят тезата, че този обичай се е прилагал сред племената, влизащи в сарматската общност, конкретно аланите [25, с. 67].

Датировката на хокерите и псевдохокерите от езическите некрополи не може да бъде точна, заради техния беден инвентар, още повече, че предметите, които подлежат на определяне са намерени в един гроб. Сред съдовете, които, макар и условно, могат да бъдат поставени в по-тесни хронологически граници, е каната от гроб 24 от новопазарския некропол. По класификацията на У. Фидлер тя принадлежи към тип F XI/1 и се отнася към началото на IX в. [8, Abb 29]. Л. Дончева-Петкова включва съда в каните от тип Ш, които са известни още от Девня 1, Девня 3 и Кюлевча. Според нея тези съдове се отнасят към широките граници на VIII–IX в. [7, с. 73, табл. 15].

Практиката да се полагат мъртвите в свито положение продължава през целия период на функциониране на биритуалните некрополи. Тя е документирана и в традиционно считаните за по-късни некрополи при Батин и Николово, както и в раннохристиянските Девня 2 и Табачка, което е доказателство за нейната устойчивост и консерватизъм.

Литература:

1. Димитров Д. Ил. Новооткрит раннобългарски некропол при Девня (предварително съобщение) / Д. Ил. Димитров // ИИМВ. – 1971. – 7(22). – С. 57–76.
2. Димитров Д. Ил. Раннобългарски некропол № 3 при гр. Девня / Д. Ил. Димитров // ИИМВ. – 1972. – 8(23). – С. 45–67.
3. Станчев Ст., Иванов Ст. Некрополът до Нови Пазар / Ст. Станчев, Ст. Иванов. – София, 1958. – 229 с.
4. Въжарова Ж. Славяни и прабългари (по данни от некрополите VI–XI в. на територията на България) / Ж. Въжарова. – София, 1976.
5. Въжарова Ж. Двубряден езически некропол край с. Бдинци, Толбухински окръг / Ж. Въжарова // ИИМВ. – 1981. – 17(32). – С. 77–109.
6. Димитров М. Старобългарски некрополи в град Балчик / М. Димитров // Проблеми на прабългарската история и култура. – 1991. – Т.2. – С. 87–99.
7. Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие / Л. Дончева-Петкова. – София, 1977. – 223 с.
8. Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis. 9. Jahrhunderts an der unteren Donau / U. Fiedler. – Bonn, 1992.
9. Димитров Д. Ил. Двубреден раннобългарски некропол при Варна / Д. Ил. Димитров // Преслав. – 1976. – Т.2. – С. 107–125.
10. Ангелова Ст., Дончева-Петкова Л., Даскалов М. Двубрядният ранносредновековен некропол при с. Топола, Каварненска община / Ст. Ангелова, Л. Дончева-Петкова, М. Даскалов // Проблеми на прабългарската история и култура. – 1997. – Т.3. – С. 141–154.
11. Балан М., Боев. П. Антропологически материали от некропола при Нови Пазар / М. Балан, П. Боев // ИАИ. – 1955. – XX. – С. 347–371.
12. Mitrea V. Das Gräberfeld aus dem VIII. Jahrhundert von Izvoru, jud. Giurgiu / V. Mitrea // Dacia. – Т. XXXIII. – Bucarest, 1989. – P. 145–219.
13. Плетнева С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева. – Москва, 1967. – 152 с.
14. Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Маяцкий могильник) / В. С. Флеров. – Волгоград, 1993. – 142 с.
15. Димитров Д. Ил. Погребалният обред при раннобългарските некрополи във Варненско (VIII–X в.) / Д. Ил. Димитров // ИАИ – 1974. – XXXIV. – С. 51–94.
16. Стоянова Хр. Обредът «Обезвреждане на мъртвите» в езическите некрополи (по данни от района на Плиска и Варна) / Хр. Стоянова // Изследвания по българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. Велико Търново, 2007. – С. 245–259.
17. Ангелова Е. Сарматски елементи в езическите некрополи от Североизточна България / Е. Ангелова // Археология. – 1995. – 2. – С. 5–17.
18. Рашев Р. Единство и различия в ямния (български) погребален обред на Салтово-маяцката култура / Р. Рашев // Българи и хазари през ранното средновековие. София, 2003. – С. 16–41.
19. Флеров В. С. Болгарские погребения Маяцкого могильника / В. С. Флеров. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. – С. 46–59.
20. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнева. – Москва, 1989. – 288 с.
21. Швецов М. Могильник «Зливки» / М. Швецов // Проблеми на прабългарската история и култура – 1991. – Т.2. – С. 109–123.
22. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры / В. К. Михеев // Ранние болгары и фино-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. – С. 45–52.
23. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья / И. А. Баранов. – Киев, 1990. – 165 с.
24. Атавин А. Г. Средневековые погребения из Фанагории / А. Г. Атавин // СА. – 1986. – 1. – С. 262–266.
25. Кондова Н., Чолаков С. Антропологични данни за етногенезиса на ранносредновековна популация от Североизточна България / Н. Кондова, С. Чолаков // Българска етнография – 1961. – 2. – С. 61–68.

ЯМНЫЕ ИНГУМАЦИОННЫЕ МОГИЛЬНИКИ В САЛТОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Анотація. Статтю присвячено досить поширеним в лісостеповому локальному варіанті салтівської культури могильникам з обрядом у вигляді ґрунтових інгумацій. Перелічено їхні особливості та гіпотези щодо появи. На підставі поширення ямних могильників поблизу катакомбних некрополів зроблено висновок про співіснування у басейні Верхнього Подінців'я алан з етнічно неоднорідними носіями ямного поховального обряду. В той же час, 150-км відрізок р. Сіверського Дінця від смт. Печеніг до м. Балаклії характеризувався великою кількістю городищ та наявністю кремаційного обряду поховань – але майже повною відсутністю самостійних ямних могильників.

Аналіз монетних знахідок дозволяє стверджувати, що ямні могильники виникли одночасно з катакомбними, а не на фінальному етапі існування культури, як вважалося раніше.

Ключові слова: салтово-маяцкая культура, ямные могильники, сосуществование с аланами.

Abstract. The work is devoted to quite common in the forest-steppe local variant of the Saltiv culture necropolises with burial rite as a ground inhumations. In the article there are listed their features and versions of genesis. Based on the presence pit burial grounds near catacombs in the basin of the Upper Siversky Donets coexistence Alan and ethnically mixed carriers of pit funeral rites was defined. At the same time in the area extended for 150 km along the Siversky Donets from Pechenihy till Balakliya was discovered a lot of fortified settlements and cremation burial rite necropolises. However this region was characterized by the almost complete absence of separate pit burial grounds.

Analyses coins from pit inhumations allows to ground that burial grounds appeared in the same time with catacombs.

Key words: saltiv culture, pit burial grounds, coexistence with Alans.

Ґрунтовые могильники с ямным обрядом погребения уверенно заняли свое место в древностях салтовской культуры с первых же лет ее изучения. В результате работ В. А. Городцова на Зливкинском могильнике в начале XX в. [1, с. 211–213, 250–260] удалось выделить комплекс особенностей погребального обряда: вытянутое на спине положение умерших, ориентированных головами в западном направлении; неглубокие простые грунтовые ямы, размеры которых зависели от роста погребенного; относительная бедность инвентаря. Такой погребальный обряд получил название «зливкинского». К сегодняшнему дню известно несколько десятков аналогичных памятников – преимущественно в бассейне среднего течения р. Северского Донца и его притоков. Раскопкам при этом подвергались около десяти из них [2, с. 28; 3, с. 70].

Уже к середине XX в. в результате накопления данных о распространении памятников была сформулирована концепция локальных вариантов в салтовской культуре. Раньше всего были выделены лесостепной и степной варианты, причем в качестве одного из аргументов в пользу необходимости тако-

го деления было различие в этническом составе населения, проявившееся в разных погребальных обрядах [4, с. 145–148]. Упрощенная схема разделения культуры подразумевала, что лесостепь была населена аланами, носителями катакомбной погребальной обрядности, а степь – праболгарами. И именно с праболгарами исследователи долгое время связывали зливкинский тип погребений.

Однако вскоре в эту схему потребовалось вносить некоторые изменения. В лесостепной зоне – в непосредственной близости от аланских катакомбных некрополей – были выявлены несколько могильников с ямным обрядом погребения. Так, в 1959 г. был открыт и исследован в течение 3 лет Нетайловский могильник [5, с. 22], а в 1973 г. – Волоконовский [6]. Возникновение последнего из них исследователи – на основании небесспорных соображений (в качестве основного датировочного элемента выступило наличие деревянных гробов) – отнесли к началу – середине X в., ко времени упадка культуры в результате печенежского нашествия [6, с. 294]. Однако исследования последних лет позволяют сформулировать иную гипотезу относительно генезиса могильников с ямным

обрядом погребения в ареале лесостепного варианта салтовской культуры. Представляется, что некоторые носители ямного обряда погребения были такими же полноправными хозяевами салтовской лесостепи, что и аланы. В пользу такого предположения говорят количество памятников, их географическое расположение, а также датировка некоторых комплексов.

В результате активных археологических работ в лесостепи на территории Харьковской и Белгородской областей было открыто значительное количество ямных некрополей с обрядом в виде простых ингумаций. На сегодняшний день их известно 11 (Табл. 1), что превышает количество собственно катакомбных могильников – таковых насчитывается 9 (Илл. 1). Указанные памятники исследованы неодинаково: на них раскопано от нескольких комплексов до полутысячи. Тем не менее, наиболее полно исследованными считаются Волоконовский и Мандровский могильники. Изначально эти памятники были невелики – по несколько десятков погребений. В наше время оба они были повреждены в результате антропогенной деятельности (благодаря чему и открыты), а впоследствии – раскопаны до конца. В то же время, Нетайловский и Ржевский некрополи исследованы только частично, причем определить их реальные размеры (а значит, и подсчитать долю изученного) практически невозможно. В литературе количество погребений Нетайловки оценивается по-разному: от 5,5 тысяч [7, л. 11] до 15 тысяч [8, с. 349].

Впрочем, даже до окончательного решения вопроса о количестве носителей ямного обряда в лесостепи можно говорить о том, что в лесостепном ареале салтовской культуры существовал довольно значительный контингент, являвшийся иноэтничным по отношению к аланам. По мнению В. А. Сарапулкина, носители ямного ингумационного обряда при этом тоже не были однородными: по традициям использования посуды в погребениях, по использованию внутримогильных сооружений исследователь выделяет две группы памятников. К первой из них относятся Волоконовский, Ржевский, Нетайловский, Красногорский некрополи, в погребениях которых использовались деревянные гробовища, а посуда была представлена преимущественно столовой (импортной или

лощеной, местного производства), причем располагалась она в том числе и в ногах погребенных.

Ко второй группе памятников были отнесены Мандровский, Утиновский, Тишанский могильники: здесь преобладали кухонные сосуды «степного» облика, причем ставились они всегда за головами покойников; в погребениях этой группы гробов нет [14, с. 293]. Генезис второй группы некрополей связывается исследователем со степным населением Среднего Подонковья, т.е. с праболгарами; в то же время, особенности погребального обряда памятников первой группы (а именно, Ржевского могильника) позволили сделать вывод о поволжских корнях данного населения [15].

Не менее интересным выглядит вопрос о географии и топографии распространения ямных могильников в лесостепи. Картографирование известных на сегодняшний день могильников показывает, что лесостепной вариант салтовской культуры не был монолитным в этническом аспекте. В последние годы все четче вырисовывается предложенное Г. Е. Афанасьевым разделение салтовской лесостепи на северный и юго-западный «экстерриториальные районы» [16, с. 153, рис. 86]. В основу такого разделения исследователем было поставлено различие погребальных обрядов. Особо отмечалось, что «ареал ямных могильников, накладываясь и на северный, и на юго-западный район, выходит далеко в глубину Донского левобережья..., но в Донецко-Донском междуречье он не образует самостоятельного экстерриториального региона» [16, с. 153]. Тем не менее, сегодня становится ясным, что ямные могильники исключительно точно совпадают с ареалом именно катакомбного обряда погребения. Так, Нетайловский и Волоконовский могильники вообще расположены в непосредственной близости от Верхне-Салтовского и Ютановского городищ: на противоположных берегах рек от них. Это свидетельствует о включении носителей ямного обряда в состав общин наравне с аланами. Подобное расположение может косвенно свидетельствовать о чересполосном расселении разноэтничных племен в северной части лесостепного локального варианта салтовской культуры. Вопрос о том, было ли проживание этих этносов совместным в пределах одного поселения или же они жили

Табл. 1. Ямные ингумационные могильники на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры

№	Название, кол-во исследованных погреб.	Географическое положение	Автор и год открытия
<i>р. Северский Донец</i>			
1	Красногорский, 191 погр.	Мыс второй надпойменной террасы правого берега, на западной окраине с. Червоная Горка Балаклейского р-на	А. В. Крыганов 1984 [9; 21]
2	п о с е л е н и е «Сердюково-2», 10 погр.	Мыс второй надпойменной террасы левого берега, в 2 км к северо-западу от с. Черкасский Бишкин Змиевского р-на	Е. В. Пузаков 1956
3	Мартовской, 0 погр.	Край террасы левого берега, в 1 км к юго-востоку от с. Мартовая Печенежского р-на	В. Г. Бородулин 1972
4	Петровский, 1 погр.	Левый берег, вблизи с. Петровское Волчанского р-на	В. К. Михеев 1970
5	Нетайловский, 514 погр.	Склон террасы левого берега, в 0,1 км к востоку от с. Металловка Волчанского р-на	Д.Т. Березовец 1959
<i>р. Волчья</i>			
6	Бочковский, 0 погр.	Правый берег, в 1 км к западу от с. Бочково Волчанского р-на	В. К. Михеев 1961
7	Тишанский, 5 погр.	Правый берег, в центре с. Тишанка Волоконовского р-на	А. В. Степовой 1989 [10]
<i>р. Нежеголь</i>			
8	Ржевский, 85 погр.	Мыс второй надпойменной террасы левого берега реки, на юго-восточной окраине с. Ржевка Шебекинского р-на	В. А. Сарапулкин 2004 [11]
<i>р. Валуй</i>			
9	Рождественский, 7 погр.	Правый берег, на окраине с. Рождествено Валуйского р-на	В. А. Сарапулкин 2008
10	Мандровский, 49 погр.	Устье балки правого берега, в 0,8 км к западу от с. Мандрово Валуйского р-на	В. А. Сарапулкин 2000 [12]
<i>р. Оскол</i>			
11	Утиновский, 3 погр.	Правый берег, в 1 км к востоку от свх. Утиног Валуйского р-на	В. А. Сарапулкин 2003
12	Тереховский, 2 погр.	Левый берег, первая надпойменная терраса правого берега безымянного ручья, в 0,3 км на юго-восток от с. Терехово Валуйского р-на	В. А. Сарапулкин 2005 [13]
13	Волоконовский, 28 погр.	Вторая надпойменная терраса левого берега, восточная окраина пгт. Волоконовки	А. Г. Николаенко 1973 [6]

Примечания: 1. Перечисление памятников в бассейнах рек идет от устья к истокам, нумерация в таблице совпадает с нумерацией на Илл. 1. 2. За рамками таблицы остались погребения, совершенные на территории поселений, а также на территории катакомбных могильников. 3. В графе «Автор и год открытия» приводятся данные о первом упоминании в научном отчете.

обособленно, пока что не может быть решен однозначно. По причине сложной конструкции катакомб для обустройства аланских могильников подходили далеко не все участки, расположенные неподалеку от поселений. Особенности геологического строения (а возможно, и какие-то культовые соображения) привели к тому, что все 9 известных на сегодняшний день лесостепных катакомбных мо-

гильников располагались на правых берегах рек, причем 6 из них были сопряжены с городищами. В то же время, ямные могильники меньше зависели от грунта: погребения могли совершаться как в песке, так и в глине. Как результат, некоторые некрополи с ямными ингумациями выявлены на правых берегах, хотя большинство, все-таки, занимает левобережные участки (Илл. 1).

К югу от ареала расселения алан ямные могильники практически неизвестны. В бассейне р. Северского Донца на 150-километровом отрезке от пгт. Печенеги до г. Балаклеи одиночные ингумации известны лишь в культурном слое посада городища Мохнач [17, с. 261], Пятницкого [18, с. 26] и Новопокровского [19, с. 46, рис. 6] селищ. Небольшой салтовский могильник с восточно ориентированными ингумациями был исследован в 1956–1968 гг. Е. В. Пузаковым на многослойном поселении «Сердюково-2» к северо-западу от с. Черкасский Бишкин Змиевского р-на Харьковской обл., на левом берегу р. Северского Донца. К сожалению, памятник остался неопубликованным (в литературе есть только краткое упоминание о салтовских погребениях [20, с. 284]) и неверно атрибутированным: из 10 ингумаций автором работ к салтовскому времени были отнесены только 2 погребения (№ 2 и № 9), в инвентаре которых присутствовали лощенные сосуды (кубышка и кувшин соответственно). Наиболее значительным могильником с ямными ингумациями на рассматриваемом отрезке остается биритуальный Красногорский: из 312 исследованных тут погребений труположениями являются 191, оставшиеся 121 принадлежат типу трупосожжений [21; 22, с. 7]. Опубликована лишь небольшая часть комплексов, по которой можно судить об особенностях ингумационного обряда [9]. К таким особенностям относится западная – юго-западная ориентировка большинства погребенных; значительное (более половины) количество комплексов с гробами, среди которых встречались и колоды; наличие воинских погребений.

За пределами ареала распространения кремаций, совпадающего с современной границей степи и лесостепи, количество известных ямных могильников снова увеличивается. Граница степи и лесостепи пересекает р. Северский Донец в р-не г. Балаклеи; здесь же последний кремационный могильник (Лысогорбский) [23] сменяется первым чисто ингумационным (Балаклейским) [24]. До впадения р. Оскола в р. Северский Донец известен целый ряд аналогичных памятников: Червоногусаровский, Залиманский, Лысогорбский расположены на р. Северском Донце; отдельные погребения встречены на его левых притоках – у с. Кунье (р. Кунья) [25], у

с. Липчановка (р. Мокрый Изюмец) [26, л. 7; 27, с. 97], у хут. Шведовка [28, с. 100] и с. Пески-Радьковские (р. Оскол) [29, л. 3, 7–8, табл. VI, 3–4, VII, XIII, XV, 2–3; 30, л. 9, 13, табл. VI, 3–4, VII, XIII, XV, 2–3]. Также в низовьях р. Оскола, на левом его берегу, еще с 1930-х гг. были известны два могильника: Рубцовский [31, с. 139; 32, л. 13–14, рис. XVIII, 2; 33, л. 22–23] и Шейковский на левом берегу левого притока р. Оскола – р. Боровой [34, л. 27–29, табл. XXXI–XXXII]. Создание в нач. 1960-х гг. Краснооскольского вдхр. положило начало активному разрушению береговой линии и позволило А. В. Крыганову в 1991 г. открыть Песко-Радьковский могильник, расположенный неподалеку от Рубцовского [35, л. 2–5, табл. I, VIII–IX]. Два салтовских погребения были исследованы на многослойном поселении у хут. Александрии [33, л. 21; 36, л. 28, табл. XLVI–XLVII; 37, с. 78–79, рис. 6]. К востоку и юго-востоку от Поосколья ямные могильники тянутся непрерывной чередой: как уже упоминалось, в Среднем Подонцовье их насчитывается около 40.

Таким образом, нет никаких сомнений, что ареал ямных могильников накладывается только на ареал катакомбных некрополей – но не кремационных. Отчетливое разграничение лесостепного и степного локальных вариантов также хорошо просматривается на примере распространения городищ. Последним фортифицированным салтовским памятником в Верхнем Подонцовье выступает Вербовское городище, за 5 км к северу от которого находится кремационный Лысогорбский могильник, за 9 км к северо-востоку – ингумационный Балаклейский, а за 7 км к востоку – аналогичный же Червоногусаровский [38, с. 151]. В Поосколье наиболее южным городищем является Гороховатское – оно расположено практически на той же широте, что и наиболее северный ямный могильник (Шейковский), за 14 км от него. Причины несовпадения ареалов кремационных и ямных некрополей кроются, скорее всего, в политической и демографической плоскостях. Если отталкиваться от общепринятого тезиса о том, что заселение салтовской лесостепи происходило по велению центральной власти, то стоит признать, что именно центральная власть определяла границы и характер этого заселения. При этом северный и юго-западный «экстерриториальные

районы» лесостепи были отданы разным народам: вначале, безусловно, был заселен юго-западный регион, представлявший собой широтно вытянутое пространство размерами 120 на 70 км (т.е. ок. 7000 км²). Западные границы области изначально совпали с Печенежско-Савинской дугой р. Северского Донца, где река отклоняется на 48 км к западу от первоначального меридионального курса [39, с. 52].

Наиболее западные границы были густо застроены городищами: расстояние между ними по долине реки зачастую составляло всего 5–7 км (Табл. 2), что было хорошо для оборонной парадигмы и для демонстрации военной мощи каганата западным соседям, но плохо совмещалось с хозяйственным использованием края. Представляется, что для нужд городищ из землепользования выводилась часть земель, а сами фортифицированные памятники требовали наличия гарнизонов и постоянного поддержания систем обороны, что эквивалентно постоянному расходу прибавочного продукта салтовских общин.

Северная граница региона пока что определена не очень четко: вероятно, она проходила от пгт. Печенеги по направлению к пос. Тополи на р. Осколе – возможно, по долинам рр. В. Бурлука (или Гнилицы) и Козинки. Именно выше впадения правого притока р. Оскола р. Козинки располагается Утиновский ямный ингумационный могильник; на левом же притоке – р. Ураевой – расположен катакомбный Подгоровский. Немного ниже впадения р. Козинки в р. Оскол, у с. Тополи, в конце XIX в. был обнаружен комплекс вещей, по своему характеру соотносящейся именно с ареалом кремационных памятников. До выявления салтовских могильников

в бассейне указанных рек вопрос о размежевании в Донецко-Оскольском междуречье не может быть решен окончательно. Восточная граница проходила по р. Осколу – возможно, по его левым притокам. Покровский могильник в верховьях р. Гнилой – правого притока р. Красной – а также некоторые памятники южнее него [3, рис. 1] свидетельствует о том, что далеко от р. Оскола граница не отходила. На сегодняшний день к юго-западному региону лесостепного локального варианта могут быть отнесены 3 городища, расположенные в Поосколье: Подлысенковское, Пристинское, Гороховатское. Значительные расстояния между ними могут свидетельствовать о том, что Поосколье являлось не центром региона, а скорее, его «внутренними» областями. Уточнение границ ареала распространения кремаций сопряжено с трудностями выявления погребений. Специфика содержащегося в кремационных некрополях антропологического материала делает распознавание погребений не-археологами очень проблематичным: как результат, науке известны комплексы вещей, происходящие из окрестностей с. Тополи и с. Кочеток, но неизвестны погребения, которые, возможно, сопровождались этими комплексами.

При «обретении родины» салтовцами охотно использовались древние городища: абсолютно все фортифицированные памятники раннего железного века, располагавшиеся на берегу р. Северского Донца (Старый Салтов, Кочеток-2, Мохнач, Коробовы Хутора), были использованы в раннем средневековье – хотя они и были перестроены согласно требованиям своего времени. В дальнейшем хозяйственное освоение региона и демографический рост привели к заселению бассейнов малых рек – притоков рр. Северского

Табл. 2. Расстояния между городищами долины р. Северского Донца (юго-западный регион лесостепного варианта салтовской культуры), км

Памятники		Кицевка	Кочеток-1	Чугу-ев	Кабаново	Мохнач	Коробово	Сухая Гомольша	Северское	Вербовское
Расстояние	по долине	5,5	6	12	10	23,5	8	27	15	
	напрямую	(5)	(5,5)	(8)	(8,5)	(20,5)	(7,5)	(23)	(13)	

Примечание: в таблице не указано городище «Кочеток-2», расположенное в стороне от реки, за 6,5 (6) км от городища «Кицевка» и за 4 (2,5) км – от «Кочетка-1».

Донца и Оскола. Носители кремационного обряда проникали по р. Удам (до с. Безлюдовка), по р. Мже (до г. Мерефы), в верхнее течение р. Береки – до слияния с р. Кисели.

Территория же лесостепи, заселенная аланами, представляет собой сильно растянутый в широтном направлении «язык» размерами 200 на 60–80 км. Можно предположить, что заселение настолько протяженного участка для алан было делом непосильным и с точки зрения выстраивания путей сообщения – крайне неудобным. Именно поэтому для более полного освоения региона (не так важно, хозяйственного или военного) центральная власть Хазарского каганата навязала аланам иноэтнических союзников из сопредельных территорий. Не исключено, что подобное решение могло быть вызвано желанием усилить контроль над регионом, наиболее удаленным от центра государства. Часть «подселенных» племен (оставившая первую группу памятников по В. А. Сарапулкину: Нетайловский, Ржевский, Волоконовский некрополи) была вооружена наравне с аланами; в погребениях указанных могильников нередко оружие, предметы импорта, монеты, а сами могильники располагаются вблизи городищ. Другая часть населения была менее полноправной, что подтверждается особенностями погребального обряда и размерами могильников. Одновременность заселения северного региона лесостепного варианта носителями ямного и катакомбного обрядов становится очевидной при рассмотрении монетных находок, происходящих из погребений Ржевского и Нетайловского могильников (Табл. 3).

Как видно, одной из наиболее поздних является монета, выявленная в погр. 227 Нетайловского могильника: она чеканена в 166 г.х., что соответствует 782/3 гг. н.э. (Илл. 3: 15); на несколько лет позже был чеканен дирхем, обнаруженный в погр. 12 Ржевского могильника (Илл. 2: 2). Большинство указанных монет были использованы как подвески-украшения: для этого в них пробивали отверстие или же приклепывали бронзовое ушко. Однако в 4 случаях (Илл. 2: 1–3, 13) отверстий не было, а сами монеты были обнаружены во рту погребенных. Такая черта обряда, известная под названием «обол Харона» («обол мертвых»), по мнению некоторых исследователей, является характерной для венгерских

раннесредневековых погребений [40, с. 69]. Не претендуя на этническое определение на основании такой незначительной детали, стоит отметить, что В. А. Сарапулкин, как уже говорилось, усматривает именно поволжское происхождение населения, оставившего Нетайловский и Ржевский могильники.

Разумеется, возводить монетные находки в культ единственного точного репера для датировки лесостепных салтовских памятников не стоит. Однако *полное* отсутствие монет, чеканенных после первого десятилетия IX в., не может не наводить на некоторые размышления. Объяснить исчезновение монет прекращением поступления серебра нельзя: в погребениях Лысогоровского могильника на р. Айдар (Среднее Подонцовье) известны монеты 212 и 222 г.х., т.е. 827/8 и 837/8 гг. н.э. [3, с. 318]. То же можно сказать и о причерноморском импорте: многочисленные амфоры, кувшины и ойнохои являются характерными для относительно ранних комплексов: второй половины VIII – нач. IX вв. [41, с. 350, 353]. И в то же время, один из типов посуды, импортируемой из Северного Причерноморья с середины IX в., – высокогорлые кувшины с ленточной ручкой – известен в Среднем Подонцовье [42, с. 244, рис. 22, 3–5, 23, 5–6], но полностью отсутствует в Верхнем. Конечно, вариантов объяснений подобных фактов может быть великое множество, однако можно считать бесспорным, что ямные могильники в лесостепи не появляются на финальном этапе культуры, как утверждалось 35 лет назад при публикации материалов довольно бедного Волоконовского могильника.

Таким образом, внимательное изучение комплекса известных сегодня лесостепных салтовских некрополей, их картографирование и сопоставление деталей обряда позволяют сделать вывод о том, что население, оставившее ямные ингумационные могильники, в Верхнем Подонцовье проживало совместно с аланами, выполняя сразу несколько функций. Это население не было однородным: некоторые памятники оставлены относительно привилегированными переселенцами из Поволжья, другие – довольно бедными праболгарскими племенами, пришедшими из Среднего Подонцовья. Переселение носителей ямного обряда в Верхнее Подонцовье, очевидно, преследовало цель усилить военную и хозяйственную мощь «северного

Табл. 3. Монеты в ямных ингумационных могильниках салтовской лесостепи¹

№	Место, год, автор находки	Династия	Год и место чеканки	Номинал	Ссылки (упоминания)
1	Ржевка, п. 2, 2004 г., В. А. Сарапулкин	Аббасиды	153 г.х., Мадинат ас-Салам	Дирхем	35, с. 202
2	Ржевка, п. 12, 2004 г., В. А. Сарапулкин	Аббасиды	167(9) г.х.,	Дирхем	35, с. 202
3	Нетайловка, п. 60, 1959–61 гг, Д. Т. Березовец	Аббасиды	775–778 гг. н.э. (15х г.х.)	Дирхем	33, с. 86; 22, рис. 3, 1
4	Нетайловка, п. 137, 1991 г, А. В. Крыганов	Омейяды	(9)х г.х., Сук ал-Ахваз	Дирхем	23, с. 42, рис. 3, 2.
5	Нетайловка, п. 137, 1991 г, А. В. Крыганов	Омейяды	90 г.х., Нахр Тира	Дирхем	23, с. 42, рис. 3, 1.
6	Нетайловка, п. 143, 1991 г, А. В. Крыганов	Омейяды	106 г.х., Васит	Дирхем	23, с. 42, рис. 2, 1.
7	Нетайловка, п. 143, 1991 г, А. В. Крыганов	Аббасиды	152 г.х., Арран	Дирхем	23, с. 42, рис. 2, 2.
8	Нетайловка, п. 146, 1991 г, А. В. Крыганов	Омейяды	94 г.х., Васит	Дирхем	23, с. 42, рис. 3, 3.
9	Нетайловка, п. 146, 1991 г, А. В. Крыганов	Омейяды	87 г.х., Дамаск	Дирхем	23, с. 42, рис. 3, 4.
10	Нетайловка, п. 164 «б», 1992 г, А. В. Крыганов	Сасаниды	Хосров I	Драхма	22, рис. 3, 3
11	Нетайловка, п. 164 «б», 1992 г, А. В. Крыганов	Сасаниды	Хосров II	Драхма	
12	Нетайловка, п. 164 «б», 1992, А.В. Крыганов	Дабуиды	Хуршид	Драхма	
13	Нетайловка, п. 164 «б», 1992 г, А. В. Крыганов	Византия	Константин V, 751–757 гг. н.э.	Солид	2, с. 95
14	Нетайловка, п. 212, 1994 г, А. В. Крыганов	Аббасиды	153 г.х., Мадинат ас-Салам	Дирхем	
15	Нетайловка, п. 227, 1996 г, А.В. Крыганов	Аббасиды	166 г.х., ал-Мухаммадия	Дирхем	
16	Нетайловка, п. 249, 1998 г, А.В. Крыганов	Византия	Константин V, 751–757 гг. н.э.	Солид	2, с. 95
17	Нетайловка, п. 250, 1998 г, А. В. Крыганов	Омейяды	91 г.х., Васит	Дирхем	22, рис. 3, 2
18	Нетайловка, п. 265, 2000 г., А. В. Крыганов	Омейяды	92 г.х., Васит	Дирхем	
19	Нетайловка, п. 348, 2003 г, В. К. Михеев	Аббасиды	147 г.х., ар-Рей	Дирхем	
20	Нетайловка, п. 348, 2002 г, В. К. Михеев	Аббасиды	164 г.х., Мадинат ас-Салам	Дирхем	
21	Нетайловка, п. 410, 2004 г, А. В. Крыганов	Аббасиды	158 г.х., Мадинат ас-Салам	Дирхем	
22	Нетайловка, п. 412, 2004 г, В. К. Михеев	Омейяды	1(15) г.х., Васит	Дирхем	
23	Нетайловка, п. 472, 2008 г, В. С. Аксенов	Византия	Подражание Льву III, 732–741 гг. н.э.	Подраж. солиду	2, с. 94, рис. 4.
24	Нетайловка, п. 480, 2008 г, В. С. Аксенов	Табаристан		Драхма	

Примечание: нумерация монет в таблице совпадает с нумерацией на Илл. 2–4.

¹) Приношу искреннюю благодарность Вяч. С. Кулешову (СПб) за большинство приведенных здесь определений, а также В.С. Аксенову и В.А. Сарапулкину – за возможность работать с неопубликованными материалами.

региона» лесостепного локального варианта салтовской культуры. Число этих переселенцев было сопоставимым с числом алан, что подтверждается количеством известных на сегодня погребальных памятников. Находки монет и предметов импорта в ямных ингумациях подтверждают одновременность существования ямных и катакомбных могильников.

Литература

1. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии / В. А. Городцов // Труды XII АС. – Т. 1. – М., 1905. – С. 174–341.
2. Красильников К. И. О некоторых вопросах погребального обряда прабогар Среднедонечья / К. И. Красильников // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 28–44.
3. Красильников К. И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII – нач. X в. / К. И. Красильников // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001. – С. 303–322.
4. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / И. И. Ляпушкин // МИА. – № 62. – М.–Л., 1958. – С. 85–150.
5. Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959–1960 гг. (Печенежское водохранилище) / Д. Т. Березовец // КСИА АН УССР. – Вып. 12. – К., 1962. – С. 18–22.
6. Плетнева С. А. Волоконовский древнеболгарский могильник / С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко // СА. – 1976. – № 3. – С. 279–298.
7. Березовец Д. Т. Отчет о раскопках грунтового могильника в с. Нетайловка / Д. Т. Березовец // Архив ИА НАНУ. – 1959–61/6а. – 56 л., XLVIII табл.
8. Крыганов А. В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры – остатки древнего хазарского города / А. В. Крыганов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001. – С. 347–359.
9. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры / В. К. Михеев // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 45–52.
10. Степовой А. В. Поселения салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Волчья Белгородской области / А. В. Степовой // Дивногорский сборник. – Вып. 1. – Воронеж, 2009. – С. 315–322.
11. Сарапулкин В. А. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) / В. А. Сарапулкин // Археологические памятники Восточной Европы. – Вып. 12. – Воронеж, 2006. – С. 195–203.
12. Винников А. З. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник) / А. З. Винников, В. А. Сарапулкин. – Воронеж : ВГПУ, 2008. – 108 с.
13. Сарапулкин В. А. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Терехово / Сарапулкин В. А., Сарапулкина Т. В. // Археология Центральной России. Тезисы международной научной конференции посвященной 100-летию В.П. Левенка. – Липецк, 2007. С. 285–289.
14. Сарапулкин В. А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области / Сарапулкин В. А. // Археологические памятники Восточной Европы. – Вып. 13. – Воронеж, 2009. – С. 292–293.
15. Сарапулкин В. А. Поволжские параллели в погребальном обряде грунтовых могильников салтово-маяцкой культуры с территории Белгородской области // В печати.
16. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII – X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г. Е. Афанасьев // АОН. – Вып. 2. – М. : Наука, 1987. – 200 с.
17. Колода В. В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) / В. В. Колода // Древности 2011. – Вып. 10. – Харьков, 2011. – С. 261–272.
18. Квитковский В. И. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-1 / В. И. Квитковский // СМАК. – Вып. 2. – Харьков, 2012. – С. 26–29, 4 илл.
19. Кухаренко Ю. В. Новопокровский могильник и поселения / Ю. В. Кухаренко // Археология. – Т. VI. – К., 1952. – С. 33–50.
20. Археологические работы музеев в СССР за 1955–1956 гг. (Заметки с мест) // СА. – 1957. – № 4. – С. 278–299.
21. Аксенов В. С. Раскопки Верхнесалтовского IV катакомбного могильника и могильника Красная Горка салтовской культуры / В. С. Аксенов // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. – К., 2002. – С. 83–85.
22. Аксенов В. С. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII – X вв. / Аксенов В. С., Михеев В. К. // Хазарский альманах. – Т. 5. – Киев–Харьков, 2006. – 308 с.
23. Аксенов В. С. Новый салтовский могильник в Верхнем Подонечье / В. С. Аксенов, С. И. Воловик // Донская археология. – 1999. – № 3–4. – С. 34–40.
24. Кадеева Е. М. Роботи на Балаклійському могильнику / Е. М. Кадеева, В. К. Михеев // Археологічні дослідження на Україні 1969 року. – Вип. 4. – К., 1972. – С. 280–283.
25. Лаптев А. А. Археологические работы 2008 – 2009 гг. у с. Кунье Изюмского р-на Харьковской обл. / Лаптев Алексей // Пам'яткознавчі погляди молодих вчених XXI ст.: збірка наук. статей з

пам'яткоохоронної роботи. – Вип. 1. – Харків, 2010. – С. 142–146.

26. Михеев В. К. Отчет о музейных экскурсиях и археологических исследованиях 1970 г. / Михеев В. К. // Архив ИА НАНУ. – 1970/71. – 22 л., XIX табл.

27. Михеев В. К. Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця / В. К. Михеев // Вестник ХГУ. – 1974. – № 104. – История. Вып. 8. – С. 97–99.

28. Либеров П. Д. Разведки в пойме р. Оскол / П. Д. Либеров // КСИА АН СССР. – Вып. 83. – М., 1961. – С. 95–103.

29. Шрамко Б. А. Отчет о раскопках в с. Пески Радьковские Боровского р-на / Б. А. Шрамко // Отчет Северо-Донецкой экспедиции 1956 г. // Архив ИА НАНУ. – 1956/4е. – 8 л., XV табл.

30. Шрамко Б. А. Отчет об археологических разведках и раскопках Северодонецкой экспедиции ХГУ в 1956 году / Б. А. Шрамко // Архив ИА НАНУ. – 1956/19. – 22 л., XXXII табл.

31. Сибільов М. В. Стародавня посудина з «письменами» / М. В. Сибільов // Археологія. – Т. VI. – К., 1952. – С. 139–141.

32. Телегин Д. Я. Отчет о разведках и раскопках в долине р.р. Оскола и С. Донца в 1955 г. / Д. Я. Телегин // Архив ИА НАНУ. – 1955/3. – 24 л., XXXIX табл.

33. Березовец Д. Т. Отчет средневекового отряда Северо-Донецкой экспедиции за 1957 год / Д. Т. Березовец // Архив ИА НАНУ. – 1957/4б. – 23 л., XVI табл.

34. Березовец Д. Т. Отчет о раскопках салтовского поселения на р. Оскол / Д. Т. Березовец // Архив ИА НАНУ. – 1956/4б. – 36 л., XXXII табл.

35. Крыганов А. В. Отчет об археологических разведках и раскопках Пескорадьковского и Нетайловского могильников на территории Харьковской

области в 1991 г. / А. В. Крыганов // Архив ИА НАНУ. – 1991/99. – 23 л., LXVIII табл.

36. Телегин Д. Я. Исследование поселения и могильника позднейшего неолита – начала эпохи металла около с. Александрии на р. Осколе (Отчет о работе неолитического отряда Оскольской экспедиции 1956 года) / Д. Я. Телегин // Архив ИА НАНУ. – 1956/4. – 29 л., LV табл.

37. Телегин Д. Я. Оскольская экспедиция 1955–1956 годов / Д. Я. Телегин // КСИА АН УССР. – Вып. 8. – К., 1959. – С. 72–79.

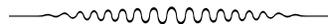
38. Лаптев А. А. Топография и география распространения салтовских кремационных могильников лесостепного Подонцовья / Алексей Лаптев // Археологія: спадок віків: Матеріали Міжнародного конф. студентів, аспірантів та молодих вчених (7–8 квітня 2011 р.). – Біла Церква, 2011. – С. 149–153.

39. Демченко М. А. Гидрография Харьковской области / М. А. Демченко // Материалы Харьковского отдела Географического общества Украины. – Вып. VIII. Харьковская область. Природа и хозяйство. – Х., 1971. – С. 51–65.

40. Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии / В. М. Потин // Труды ГЭ. – 1971. – Т. 12. – С. 49–119.

41. Аксенов В. С. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца / В. С. Аксенов, В. К. Михеев // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 344–357.

42. Кравченко Э. Е. Сидоровское городище / Э. Е. Кравченко, В. В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001. – С. 233–302.

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ НЕКРОПОЛИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА (МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ)

Анотація. В статті вперше зібрано всю відому на сьогоднішній день інформацію про ранньосередньовічні некрополі східного Криму, які належать салтово-маяцькій археологічній культурі. Проаналізовано пам'ятки, що датуються серединою VIII – перш. пол. X ст., залишені місцевими осілими праболгарами. Ці матеріали значно доповнюють наші відомості про поховальний обряд населення цього регіону Таврики у ранньосередньовічний час. Вони є достатнім підґрунтям для підготовки монографічного дослідження присвяченого цій складній проблематиці.

Ключові слова: Східний Крим, салтово-маяцька культура, праболгари, картографування, ранньосередньовічний час, некрополі.

Abstract. In the article all information known to modern time about the early medieval necropolises of east Crimea, belongings to saltovo-majaky archaeological culture is first collected. Monuments, dated of middle of VIII – first half of X c., leaved the local settled prabolgars are analyzed. These materials considerably complement our information about the funeral ceremony of population of this region of Taurica in early medieval time. They serve as sufficient foundation for preparation the monographic research which devoted to this difficult problem.

Key words: East Crimea, saltovo-majaky culture, prabolgars, mapping, early medieval time, necropolises.

Изучение салтово-маяцких некрополей Восточной Таврики насчитывает более 60 лет. За это время открыто и исследовано более 30 разнообразных могильников. Получен уникальный материал, позволяющий проследить изменение погребального обряда жителей восточного Крыма, начиная с сер. VIII и до сер. X в. Впервые салтово-маяцкие некрополи Таврики были обобщены в монографии И. А. Баранова [1, с. 105–129]. Однако исследователь искусственно отделял их от плитовых христианских могильников, относя последние не к праболгарскому, а к греческому населению. Как известно, отличительной особенностью крымского варианта салтово-маяцкой культуры является сильная византинизация оставившего его праболгарского населения. Одной из главных идеологических составляющих этого явления была христианизация местных тюркоболгар. Как показали дальнейшие исследования, практически все изученные некрополи биритуальные, содержащие как грунтовые и комбинированные, так и плитовые погребения. И. А. Барановым на территории восточной Таврики было выделено всего 8 плитовых и грунтовых некрополей [1, с. 106, рис. 37]. В настоящее время эта цифра значительно увеличилась. В статье специально рассматриваются могильники оставленные оседлым насе-

лением, впускные кочевнические погребения нами не учитывались. Не рассматривались и сведения о некрополях, не подтвержденные археологическими разведками, раскопками и соответствующей полевой документацией. Безусловно, степень исследования различных некрополей, приводимых в работе, различна. Некоторые из них достаточно полно введены в научный оборот, однако большинство упомянутых памятников известно по отдельным обзорным по характеру работам, а то и вовсе не опубликованы. В любом случае приводимый ниже список некрополей является первой попыткой систематизации всей имеющейся к настоящему времени информации о погребальных памятниках праболгар восточной Таврики. Совершенно понятно, что полная публикация всех материалов исследований – дело будущего. В данном случае на первом этапе мы попытались очертить круг основных исследованных памятников (Илл. 1–6).

1. Могильник в с. Ново-Николаевка. Обнаружен в 1983 г. при строительстве школьного тира в центре села. В бортах двух траншей обнажились девять, частично разрушенных плитовых могил, которые в этом же году были исследованы В. Н. Холодковым [2, с. 20]. Могилы ориентированы в направлении ЮЗ-СВ. В плане имеют прямоугольную

и трапециевидную форму. На торцевой плите могилы № 3 вырезана арковидная ниша. Особый интерес представляет могила № 8, на одной из продольных плит которой была вырезана тамга в виде трезубца. Все могилы оказались разграбленными. Кости погребенных сохранились только в могиле № 9, в которой было совершено последовательное захоронение мужчины и ребенка. Погребальный инвентарь, обнаруженный в двух могилах, представлен бронзовым бубенчиком, проволоочной серьгой, амулетом из белого металла в виде фигурки козла, перстнем из белого металла и обломками костяного изделия – т. н. «игольником» [3, с. 332–337].

2. Могильник Эльтиген-I. Открыт в 1997 г. и в 2001 г. исследован Эльтигенской охранно-археологической экспедицией. Расположен на западной окраине пос. Эльтиген в пределах второй приморской террасы. На площади свыше 300 кв. м. раскопано 15 погребений. Восемь из них представляют собой плитовые могилы, а семь – грунтовые захоронения. В плитовых могилах выявлены одиночные, парные и тройные захоронения, совершенные по христианскому обряду. На плитах двух могил высечены кресты, а в торцевых плитах некоторых из них – арковидные ниши. В грунтовых могилах зачищены разрушенные костяки, свидетельствующие о совершенном над ними обряде обезвреживания погребенных. Немногочисленный погребальный инвентарь – бронзовые перстни, кольца и серьги, а также обнаруженный в одной из плитовых могил фрагмент высокогорлого кувшина с плоской ручкой, позволяют датировать могильник не ранее чем второй половиной IX в. [4, с. 278–285].

3. Михайловский могильник. В 1983 г. на участке раскопа XXXII, в 0,6 км к юго-востоку от античной цитадели Михайловского городища Б. Г. Петерсом был частично исследован плитовый могильник. Одна из четырех раскопанных могил представляла собой обычное христианское погребение, ориентированное на юго-запад, в то время как в других могилах покойники были захоронены головой на юг. В торцевых плитах трех могил высечены трапециевидная и арковидные ниши. В погребениях зачищены одиночные и парные захоронения. Находки представлены бронзовыми серьгами с подвесками из серебряных шариков и стеклянной пронизи,

бронзовой ворворкой, бронзовой печаткой-амулетом, бронзовым перстнем с зажимами и вставкой из синего стекла, железным перстнем и кольцами. Б. Г. Петерс датировал могильник концом VIII – перв. пол. IX вв. [5, с. 343; 6, с. 151–158].

4. Могильник к западу от городища Тиритака. Частично раскопан Ю. Ю. Марти в 1932 г. Расположен на холме в 0,7 км к западу от городища Тиритака и впоследствии уничтожен железорудным карьером. Могилы сооружены из отесанных плит известняка и содержали одиночные, парные и тройные захоронения. На одной из торцевых плит вырезана арковидная ниша. В трех могилах костяки ориентированы головой на запад, а в одной на восток. Погребальный инвентарь представлен бронзовым перстнем с четырьмя лапками зажимами, бронзовой ворворкой, бронзовой колодкой-распределителем из витого стержня, бляшкой в виде стилизованного трилистника, бронзовой серьгой с фигурной подвеской, рифленным бубенчиком, колокольчиком, перстнями с плоским щитком, ожерельем из 49 бусин из стекла, пасты и кости и другими изделиями из кости, железа и кремня. Особый интерес представляют два бронзовых амулета в виде скачущих лошадок. На основании этих находок могильник обычно датируется второй половиной VIII – перв. пол. IX вв. [7, с. 32–36, рис. 44–48].

5. Могильник(?) в северо-восточной части городища Тиритака. В 1950 г. на участке XXI в северо-восточной части городища Тиритака В. Ф. Гайдукевичем раскопана одиночная плитовая могила, впущенная в напластования ранневизантийского периода. На одной из ее плит высечен крест. Костяк был уложен головой на юго-запад, инвентарь отсутствовал [8, с. 165, рис. 9; 9, с. 472].

6. Могильник на юго-западной окраине городища Тиритака. Частично исследован в 1932–1934 гг. Ю. Ю. Марти. Располагался на юго-западной окраине городища Тиритака (раскоп I). Несколько исследованных могил оказались безинвентарными, а плитовые могилы, обнаруженные накануне Второй Мировой войны, так и не были раскопаны [10, с. 11, 24].

7. Могильник(?) на участке «Энергостроя» в окрестностях городища Тиритака. В 1932 г. Ю. Ю. Марти на строительной

площадке «Энергостроя» Керченского железнодорожного комбината раскопал одиночное погребение, датированное им VIII–IX вв. В могиле зачищены два костяка и фрагменты двух круглодонных амфор. К сожалению, конструкция могилы и особенности погребального обряда в публикации Ю. Ю. Марти не приведены [7, с. 31].

8. Моги́льник в окрестностях с. Песочное. Моги́льник обнаружен в процессе разведок, проведенных в 1954–1955 гг. в северной части Керченского полуострова П. Н. Шульцем. Тогда же им было исследовано четыре плитовых могилы, находки из которых позволили датировать их VIII–IX вв. К сожалению, материалы разведок и раскопок П. Н. Шульца до сих пор не опубликованы [11, с. 28, пункт 75].

9. Моги́льник в окрестностях с. Пташкино. Расположен в 1,0 км к юго-западу от с. Пташкино [12, рис. 1, 4]. Открыт в 1961 г. В. В. Веселовым [13, с. 59, 60, 158, № 487/488–3]. Занимает северо-восточный и восточный склон г. Шакар, но границы моги́льника определить не удалось, поскольку в 50-е – 60-е годы прошлого столетия он был практически полностью уничтожен гипсовым карьером. В некоторых разрушенных погребениях найдены прорезная ажурная подвеска из белого металла, серьга из белого металла, украшенная «вставками из цветных камней и стекла», а также глазчатые и полосатые овально-биконические, цилиндрические и округлые бусины из стеклянной пасты, халцедона и сердолика [13, с. 59; 14, с. 8, рис. 7, 8; 15, с. 107, 108]. В 1962 г. А. В. Гадло зачистил обнажившуюся в береговом откосе частично разрушенную плитовую могилу, однако, костяка и погребального инвентаря в ней не оказалось [14, рис. 5]. На основании немногочисленного инвентаря из разрушенных погребений А. В. Гадло датировал моги́льник VIII–IX вв. [14, с. 8; 15, с. 107].

10. Моги́льник на поселении Героев-ка-2. Впервые о моги́льнике в 1956 г. упоминает В. В. Веселов, а в 1962 г. А. В. Гадло зафиксировал три разрушенные плитовые могилы. В 1963–1964 гг. А. В. Гадло раскопал на территории моги́льника 11 погребений, в том числе три грунтовых и восемь плитовых, включая разрушенные береговой абразией. Между могилами обнаружены ритуальные захоронения частей туш лошадей. Плитовые

могилы были сооружены из четырех-шести известняковых плит. На одной из торцевых плит вырублена арковидная ниша. За исключением могилы № 3 все плитовые могилы оказались разграбленными, а кости погребенных полностью удалены или перемещены. Из погребального инвентаря сохранился бронзовый щитковый перстень. Гораздо лучше сохранились грунтовые могилы. В могиле № 1 совершены захоронения женщины и ребенка, уложенные на спине головой на запад. При расчистке женского захоронения обнаружены железное кольцо и бронзовый перстень с плоским щитком. В грунтовой могиле № 2 выявлено беспорядочное скопление костей, принадлежащих двум или трем погребенным. Судя по расположению, они были уложены головой на ЗЮЗ. Здесь же была найдена кость лошади. И, наконец, в погребении № 4 зачищено мужское захоронение на спине головой на запад. Рядом с костяком найдена железная пряжка. Погребальный инвентарь позволил А. В. Гадло датировать моги́льник IX в. [13, с. 42, 116, № 88; 14, с. 13; 16, с. 49, рис. 1; 15, с. 106, 107; 17, с. 287–295].

11. Моги́льник(?) на мысе Зюк. В процессе раскопок античного и ранневизантийского городища на мысе Зюк А. А. Масленниковым открыто одиночное детское захоронение, совершенное в плитовой могиле. Подробное ее описание, за исключением инвентаря, к сожалению, не опубликовано. В могиле найден типичный для салтовских погребений VIII–IX вв. инвентарь – перстень с четырьмя лапками-зажимами, ворворка в виде усеченной пирамидки, браслет, бубенчик и зооморфный амулет [18, с. 167, рис. 17, 10–14].

12. Моги́льник в окрестностях с. Заветное. Обнаружен разведками А. В. Куликова. Расположен на восточной окраине с. Заветное и занимает отдельный мыс северного склона балки Чиктрал-Джилга. С середины 90-х гг. прошлого столетия моги́льник подвергался ограблению. Вскрытые погребения представляют собой плитовые могилы прямоугольной и трапецевидной формы, ориентированные в направлении ЮЗ-СВ. В грабительских отвалах обнаружены разрозненные человеческие кости и стенки салтово-маяцких горшков [19, с. 354].

13. Моги́льник на поселении Осовины-I. Обнаружен в 1992 г. В. Н. Зинько.

Располагался к северо-востоку от двухкамерного дома античного времени, вторично использованного в салтово-маяцкий период. Захоронения совершены в грунтовых ямах овальной формы, но в остальном погребальный обряд оказался различным. В могиле № 1 зачищен ребенок, ориентированный головой на юго-запад и уложенный на левый бок, лицом на северо-запад. В могиле № 2 покойник находился на спине в вытянутом положении головой на юго-запад, но череп отсутствовал. Могила № 3 была обрамлена бутовыми камнями, а костяк уложен на подсыпку из морского песка. Кости верхнего отдела скелета погребенного находились вне анатомического порядка и были уложены друг на друга. Погребальный инвентарь представлен бронзовым кольцом с незамкнутыми расширяющимися концами. Отсутствие черепа в могиле № 2 и характер расположения костей в могиле № 3 можно охарактеризовать как следы обряда обезвреживания погребенных [20, с. 192–194, рис. 9].

14. Могильник в с. Дачное. Могильник расположен на южной стороне Таракташского хребта на северной окраине с. Дачное (ул. Горная, за домом N 2). Общая площадь памятника примерно 1,5 га. Исследовался в 1995 г. В. В. Майко [21, с. 122–128] и в 2002 г. М. Б. Шукиным и О. В. Шаровым [22, с. 59, 60]. Часть плитовых захоронений была уничтожена в ходе строительных работ. Всего исследовано 11 погребений, расположенных двумя группами. Погребальный инвентарь обнаружен в двух захоронениях. Согласно аналогиям он датируется в рамках второй половины IX – первой половины X вв. [21, с. 124–128] Помимо этого, с внутренней стороны плиты обкладки могилы N 2 прочерчен крест.

15. Могильник на юго-западном склоне мыса Ай-Фока. Могильник находится на юго-западном крутом склоне мыса Ай-Фока. Левый берег реки Ворон ограничивает памятник с запада, с юга - непосредственно к нему примыкает морской пляж. В 1961/62 гг. разведочные работы на некрополе проводил М. А. Фронджуло. В подъемном материале им была обнаружена ойнахойя Баклинского типа. В 1986 и 1988/89 гг. поселение, перекрытое могильником, раскапывалось И. А. Барановым [1, с. 117; 23, с. 127–148]. Общая площадь памятника – примерно 6 га.

Первое упоминание о существовании поселения находим у В. П. Семенова-Тяньшанского. Исследовано 4 полуземлянки второй половины VII – перв. пол. VIII вв., две из которых, разрушены строительными работами, остатки ремесленной мастерской с металлургическим горном второй половины VII–IX вв. и остатки небольшого ранневизантийского помещения. Могильник частично перекрыл поселение. Исследовано 13 могил датирующихся второй половиной VIII–IX вв. и характерных для праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры Крыма. В ходе исследований обнаружен интересный археологический материал, в том числе свидетельствующий о проникновении зороастризма в местную праболгарскую среду [24, с. 187–189].

16. Могильник на юго-восточном склоне мыса Ай-Фока. Некрополь расположен на правом берегу реки Ворон на юго-восточном склоне горы Ай-Фока на пологой вершине плоского холма размерами 65×20 м, ограниченного со всех сторон крутыми склонами. Обнаружен археологическими разведками И. А. Баранова в 1987 г. В 1988 г. подвергся охранному раскопкам. Удалось зафиксировать 18 погребений трех типов: с коробовым деревянным перекрытием, с частичным использованием, помимо этого, камней в обкладке могилы, плитовая могила. Погребальный инвентарь немногочислен. Он, как и обряд захоронения, характерен для праболгарских могильников полуострова IX – первой половины X вв. [1, с. 117; 25, с. 152; 23, с. 127–148]. Помимо погребений обнаружены отдельные развалы стен построек, принадлежащих, возможно, разрушенному храму.

17. Могильник Судак-II. Расположен на северо-западной окраине посада средневекового города, за столовой пансионата ЛЖД. Открыт и исследован М. А. Фронджуло в 1964/66 гг. Доисследован И. А. Барановым и В. Г. Туром в 1982 г. Всего открыто 280 плитовых и грунтовых могил IX–XVIII вв. [26, с. 147–150]. Сохранились фундаменты и частично каменный пол небольшого одноабсидного храма. Пристройка к нему сложена техникой кладки «в елку». Храм возведен над каменным склепом с коробовым перекрытием. Последнее вошло составной частью в конструкцию вымостки пола церкви. Стенки дромоса склепа выложены плоским песчаником с элементами кладки «в елку». В по-

гребальном инвентаре первоначального погребения встречены вещи характерные для салтово-маяцких некрополей Таврики. Кроме того, можно выделить наиболее раннюю группу плитовых погребений, очевидно, синхронных склепу [27, с. 141, 142].

18. Могильник Судак-VI. Расположен на плоской террасе одного из самых южных отрогов г. Перчем на северной окраине пос. Уютное. Открыт М. А. Фронджуло в 1970 г. Тогда же расчищено 9 могил. В 1994 г. некрополь практически полностью исследован, частичное доисследование проведено в 1998 г. Зачищено 56 могил и 2 склепа. Грунтовые погребения некрополя делятся на три группы: прямоугольные ямы с заплечиками перекрытые поперечными деревянными плахами (18 могил), могилы с коробовым деревянным перекрытием (11), грунтовые погребения без использования деревянных конструкций, но в заполнении которых, встречены фрагменты дерева (13). Второй вид погребений – захоронения с элементами плитовой и грунтовой могилы (4), третий – плитовые могилы (8). Склеп 1 – прямоугольный каменный склеп с двускатной черепичной крышей. Склеп 2 – земляной наполовину разрушенный строительными работами. Погребальный инвентарь богат и разнообразен. Датируется в рамках середины VIII – первой половины IX вв. Это центральный городской некрополь Сугдеи праболгарского времени [28, с. 38–45; 27, с. 152–182].

19. Могильник Судак-VII. Расположен на северо-восточной окраине с. Уютное на месте 5-этажного жилого дома (ул. Истрашкина, 11). Обнаружен и исследован М. А. Фронджуло в 1974 г. [29, с. 367]. Зафиксировано 12 погребений: 10 плитовых, частично разрушенных строительными работами и 2 грунтовых. Немногочисленный погребальный инвентарь, происходящий из одной могилы, представлен бусами, бубенчиками и детскими стеклянными браслетами и датируется в рамках XI–XII вв. В 1973 г. при осмотре разрушенных погребений этого некрополя, М. А. Фронджуло была обнаружена небольшая красноглиняная ойнахойя. Не исключено, в этой связи, что могильник возникает еще в раннесредневековое время.

20. Могильник Судак-IX. Расположен к юго-западу от гостиницы Горизонт на месте автостоянки. Обнаружен М. А. Фронджуло

в 1965 г. В 1976 г. им исследован сильно разрушенный строительными работами каменный склеп с коробовым перекрытием ориентированный с небольшим отклонением по оси север-юг. По конструкции погребального сооружения и немногочисленному сопровождающему инвентарю, он аналогичен и синхронен каменным склепам на участке куртины XIV Судакской крепости. Последние находились в пределах видимости от данного объекта. В 1978 г. исследование могильника продолжил А. И. Айбабин. Среди 99 раскопанных плитовых, грунтовых и подбойных могил XIV–XV вв., обнаружен наполовину разрушенный грунтовый прямоугольный склеп, содержащий несколько сильно разрушенных костяков и погребальный инвентарь второй половины IX – перв. пол. X вв. [30, с. 287, 288; 27, с. 190–192]. В 2007 и 2008 гг. на северо-восточном участке могильника, примыкающего к склепам, была обнаружена плитовая могила, содержащая погребальный инвентарь первой половины IX [31, с. 271], а так же 5 разрушенных грунтовых могил в заполнении одной из которых присутствовала ойнахойя баклинского типа.

21. Могильник на участке куртины XIV Судакской крепости. В 1985/88 гг. И. А. Барановым на этом участке было исследовано четыре каменных склепа [25, с. 145–159; 32, с. 4–17; 27, с. 246–248]. Погребальные сооружения однотипны и представляют собой каменные склепы со ступенчатыми дромосами и прямоугольными несколько вытянутыми погребальными камерами с цилиндрическим сводом. Ориентированы они по оси север-юг. Погребальные сооружения сложены из пиленых блоков песчаника в одном случае на известковом растворе, в трех других – на глине. Внутренние стенки камер оштукатурены. Первоначальные захоронения внутри погребальной камеры выполнены в виде плитовых могил. Обнаруженный во всех склепах немногочисленный погребальный инвентарь мог сосуществовать в рамках середины VIII – перв. пол. IX вв. Погребальные сооружения использовались и в более позднее время, в течение всего и X столетия. Судя по антропологическим исследованиям, сооружены они были для знатного праболгарского населения Сугдеи салтово-маяцкого периода, активно принимавшего христианство. К западу от склепов, возле безымянной башни N 3

в 1988 г. этим же исследователем раскопаны 4 синхронные склепам грунтовые могилы. Погребальный инвентарь представлен мозаичными и пастовыми многочастными бусинами и бронзовой подвеской, что позволяет датировать эти грунтовые погребения в рамках второй половины VIII – первой половины IX вв. В 2012 г. исследования этого некрополя проводились А. В. Джановым. Исследовано еще два погребения, в том числе захоронение подростка с богатым погребальным инвентарем. Таким образом, грунтовый некрополь возникает одновременно со склепами и, очевидно, составлял с ними единое целое.

22. Могильник поселения Отузы-4. Открыт и частично исследован М. А. Фронджуло в 1961 г. Расположен в 1,5 км к югу-юго-востоку от больничных корпусов села Щебетовка Феодосийской административной зоны и в 100 м к югу от трассы Щебетовка-Курортное [33, с. 335, 336]. Располагается на холме и его склонах. Вероятно, относится к поселению Отузы 4 или поселениям Отузы 1 и Отузы 2, датируемым по данным археологических разведок И. А. Баранова и А. В. Гаврилова VIII–IX вв. [33, с. 334, 335]. Исследована одна частично разрушенная плитовая могила и остатки грунтового погребения.

23. Могильник Кордон-Оба. Некрополь был обнаружен в 1972 г. А. И. Айбабиным при строительстве оздоровительного комплекса «Солнечный берег» КамАЗ. Раскапывался в 1975 и 1976 гг. И. А. Барановым и А. И. Айбабиным [1, с. 124–129]. Доследование некрополя при осуществлении охранных археологических работ проводилось в 2003 г. А. В. Гавриловым. Некрополь расположен на узком водоразделе между двумя глубокими оврагами и состоял из двух участков, находившихся на расстоянии 220 м друг от друга на южной и северной окраинах поселения. На южном могильнике, границы которого выявлены полностью, раскопаны 32 могилы. Границы северного могильника не определены. На его площади изучено 17 могил. Обнаружено два типа погребальных сооружений: 41 грунтовая могила и 8 плитовых [34, с. 164–169]. Обнаруженные грунтовые могилы четырех вариантов: в грунтовой яме; в яме с заплечиками перекрытой досками или каменными плитами; в деревянной гробовине. Судя по немногочисленному погребальному инвентарю, некрополи синхронны по-

селению, расположенному к северу от него, и датируются VIII – перв. пол. X вв.

24. Прихрамовый могильник городища на плато Тепсень. Раскапывался В. П. Бабенчиковым в 1950–1953 гг. на территории храмового комплекса. Исследовано 20 плитовых и грунтовых могил [35, с. 104–116; 36, с. 110–118; 1, с. 117, 118; 37, с. 95–105; 38, с. 164–176]. Можно выделить группу плитовых захоронений, безусловно, связанных с «большим» Тепсеньским храмом. Во-первых, это могилы №№ 1–5. Об этом свидетельствует их месторасположение, конструкция погребального сооружения и данные стратиграфии. Не исключено, что сюда можно отнести и могилы №№ 8, 9. Их худшая сохранность может объясняться большими разрушениями южной части храмового комплекса. К этой же многочисленной группе относятся грунтовые (№№ 12–16) и плитовые (№№ 6, 7, 10) захоронения. Наличие на покровных плитах грунтовых могил 12 и 16 фрагментов штукатурки, встреченной и между остальными указанными плитовыми и грунтовыми могилами – лишний аргумент в пользу того, что они функционировали после разрушения первоначального храма. Разная конструкция погребального сооружения не должна смущать. Это связано с разной степенью христианизации оставшего некрополь населения. Вторую группу захоронений образуют могилы 19 и 20 располагавшиеся под плитами пола и столбами Большого храма. Они связаны с первоначальным древнейшим храмом № 2. Сюда можно отнести и плитовую могилу, частично разрушенную более поздним грунтовым захоронением 15. Третью группу, связанную с храмом № 4, образуют плитовые могилы №№ 17, 18 в конструкции которых вторично использованы строительные блоки Большого храма. Вероятно, тогда же было произведено захоронение 11, совершенное на покровных плитах грунтовой могилы 12. Исходя из погребального инвентаря и нумизматических находок, некрополь четко датируется в рамках середины VIII – перв. пол. IX вв.

25. Западный некрополь городища на плато Тепсень. Археологические разведки могильника были произведены П. Н. Шульцем и В. П. Бабенчиковым в 1949–1951 гг. Раскопки производились Е. В. Веймарном в 1952–1953 гг. и В. П. Бабенчиковым в 1959–1960 гг. Всего было раскопано 96 погребений [36,

с. 122; 1, с. 118, 119; 38, с. 119–153]. Доследование некрополя при осуществлении охранных археологических работ проводилось в 2004–2007 гг. С. Г. Бочаровым. Все погребальные сооружения можно разделить на пять основных типов. Тип 1 – обычные грунтовые погребения, куда отнесены захоронения в заполнении которых, независимо от плохой или хорошей сохранности, не встречено даже мелких фрагментов дерева, свидетельствующих о наличии каких-либо конструкций. Погребения именно этого типа преобладают на могильнике – 45%. Тип 2 – грунтовые могилы с заплечиками, предназначенными для укладки деревянного перекрытия. Их на некрополе обнаружено примерно 14%. Тип 3 – захоронения в деревянных ящиках 27%. Тип 4 – грунтовые погребения с фрагментами дерева. В большинстве случаев отнесение их к конкретному типу из-за плохой сохранности затруднительно. Тип 5 – погребения с комбинированной конструкцией. Подавляющее большинство захоронений Западного некрополя одноярусные погребения (90%). Тем не менее, встречено два парных погребения, три одноярусных погребения взрослого и ребенка, одно двухярусное погребение, где нижний костяк сдвинут при повторном захоронении, одно двухярусное, где два костяка расположены один на одном и один кенотаф. Анализ погребального инвентаря свидетельствует о том, что некрополь возникает не ранее середины VIII в. и существует, примерно, до середины IX в.

Вероятнее всего, после того как в середине IX в. перестал функционировать Западный могильник, городские некрополи были перенесены на новое место. Располагались они, как показывают материалы археологических раскопок и разведок, практически вокруг плато Тепсень [39, с. 21]. Достаточно быстрая христианизация городского населения именно в середине IX в. привела к тому, что на этих некрополях большой процент составляли обычные христианские плитовые захоронения. Функционировали новые некрополи до конца существования праболгарского памятника на плато, т.е. до середины X в. К сожалению, все они изучены крайне фрагментарно, не исключено, что из выделенных девяти некрополей некоторые составляли единое целое.

26. Могильники городища на плато Тепсень. *Некрополь Тепсень-I.* Расположен у

подножия и на самом холме Малый Тепсень. В 1929 г. Н. С. Барсамовым был произведен осмотр и зачистка плитовой могилы вскрытой М. Волошиным у фундаментов электростанции и места строительных работ у трассовой пристани [40, с. 1]. Здесь по сообщениям автора раскопок был обнаружен бронзовый перстень без вставки второй половины IX в. Однако судить о том, связан ли он с вышеописанным погребением, не представляется возможным. В 1930 г. на юго-восточном склоне холма на глубине 1 м обнаружен ряд погребений (ок. 20) в деревянных истлевших ящиках. Найдены четыре бусины (2 стеклянные и одна глиняная бирюзового цвета) и 2 серьги. Из них одна золотая проволочная, другая – разломанная на три части из низкопробного серебра, со стеклянной бусинкой. Судя по этим серьгам, некрополь синхронен Западному могильнику. Однако, наличие здесь плитового захоронения, позволяет отнести его к более позднему времени.

Некрополь Тепсень-II. Биритуальный некрополь, исследовался Н. С. Барсамовым, расположен на территории пос. Коктебель в его западной части. В 1930 г. – в усадьбе Сапрыкина в различных местах, раскопаны два костяка в грунтовых могилах с ойнахойми в головах. Как упоминает автор раскопок, здесь же, открыты и плитовые могилы. Подобная ситуация зафиксирована и на соседних виноградниках Синопли и Перонко, где так же открыты плитовые могилы. В одной из них, по сообщению Н. С. Барсамова, были обнаружены серебряный перстень с сердоликом и пара проволочных серебряных серег, [40, с. 10, 11]. Подобные перстни с чертырхлупчатой жуковиной датируются не ранее второй половины IX в.

Некрополь Тепсень-III. Биритуальный некрополь. Расположен на ближайшем к подножию Тепсеня с северной стороны холме. В отчетной документации получил рабочее название Северный могильник. Здесь в 1951 г. была случайно обнаружена могила у дороги. Несколько севернее (7,5 м) на том же холме, были видны остатки разрушенной могилы из каменных плит. Всего исследовано 3 могилы.

Некрополь Тепсень-IV. Обнаружен разведками Н. С. Барсамова в 1929–1930 гг. Расположен на север от Тепсеньского городища. В 1955 г. при поднятии плантажа М. А. Фронджуло было вскрыта плитовая могила, сло-

женная из блоков песчаника, полностью разграбленная еще в древности [41, с. 177, рис. 9]. По мнению автора раскопок, датируется в рамках VIII–IX вв. В этом же году в 300 м к северо-востоку от Тепсеньского городища у дачи Гинца в подъемном материале была обнаружена верхняя часть красноглиняной ойнахойи. Не исключена ее связь с расположенным поблизости данным плитовым некрополем.

Некрополь Тепсень-V. Расположен на склоне, ведущем в карьерную балку. В отчетной документации получил название Южный. Здесь в 1959 г. М.А. Фронджуло была распана плитовая могила.

Некрополь Тепсень-VI. Биритуальный некрополь. Расположен в пос. Коктебель по ул. Черноморской на тогдашнем участке В. И. Камневой на крутом склоне отдельной возвышенности. Обнаружен М. А. Фронджуло. Здесь в ходе земляных работ было уничтожено и повреждено около 10 захоронений. Исследовано четыре грунтовых и плитовых погребения. В полевой документации некрополь получил условное название Северо-Восточный.

Некрополь Тепсень-VII. Расположен в поселке Коктебель, по ул. Морской, около моря, к западу от ограды дома творчества писателей, на тогдашнем участке Микулина. Здесь в 1959 г. М. А. Фронджуло было расчищено плитовое погребение.

Некрополь Тепсень-VIII. Расположен в поселке Коктебель, по ул. Курортной у входа в усадьбу М. П. Пиранковой. Обнаружен М. А. Фронджуло в 1959 г. во время строительных работ. Расчищена плитовая могила, имевшая 6 покровных плит из акмонайского ракушечника, плотно подогнанных одна к другой на известковом растворе. Интересной особенностью плит является наличие по бокам с северной и южной стороны канта шириной 6–7 см.

Некрополь Тепсень-IX. Расположен в поселке Коктебель к северо-востоку от плато по ул. Мичурина, 15 на тогдашнем участке Н. Арзютова. Обнаружен и исследовался М. А. Фронджуло в 1960 г. во время проведения строительных работ. Обнаружено одно полностью разрушенное грунтовое погребение. С этим погребением связана находка красноглиняной ойнахойи, хранящейся ныне в Феодосийском краеведческом музее.

К северо-востоку от погребения 1 при строительстве дома обнаружены одна грунтовая и две плитовые могилы. С ними связаны находки 12 бусин и одного бронзового браслета. Могилы не раскапывались.

Таким образом, вводимая в научный оборот вся известная информация о погребальных памятниках салтово-маяцкого населения восточного Крыма значительно дополняет наши данные о погребальном обряде населения этого региона Таврики в раннесредневековое время. Она служит достаточным основанием для подготовки монографического исследования посвященного этой сложной проблематике.

Литература

1. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура) / И. А. Баранов – К.: Наука, 1990. – 166 с.
2. Холодков В. Н. Раннесредневековый некрополь в селе Новониколаевка / В. Н. Холодков // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Перечень работ участников конференции. Керчь, 1984. – С. 20.
3. Холодков В. Н. Раннесредневековый могильник в с. Новониколаевка / В. Н. Холодков, О. А. Иванина, Л. Ю. Пономарев // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Боспорские чтения. – Вып. VI. – Керчь, 2005. – С. 232–238.
4. Пономарев Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген / Л. Ю. Пономарев // БИ. – Вып. V. – Симферополь-Керчь, 2004. – С. 445–475.
5. Петерс Б. Г. О работах Михайловской экспедиции (1963–1983 гг.) / Б. Г. Петерс // КСИА. – 1985. Памятники античной археологии. – Вып. 182. – С. 343–345.
6. Ольховский В. С. Раннесредневековые материалы Михайловского археологического комплекса / В. С. Ольховский, Б. Г. Петерс // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. – С. 151–158.
7. Марти Ю. Ю. Разведочные работы вне крепостных стен Тиритаки / Ю. Ю. Марти // МИА. – № 4. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР. – 1941. – С. 25–36.
8. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. / В. Ф. Гайдукевич // МИА. – № 85. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР. – 1958. – С. 149–218.
9. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма / А. Л. Якобсон // МИА. –

№ 85. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР. – 1958. – С. 458–501.

10. Марти Ю. Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий к ним комплекс рыбозасолячных ванн / Ю. Ю. Марти // МИА. – № 4. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР. – 1941. – С. 11–24.

11. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / А. Л. Якобсон // МИА. – № 168. – М., 1970. – 224 с.

12. Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. / А. В. Гадло // Античные традиции и византийские реалии / АДСВ. – Вып. 17. – Свердловск, 1980. – С. 130–145.

13. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. / В. В. Веселов // ДБ. Supplementum II. – М., 2005. – 266 с.

14. Гадло А. В. Отчет о работе средневекового отряда Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Ленинград, 1963 / А. В. Гадло // Научный архив Института археологии НАН Украины. – № 1962/41.

15. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. / А. В. Гадло. Издательство СПбГУ. – СПб., 2004. – 362 с.

16. Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). Ленинград, 1964 / А. В. Гадло // НА ИА НАНУ. – № 1963/32.

17. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) / Л. Ю. Пономарев // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Боспорские чтения. – Вып. XII. – Керчь, 2011. – С. 287–295.

18. Масленников А. А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде / А. А. Масленников // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992. – С. 157–177.

19. Пономарев Л. Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова / Л. Ю. Пономарев // БИ. – Вып. XXV. – Симферополь–Керчь, 2011. – С. 342–354.

20. Зинько В. Н. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев // МАИЭТ. – Вып. XIII. Симферополь, 2007. – С. 192–194.

21. Майко В. В. Средневековый плитовый могильник в с. Дачное Судакского района / В. В. Майко // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. II. – Киев–Судак: Академперіодика, 2004. – С. 122–128.

22. Шукин М. Б. Исследования поселения и святилища Таракташ 2 у с. Дачное Судакского района / М. Б. Шукин, О. В. Шаров, П. В. Шувалов, Л. А. Соколова, И. В. Гарбуз // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 2002 год. – СПб., 2003. – С. 54–60.

23. Майко В. В. Комплексът прабългарски паметници от VII–X вв. край с. Морское в юго-източен Крим / В. В. Майко // БСП. – Т. 5. – В.Тырново, 1996. – С.127–148.

24. Джанов О. В. Вотивна модель храму із Східного Криму / О. В. Джанов // Міжнародна археологічна конференція студентів і молодих вчених. – К., 1996. – С.187–189.

25. Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи / И. А. Баранов // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С.145–159.

26. Фронджуло М. А. Раскопки в Судак / М. А. Фронджуло // Феодалная Таврика. – К.: Наука, 1974. – С.147–150.

27. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины / В. В. Майко – К.: Академперіодика, 2007. – 273 с.

28. Баранов И. А. Раскопки в средневековой Сугдее / И. А. Баранов, В. В. Майко, А. В. Джанов // Археологические исследования в Крыму 1994 г. – Симферополь, 1997. – С. 38–45.

29. Фронджуло М. А. Раскопки в Судак / М. А. Фронджуло // АО 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С. 367.

30. Айбабин А. И. Раскопки средневекового могильника в Судак / А. И. Айбабин, В. М. Долгополова // АО – 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 287–288.

31. Майко В. В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи / В. В. Майко // Древности 2009. – Харьков, 2009. – С. 263–272.

32. Баранов В. И. Судакские склепы / В. И. Баранов // Историческое наследие Крыма. – № 2. Симферополь, 2003. – С. 4–17.

33. Гаврилов А. В. Средневековые памятники юго-восточного Крыма (материалы к археологической карте) / А. В. Гаврилов // Сугдейский сборник. – Вып. III. – Киев–Судак: Академперіодика, 2008. – С. 331–384.

34. Майко В. В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (к вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) / В. В. Майко // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. – Севастополь–Кракów, 2001. – С.164–169.

35. Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949–1951 гг.) / В. П. Бабенчиков // КСИИМК. – Вып. XLIX. – 1953. – С. 104–116.

36. Бабенчиков В. П. Итоги исследований средневекового поселения на холме Тепсень / В. П. Бабенчиков // История и археология средневекового Крыма. – М.: Наука, 1958. – С. 88–146.

37. Майко В. В. К вопросу о хронологии прихрамового некрополя городища на плато Тепсень в юго-восточном Крыму / В. В. Майко // Христианское наследие Византии и Руси. – Симферополь, 2003. – С. 95–105.

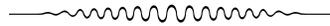
38. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму / В. В. Майко. - К.: Академперіодика, 2004. - 316 с.

39. Майко В. В. Плитовые христианские некрополи тюрко-болгарского памятника на плато

Тепсень в юго-восточном Крыму / В. В. Майко // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2002. – С. 21, 22.

40. Барсамов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929–1931 гг. / Н. С. Барсамов. – Феодосия, 1932. – 32 с.

41. Фронджуло М. А. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954–1955 рр.) / М. А. Фронджуло // Археологія. – Т. XII. – 1961. – С. 168–182.

КАБАНОВО (СТАРОПОКРОВСКОЕ) ГОРОДИЩЕ

Анотація. В статті проводиться аналіз фортифікаційної архітектури Кабанова городища та вводяться до наукового обігу матеріали дослідження виробничого чорно-металургійного комплексу. В цілому підводиться підсумок щодо результатів наукового вивчення пам'ятки за минулі роки до сьогодення та висловлюються версії щодо військово-стратегічної ролі ранньосередньовічної фортеці.

Ключові слова: Кабанове городище, фортифікація, виробничий комплекс, криця.

Abstract. The article analyzes the fortification architecture Kabanovo settlement and entered into scientific research materials manufacturing ferrous metallurgy industry. In general, sums up on the results of the scientific study of the monument over the years, and speak about the military version of the strategic role of the early medieval fortress.

Key words: Kabanov fort, fortification, industrial complex, bloom.

Лесостепные городища салтово-маяцкой археологической культуры исследованы далеко не равномерно. В частности, относительно мало уделено внимания Кабанову (Кабакову, Старопокровскому) городищу, находящемуся в двух километрах от устья р. Уды – правого притока Северского Донца (Илл. 1; 4).

Сведения о городище и история его исследований. Наиболее ранние сведения о данном городище содержатся в Книге Большому Чертежу (КБЧ) 1627 г., которые довольно четко фиксируют его месторасположение:

«...на усть Уд Кабаново городище по левой стороне, от устья версты з 2.

...А ниже Кабакова городища, с крымской стороны, вниз по Донцу Мухначово городище, от Кабакова верст с 5» [1, с. 71].

Как видно из текста XVII в., положение городища на месте локализовано достаточно четко, что дает возможность уверенно нанести данный памятник на современную археологическую карту. Также это позволяет соотнести его месторасположение на старинных планах и картах (Илл. 7), отражающих местность до интенсивных антропогенных изменений, которым подвергается рассматриваемая территория, начиная с 20-х гг. XX века.

И. И. Ляпушкин, проводивший широкие разведки на данных территориях, в 1948 г. зафиксировал на указанном в КБЧ месте, носившем название урочище Городище, средневековые культурные отложения в виде обломков керамики и камней. Исследователь предположил, что данное поселение

было обнесено каменной стеной, которая была, как и на ряде других городищ, разобрана [2, с. 214].

Данный памятник в ходе проводившихся разведок осматривался в 1950 г. Б. А. Рыбаковым. Он отмечал на распаханной ровной площадке полосу щебня, которая ограничивала прямоугольное пространство с примерными размерами сторон 200×100 м [3, с. 32]. Экспедицией Б. А. Рыбакова был снят глазомерный план городища, на котором исследователь отметил линии укреплений [4, с. 10].

В 1957 г. Кабаново городище осмотрела С. А. Плетнева. Исследователь также отметила россыпи щебенки в виде двух полос и плохую сохранность фортификаций памятника в целом. Зафиксированные Б. А. Рыбаковым рвы и валы с напольной стороны на момент обследования С. А. Плетневой были уже почти незаметны вследствие активного сельскохозяйственного использования территории укрепления. Внутренняя площадка городища – цитадель с фортификациями, при строительстве которых был использован камень – по данным С. А. Плетневой составляла 250×100 м [4, с. 10]. В своей работе «От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура)» исследователь приводит несколько иные размеры цитадели городища – 200×120 м [5, с. 33] (Илл. 6). С. А. Плетнева отнесла Кабаново городище, как и Верхнесалтовское, к первому типу предложенной ею типологии салтово-маяцких городищ, характеризующихся наличием каменных укреплений [5, с. 32].

На Кабановом городище в 1959 г. также проводил разведки Б. А. Шрамко. Исследова-

тель снял план памятника, но, к сожалению, последний в отчет не вошел и на сегодняшний день не находится в научном обороте [6, с. 10, табл. IV, 29].

Автор данной работы в 2004 г. осуществил инструментальную съемку плана городища [7, с. 10, рис. 7] (Илл. 5), согласно которой каменная цитадель на данном памятнике представляет собой трапецию. Углы цитадели закруглены и не имеют признаков наличия на них башен. Восточная сторона укрепления и часть южной, к сожалению, не сохранились вследствие постройки на этом месте газораспределительной станции. Поэтому полностью фиксируется длина лишь западной (узкой) стороны фортификации и северной (длинной), которая прослеживается почти вплотную до оврага с восточной стороны городища. У эрозирующего оврага следы оборонительной линии теряются под мощными современными мусорными отложениями. По внешнему абрису россыпи камней длина западной стороны составляет 93 м, а северная прослежена на расстоянии, равном 194 м. По нашим расчетам, исходя из векторов направленности северной и южной линий обороны цитадели, восточная сторона укрепления по внешнему абрису должна была составлять около 100 м в длину.

С целью выяснения характера культурного слоя на территории внутреннего дворика цитадели была проведена шурфовка, результаты которой показали отсутствие сплошного культурного слоя, а почва на территории памятника носит следы значительного антропогенного воздействия новейшего времени [7, с. 11, рис. 7, 10, 1].

Г. Е. Афанасев, анализируя лесостепные салтово-маяцкие городища, счел недостаточными накопленные данные относительно Кабанова городища для отнесения его к кругу салтово-маяцких древностей. В итоге данная фортификация не была включена исследователем в перечень лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры [8, с. 89]. В результате Кабаново городище не использовалось при анализе типов существовавших лесостепных крепостей [8, с. 89–142; 9, с. 123, 124, 129–141], а также топологического анализа степени доступности лесостепных салтово-маяцких городищ с целью реконструкции сети путей сообщения рассматриваемого периода [9, с. 124–129].

Использование территории городища. Территория городища с XVIII–XIX вв. используется в хозяйственных целях слобожанским населением. В частности, согласно проведенного в 1782 г. межевания, Кабанова поляна¹ «... отдана в вечное потомственное владение деревни Лаптевой жителям казакам Ивану Черневу, Казме и Гавриле Агарковым с товарищи, которая состоит в общем владении прапорщиков Ильи Савина сына Мясоедова, Петра Ефимова сына Пасмурова, и той деревни однодворцов и казенных войсковых обывателей, что ныне казаки во оной деревне, гвардии сержант Федор Петров сын Гуслев, утверждает следующую по крепостям часть земли, а владения не имеет...» [10, с. 81, 82].

Интенсивное хозяйственное использование, приведшее к значительным разрушениям Кабанова городища, начинается с момента возведения в непосредственной близости от памятника электростанции и связанного с ней поселка Эсхар в 20-х гг. XX в.

После Второй мировой войны территория городища интенсивно распахивалась. С южной стороны памятника были возведены теплицы, битое стекло из которых вывозилось на восточную окраину памятника и ссыпалось на край оврага, служившего некогда фортификационным рвом. С западной стороны городища – в овраг Суходол – был выведен слив канализации и устроены очистительные сооружения.

1) В этой связи вызывает интерес вопрос, касающийся различных разночтений в названии городища, которое в итоге приводит к высказанной С. А. Плетневой версии относительно исключительного положения данного памятника [3, с. 33]. Исходя из того, что в КБЧ встречаются различные написания – Кабаново и Кабаково (можно также встретить в старинных письменных источниках название «Баново» с очевидной потерей первого слога в топониме) – исследователь сделала предположение, что изначально городище называлось Кагановым, а замена буквы «г» на буквы «б» и «к» произошли позднее, искажив истинное название городища и скрывшие его, определенный самим названием, статус как одной из наиболее репрезентативных хазарских крепостей. Но документ, касающийся проведенного в 1782 г. межевания, свидетельствует о том, что данная местность (именно местность, а не собственно городище) и значительно позже составления КБЧ продолжала называться Кабановой поляной. Это указывает, скорее всего, на преобладающий там в определенный период вид фауны и не более того. Разночтения же в тексте одного и того же документа – КБЧ – следует, вероятнее всего, считать описками переписчиков.

тельные сооружения, заброшенные на сегодняшний день. К тому же, в северо-восточной части городища была построена упоминавшаяся выше газораспределительная станция, к которой были подведены газопроводы. К настоящему времени через территорию памятника продолжают прокладываться газовые трубопроводы, а на остальной площади городища располагаются сельскохозяйственные земельные участки жителей пгт Эшхар. Таким образом, памятник не перестает подвергаться интенсивному разрушению. Тем более возрастает важность и неотложная необходимость его археологического изучения.

Раскопки оборонительных сооружений и общая планировка укреплений. В полевом сезоне 2007 г. автором данной работы были проведены первые стационарные археологические исследования Кабанова городища [11, с. 5–9]. Поперечным разрезом общей длиной 45 м была изучена линия обороны памятника с северной стороны, что позволило получить более точные сведения относительно характера памятника и особенностей устроенных на нем фортификаций² (Илл. 5; 8).

Городище занимает плато высокого правого берега, возвышающееся на 20–25 м над поймой р. Уды, которое имеет уклон – понижение уровня в направлении от napольной стороны к реке. С западной и восточной сторон границами памятника являются глубокие овраги (с западной – овраг Суходол, с восточной – безымянный) (Илл. 1; 2; 4; 5). Пойма реки до настоящего времени на широкой площади заливается водой во время весеннего половодья.

Как уже отмечалось выше, исследователи разных лет отмечали россыпь песчаникового камня, ограничивавшую определенный периметр на территории памятника. Разведками, проведенными автором данной работы в 2004 г., было также отмечено наличие эскарпа вдоль стороны, обращенной к реке, который замыкал внешнюю грунтовую линию обороны системы ров-вал, прослеживавшуюся в 50-х гг. XX в. Б. А. Рыбаковым и С. А. Плетневой [7, с. 9–12, 36, 37, рис. 7, 8, 2]. В связи с

этим следует отметить, что план Кабанового городища, опубликованный С. А. Плетневой (Илл. 6), отражает, по-видимому, территорию не всего памятника, а лишь его части в районе цитадели, возведенной с использованием песчаникового камня³. В этом случае исследователь отметила примыкающую к цитадели линию обороны, устроенную по системе ров-вал, которая на данный момент не прослеживается. По всей видимости, в ее юго-западной части был древний проезд в napольную сторону. С западной и южной сторон данная линия обороны практически примыкала к цитадели. С восточной – охватывала более широкий периметр, образуя, таким образом, дворце между цитаделью и опоясывающим ее валом и рвом. К сожалению, на опубликованном С. А. Плетневой плане отсутствуют данные относительно конфигурации восточного сектора укреплений.

Во время исследований городища в 2004 г. в западной части памятника были зафиксированы остатки еще одной грунтовой линии обороны, сооруженной со стороны поймы реки – эскарп-вал. Таким образом, городище, по всей видимости, имело три рубежа обороны. Внешняя линия, таким образом, является первым рубежом обороны; примыкающая к западной и южной частям цитадели – вторым; непосредственно цитадель – третьим. Помимо упоминавшегося выше дворца с восточной стороны цитадели, городище имело еще одно – между первой и второй линиями обороны. Всего на городище насчитывается три дворца, третьим из которых является внутренне пространство цитадели.

Река Уды, протекающая у подножия мыса, на котором расположено городище, с западной стороны памятника имеет крутой

2) Результаты исследований фортификаций Кабанового городища публиковались ранее в региональном малотиражном издании, в силу чего остаются малоизвестными среди специалистов [12].

3) Ранее считалось, что Кабаново городище имеет две линии обороны. Но, в результате сличения (компьютерного наложения и масштабирования) плана из публикации С. А. Плетневой, опубликованного очень мелко и малоразборчиво [5, с. 26, рис. 7, 5], с данными, полученными автором, стало возможным установить, что в разное время были выявлены, помимо цитадели, разные линии обороны памятника: вторая (средняя) линия обороны нашла отражение в публикации С. А. Плетневой; первая (внешняя) линия – в публикации Г. Е. Свистуна [12, с. 3, рис. 1]. План с обозначением трасс прохождения обеих, помимо цитадели, линий обороны, приведен в данной работе (Илл. 5).

поворот в северо-западном направлении – от высокого правого берега к центру пойменной долины. Подобное русло река имела и в XVIII–XIX вв. (Илл. 7). По всей видимости, аналогичная картина наблюдалась и в раннем средневековье. Именно в этом месте отмечается окончание эскарпа и его переход в ров внешней линии обороны, ограничивающей защищаемую площадь со стороны поля. Общая длина эскарпа составляет ок. 320 м. Ширина горизонтальной площадки данного конструктивного элемента составляет 3–4 м, высота наклонной плоскости (непосредственно эскарпа) – ок. 4 м (Илл. 3). На горизонтальной площадке фиксируется небольшое углубление вдоль продольной оси сооружения, представляющее собой ровик. Несмотря на наблюдающиеся в отдельных местах вдоль трассы прохождения эскарпа промоины, общая его сохранность может быть оценена как вполне удовлетворительная.

Эскарп исследовался на участке осуществленного в 2007 г. поперечного разреза в кв. 1–9/А (Илл. 3; 9). Раскопки подтвердили высказанное ранее автором предположение [13, с. 173] о наличии на горизонтальной площадке рва, а также дали информацию относительно его конструкции. Ровик непосредственно примыкал к наклонной плоскости эскарпа, подрезая уклон и делая его еще более серьезным препятствием. Контрэскарп ровика имеет небольшую высоту – до 0,2 м. Выброс грунта, изымавшегося при сооружении ровика, производился во внешнюю сторону – на край мыса. Таким образом, была выровнена под горизонт площадка эскарпа. Слои выброшенного грунта имели большую плотность, что может свидетельствовать о его трамбовке. Выбросы, расположенные в кв. 1–4/А, состоят из слоев материковой коричневой глины, светлой материковой супеси и смешанного слоя, состоящего из чернозема и глины. В результате образованного взаиморасположения грунтовых слоев наблюдается так называемая обратная стратиграфия, позволяющая судить об этапах строительства. Данные слои перекрыты намывным грунтовым образованием, состоящим из чернозема и глины. Также в данном слое встречается песчаниковый щебень, видимо, попавший сюда из фортификаций цитадели, при строительстве которых был использован данный камень.

Заполнение рва имеет послойность, характерную для намывных отложений. Изначально контрэскарп был замыв слоим чернозема. Выше данного слоя наблюдается мешаный слой коричневой глины и светлой супеси. Далее следуют линзы отложений глины и чернозема, окончательно замывших ров. Учитывая расположение данного конструктивного элемента, можно сделать предположение, что, помимо военного назначения, он также служил в качестве водоотвода с целью препятствования эрозийным процессам при свободном ниспадании водных потоков с наклонной плоскости эскарпа.

В кв. 9,10/А находится верхняя точка исследованного эскарпа. На расстоянии около метра от точки высотного излома в стратиграфии наблюдается мешаная глиняно-черноземная линза, перекрытая мощным черноземным слоем (кв. 10–13/А) (Илл. 3; 8; 9). Указанная линза достигала мощности по вертикали до 25–30 см и была расположена непосредственно на предматерике. Слой чернозема, перекрывающий линзу, достигает 70 см. Данными грунтовыми отложениями, достигающими высоты 1 м, был устроен небольшой вал, который, как и ровик на горизонтальной площадке эскарпа, мог нести не только военную нагрузку, но и служить дополнительным водоотводом. Не исключено, но и вполне вероятно, что по верху этого вала проходила деревянная надвальная конструкция – бруствер. Она могла представлять собой забор закладной конструкции, так как непосредственно на линии археологического разреза столбовых ямок частокола не выявлено. Можно предположить, что такие столбовые ямки устраивались между заложенными горизонтально плахами или бревнами на расстоянии ок. 4–5 м и поэтому не попали на линию прохождения раскопной траншеи. Иным объяснением может служить наличие в раннем средневековье на валу легкого плетня, не оставившего значительных следов в грунте.

В кв. 23–26/А при осуществлении поперечного разреза был обнаружен комплекс, уходящий дном в материк (Илл. 8; 11–14). Детальное описание обнаруженного комплекса и анализ полученных в результате исследований данных будет приведен ниже.

Начиная с кв. 30/А и далее в южном направлении, вплоть до внешнего панциря

вала цитадели, поверх слоя чернозема, являвшегося древней дневной поверхностью, наблюдалась задернованная прослойка, состоявшая из песчаникового щебня и относительно небольшого количества обожженной глины, носившей следы предварительной формовки (Илл. 8; 10).

В кв. 34/А данная прослойка резко увеличивала свою толщину и в ней уже отмечались крупные рваные песчаниковые камни. Среди них был отмечен образец, сохранивший следы обработки долотом.

В кв. 35,36/А были обнаружены остатки каменной песчаниковой кладки (Илл. 10: 1, 3), являвшейся внешним панцирем оборонительного сооружения цитадели. В пределах траншеи наблюдался исключительно рваный камень с размерами сторон до 0,2 м. Кладка была уложена на древнюю дневную поверхность и сохранилась на высоту до 0,4 м. Ширина кладки между внешним и внутренним краями составляла ок. 1,0 м. Кладка была сложена на глинистом растворе, который, судя по физическому состоянию, подвергся обжигу.

Характер внутреннего заполнения вала цитадели несколько отличался по своему составу от подстилающего черноземного слоя. Заполнение включало в себя фракции обожженной глины, мелкий песчаниковый щебень и отдельные более крупные камни, примесь материковой глины, смешанной с черноземом. Следует отметить фиксировавшуюся в стратиграфическом разрезе кв. 39–41/А яму, заглубленную в подстилающий чернозем и доходившую практически до предматерика. Данный элемент глубиной до 0,5 м от древней поверхности и на 0,7 м находящийся в засыпке вала при ширине ок. 2,4 м являлся, скорее всего, местом расположения бруствера оборонительного сооружения.

С южной стороны на расстоянии ок. 1,5 м от края выше рассмотренной ямы фиксировались сторевшие деревянные колышки, доходившие нижним концом до предматерика (Илл. 10: 1, 2). Диаметр колышков колебался в пределах 5–7 см при длине 25–30 см. Друг от друга обугленные деревянные колышки располагались на расстоянии ок. 60 см. Они были размещены с внешней относительно вала стороны от обожженных крупных фрагментов глины, достигавших в ширину 25–30 см и сохранившихся на высоту до 0,5 м

от предматерика. Между обожженной глиной и ямой предполагаемого бруствера слой состоял из материковой глины с небольшим включением чернозема. Именно данный слой, граничивший с обугленными колышками, имеет следы обжига в южной своей части. По всей видимости, данный конструктив играл роль поддерживающего внутреннего панциря, служившего одновременно устойчивой площадкой, на которой располагались защитники укрепления – валгангом.

Общая ширина вала, границы которого заключены во внешнем каменном и внутреннем обожженном глиняном панцирях, составляет 7,4 м.

В итоге полученные данные позволяют составить картину вероятного вида фортификационных сооружений Кабанова городища на северном участке. Она представляла собой эшелонированную систему, состоящую из трех линий обороны. Необходимо заметить, что в целом планировка укреплений, строительные приемы и архитектура Кабанова городища во многом сходны с Верхесалтовским [14] – между первой и второй линиями было образовано дворще; вторая и третья линии, представляя с двух сторон сплошную оборонительную структуру, когда линии вала и рвов размещены вплотную друг к другу, с третьей стороны цитадели образуют еще одно дворще; непосредственно цитадель с закругленными углами, выходящая одной из длинных сторон к пойме реки. Характер примененного строительного материала в отдельных конструктивах обоих памятников также имеет много общих черт.

Внешняя линия, вытянувшаяся вдоль обрыва мыса, выходящего к реке, позволяла контролировать реку на протяжении как минимум трети километра. Сама по себе внешняя линия обороны состояла из эскарпа, повторявшего природные абрисы мыса и максимально использовавшего его топографические особенности. Относительно невысокий мыс, возвышающийся над поймой реки на 20–25 м, был эскарпирован в пределах максимального приближения к нему протекающей внизу р. Уды. С флангов эскарп переходил во рвы, примыкавшие к нему под углом, близким к прямому. Эскарп был усилен устроенным на его горизонтальной площадке ровиком, увеличивающем перепад высот и предохраняющим данную конструкцию

от эрозийных процессов, связанных с водотоками. По верху эскарпа находился небольшой вал, который, вероятно, имел в качестве бруствера некую деревянную надстройку в виде невысокого (в рост человека) закладного забора или плетня, не сохранившихся до сегодняшнего дня. Предположить наличие такого бруствера поверх вала логично, так как обороняемая внешняя линия городища позволяла контролировать проходившую вдоль эскарпа реку, а сам мыс приобретал характер труднопреодолимого оборонительного рубежа. Таким образом, осуществлявшиеся по р. Уды, расположенной у подножия мыса, передвижения были прекрасно простреливаемы с высоты около 20–25 м.

Пространство между внешней и внутренней линиями обороны на северной экспозиции не имеет культурного слоя и каких-либо остатков хозяйственных либо жилых построек на этом промежутке в ходе археологического изучения выявлено не было⁴. Расположенный у внешнего края внутренней линии обороны производственный металлургический комплекс, по нашему мнению, был, вероятно, устроен во рву данной оборонительной линии после потери военного значения фортификации. Об этом может свидетельствовать профиль конструкции постройки в своей углубленной в материк части. Он характерен для типичного профиля оборонительного рва с характерными уклонами эскарпов и контрэскарпов. В случае военной опасности использование оборонительного рва, являвшегося неотъемлемым комплексным сооружением в системе фортификаций, для производственного помещения являлось бы нонсенсом.

Берма – обязательный элемент между валом и рвом – составляла на исследованном участке около 8 м.

Учитывая уклон эскарпа рва, сохранившегося после устройства в нем металлургического комплекса, и древние принципы

4) Шурфовка дворища между первой и второй линиями, равно как и между второй и третьей, не проводилась и характер культурных отложений на данных площадях остается не выясненным. Если шурфовка между первой и второй линиями возможна в будущем, то восточное дворище между второй и третьей линиями обороны, почти полностью уничтожено и перепланировано строительством газораспределительной станции и другими работами.

устройства полевых фортификаций, запрещавших наличие зон тени обстрела, можно судить о высоте, на которой находился горизонт обстрела на валу. Это обстоятельство позволяет реконструировать архитектурный профиль вала и надвальной конструкции (Илл. 11). Непосредственно земляной вал имел внешний и внутренний панцири, которые определяли его поперечный профиль. Внешний панцирь, сложенный из песчаниковых камней, служил для дополнительного укрепления внешней части насыпи с целью предотвращения ее расползания. В ходе археологических исследований не было выявлено ни единого каменного блока, но, тем не менее, выявлены следы обработки долотом. Камни были сложены на глинистом растворе, носившем следы дополнительного закрепления путем термического воздействия. Внутренний панцирь состоял из помещенной между грунтовой (преимущественно черноземного характера) насыпью и вбитыми в грунт деревянными колышками. Данные колышки являлись элементами опорной конструкции с внешней относительно насыпи стороны. После внешнего обжига, в процессе которого опорная деревянная конструкция сторела, необходимость в последней отпадала. Обожженная глина приобретала собственную прочность и сама по себе сохраняла приданный ей профиль. Внутренний панцирь одновременно служил и боевой площадкой для размещения на ней защитников вала, перед фронтом которых был устроен бруствер. О характере бруствера можно судить по ширине остатков его котлована, прослеженного в ходе раскопок. Его ширина, судя по нижней части грунтового углубления, составляла около 1,8 м. Высота, скорее всего, оправдывалась ростом защитников и верхний уровень совпадал с линией обстрела. Можно предположить, что к вершине бруствера он имел сужение с внешней стороны, образовывавшее, таким образом, уклон. Только в этом случае можно было предотвратить наличие зоны тени обстрела.

Материал, из которого был построен бруствер, может вызывать споры. Общее заполнение котлована бруствера и нахождение на поверхности отдельных формованных сильно обожженных до крепости кирпича фрагментов [7, с. 11] может говорить в пользу керамического бруствера. Подобные элементы

фортификации были прослежены на соседних салтово-маяцких городищах – Чугуевском и Кочеток–I, а также на Верхнесалтовском и Короповы Хутора [15].

Раскопки производственного комплекса. При поперечном разрезе фортификаций заложенной траншеей был выявлен производственный комплекс – фрагменты южной и северной стенок котлована ямы, по северному краю которой фиксировались вертикально размещенные обугленные деревянные столбики строительной конструкции (Илл. 8; 12–14). Диаметр столбиков не превышал 0,2 м. Было принято решение расширить траншею с целью более полного исследования выявленной конструкции. В результате была выполнена прирезка в кв. 23–26 в восточном и западном направлениях. Данную постройку удалось исследовать частично. Причиной стали близость действующей и строящихся магистральной линий газопровода и современной большой ямы, заваленной современным строительным и бытовым мусором и поросшей большими деревьями и кустарником.

На вскрытой площади обнаружили мощные деревянные обугленные балки, являвшие собой, скорее всего, кровлю, рухнувшую во время пожара. Они прослеживались в кв. 26/В¹, В¹, 26/Б, В, 23, 24/В, 26/Г, 25/Е, Ж. Обугленные балки имели прямоугольную в поперечном сечении форму со стороной до 0,2–0,25 м. Под рухнувшими перекрытиями наблюдались раздавленные части раннесредневековых амфор (Илл. 16: 1, 4, 5), которые имели различный оттенок отдельных своих фрагментов. Это свидетельствовало о различной мощности пирогенного воздействия на них в процессе пожара. Исключительно в юго-восточном углу вскрытой раскопом площади постройки (в кв. 26/В¹) – в расположенной здесь ямке и в непосредственной близости от нее – фиксировались фрагментированные кости и немногочисленная кухонная керамика (Илл. 17: 3). Здесь же был найден фрагмент гончарного светлоглиняного толстостенного сосуда (Илл. 17: 1) и меловой кремль аморфной формы.

В кв. 23, 24/В¹ находились еще две подпрямоугольные ямы с закругленными углами. Рядом с ними фиксировалась столбовая ямка с остатками вертикально размещенного обугленного столба, относящаяся к конструк-

тиву постройки (Илл. 13: 5). В кв. 23/Б¹, В¹ у стенки котлована постройки находились две подквадратные в плане ямки, расположенные на расстоянии ок. 1,0 м друг от друга, а также небольшие подквадратная и подтреугольная в плане ямки в непосредственной близости друг от друга. Все отмеченные ямки имели остатки деревянных обуглившихся столбиков. Общее расположение ямок относительно друг друга и постройки в целом дают возможность предположить наличие здесь дверного проема.

Далее в западном направлении, вдоль северной стенки котлована постройки, на расстоянии ок. 1,2 м друг от друга, фиксировались еще две столбовые ямки с остатками деревянных обуглившихся столбиков в них. Следует отметить наличие прослеженных между стенкой котлована и столбовыми ямками досок толщиной 2–3 см и шириной ок. 20 см (Илл. 12; 13: 2, 3). Длина досок, концы которых были заведены друг за друга внахлест, достигавший ок. 10 см, составляла 2,4 м (сохранившаяся на всю длину) и 1,35 м (сохранившаяся частично). Также размещенная между стенкой котлована и столбовой ямкой доска прослеживалась в кв. 26/Д–Ж у южной стенки комплекса (Илл. 12). Данная доска шириной ок. 25 см и толщиной 2–3 см также была обуглена, а прилегающая стенка котлована носила следы сильного обжига.

Столбовые ямки конструктива постройки (Илл. 12; 14), сравнительно более мощные по глубине и диаметру, также фиксировались в кв. 26/А¹, 26/В, 23/В, 26/Г, 26/Ж. Помимо прочего, небольшая ямка располагалась на грунтовой полочке в кв. 26/З. Одна прямоугольная ямка, которая также, вероятно, может быть отнесена к конструкции постройки, расположена на ее продольной оси в кв. 25/В и, по-видимому, несла на себе функцию поддержания крыши. Следует также отметить, что относительно мощные столбовые ямки вдоль южной стенки котлована имели уклон нижнего конца вне пределов котлована. Таким образом, столбы, размещенные в них, должны были стоять под углом с наклоном во внутреннюю часть постройки.

Все остальные многочисленные ямы на вскрытой площади – как округлые, так и подпрямоугольные – имели, скорее всего, технологическое назначение (Илл. 12; 14; 15). Часть из них имела очень сильную – частичную или

полную – прокаленность стенок и дна. Такие ямы сконцентрированы в кв. 24–26/Б¹–В. В кв. 26/В1–3 фиксировался мощный, достигающий 30–40 см и состоящий из обожженной глины, обугленного дерева, фрагментов битых амфор, черно-металлургических шлаков, золы, фракций древесного угля и пр. Данный слой мощного пожарища уменьшается в северном направлении и фиксируется по всей площади комплекса, исключая кв. 22/Г–3. Наименее слабые следы пирогенных отложений, которые можно связать с последствиями пожара, находятся в кв. 23,24/Г–3.

В выемках пола исследовавшегося комплекса наблюдалась концентрация выливок большого количества черно-металлургических шлаков. В этих местах грунт имеет следы сильного пропекания до оранжевого цвета. Шлаки спекались с подстилающей почвой. Общая масса шлаков, найденных на исследованной площади комплекса, равнялась 36,4 кг. Помимо шлаков встречались фрагменты оплавленного песчаника.

В ямках и возле них фиксировались скопления криц различного качества (Илл. 17: 12). На многих из них фиксировались приварившиеся фракции прокаленного грунта. Крицы имели различные размеры – от 9 см до 17 см в окружности. Также они характеризуются относительной уплотненностью. Их высота колеблется в пределах 2–6 см. Масса отдельных криц лежит в пределах 0,24–1,5 кг. Некоторые крицы были расколоты – в основном фиксировались части, равные примерно $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ крицы. По всей площади производственной зоны, сконцентрированной вокруг технологических ям, фиксировалось большое количество черно-металлургических выливок и капель.

В кв. 25/Б была найдена изогнутая металлическая пластина (Илл. 17: 5). Назначение ее остается неясным. Помимо прочего, в кв. 26/Г находился железный черешковый с упором трехлопастный наконечник стрелы (Илл. 17: 4). Общее состояние изделия свидетельствует о пирогенном воздействии на него. В этом же квадрате в заполнении столбовой ямки был найден фрагмент сероглиняного гончарного сосуда с орнаментом в виде горизонтально прочерченных параллельных волнистых линий и пролощенных как горизонтально, так и вертикально прямых линий (Илл. 17: 2).

В кв. 25/В и 24/3 были найдены раздавленные фрагменты верхних частей красноглиняной и желтоглиняной амфор (Илл. 16: 2, 3). Следует также отметить нахождение мелких точильных брусков, имеющих различную форму и как плоские, так и полукруглые рабочие стороны (Илл. 17: 7–11).

В кв. 23,24/Д–3 была расчищена вытянутая по линии запад-восток технологическая яма, имевшая в западном краю (в кв. 24,25/3) мощную – пропеченную до керамического состояния – линзу, достигавшую в окружности 0,8 м (Илл. 15: 1). Прокаливание мощностью 25–30 см достигало материковой глины. От данной линзы с понижением в восточном направлении отходила яма, покрытая выливками шлака по дну со следами прокаливания последнего. Перепад высот данной сливной ямы по зачистке составлял ок. 20 см, длина – ок. 3 м, ширина – 1,3 м в нижней, наиболее углубленной части. Стенки ямы были пологими.

Южнее прокаленной линзы в кв. 25/3 фиксировалось скопление криц и их колотых частей. С северной стороны от прокаленной линзы находился фрагмент верхней части амфоры. Здесь же технологическая яма с прокаленной линзой ограничивалась перегородкой, устроенной из останца материковой глины, которая отделяла данный конструктив от полусферической в плане и по дну ямы (Илл. 15: 2). Данная яма, расположенная в кв. 22,23/Д–3, была заполнена сложенным песчаником. Камни были явно тщательно отобраны по принципу более высокой концентрации в своем составе окиси железа и имели цвет от насыщенно красного до бурого. Сложенные неправильным конусом камни были покрыты тонким, но плотным слоем материковой глины. В результате воздушные полости между отдельными камнями сохранялись до настоящего времени, не будучи затянутыми грунтом.

В целом вся найденная в комплексе керамика относится к салтово-маяцкой археологической культуре. Фрагменты кухонной посуды имеют примесь шамота и характеризуются плохим неравномерным обжигом, фиксирующимся цветовой гаммой от оранжевого поверху до черного цвета на внутренней поверхности. Амфорная керамика составляет подавляющее количество от найденных в комплексе фрагментов сосудов и характеризуется хорошим равномерным обжигом

по всей толщине стенок. Цветовая гамма амфор – желтая, красная и красно-коричневая. Стенки имеют признаки гофрирования.

В отвалах траншей строившегося газопровода в непосредственной близости от ямы № 1 раскопа № 1 были найдены крица и фрагмент железного инструмента – зубила (Илл. 17: 6).

Выводы. Каганово ли Кабаново городище? На сегодняшний день в специальной литературе отражены различные мнения специалистов относительно данного городища – от сомнений относительно его принадлежности к салтово-маяцкой археологической культуре до придания ему особого статуса среди остальных укреплений данного региона [13, с. 173].

Кабаново городище является укрепленным центром сконцентрированных вокруг салтово-маяцких селищ и данные памятники в комплексе образуют одно из 14 известных на сегодня «гнезд поселений» в лесостепной зоне долины Северского Донца [3, с. 30; 16]. Непосредственная близость к славянским памятникам, расположенным на расстоянии визуального контакта, а также общее размещение салтово-маяцких селищ, в том числе и в сторону славянских соседей, глубоко на территорию правобережья Северского Донца от укрепленного центра, может определенным образом характеризовать предназначение возведенных фортификаций Кабанова городища. Анализируя общее взаиморасположение памятников в данном микрорегионе, а именно близость славянских и салтовских поселений, можно сделать вывод, что Кабаново городище было призвано контролировать водную артерию, которой являлась р. Уды, а также брод, от вероятной опасности, исходившей, скорее всего, с левобережья Северского Донца. На сегодняшний день однозначно не доказана одновременность существования славянских и салтовских памятников на данной территории, но и исключать такой близости нет никаких оснований. Если и принять за более вероятный вариант отсутствие на момент существования салтовских памятников одновременных славянских, то кардинальным образом это не меняет военно-стратегическую ситуацию, при которой возникает необходимость создания салтовских крепостей в Верхнем Подонцовье. Тем более, учитывая, что в этом случае – при от-

сутствии славянских древностей в данном микрорегионе – вообще отсутствует фактор угрозы со стороны западных соседей, в силу чего, при наличии колонизируемых территорий, обозначенных открытыми салтовскими поселениями западнее Северского Донца, нет смысла обозначать границу Хазарского каганата именно по данному водному рубежу. Таким образом, данный вопрос – назначения лесостепных салтовских городищ в Верхнем Подонцовье – нельзя считать однозначно решенным, безоговорочно приняв господствующую на сегодняшний день точку зрения, согласно которой эти городища обозначают границу Хазарского каганата. Как было показано на примере описанного выше производственного комплекса, Кабаново городище функционировало не весь период существования салтово-маяцкой культуры в Лесостепи. Это позволяет предположить аналогичную ситуацию и касательно других салтовских лесостепных городищ, по крайней мере, Верхнего Подонцовья. И период их существования не является финальным для общих временных рамок лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. С изменением военно-политической обстановки – исчезновением явной угрозы – надобность в фортификациях отпадает и поддержанием состояния оборонительных сооружений салтовское население более не занимается, а наоборот – начинает использовать их под потребу насущного дня, о чем наглядно свидетельствуют результаты исследований на Кабановом городище. Салтовское население после прекращения поддержания оборонительных сооружений продолжает хозяйственную деятельность, в частности – производство железа. Вероятно, гибель производственного комплекса связана с погромом, о чем могут свидетельствовать не столько следы пожарища и наличие боевого наконечника стрелы, сколько брошенные крицы и заготовленное сырье на месте пожарища. Но это произошло тогда, когда, по всей видимости, крепость на месте Кабанова городища уже не поддерживалась, а погром был внезапным. Возможно, ресурсов и времени на возобновление укреплений у салтовцев к данному моменту уже не было.

С другой стороны, на сегодняшний день нельзя однозначно ответить на вопрос – какие же конкретные события вызвали необ-

ходимость сооружения десятков крепостей? Отчасти, автор пытался ответить на эти вопросы в предыдущих публикациях [17–19] – такими обстоятельствами могли стать как внешняя экспансия при слабости контроля центральной властью государства его северных окраин (у нас нет свидетельств бесспорного твердого контроля этих территорий центральной властью) и необходимости организации местным населением самообороны своих земель, так и внутренние, гражданские конфликты в Хазарском каганате. Очень сомнительными представляются утверждения, что центральное правительство было способно организовать оборону своих обширных северо-западных границ наподобие римских лимесов (где четко документированные свидетельства такой жесткой, мощной организации центральной власти в рассматриваемом регионе?). К тому же, крепости, построенные на правых берегах рек – со стороны вероятного западного противника лишаются основного фактора защиты – природных рубежей (господствующей высоты относительно окружающей местности и водного рубежа). История не знает случаев подобной масштабно выполненной нецелесообразной траты ресурсов при минимальном результате по укреплению рубежей в итоге. В случае, когда невозможно использовать естественные рубежи в виде рек с контролем переправ, выстраиваются иные, в частности, сплошные линии обороны, с другой планировкой опорных крепостей, примером чему могут служить Змиевы валы, Украинская и Царицынская линии, а также многие другие, принадлежащие к различным историческим периодам [20–22].

Целесообразность именно такой организации обороны, какую мы наблюдаем на салтовских лесостепных памятниках, подтверждена как более ранними, так и более поздними примерами контроля данной территории на пограничье Степи и Лесостепи – в скифское время и в позднем средневековье. Именно поэтому в целом ряде случаев мы наблюдаем расположение крепостей в разные исторические периоды на одном и том же месте, с контролем одних и тех же переправ и путей в целом. А это еще раз заставляет задуматься над направленностью и назначением созданных в салтовское время укреплений.

Литература

1. Книга Большому Чертежу. – Москва; Ленинград, 1950. – 228 с.
2. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа / И. И. Ляпушкин // МИА. – М.–Л., 1961. – №104. – 382 с.
3. Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева – Воронеж, 1998. – 215 с.
4. Плетнева С. А. Отчет к открытому листу № 8 Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. / НА ИА НАН Украины – 1957/17 – 1957. – 20 с., 24 рис.
5. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) / С. А. Плетнева // МИА. – Москва, 1967. – №142. – 197 с.
6. Шрамко Б. А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета в 1959 г. / НА ИА НАН Украины. – 1959/29 – 1959. – 44 с.
7. Свистун Г. Е. Отчет об археологических разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2004 году / НА НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды – 2005. – 55 с.
8. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Труды Оскольской экспедиции / Г. Е. Афанасьев – Москва, 1987. – 200 с.
9. Афанасьев Г. Е. Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна среднего Дона / Г. Е. Афанасьев – Москва, 1993. – 164 с.
10. Мясоедов П. М. 540 лет на службе Отечеству / П. М. Мясоедов – Москва, 2006. – 427 с.
11. Свистун Г. Е. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции в 2007 году на Кабановом городище / НА ХММ И. Е. Репина – 2008. – 106 с.
12. Свистун Г. Е. Фортификации Кабанова городища / Г. Е. Свистун // Харьковский археологический сборник. – Вып.3. – Харьков, 2008. – С. 3–16.
13. Свистун Г. Е. Каганово ли Кабаново городище? / Г. Е. Свистун // Проблемы дослідження пам'яток Східної України: Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського краєзнавчого музею. – Киев, 2005. – С. 173, 174.
14. Свистун Г. Е. Фортификация городища Верхний Салтов / Г. Е. Свистун // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.7. – С. 459–478.
15. Свистун Г. Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца / Г. Е. Свистун // Харьковский археологический сборник. – Вып. 2. – Харьков, 2007. – С. 40–58.

16. Свистун Г. Е. Чугуевское «гнездо поселений» салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Свистун // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). – Липецк, 2006. – С. 281–285.

17. Свистун Г. Е. Трансформація поглядів на соціальну та стратегічну роль лісостепових городищ салтово-маяцької культури / Г. Е. Свистун // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцяті Слобожанські читання». – Харків, 2011. – С. 62–74, 134, 135.

18. Свистун Г. Е., Горбаненко С. А. Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугуївського городища салтівського часу / Г. Е. Свистун, С. А. Горбаненко // Салтово-маяцька

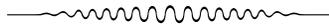
археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцяті Слобожанські читання». – Харків, 2011. – С. 75–86, 136–143.

19. Свистун Г. Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // Хазарский альманах. – Т.10. – К.–Харьков, 2012. – С. 146–158.

20. Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья / М. П. Кучера – Киев: Наукова думка, 1987. – 204 с.

21. Заїка Г. П. Українська лінія / Г. П. Заїка, відп. ред., авт. післяслова О. Б. Супруненко – К.–Полтава: Археологія, 2001. – 88 с.

22. Царицынская линия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах. – Т.82 и Доп. 4. – СПб., 1890–1907 (1904 и 1907). – 449 с. и 578 с.

КРЕМАЦИИ В ПРЯМОУГОЛЬНЫХ ЯМАХ НА КОЧЕТОКСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Анотація. Публікуються матеріали досліджень двох поховань в прямокутних ямах за обрядом кремації в Кочетокському могильнику салтівської культури VIII–IX ст. Акцентується увага на нових нюансах поховальної архітектури, які доповнюють нашу уяву про духовну культуру ранньосередньовічного населення Південно-Східної Європи.

Ключові слова: Кочетокський могильник, поховання, кремація.

Abstract. The research materials published two burials in rectangular pits for ritual cremation in Kochetokskyy cemetery Saltov culture VIII–IX centuries. Focuses on new nuances of funeral architecture that complement our vision of the spiritual culture of early medieval population of South-Eastern Europe.

Key words: Kochetokskyy cemetery, burial, cremation.

Летом 2012 г. были начаты раскопки обнаруженного в 2009 г. на территории Чугуево-Бабчанского лесничества, на северном склоне оврага Сороков, кремационного могильника, получившего название Кочетокского (Илл. 1; 2).

Как уже отмечалось ранее [1], могильник салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. сильно поврежден современными грабителями – значительное количество комплексов к настоящему времени полностью уничтожено. Отдельные из них, разграбленные частично, удалось исследовать в 2009 г. Они представляли собой тайники с сопровождающими вещами и могилы, впущенные в неглубокие ямы.

В 2012 г. были заложены два раскопа на северном склоне северо-западного отрога оврага, неподалеку от истоков расположенного там источника – раскоп 1 общей площадью 70 м² и раскоп 2 общей площадью 23 м² (Илл. 1). Несмотря на значительное ограбление, в раскопе 1 были обнаружены неповрежденные захоронения, что позволило дополнить наше представление о погребальной обрядности салтовского населения Лесостепи.

Два кремационных захоронения были совершены в прямоугольных ямах, имевших ориентацию запад-юго-запад – восток-северо-восток с азимутам 78° (яма 1 раскопа 1) и 72° (яма 4 раскопа 1) (Илл. 3; 4; 6). Именно им будет уделено основное внимание в данной работе.

Яма 1 (погр. № 2)¹ (Илл. 4) поверху была перекрыта слоем песчаникового щебня (часть камней носила следы термического воздействия), который составлял, по всей видимости, надмогильную насыпь. Большой частью щебень концентрировался в западной части могилы и возвышался полусферой до высоты ок. 10–15 см (ближе к центру) от уровня фиксации могильного пятна. Таким образом, могила была перекрыта земляным возвышением с тонким слоем щебня по верху. Заполнение могилы содержало мелкие фрагменты лепной глиняной посуды² и отдельные, небольшие по размеру, песчаниковые камни. Грунт заполнения имел мешаный характер и состоял из материковой глины и серой лесной почвы. Дно ямы фиксировалось на глубине 1,5 м от современной дневной поверхности (1,3 м от уровня фиксации пятна ямы).

Погребальная яма имела подбои по всему периметру и ступеньку в юго-западном торце шириной ок. 30 см на глубине 15 см от уровня фиксации пятна погребального со-

1) Авторы считают целесообразным вести нумерацию исследованных погребений Кочетокского могильника с учетом доисследованных комплексов 2009 г., когда среди прочих (тайничков с вещами и столбовой ямы) было выявлено явное безурновое погребение (яма 6) [1, с. 84].

2) На территории Кочетокского могильника зафиксированы фрагменты лепной керамической посуды, относящиеся к бронзовому веку, пеньковской и салтово-маяцкой археологическим культурам.

оружия. Поверху размеры его периметра составляли ок. 2,2×0,9 м. Подбой по периметру ямы был разноуровневым: с северной стороны он начинался с глубины ок. 60 см, с южной – ок. 50 см, с западной – ок. 55 см, с восточной – ок. 45 см. Характер участков подбоя с торцевых и продольных сторон также различается. Вдоль северной и южной стенок подбой обрывается на высоте соответственно ок. 20 и 35 см от дна ямы. Вдоль торцевых стенок подбой доходил до нижнего уровня погребального сооружения, начинаясь на высоте от дна ок. 70 см (с западной стороны) и ок. 85 см (с восточной стороны).

Общий характер подбоя, углубляющегося в продольные стенки погребальной ямы на 42–45 см, а в торцевые – на 23–28 см, позволяет предположить, что на этом уровне было устроено перекрытие из дерева. Заполнение подбоев имело мешаный характер и состояло из слоев материковой глины и алевролита, которыми он был выровнен до необходимого горизонтального уровня на отдельных участках, образуя вдоль продольных стенок грунтовые полочки. Предполагаемое перекрытие, таким образом, имело в итоге поперечный уклон в северном направлении относительно продольной оси ямы.

Ниже уровня полочек подбоев, в восточном секторе погребального сооружения, было размещено кремационное погребение. В плане оно имело подпрямоугольную форму, что может свидетельствовать о размещении кремированных останков, перемешанных с золой и древесным углем, и сопровождающих их вещей в несохранившемся до настоящего времени деревянном или берестовом коробе. Общие размеры этого периметра составляли ок. 43×47 см. Погребение имело небольшой уклон в западном направлении. Видимо, поэтому находившиеся среди древесных углей и мелких человеческих косточек железные предметы концентрировались в западном секторе периметра погребения, переместившись под собственным весом в более низкий уровень. Сопровождающие вещи были представлены двумя железными обушками кистеней сферической формы, в центре которых были проделаны сквозные конические отверстия круглой в поперечном сечении формы, а также трижды изогнутым, сломанным серпом, сохранившим зубчатую насечку на рабочей поверхности (Илл. 5). Размеры цилиндрических

обушков составляли 3,3×3,3 см и 3,5×3,0 см. Один из них имел несколько приплюснутую форму. Диаметр их отверстий равнялся 0,6–0,9 см. Подобные обушки можно отнести к варианту 1 типа II по классификации А. В. Крыганова. По результатам его исследования эти изделия были широко распространены на салтовских памятниках Подонья, датируемых в основном IX–X вв. [2, с. 64]. С этим, как и с принципом типологического отбора, не согласны А. В. Комар и О. В. Сухобоков, которые, учитывая новые находки, датируют появление аналогичных обушков не позднее нач. VIII века [3].

Помимо Подонья, обушки этого типа встречены в могильниках на р. Дюрсо [4, рис. 2: 9] и Больше-Тарханском [5, табл. XI: 5; 6, с. 112].

С восточной стороны кремации был расположен очень сильно пережженный глиняный гончарный сосуд салтовского типа с прямолинейным, горизонтально прочерченным орнаментом. Сохранность сосуда была очень плохой и он держался в момент расчистки исключительно на окружавшей его почве заполнения. На момент нахождения изделие имело черный цвет, лоснящуюся (повидимому, от пережженности) поверхность и расслаивалось на мелкие фракции. Венчик сосуда не прослеживался. Общий контур сохранившейся части был близок к сферическому очертанию.

Яма 4 (погр. № 3) (Илл. 6) поверху, как и яма 1, имела перекрытие в виде грунтовой насыпи со слоем песчаникового щебня на поверхности. Высота такой насыпи поверх могильной ямы (от уровня фиксации ее пятна) составляла вдоль центральной оси ок. 20 см. По сравнению с ямой 1, данная насыпь содержала большее количество щебня. К тому же, в западном секторе сооружения в насыпи фиксировался рваный печаниковый камень, отличавшийся более крупными размерами – ок. 20×30 см. С южной стороны от могилы была зафиксирована каменная вымостка овальной в плане формы, примыкавшая к насыпи погребального сооружения. Между песчаниковым щебнем указанной вымостки, а также в насыпи и заполнении могильной ямы фиксировались фрагменты лепной посуды.

Могильная яма подпрямоугольной в плане формы несколько суживалась по мере углубленности. Таким образом, параметры ямы составляли: по верху – 2,65×0,88 м; по

дну, находящемуся на глубине 70 см от уровня фиксации пятна ямы – 2,5×0,58 м.

В восточной торцевой стенке имелось наклонное, овальное в плане, расширенное общими максимальными размерами ок. 50×60 см.

Вдоль продольной южной стенки погребальной ямы, на глубине 30 см от верхнего края, зафиксированного по зачистке, находилась грунтовая ступенька шириной 20 см. В юго-западном углу ямы данная ступенька суживалась.

Так же, как и в яме 1, кремационное погребение находилось в восточном секторе комплекса. В плане оно представляло собой аморфное, вытянутое вдоль продольной оси ямы пятно, состоящее из мелких остатков неперегоревших до конца косточек, древесного угля и пепла. Следует отметить, что в целом примесь древесного угля и пепла была намного меньшей относительно кремации из ямы 1 (погр. № 2).

Поверх кремационной массы находился коричневоглиняный кувшин с удаленными (края затерты и заполированы) рукояткой и горлом (Илл. 7, 4), лежавший на боку, горловым отверстием книзу. За прошедшее время он остался незаполненным грунтом. Изнутри его стенки были покрыты налетом черного цвета (сажей).

Рядом с описанным кувшином находился еще один – сероглиняный (Илл. 7, 3), лежавший на боку горлом в северном направлении. Он был раздавлен, не выдержав, по-видимому, давления грунтовой массы заполнения могилы. В отличие от коричневоглиняного сосуда, он не имел удаленных или отбитых частей, если не учитывать незначительного скола по венчику со следами древней затертости в процессе эксплуатации. Данный сосуд имел высокое горло и сферический тулов, украшенный в нижней части широкой прямой прочерченной по диаметру линией. Аналогичная линия содержалась на месте присоединения горла к тулову при изготовлении сосуда.

Помимо керамических столовых сосудов в погребении имели место находки боевого топора и наконечника бронебойной пики (Илл. 7, 1, 2). Сохранность предметов вооружения оставляла желать лучшего. Тем не менее, в остатках распавшихся на части предметов можно проследить, что топор относится к известному в салтовских древностях

типу проушных топоров с трапециевидным лезвием шириной ок. 5,5–6 см и оттянутым, прямоугольным в поперечном сечении обухом-чеканом, имеющем грибовидную шапку (тип 1, подтип 1Б по В. С. Аксенову и В. К. Михееву) и характерны для комплексов кон. VIII – перв. пол. IX вв. [7, с. 261; 6, с. 109].

Наконечник пики в поперечном сечении имел ромбическую форму. Ширина пера в сохранившейся части составляла ок. 2,3 см, диаметр втулки – 2,5 см. Такой тип оружия, равно как и топор, имеет широкие аналогии среди салтовских древностей и относится к типу 1 по В. С. Аксенову и В. К. Михееву [6, с. 110]. Н. Я. Мерперт датирует аналогичные пики из салтовских памятников сер. VIII в. [8, с. 26].

Подобный описанным выше кремационным погребениям обряд захоронения в прямоугольных ямах, ориентированных запад-юго-запад – восток-северо-восток, известен на могильниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. В частности, они имеют место на Сухогомольшанском могильнике [9, с. 16–163; 6, с. 74]. Но есть и ряд отличий Кочетокского могильника, заключающихся в относительно большей длине и глубине (прежде всего это касается ямы 1) комплексов на Сухогомольшанском могильнике доминируют ямы глубиной 0,3–0,5 м от уровня современной поверхности почвы [6, с. 75], наличии в одном из двух комплексов подбоев и помещении кремированных останков в короб (яма 1), наличии каменной вымостки (яма 4) и перекрытия грунтового могильного холма слоем песчаникового щебня. Ранее харьковскими исследователями В. С. Аксеновым и В. К. Михеевым относительно Сухогомольшанского могильника было высказано предположение, что «... в древности ... захоронения все же были маркированы какими-то надмогильными сооружениями, о чем свидетельствует факт отсутствия перекрытия одних погребений другими» [6, с. 73]. Но поверхность Сухогомольшанского могильника повреждена пахотой, что, скорее всего, и сделало невозможным для археологов фиксацию надмогильных маркеров на этом памятнике. Особенности погребальных сооружений погр. № 2 и № 3 Кочетокского могильника доказали правоту В. С. Аксенова и В. К. Михеева и предоставили представление о такой маркировке.

Литература:

1. Свистун Г. Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) / Г. Е. Свистун // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». – Вип.2. – Харків, 2012. – С. 79–84, 133–141.
2. Крыганов А. В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья / А. В. Крыганов // СА. – 1987. – №2. – С. 63–69.
3. Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата / А. В. Комар, О. В. Сухобоков // Восточноевропейский Археологический журнал 1(2), март-апрель 2000 г. – http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.
4. Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо / А. В. Дмитриев // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. / КСИА. – Вып.158. – М., 1979. – С. 52–57.
5. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник) / В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков // М., 1964. – 201 с.
6. Аксёнов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // ХА. – Т.5. – К. – Харьков, 2006. – 306 с.
7. Святкин С. В. Относительная хронология мордовских боевых топоров-чеканов VIII–XI вв. / С. В. Святкин // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 260–266.
8. Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры / Н. Я. Мерперт // КСИИМК. – Вып. XXXVI. – С. 14–30.
9. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // СА. – 1986. – №3. – С. 158–173.

ИСТОРИЯ ХАЗАРИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анотація. Хозарський каганат – велике державне об'єднання середньовіччя, що контролювало головні торговельні магістралі, які сполучали Європу з країнами Сходу. Сучасна історична наука відзначає дуже важливу роль Хозарського каганату в політичному, економічному, культурному житті Східної Європи і Стародавньої Русі. Однак, у шкільних підручниках російської історії Хозарія представлена як малозначне державне утворення жорстоких тюрків-кочівників, що паразитували на міжнародній торгівлі і були перешкодою на шляху становлення давньоруської державності. Між тим, оперування застарілими науковими концепціями йде в розріз з основними педагогічними принципами. Не менш гостро стоїть проблема толерантного викладу в підручниках «хозарського» питання.

Ключові слова: Хозарський каганат, історія, шкільні підручники.

Abstract. The Khazarian Kaganate is the large state association of the Middle Ages supervising the trunk trading mains, connecting Europe with the East countries. Modern historical science accents the important role of the Khazarian Kaganate in political, economical and cultural life of Eastern Europe and Ancient Russia. But schoolbooks present Khazaria as an insignificant state union of Turcoman-nomads, parasiting on international trade and retarding development of Russian statehood. Meanwhile, handling of outdated conceptions cuts across fundamental pedagogical principles. Tolerant presentation of the Khazar issue in books is also very important.

Key words: The Khazarian Kaganate, history, schoolbooks.

История Хазарского каганата для большинства россиян¹ до сих пор остается темным пятном. Практически каждый может что-то рассказать о Киевской Руси, а вот об огромном государстве хазар, занимавшем в то время львиную долю европейской территории современной России, знают немногие. Публикации археологов, занимающихся освещением культурного наследия Хазарского каганата, остаются мало доступными для широких слоев населения. Исключение составляют научно-популярные труды С. А. Плетневой «Хазары» [1] и Л. Н. Гумилева «Открытие Хазарии» [2]. Однако взгляды Л. Н. Гумилева на хазарскую историю не пользуются популярностью среди специалистов. Вместе с тем, хазарская тематика активно муссируется в политической и антисемитской риторике. А с недавних пор в России появился новый государственный «праздник» – «День победы Руси над Хазарским каганатом», который отмечается 3 июля. На этой почве «на ура» идут околонукальные опусы таких «ученых», как В. Маня-

гин, М. Аджи, Л. Прозоров и других. Учитывая, что все-таки основная масса нашего населения получает основы исторических знаний во время учебы в общеобразовательной школе, мы сделали небольшой обзор школьных учебников отечественной истории.

В издательстве «Просвещение» из года в год переиздается учебник «История Отечества», редактором и одним из авторов которого являлся академик Б. А. Рыбаков [3]. В 1996 г. в журнале «Преподавание истории в школе» этот учебник [4] был назван лучшим среди школьных учебников по истории Отечества, особо отмечалась его научность и «военно-патриотический настрой» [5, с. 55].

Так в чем же заключается «военно-патриотический настрой» учебника «Отечественной истории» А. А. Преображенского и Б. А. Рыбакова? Судя по всему, в успешном соиздании авторами «образа врага» в виде степных кочевников (тюрки, авары, хазары, печенеги, половцы), которые нападали на славян и «вынуждали славян объединяться». По мнению составителей учебника, кочевники мешали мирным славянам тем, что «не пускали земледельцев в степь и плодородная полоса в 1000 км была всего лишь огромным пастбищем». «Беспощадные со-

1) Следует заметить, что проблемы с освещением вопросов, касающихся Хазарского каганата, в том числе в школьных учебниках, являются актуальными и в Украине (от редакторов).

седи» «грабили, сжигали поселки и угоняли пленных, продавая их потом на рынках рабов» [3, с. 22]. «К IX веку под властью русов оказался целый ряд славянских племенных союзов (под «русами» Б. А. Рыбаков понимал особое славянское племя, обитавшее на территориях полян и северян [6]). Эти союзы испытывали натиск со стороны хазар и других кочевников. Киевские князья возглавили борьбу против кочевников, и это содействовало сплочению племен» [3, с. 25]. «Прежде всего нужно было защитить свою землю от степняков (хазар и печенегов)» и поэтому «киевский князь Аскольд воюет в степях с печенегам и другими тюркскими племенами; в этих битвах погиб его сын». Кроме того, согласно авторам учебника, хазары мешали русам торговать. Чтобы достичь южных морей и восточных торговых городов, русам всякий раз, как следует из текста учебника, приходилось пробиваться «через кочевнические заслоны». А на обратном пути их «грабили в низовьях Волги хазары. Но русам удавалось отражать нападения кочевников, и они нередко ездили со своими товарами в страны Западной Европы» [3, с. 31]. Святослав же «направил свое оружие на тех соседей Руси, которые препятствовали ее развитию: Святослав победил Волжскую Булгарию и сделал ее менее враждебной. Он разгромил Хазарское царство, расположенное на таких важных путях, как Дон и Волга, где нередко грабили русских купцов» [3, с. 34]. Здесь, в сущности, повторяются концептуальные суждения Б. А. Рыбакова о Хазарском каганате, высказанные им еще в начале 50-х гг. прошлого века. Тогда в ряде статей, хазары были представлены Б. А. Рыбаковым как полудикое, кочевое, хищническое, паразитическое племя, не оставившее памятников высокой материальной культуры [7, с. 13; 8, с. 150]. Эти работы были охарактеризованы М. И. Артамоновым как «извращающие подлинную историю хазар» [9, с. 37]. И, как отмечал А. П. Новосельцев, «в дальнейшем Б. А. Рыбаков хазарской историей специально не занимался» [10, с. 23–32].

Аналогичный подход в рассмотрении хазарского вопроса преобладает и в учебнике под редакцией А. Н. Сахарова [11]. Учебник носит ярко выраженный европоцентристский характер. В нем подчеркивается положительное экономическое, культурное, языковое и религиозное влияние на историю

России европейской цивилизации с одной стороны, и «культурное» влияние на развитие страны с другой – со стороны Азии, откуда «порой брались образцы централизованного деспотического управления» [11, с. 7].

В учебнике крайне благожелательно позиционируются, в общем-то, гипотетические балты, соседствовавшие с не менее проблематичными праславянами за несколько столетий до нашей эры, однако как только речь заходит о «кочевниках-степняках», интонация повествования кардинально меняется. Как пишут авторы учебника, еще до VI в. до н.э. на поднепровские земли «обрушились конные племена киммерийцев», в VI–IV вв. до н.э. славяне «подверглись новому нашествию и завоеванию со стороны скифов» [11, с. 19], «начиная со II в. до н.э. эти земли испытывали новый натиск врагов» – это «в Среднее Поднепровье продвинулись кочевые орды сарматов», «ко II в. н.э. разрушительное последствие [интересно, что именно было разрушено? Было что разрушать? – Э.У.] сарматского нашествия было преодолено» [11, с. 20]. Однако, «преодолев на Востоке одного врага, славяне вскоре получили из глубин Азии другого» – 370-е гг. славяне претерпевают «поистине масштабное и ужасное по своей жестокости нашествие» гуннов [11, с. 21]. «В середине VI в. новая волна кочевников вышла из глубин Азии – то были авары...», которые «примучили дулебов», но «вскоре авары «промошса вси», а на Руси стали говорить «погибоша аки обре», т.е. «погибли, как авары» [11, с. 23, 24] (следует отметить, что абстрактную, по сути, фразу «погибоша аки обре» даже в советских учебниках было как-то не принято переводить на современный русский язык). Но все эти «тяжкие испытания для славян» являются лишь прелюдией к появлению в учебнике «новых кочевых тюркских орд» – хазар. Надо полагать, что такое изложение героической славянской мифологии, по мнению авторов, должно способствовать воспитанию патриотизма и межэтнической толерантности. Как иронизирует российская учительница Т. Эйдельман в статье «Как мы разбили Хазарский каганат», «мы снова и снова читаем одно и то же – славяне, окруженные со всех сторон врагами, отбиваются то от варягов, то от хазар, то от половцев... Что, простите? От хазар русские не отбивались, а сами на них нападали? Так ведь это

в порядке защиты от внешней угрозы...» [12, с. 115].

Далее, авторы учебника сообщают, что «на этом тяжкие испытания для славян не кончились... Азия бросила в Поволжье, Северное Причерноморье, на Северный Кавказ новые кочевые тюркские орды – хазар, которые на несколько столетий стали опасными соседями восточных славян». Однако уже в следующем абзаце авторы, противореча себе, сообщают, что, оказывается, «хазарское нашествие затронуло славянские земли лишь краем» и вскоре между ними «установились соседские отношения». Эти «мирные отношения перемежались военными конфликтами: славяне стремились освободить свои юго-восточные территории, левобережье Днепра от хазарского владычества». Но здесь явно агрессорами и зачинщиками «военных конфликтов», а, следовательно, и «опасными соседями», выступают славяне, а не хазары. Причем мирные «соседские отношения» с хазарами хитрые славяне поддерживали, согласно авторам учебника, лишь постольку, поскольку «через Хазарию шла славянская торговля с Востоком» [11, с. 24]. В параграфе «Первые русские князья», описывая деятельность Олега, авторы утверждают, что «он столкнулся с Хазарией». По «тонкому» намеку – «военный успех вновь сопутствовал Олегу» [11, с. 42] – становится ясно, что столкновение носило весьма серьезный характер. Однако на самом деле этот «военный успех» не соответствует научным фактам и введен в текст, по-видимому, для дополнительной героизации образа Олега. Авторы рассматривают русско-византийский договор 944 г. как антихазарский, а потому выгодный для Руси, «стремившейся освободить от хазарской блокады свои пути на Восток» [11, с. 45].

Особое внимание составители учебника уделяют походу Святослава на «старинного врага» – Хазарию. Обильно дополняя смешанные летописные данные и сведения средневековых восточных писателей собственными предположениями, подаваемыми как доказанные исторические факты, авторы сообщают, что «столица Булгар и другие города были взяты и население разогнано», Святослав «разгромил... враждебных Руси буртасов. Захватил и пожег их города, а население рассеял» [11, с. 50]. Между тем, в источниках ничего не говорится о взятых Святославом

«других городах» булгар, о городах же буртасов в исторической науке вообще нет никакой информации (сам А. Н. Сахаров в книге «Дипломатия древней Руси» ограничивается фразой: «Заодно был нанесен удар по Волжской Булгарии и землям буртасов – союзников Хазарии» [13, с. 251]). Но, конечно же, хуже всех пришлось хазарам. «Огнем и мечом прошла русская рать по всей хазарской земле, оставив позади себя разрушения и пепелища... Следы пожарищ, разрушенных зданий, разбитых крепостных стен – таким предстает Саркел по данным археологов. Крепость буквально была стерта с лица земли», – так авторы учебника оценивают итоги похода Святослава. Составители учебника стали авторами еще одного «компрометирующего» хазар «факта»: оказывается, во время Балканского похода Святослава «поддерживали венгерские отряды», а Болгария «опиралась на помощь враждебных Руси ясов и касогов и на хазарские отряды» [11, с. 51].

Несравненно более краток в изложении «хазарского вопроса» учебник под редакцией Н. И. Павленко. Авторы, рассказывая о соседях восточных славян в VIII–IX вв., утверждают, что с хазарами отношения у славян «были особенно враждебны», так как «хазары ходили походами на славянские племена, подчиняли и облагали их данью» [14, с. 17]. Обычно в учебниках князь Святослав выступает мстителем за все обиды «примученных» славян. Однако Н. И. Павленко и И. Л. Андреев полагают, что «героический образ Святослава [в летописи – Э.У.], по-видимому, несколько преувеличен: рыцарство уживалось с жестокостью, удаль – с безрассудством». Князь мало времени уделяет государственным делам, все его интересы сосредоточены на военных походах. Авторы пишут об его «удачных походах на восток», которые по тексту учебника воспринимаются как банальные грабительские налеты: Святослав «...достиг Волжской Булгарии, взяв и разграбив ее столицу Булгар. Следом наступила очередь Хазарского каганата. Около 965 г. Святослав прошелся огнем и мечом по территории каганата, погромив главные города и крепости – Итиль и Саркел» [14, с. 29].

В некоторых школах в качестве элективного курса используется учебник И. Н. Ионова «Российская цивилизация» [15]. И. Н. Ионов сообщает, что одной из главных задач

киевских князей являлась «охрана торговых путей и оборона пределов Руси от степняков. Отсюда непрекращающиеся войны с хазарами и печенегами» [15, с. 36]. Автор говорит о Хазарском каганате, как об одном из сильнейших государств Восточной Европы с высокой культурой: «в городах были развиты гончарное, кузнечное, косторезное, ювелирное ремесла. Основными занятиями населения были скотоводство, земледелие и рыбная ловля. Активно развивалась торговля с арабами, византийцами и славянами. Хазары имели письменность на основе тюркского письма». Упоминается и о том, что хазары контролировали важнейшую водную магистраль средневековья – Великий Волжский путь [15, с. 15]. Однако это описание Хазарии, судя по дальнейшему содержанию параграфа, соответствует лишь доиудейскому периоду ее истории. Автор учебника довольно резко оценивает принятие хазарами иудаизма. Он считает, что «выбор иудаизма был для хазар не лучшим выбором», «в Хазарии иудаизм оказался неэффективным как государственная религия», и таким образом подводит школьника к мнению, что никакой «цивилизационной альтернативы» христианской религии в то время не существовало [15, с. 49]. Таким образом, история Хазарского каганата используется И. Н. Ионовым как сравнительно-сопоставительный материал для доказательства превосходства христианства, христианской цивилизации.

Из учебников по Отечественной истории первого концентричного школьные учителя по большей части предпочитают учебник, написанный авторским коллективом под редакцией доктора исторических наук, профессора А. А. Данилова [16]. В параграфе «Хазарский каганат и Волжская Булгария – новые государства Восточной Европы» авторы используют «романтический», в духе XIX – начала XX вв., подход в изложении «хазарского» материала в описательной части: «На обломках кочевых империй, рассыпавшихся в VII веке, выросли средневековые государства. Одним из них стал Хазарский каганат, существовавший в VII–X веках в Нижнем Поволжье. Его создатели хазары подчинили себе многие кочевые и земледельческие народы Восточной Европы. В их армии наряду с родоплеменным ополчением появились профессиональные воины – гвардия кагана.

По стране разъезжали чиновники – сборщики податей, в городах сидели назначенные каганом правители. Весной и летом хазары ставили в степи войлочные юрты, выгоняли на пастбища стада, возделывали поля и виноградники. В конце лета собирали урожай и переезжали на зиму в города. Бывшие зимние становища превратились в крупные городские центры, возродились из пепла черноморские города. Здесь жили ремесленники, купцы из многих стран: христиане византийцы и армяне; мусульмане арабы и персы; иудеи евреи; язычники славяне, аланы (осетины) и адыги. Самым крупным городом Хазарии была столица Итиль. Торговцы, спускавшиеся на кораблях по Волге из земли славян, останавливались в устье великой реки у небольшого острова. Здесь стоял роскошный дворец кагана, сложенный из кирпича. На берегу располагался огромный город. За невысокой глиняной стеной стояли юрты, полужемлянки, каменные и глинобитные дома, церкви, мечети, синагоги. Хазарское государство распалось в конце X века под ударами воинственных соседей» [15, с. 25].

Однако в рассказе о хазарском походе Святослава авторы идут по проторенному «рыбаковскому» пути, заявляя, что в результате уничтожения каганата «для русских купцов был открыт путь по Волге» [16, с. 45]. В новом варианте учебника под редакцией А. А. Данилова, авторы уже более конкретно указывают на «вину» каганата: Святослав, разгромив Волжскую Булгарию, «устремился в Хазарию, которая чинила препятствия русским купцам на Волжском торговом пути, ведущем в богатые страны Востока» [17, с. 32].

В учебнике под редакцией А. А. Данилова, предназначенном для второго концентричного, приводится общий пространственный обзор европейского Средневековья от его зарождения до «Осени Средневековья» в XIV–XV вв., другой параграф называется «Византия, Арабский халифат и Восток в Средние века» [18]. Хазарский каганат, игравший важнейшую роль в экономической и политической жизни всего средневекового мира, традиционно проигнорирован. В параграфе «Древнерусское государство и общество» одной из главных задач, «которые в той или иной степени касались всех восточных славян» представлено «освобождение от владычества хазар» [18, с. 115]. Хазарское государство упоминается

лишь мимоходом в предложении, предназначенном подчеркнуть могущество киевского князя: «...тогда же киевский князь принял титул хакана, уравнивавший его с правителем Хазарии, в то время сильнейшим властителем Восточной Европы». Согласно авторам учебника, в результате освобождения северян и радимичей от хазарской дани, «к X в. сложилось единое государство восточных славян, занимавшее территорию почти всей Восточной Европы» [18, с. 117].

В учебнике Т. В. Черниковой [19] утверждается, что славяне взимали дань с менее развитых в экономическом и культурном отношении угро-финнов и балтов, что, впрочем, не совсем соответствует исторической действительности. Вместе с тем, пишет Т. В. Черникова, «восточнославянские племена и сами нередко попадали в зависимость». И далее следует рассказ о «кочевниках-тюрьках хазарах», которые «стали строить города, торговать и создали государство – Хазарский каганат со столицей Итиль», а «поляне, северяне и вятичи были обложены данью». Однако, благодаря хазарскому владычеству, «для зависимых племен были открыты хазарские торговые пути, которые соединяли Итиль с Багдадским халифатом, Азией, Западной и Центральной Европой» [19, с. 7]. По-видимому, чтобы как-то сбалансировать образовавшуюся ситуацию, в которой кочевники-горожане выглядят куда более цивилизованно, чем оседлые славяне-земледельцы и отдать дань антихазарской традиции, автор сообщает, что «хазары совершали набеги на соседние народы».

В рассмотренных нами учебниках авторы акцентируют внимание главным образом на военном аспекте в отношениях Руси и Хазарии. Хазары представлены жестокими кочевниками, паразитирующими на восточной торговле, угнетателями славянских народов и главной помехой на пути развития молодого Древнерусского государства. Однако, из нарративных источников следует, что русы и хазары не только воевали друг с другом, но и торговали. Известный российский историк-востоковед И. Г. Коновалова справедливо полагает, что «освоение Волжско-Каспийского торгового пути неминуемо должно было поставить русов перед необходимостью налаживания взаимоприемлемых отношений с Хазарией, которая благодаря своему гео-

графическому положению контролировала каспийский участок торговли, а также часть караванных путей между Восточной Европой, Средней Азией, Восточным Закавказьем и Ближним Востоком» [20, с. 112]. Что касается взаимоотношений в военной области, восточные авторы сообщают, что русы и сакалиба состояли в войске царя [21]. У хазар не было своего военного флота, но, похоже, это, вполне компенсировалось наличием такового у русов. Искусные мореплаватели и отважные воины – русы – держали в напряжении и страхе прикаспийские страны, что позволяло хазарам удерживать прочные позиции в этом регионе [22, с. 93]. Так, по мнению И. Г. Коноваловой, военные действия 912/913 гг. русов на Каспии «в значительной степени совпадали с интересами хазар» [20, с. 112].

Современные исследователи отмечают, что «средневековые источники говорят о военных, политических, культурных, бытовых контактах» и в то же время практически ничего про вооруженные конфликты между славянами и хазарами [23, с. 108]. С самого начала хазарской экспансии на славянские земли в VIII в. началось интенсивное развитие соседствовавших с хазарами волынцевской и боршевской археологических культур [24, с. 117]. На городище Битица археологи обнаружили признаки смешанного проживания представителей славянских боршевской и, более поздней, роменской культур и салтово-маяцкой культуры. По мнению исследователей, Битица, возможно, являлась форпостом каганата на славяно-хазарском пограничье [25, с. 43; 26, с. 14]. Следы проживания славянского населения обнаружены и в хазарском городе Саркеле [27, с. 14].

В. В. Колода, основываясь на исследованиях городищ Верхний Салтов и Мохнач, относящихся к салтово-маяцкой культуре, отмечает, что археологические материалы «свидетельствуют не только о тесном взаимодействии культур Хазарского каганата и северян, что давно не является новостью, но и о существовании в раннегосударственный период Киевской Руси синкретичного по своей сути населения в районе среднего течения Северского Донца» [28, с. 53–59]. По мнению исследователя, «...на протяжении трехсотлетнего соседства славян и Хазарии народы не могли лишь враждовать, «держат границы на замке». Это неестественно для человеческой

природы, невыгодно. Постепенно противостояние, вызванное агрессивностью внешней политики каганата и данничеством..., перерастает в сосуществование, что приводит к культурному влиянию и взаимопроникновению» [29, с. 339].

Таковы взгляды современной историографии на «хазарский вопрос».

Из изложенного материала видно, что хазары в учебниках истории традиционно рассматриваются, как чуждый русской истории элемент. Между тем, государство хазар в свое время занимало огромную площадь на землях современной России. Потомками хазар могут быть татары Средней и Нижней Волги, кубанские и донские казаки, евреи, народы Дагестана, ингуши и чеченцы. Это крупные, гордые, дорожающие своей культурой и традицией народы проживают на территории Российской Федерации и, соответственно, являются россиянами.

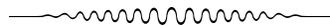
Нужно иметь в виду, что любые суждения о древних народах и их религиозных взглядах, независимо от того, «обнаружены» ли у этих народов потомки или нет, являются по существу этноконфессиональной оценкой, а значит, несут в себе политическую подоплеку, которая возлагает на авторов определенные обязательства и ответственность. Поэтому актуальность приобретает проблема толерантности и дипломатичности при освещении русско-хазарских взаимоотношений. Это тем более важно учитывать, когда речь идет о школьных учебниках.

К сожалению, несмотря на давно провозглашенный курс на демократизацию образования и устоявшиеся в науке новые подходы в изучении истории каганата, авторы учебников не стремятся вносить в них изменения. В результате приходится констатировать тот факт, что материалы по хазарской истории, приводимые в учебниках истории, чуть ли не на полвека отстают от данных современной исторической науки, и таким образом нарушается принцип научности обучения.

Литература

1. Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева // Хазары или Таинственный след в русской истории. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 239–332.
2. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев // Хазары или Таинственный след в русской истории. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 7–190.
3. Преображенский А. А., Рыбаков Б. А. История Отечества. VI–VII кл. / А. А. Преображенский, Б. А. Рыбаков – М.: Просвещение, 2002. – 222 с.
4. Преображенский А. А., Рыбаков Б. А. История Отечества. VI–VII кл. / А. А. Преображенский, Б. А. Рыбаков – М.: Просвещение, 1996. – 222 с.
5. Соколова Л. А. Об учебниках истории и обществознания издательства «Просвещение» / Л. А. Соколова // Преподавание истории в школе. – 1999. – № 6. – С. 43–54.
6. Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии) / Б. А. Рыбаков // Сб. ст. академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. – М., 1952. – С. 76–88.
7. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси / Б. А. Рыбаков // Советская археология. 1953. – Т. XVIII. – С. 128–150.
8. Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина / Б. А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1952. – № 9. – С. 42–51.
9. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – 501 с.
10. Новосельцев А. П. «Мир истории» или миф истории? / А. П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1993. – №1. – С. 23–32.
11. Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века: Учебник для 10 кл. общеобразовательных учреждений / А. Н. Сахаров, В. И. Буганов – М.: Просвещение, 2003. – 272 с.
12. Эйдельман Т. Как мы разбили Хазарский каганат. Заметки учителя / Т. Эйдельман // Отечественные записки. – 2004. – № 5. – С. 115–125.
13. Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси / А. Н. Сахаров – М.: Мысль, 1980. – 344 с.
14. Павленко Н. И., Андреев И. Л. История России с древнейших времен до конца XVII века. X кл. / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев – М.: Дрофа, 2001. – 335 с.
15. Ионов И. Н. Российская цивилизация, IX – начало XX в. X–XI кл. / И. Н. Ионов – М.: Просвещение, 1995. – 152 с.
16. Данилов А. А., Данилов Д. Д., Клоков В. А., Тырин С. В. Российская история с древнейших времен до конца XVI в. VI кл. / А. А. Данилов, Д. Д. Данилов, В. А. Клоков, С. В. Тырин – М.: Просвещение, 2002. – 272 с.
17. Данилов А. А., Косулина Л. Г. Российская история с древнейших времен до конца XVI в. VI класс. / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина – М.: Просвещение, 2008. – 256 с.
18. Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. Россия и мир. Древность. Средневековье. Новое время. Учебник для X кл. / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт – М.: Просвещение, 2005. – 252 с.
19. Черникова Т. В. История России IX–XVI вв. VI кл. / Т. В. Черникова – М.: Дрофа, 2006. – 239 с.

20. Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения / И. Г. Коновалова // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. – М., 1999. – С. 111–120.
21. Древняя Русь в свете восточных источников. Хрестоматия. Восточные источники Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – Т. 3. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 155 с.
22. Усманов Э. М. Русы и хазары на Волге в IX–X вв. / Э. М. Усманов // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцять років Слобожанські читання» / упоряд. Г. Є. Свистун. – Х.: Видавець Савчук О. О.; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2011. – С. 87–96.
23. Калинина Т. М. Ал-хазар и ас-сакалиба: контакты. Конфликты? / Т. М. Калинина // Хазары / Евреи и славяне. Под ред. В. Московича. – Т. 16. – Иерусалим; М.: Гешарим – Мосты культуры, 2005. – С. 101–110.
24. Петрухин В. Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории древнерусского государства / В. Я. Петрухин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. – М., 1995. – С. 117–124.
25. Петрухин В. Я. Сказание о хазарской дани в контексте летописной истории / В. Я. Петрухин // Древнетюркский мир: история и традиции. – Казань, 2002. – С. 43–52.
26. Сухобоков О. В. Ранні етапи культури літописних сіверян (ще раз про пам'ятки волинцевського типу) / О. В. Сухобоков // Восточноевропейский археологический журнал, № 3 (4), Киев, 2000. <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/sukhobokov.htm>
27. Плетнева С. А. Половцы / С. А. Плетнева – М.: Наука, 1990. – 208 с.
28. Колода В. В. Новые материалы к проблеме изучения славяно-хазарских отношений (по памятникам Северского Донца) / В. В. Колода // Черноземная лесостепь контактная зона. – Белгород, 2001. – С. 53–59.
29. Колода В. В. К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян / В. В. Колода // Хазары / Евреи и славяне. Под ред. В. Московича. – Т. 16. – Иерусалим; М.: Гешарим – Мосты культуры, 2005. – С. 338–345.

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ БОЛГАРИИ, РОССИИ, УКРАИНЫ¹

Анотація. Мета статті: звернути увагу на подібність ознак обряду знешкодження похованих в некрополях Першого Болгарського царства і Хозарського каганату. Найважливішою ознакою обряду автор вважає стратиграфію могили (поховання). Піддана критиці «гідродинамічна модель» формування стратиграфії в похованнях зі зруйнованими скелетами (запропонована Г. Є. Афанасьєвим).

Пропонується вирішувати спірні питання у вивченні поховальної обрядовості шляхом спільних розкопок за участю прихильників різних точок зору.

Обряд знешкодження похованих автор вважає різновидом постпоховальної обрядовості.

Ключові слова: Перше Болгарське царство, Хозарський каганат, постпоховальна обрядовість, обряд знешкодження похованих, могильники Салтівської культури, сучасна історіографія.

Abstract. The purpose of the paper is to notice the similarity features of the prophylactic burial rite at cemeteries of the First Bulgarian State and the Khazar Kaganate. The author considers that specific stratigraphy of the grave is the most important sign of the ceremony. He criticizes the «hydrodynamic model» formation of the stratigraphy of graves with destroyed skeletons (proposed by G. Afanas'ev).

It is proposed to resolve disputed issues in the study of funeral rites by joint excavations with supporters of different points of view.

The prophylactic (neutralization) burial rite is the kind of post-burial rites.

Key words: First Bulgarian Empire, the Khazar Khanate, postpogrebalnye rites, ritual disposal of buried, burial Saltovo-Mayaki culture, modern historiography.

Немногочисленные публикации по постпогребальным обрядам, включая обряд обезвреживания погребенных, рассеяны по многим, часто малотиражным изданиям и в большинстве своем могут оставаться неизвестными заинтересованным исследователям. В предлагаемом ниже обзоре я упомяну лишь некоторые из них, посвященные праболгарским некрополям Нижнего Дуная и могильникам салтовомаяцкой культуры². Начнем с работ болгарских археологов.

Обряд обезвреживания в могильниках (некрополях) Первого Болгарского царства в районе г. Варны открыл Дм. Ил. Димитров [2], познакомивший меня с результатами своих раскопок могильников *Девня-1* и *Дев-*

ня-3 еще в 1976 г. Позднее в болгарской археологической литературе появляются упоминания обезвреживания погребения в других открываемых могильниках. Ниже предлагается небольшой обзор некоторых болгарских публикаций ввиду того, что далеко не все они доступны нашим археологам и могут представлять для них интерес. Напомню, что различные виды обезвреживания давно фиксируются болгарской археологией и этнографией [3, с. 37, 46].

Начну обзор с работ известного болгарского археолога Рашо Рашева, признававшего практику обезвреживания в праболгарских могильниках и в могильниках салтовомаяцкой культуры [4]. Рашев не обошел его вниманием и в своем последнем фундаментальном труде: «Посмертное нарушение скелета – практика известная. Оно выражено в обрезании ног, рассечении трупа, разрушении грудной клетки, отдельном захоронении черепа. Ампутация ног или пальцев дискусионна для [могильника] *Топола*. В [могильниках] *Кюлевча* и *Бдинци* наблюдается известная зависимость между разбросанны-

1) Подготовлено по Проекту «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам» Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государства в мировой истории».

2) Более краткий, первый вариант обзора был представлен в: [1].

ми скелетами и размещением их в овальных ямах. В *Върбяне* единственный разрушенный скелет находился в самой глубокой на этом могильнике яме. В *Ножарево* установлена разновидность обряда, выраженная в положении на грудную клетку тяжестей, известная по могильникам *Девня-1* и *Девня-3*. Там вместо отдельных камней на грудь [погребенного] положен монолитный блок весом в 50–100 кг. Посмертное разрушение отдельных погребений необходимо признать *устойчивой традицией, сопоставимой с такой же практикой в погребальном обряде болгар в Хазарском каганате*» [5, с. 196] (здесь и далее курсив мой. – В.Ф.).

В 2007 г. в сборнике к 60-летию Р. Рашева, болгарская исследовательница Христина Стоянова опубликовала небольшую сводку могильников из региона Плиска-Варна с проявлениями обезвреживания [6].

Хр. Стоянова предваряет публикацию следующим: «Обряд «обезвреживания мертвых» засвидетельствован в ряде средневековых некрополей Восточной Европы. Его следы открыты в Болгарии, Югославии, Венгрии, в бассейне Дона, на Северном Кавказе и Волге, в Приуралье. Впервые в Болгарии внимание на него обратил Димитр Ил. Димитров. Еще в 1974 г., на базе раскопанных им некрополей около Варны, он охарактеризовал этот обряд. ... Эти ритуальные действия стали необходимыми как следствие страха перед мертвыми». По степени разрушений скелетов Хр. Стоянова подразделяет их на: 1) скелеты с частичным нарушением, 2) скелеты с полным разрушением. Наиболее распространенная практика обезвреживания связана с ногами.

Некрополи Девня-1, и Девня-3, Варненский-Завод маномеров по Дм. Ил Димитрову (Илл. 1). Засвидетельствована *ампутация стоп*. В одном случае, *Девня-3*, *стопы* положены между берцовыми костями. Имеются данные о связывании ног. Добавлю, в связи с раскопками Дм. Димитрова возникает вопрос о возможной ампутации стоп до похорон; требуются новые наблюдения.

В некрополях Варненского округа имеются данные о более обширных разрушениях скелетов, следы вскрытий могил после истлевания мягких тканей. Так, в могиле № 43, *Девня-1* *отсутствуют* череп, грудная клетка и кости рук. Хр. Стоянова подчеркивает, что могила не ограблена, т.к. *на место возвраще-*

ны камни перекрытия. В погребениях *Девня-3* (Илл. 1) следующие варианты разрушений: *полное отсутствие костей ног; удаление стоп и костей левой ноги; черепа и костей рук; черепа и части ребер*.

Дм. Димитров отмечал еще одну меру против погребенных – *камни*. Ритуальное назначение имели *камни, поставленные над головой, ногами, сердечной областью*. Такие камни обычно имеют большие размеры. Камни над погребенными отмечены в нескольких могилах *Девня-1, Девня-3, Варненском*.

Наиболее выразительные примеры в могильниках около Варны – *полное разрушение скелета, разбрасывание костей по могиле, происходившее после ее вскрытия*. Все суставы расчлняются, а *некоторые кости выносятся за пределы могилы*. Такие действия совершались над вызывавшими наибольшие опасения погребенными.

Върбяне на Плисковском поле (Илл. 2). В могильной яме № 23 кости ног, одной руки и череп с отделенной нижней челюстью. В заполнении могилы *угли*. В погребении № 28 от скелета в анатомическом порядке на месте остались только кости ноги ниже колена. Большинство других костей отсутствует. Череп лицом повернут к узкому торцу. В заполнении множество *фрагментов глиняных сосудов, костей животных и углей*.

Еще одна могила из *Върбяне* – № 11. На место черепа пожилого мужчины перемещены лопатка с ключицей, несколько ребер и позвонков. Сам череп перемещен влево от скелета. Нижняя челюсть отделена и положена рядом с ним. В заполнении *над черепом лежит камень*.

Обезвреживание зафиксировано и в других могильниках Северо-Восточной Болгарии.

Николово, Русенский округ. Скелет молодой женщины. Удалены кисть правой руки, кости правой ноги ниже колена. Над женщиной положена левая *рука другого индивида* (Илл. 3: 1). Этот случай, как и аналогичные, я называю *подзахоронением костей*.

Красен, Русенский округ. Скелет молодого мужчины. Череп лежит над левым коленом, но шейные позвонки в нормальном положении (Илл. 3: 2).

Батин, Русенский округ. Погребенный на животе. Кости ног ниже колена из могилы удалены. Автор раскопок Д. Стачев полагал,

что лицом вниз хоронили погибших от насильственной смерти и самоубийц, превращавшихся в злых духов.

Хитово, Русенки округ. Аналогичный случай положения лицом вниз.

Ножарево, Силистренский округ. Исследователи могильника Р. Рашев и Ст. Станилов отмечали, что «в ... некоторых могилах установлено необычное положение костей – ноги уложены плотно, что создает впечатление их связывания. В других нарушен анатомический порядок – отсутствуют части скелета – кости ног и рук, наблюдаются несомненные следы разрушения грудной клетки и смещения черепов» (Илл. 3: 3, 4).

Черна, Добричский округ. В некроле найдены два погребения с нарушенными скелетами. В погребении 10 смещены череп и кости левой руки, а в погребении 17 смещены кости правой руки и левой ноги. Над скелетом насыпаны камни.

Хр. Стоянова упоминает могильники с признаками обзвреживания на левом берегу Нижнего Дуная – Истрия, Султана, Изворул. В последнем таких погребений пять.

В заключение автор указывает, что признаки, характеризующие разрушения скелетов погребенных в могильниках Болгарии, имеют полные аналогии в могильниках Саркела, Маяцком и Клинь-Яр III. Действительно, это так, за одним исключением. В ямных салтово-маяцких могильниках не зафиксировано придавливание погребенных камнями. Это особенность погребального обряда праболгарских могильников Нижнего Дуная. Обряд обезвреживания у праболгар зафиксирован не только в перечисленных Хр. Стояновой могильниках.

Прежде всего отмечу взвешенный и осторожный подход к установлению признаков обезвреживания в могильнике первых десятилетий VIII в. *Дивдяново* в г. Шумен [7, с. 57, 64]. Интерес представляет указание на наличие в могильнике «богатого и разнообразного инвентаря» [7, с. 58] (обязан уточнить – только по сравнению с менее представительным инвентарем других могильников). В него входили железные серп и топор, серебряные предметы поясного набора, серьги, бусы, керамика, но погребения с ними не подверглись ограблению.

Обычай обезвреживать погребяемого путем расчленения пояса зафиксирован

Ст. Станиловым в могильнике *Караманте* около г. Варна. Автор не исключает, что данный обычай появляется в результате инфильтрации в болгарское общество отдельных индивидов из Аварского каганата [8, с. 190]. В связи с этим отмечу, что проблематика погребальных обрядов Аварского каганата, как и древних венгров, включая и обезвреживание, еще ждет своего исследователя.

Перечисленные могильники (по принятой в Болгарии номенклатуре – некрополи) оставлены языческим населением средневековой Болгарии. Страх перед умершими, а отсюда принятие мер против агрессии с их стороны, всех или только наиболее вредоносных при жизни, вполне соответствуют его миропониманию и представлениям о верхнем и нижнем мирах и среднем мире живых. Они складывались в течение веков и в течение веков сопротивлялись принципиально новому мировоззрению, носителем которого в Болгарии стало христианство с его представлениями о судьбах людей после смерти. Яркие свидетельства этому дал христианский могильник на холме «*Сакарджа*» у г. Омуртаг, раскопки которого начались еще в 2001 г. и продолжались до 2006 г., исследовано 126 погребений. В некоторых проникновение с целью обезвреживания оставило следы более выразительные, чем в иных могильниках языческого времени. Воспользуемся публикацией Кирчо Апостолова [9]. Предварительно отмечу, что не во всем был устойчив в могильнике и христианский обряд. Так зафиксировано 27 позиций в положении рук. В 26-ти погребениях зафиксировано связывание ног, что не обязательно и не во всех случаях может быть мерой обездвижить погребяемого. Но в ряде случаев признаки обезвреживания несомненны.

Прежде всего это придавливание погребяемого камнями. «В погр. № 65 камни на груди (Илл. 4: 3), большой камень уложен над головою в погр. № 89. В погребении № 119 два небольших камня над тыльной стороной (теменем) черепа (Илл. 4: 4), в погребении № 110 камень справа у черепа (здесь и в иных случаях автор указывает на аналогии тому или иному признаку в погребениях других могильников, в т.ч. Одрьци, (см. ниже – В.Ф.).

Расчленение конечностей установлено в семи погребениях. Засвидетельствовано два случая ампутации стопы. В погр. № 24 ле-

вая стопа положена слева от голени (Илл. 4: 5), в погр. № 89 между голеньями, а правая стопа положена правее бедра и придавлена небольшим камнем. В погр. № 65 обе стопы отсутствовали (трудно представить, что это результат осквернения или ограбления; ср. с ситуацией в катакомбе № 5 могильника Клин-Яр III [10, с. 34, 35]). В погр. № 118 правая кисть отделена от лучевых костей и переложена к правой бедренной кости (Илл. 4: 6). В погр. № 78 отсутствует левая кисть (Илл. 4: 7), а в погребениях № 115 и № 121 – правая (Илл. 4: 1, 2).

Нарушение анатомического положения костей установлено в восьми погребениях в области груди, таза и ног. В погр. № 118 левая плечевая кость развернута на 180°. Правые бедренная и тазовая кости развернуты, положены ближе к левым. Поясничные позвонки сдвинуты к правой руке (Илл. 4: 6). ... В погр. № 78 расброшены кости грудной клетки (Илл. 4: 7), в то время как в погр. 115 кроме позвонков смещены и лучевые кости; в погр. № 89 левая плечевая кость развернута на 180° (Илл. 4: 8)...

У двух светелов констатировано смещение черепов. В погр. № 1 он лежит в 70 см от скелета, в погр. № 25 череп развернут вверх теменем, ... нижняя же челюсть осталась на первоначальном месте...

Часто использовалась очистительная сила огня. Следы *углей* и *пепла* открыты в двадцать одном погребении. Наиболее часто они около и над черепом, над грудью и руками, между и около бедренных костей. Угли [в погребении – языческая традиция, часто встречающаяся и в христианских погребениях Плиски, Одрьци и др.] [7, с. 219–221].

Перечислив конкретные случаи смещения или удаления костей, К. Апостолов указывает, что они установлены во многих средневековых некрополях Болгарии от вт. пол. IX до сер. XI вв., в том числе и христианских. В Болгарии случаи обезвреживания в христианских могильниках отмечают и другие исследователи, напр. [10].

Дополню это упоминанием языческих погребальных обрядов в христианизирующемся Мангупе в конце VII в., что Н. И. Бармина объясняет приходом в Крым новой волны варварских народов, которые христианскую культуру полностью не уничтожили, но применили ее к своим нуждам. Одним

из ярких примеров такого рода культурного взаимодействия выступает Мангупская базилика. В период существования Херсонско-Дорантской церковной епархии здесь на месте будущего базиликального комплекса строится однефный храм и крещальня. С приходом хазар были отмечены модифицированные этноконфессиональные ритуалы (проявление обряда обезвреживания при раскопках погребений) [12, с. 11]. Смещение христианства и язычества в погребальном обряде – тема, заслуживающая пристального внимания. К ней относится, напомним, связываемый с христианизированными «салтовцами» маленький храм у мыса Безымянный (Юго-Западный Крым), сооруженный «насухо» из рваного камня [13, с. 445–452].

Одрьци – могильники двух групп печенегов, погребальные обряды которых подверглись христианскому влиянию. Тем не менее и в них исследователь памятника Л. Дончева-Петкова³ отметила уже знакомые нам признаки обряда обезвреживания, хотя далеко не все случаи, подчеркну это, исследовательница объясняет данным обрядом. В Одрьцах представлены следующие способы обезвреживания: разрушение или удаление стоп; рачленение скелета; смещение и переворачивание костей; отделение черепа, а в одном случае предполагается отделение головы до погребения; камни на груди, в том числе в области сердца; в одном случае погребенный придавлен половиной жернова; использовалась очистительная способность огня. [14, с. 50, 51; табл. III].

Однако, в литературе встречаются описания нарушенных погребений, не дающие возможности определить – наверняка ли имеет место обряд обезвреживания или разрушения были следствием иных факторов или, наконец, представлено то и другое. Так, ввиду краткости и неполноты информации это трудно решить в отношении немногих из раскопанных 764-х труположений в одном из могильников около *Варненского озера*, притом что перечисляемые признаки и могут свидетельствовать об обряде обезвреживания: «...кости скелетов в могильных ямах были значительно смещены или найдены в полном беспорядке. В семи других могиль-

3) Более краткий, первый вариант обзора был представлен в: [1].

ных ямах найдены только отдельные кости скелетов, в большинстве случаев собранные в кучки» [15, с. 260]. Это же относится и к погребению № 33 Нови Пазар – полностью разрушенные скелеты двух мужчин и коня. Ст. Станчев причину такого состояния усматривал в ограблении. Надо полагать, дискуссия о погребении № 33 продолжится с открытием новых аналогичных погребений.

Не надо доказывать, что неясность ситуации в одних могильниках и/или неполнота описаний, не могут служить основанием для отрицания данного обряда в других могильниках Нижнего Дуная. Мне остается добавить, что перечисленные могильники не отличаются богатством. Основа погребального инвентаря – горшки, что делает предположения об ограблении погребений с нарушенными скелетами практически беспочвенными.

Считаю необходимым особенно обратить внимание на следующее: к своим выводам археологи Болгарии пришли *независимо* от русских исследователей. В статьях Дм. Ил. Димитрова 1970-х годов, когда обряд обезвреживания еще не привлекал к себе особого внимания исследователей салтово-маяцкой культуры, нет ссылок на их работы по данной теме.

То, что причины разрушения скелетов в некоторых погребениях остаются предметом споров, во многом обусловлено некоторыми недостатками в исследованиях болгарских археологов. Их внимание сосредоточено почти исключительно на состоянии скелета, степени его разрушения, отсутствии или перемещении черепа и отдельных костей. Мне не встречались упоминания особенностей стратиграфии заполнения в погребениях с признаками обряда обезвреживания, а ведь стратиграфия – едва ли ни основной его признак. Не обращается внимания на состав вещей, нет сравнений с составом вещей в погребениях без прочих признаков обрядовых проникновений. Что касается публикаций чертежей скелетов, то в большинстве они представлены в слишком малых масштабах, схематичны. Профессионально выполненные зарисовки скелетов встречаются не часто. Редкое исключение – рисунки скелетов в публикации М. Апостолова, но и они слишком миниатюрны для того, чтобы читатель сам мог опознать каждую кость, особенно кистей и стоп. Будем справедливы – перечис-

ленные недостатки до сих пор присущи многим публикациям российских и украинских археологов.

В 2010 г. на одной из конференций Г. Е. Афанасьев выступил с сомнениями по поводу существования на Маяцком могильнике обряда обезвреживания погребенных. Основные положения его доклада опубликованы [16] и сводятся к следующему:

1) Стратиграфии дромосов Маяцкого могильника. По Афанасьеву четкое стратиграфическое разграничение первичного и вторичного заполнения в дромосах, на которое я первый среди археологов обратил внимание, может явиться следствием и подзахоронений, и ограблений, и осквернений, и ритуальных вскрытий, и вторичного обряда погребений, и прочего. При этом данное заявление не подкреплено корреляцией ситуаций в погребениях с перечисленными мотивациями вскрытия со стратиграфией в дромосах Маяцкого или других могильников. На стратиграфию дромосов десятилетиями вообще внимания не обращалось, о чем мне приходилось писать ранее [17]. Как пример этого, сам Г. Е. Афанасьев опубликовал камеры Ютановского могильника без дромосов [18]. Мало того, я ставил вопрос о необходимости изучения ограбленных погребений так же, как изучаются погребения вообще, т.е. систематизируя их признаки.

Нет до сих пор ни одного исследования по стратиграфии оскверненных погребений. Что касается широко распространенных у аланов Северного Кавказа катакомб с подзахоронениями, то также ни один автор еще не сравнивал структуру заполнения их дромосов и дромосов катакомб с одноактными захоронениями, в т.ч. по присутствию в заполнении фрагментов керамики и углей.

2) Использование Афанасьевым кластерного анализа для выявления частоты встречаемости металлических предметов в салтово-маяцких могильниках ничего неожиданного не дало. Был получен *заведомо* известный результат: в Маяцком могильнике значительно меньше металлических вещей, чем в прочих. Верное наблюдение было, однако, неверно истолковано. *Маяцкий могильник в принципе должен отличаться от прочих могильников салтово-маяцкой культуры, в том числе ка-*

такомбных, в силу широко практиковавшегося здесь обряда обезвреживания. Должен он отличаться и частотой встречаемости любых вещей и от захоронений на Маяцком селище. Его население решало, кого хоронить на общем кладбище, а кого среди жилищ. Избранных, погребаемых на поселении, было очень мало, единицы. Соответственно, отличались большей полнотой предназначенные для них наборы погребального инвентаря и погребальные одеяния. В ряде случаев их сопровождали даже сабли. Именно с прижизненных различий в статусе погребенных на селище и на общем кладбище и надо начинать, и находить им объяснение, а не ограничиваться формальными подсчетами. Однако и похороненные на селище подвергались обезвреживанию!

Но на Маяцком селище жила и группа населения, имевшая иные представления об отношении живых к умершим. Недавно рядом с Маяцким городищем открыт новый могильник, ямный, в котором, насколько мне известно из сообщений В. А. Сарапулкина, обряд обезвреживания отсутствует, как и в большинстве праболгарских на Нижнем Дунае.

И еще о предполагаемом Афанасьевым грабеже «металлоемких» предметов из катакомб Маяцкого могильника. Носители салтово-маяцкой культуры были настолько полно обеспечены изделиями из железа и цветных металлов (находок тысячи), что этот аргумент остается за пределами критики. Слишком «трудоемко» да и рискованно грабить в массовом порядке могилы соплеменников ради получения медных копоушек, серег и других мелких вещей, вес которых измеряется граммами, тем более самых распространенных в катакомбах железных предметов – мотыжек.

3) Свои тезисы Г. Е. Афанасьев завершает рассуждениями о заботливом отношении к умершим у аланов и их предков, начиная с эпохи нартов. Слишком общее заявление, с элементом морализации, чтобы его принять. Этнография дает массу примеров того, что отношение к умершему определялось отношением к нему при жизни. «Кормление» умерших сплошь и рядом вызывалось необходимостью *задабривания* умершего, а не состоянием морали общества. Очень примечательно, что в ряде исследований нарты

– действующие лица эпоса – подразделяются на «высоконравственных и злых, злокозненных насильников» [19, с. 198]. Вслед за Ж. Дюмезилем стоит обратить внимание на отношение нартов к людям, стоящим на пороге смерти. «Урызмаг под старость превратился в посмешище Нартов, молодежь стала плевать на него и вытирать о платье его свои грязные стрелы». Или: «Сажали дряхлого старца в плетеную корзину и выносили из селения» [20, с. 200, 201]. Таково отношение к одному из *героев* эпоса. Соотнести погребальные обычаи нартов с могильниками конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. невозможно, так же как нельзя подходить с современными оценками морали к архаическим обществам. В нартском эпосе ничего не говорится о катакомбах, а в описаниях загробного мира полно глубочайшей архаики. Ж. Дюмезиль подчеркивал: «...даже когда проблема происхождения Нартов ограничена осетинами и черкесами, она остается огромной» [21, с. 23]. Сам он исследовал скифские параллели [20], но многие сюжеты, ситуации, обычаи уходят в более глубокую древность.

Средневековые источники не сохранили нам описание аланских погребальных обрядов, и, тем более, того, что происходило с погребенными и их могилами спустя год, два, три и более. Само проведение похорон и последующие обряды у большинства народов, за редчайшими исключениями, проходили в узком кругу родственников. Свидетельство Ибн Фадлана о захоронении руса – редкая удача для историков, не имеющая равноценных по информативности для восточно-европейского средневековья, как, впрочем, и рассказ Геродота о похоронах скифского вождя для более древней эпохи. Нет никаких письменных сведений о похоронах сарматов, в том числе поздних.

В своих сомнениях Афанасьев опирается на мнения О. В. Зайцевой, О. Ю. Жиронкиной и Ю. И. Цитковской. Последняя вообще не известна самостоятельными раскопками и публикациями по погребальным обрядам. Оценку методике работы Жиронкиной, которая безуспешно попыталась соотнести нарушения скелетов с зороастризмом, я уже давал [22, с. 402; 23, с. 184, примечание). О. В. Зайцева – автор кандидатской диссертации о погребениях с нарушенной целостностью в Западной Сибири [24]. Охват громадного от-

резка времени, от неолита до средневековья, несмотря на заявленное применение «структурно-семиотического и сравнительно-исторического подходов», не позволил ей фундаментально рассмотреть ни один из заявленных периодов истории, тем более археологические источники.

* * *

Мои выводы о бытовании обезвреживания погребенных в раннем средневековье в Юго-Восточной Европе сложились начала формироваться в ходе раскопок и публикаций Маяцкого могильника [25; 26]. Большой, хронологически предшествующий салтово-маяцкой культуре материал в диапазоне I в. до н.э. – VIII в. н.э., предоставил для более надежных обоснований могильник Клин-Яр III. Маяцкий могильник дал мне лишь первый опыт полевого изучения обряда, но он позволил опознать такой же на могильнике Клин-Яр III [10] и подготовить значительно более детализированную публикацию, вплоть до описания положения отдельных костей и прослеживания в ряде погребений даже очередности в перемещении костей и предметов погребального инвентаря. Кроме того, в могильнике Клин-Яр III зафиксированы ситуации, не представленные (возможно, и не замеченные мною) в Маяцком – перенос костей из погребения в погребение, их перезахоронения и подзахоронения (см. ниже). Выводы, кроме того, были дополнены обзором около пятидесяти памятников разнотрибного населения Восточной Европы от скифской эпохи до XIV в. [23]. Притом, что я посвятил изучению постпогребальных обрядов три монографии и серию отдельных публикаций, вопреки убежденности ряда коллег, не являюсь первооткрывателем обрядов обезвреживания. Достаточно назвать Э. А. Сымоновича, опубликовавшего свои наблюдения почти полвека назад [27].

Уже после того, как данная статья была завершена, появилась еще одна публикация Г. Е. Афанасьева с полным отрицанием обряда обезвреживания. Разбор ее в полном объеме не представляет для меня интереса, но один тезис автора надо прокомментировать. Речь идет об очередной попытке Афанасьева пересмотреть причины появления в дромосах катакомб вторичного заполнения. В качестве причины он выдвигает действие

гидродинамических процессов, а проще говоря, воздействие потока дождевых вод на заполнение, которое якобы должно было сползать из дромоса в погребальную камеру, сталкивая в них остатки плах, закрывавших входы в камеры. Публикуется и графическая реконструкция процесса на примере одного далеко не самого характерного дромоса Маяцкого могильника [28, с. 114]. Вынужден расценить предложенное «моделирование» как неудачный домысел. За семь сезонов работы на Маяцком могильнике я не однажды попадал под дождь, находясь на его территории, и имею четкое представление о том, как ведет себя там ливневая вода. Главное и первое, на что обращаю внимание – состав грунта, перекрывающего могильник. Это серая супесь, насыщенная известняковой пылью и мелкой крошкой. При дожде эта смесь быстро впитывает воду, становится очень плотной (не размокает, как другие грунты) и образует своеобразный тонкий защитный покров, по которому вода быстро стекает по поверхности могильника, почти не впитываясь даже в тонкий почвенный слой, а тем более в массив заполнения дромосов. Скорость стекания зависела от крутизны поверхности на разных участках могильника, а она варьируется от близкой к горизонтальной до 30° и даже более. Никаких мощных потоков на склонах не отмечалось. Вода равномерно стекала к осевой ложбине и далее по промоине уходила за пределы могильника. Стоит напомнить также, что двуслойность заполнения дромосов (останец первичного и вторичное) зафиксирована почти во всех дромосах, как на плоских, так и на крутых участках.

Далее. Вторичное заполнение (засыпалось после завершения обрядовых действий в камере) отнюдь не «рыхлое», как представляется Афанасьеву [28, с. 115]. Это тяжелый плотный грунт, не «текущий» по склону первичного заполнения в камеры. Менее плотен он только по сравнению с суглинком, в котором выкапывались дромос и камера.

Наконец, не следует думать, что маяцкое население (как и любое другое) не принимало во внимание природные факторы при выборе места для могильников. Как и сегодня, в первую очередь учитывается, насколько осадки могут пагубно воздействовать на погребальное сооружение.

Реконструкція Г. Е. Афанасьєва противоречит ряду ситуацій в дромосах Маяцького могильника. Катакомби №№ 74 і 77: рештки дерев'яних плах, закривавших входи в погребальні камери, не сповзли в них, що повинно було б статися за Афанасьєва, а лежали в дромосі, відзначаючи межу між первичним і вторичним заповненням. В катакомбі № 79 рештки дерев'яного закладу залишилися на місці перед входом в погребальну камеру (після обрядових дій їх відновили на давнє місце).

Ще більш яскраві приклади. Катакомба № 71: межа між шарами заповнення відзначена великим і важким каменем, раніше підпиравшим плиту перед входом в камеру; незважаючи на побудову Афанасьєва камінь не скотився в камеру під тиском ґрунту, а опинився в дромосі далеко від входу і на межі двох шарів його заповнення. І нарешті, в дромосі катакомби № 83, знову ж, незважаючи на «гідродинамічні процеси», закладна плита і підпиравший її камінь лежали в середині дромоса, відзначаючи рівні первичного і вторичного заповнень [25, с. 173, 176, 179, 181, 185].

Звернемося до іншого видання розкопок Маяцького могильника [26]. Катакомба № 26: на межі первичного і вторичного заповнень не тільки плита і підпиравший її камінь, але і кувшин в вертикальному положенні (!). Катакомба № 81: над первичним заповненням череп лошади і углі; в даній ситуації углі більш помітні. Катакомба № 112: в вторичному заповненні ніж, диск перламутровий, каури. В доповнення до перерахованих вкажу, що всі знахідки углей, кераміки, кісток тварин і інших компонентів в дромосах катакомб Маяцького могильника, розкопаних в 1980–1982 рр., записані в таблицю [26, с. 50, 91, 93, 112] (більш докладно знахідки в заповненні дромосів відслідковувалися мною при розкопках могильника Клин-Яр III [10; 23]). В результаті, я змушений констатувати, що використовуючи як зразок «гідродинамічного впливу» на дромоси Маяцького могильника тільки дромос катакомби № 32, Г. Е. Афанасьєв свідомо ігнорує інші – більш численні і виразні ситуації (подібних прикладів можна привести багато).

Більш вагомі висновки представлені в новій статті В. С. Аксєновим. В зв'язі

з праболгарськими могильниками Нижнього Дуная вона особливо цікава, т.к. присвячена *явному* могильнику – *Нетайловському* [29].

В. С. Аксєнов достатньо детально описує вісім погребень (№№ 435, 460, 474, 481, 482, 492, 498, 506) з слідами вторичного проникнення. Во всіх чітко виділені первичне і вторичне заповнення, описані їх склад, колір і інші ознаки. Те, що вторичне заповнення не є наслідком природних процесів, а справа людських рук, доводиться знахідками в ньому, з яких в першу чергу вкажу на такі «не яскраві», але найбільш важливі, як *углі* і *фрагменти кераміки*. В вторичному заповненні розміщалися *цілі* і *преднамірено розбиті салтовські столові посудини*. В обрядових цілях там же опинилися і посудини срубної культури. В. С. Аксєнов першим звернув увагу на зв'язь цих посудин з обрядами, що відбувалися при утворенні вторичного заповнення, т.е. при остаточному закапуванні могил (з'явлення цих посудин ніяк не пояснить гідродинамічними процесами, ограбленнями і оскверненнями). Прямою аналогією використано в Нетайловському могильнику інокультурних посудин є фрагменти посудин кобанської культури в вторичному заповненні погребень могильника Клин-Яр III.

В погребеннях залишалися в переотложеному стані і різні *речі з складу погребального інвентаря*. Їх значно більше, ніж в рядових катакомбах Маяцького могильника. Відзначаю і, ймовірно, *преднамірено поломану саблю*.

Одним з важливих висновків Аксєнова, як непрямого дослідника описуваних погребень, є те, що *люди, відкривавши могили, прекрасно знали їх устрій і зміст*.

Що стосується скелетів самих погребених, то всі вони сильно знищені, а більшість кісток в могилах не хватало. Є випадки відокремлення нижніх щелеп від черепа. Підкреслюю особливо: без всіх інших скрупульозно перерахованих ознак можна було б дійсно підозрювати, що метою відкриття могил було банальне ограблення (коли?). І, нарешті, звернемо увагу на те, що розкриття могил відбувалося дуже акуратно – т.н. вкопи мають чіткі контури, безошибочно охоплюють могильну яму.

В статье В. С. Аксенова нет необдуманных гипотез, предположений и реконструкций, а в обобщающем заключении он проявил и понятную осторожность в части выводов, из которых выделю следующие, сохраняя нумерацию автора.

«1) На Нетайловском грунтовом могильнике известны погребения, в которые было совершено преднамеренное проникновение спустя какое-то непродолжительное время после совершения захоронения;

2) Количество погребений со следами повторного в них проникновения достаточно велико (из 77 исследованных погребений ... 2006–2010 гг., те или иные следы проникновений достоверно отмечены в 14 захоронениях или 18,2%);

6) Цель проникновения в захоронения (обезвреживание, осквернение, ограбление) на данный момент однозначно определить не представляется возможным, так как в некоторых случаях в погребениях оставались достаточно *престижные и дорогие вещи* (выделение мое. – В.Ф.), тогда как в других случаях – погребальный инвентарь ... отсутствовал полностью. Осложняет решение данного вопроса и отсутствие в большинстве захоронений костных останков людей.

Дальнейшие исследования Нетайловского могильника... позволят решить главный вопрос, а именно: в какие из ... захоронений проникали с целью совершения обряда обезвреживания покойника, а в какие – с целью осквернения и ограбления» [29, с. 57, 58].

Из процитированного выделю два положения. Во-первых, автор в принципе не отрицает практику обезвреживания погребенных, соответственно, и в Нетайловском могильнике. В его статье нет тенденциозных оценок. Во-вторых, он предполагает возможность в ходе дальнейших раскопок установить и другие причины появления отмеченных в статье признаков, оставшихся после вторичного проникновения. Перспективно ли последнее? Безусловно, да. Мой положительный ответ базируется на признаках ряда захоронений могильника Клин-Яр III. В итоге, я пришел к заключению о том, что наряду с несомненным обезвреживанием, могли быть и иные цели вскрытия захоронений. В частности, имеются в виду факты перезахоронения части костей и черепов из одного погребения в другое. Это зафиксировано в

катакомбах, погребениях с подбоями и в простых ямах. Переносили (перезахоранивали) разные кости. Без сопровождения иных костей скелета перезахоранивали в отдельных ямках черепа. Какие-то кости и черепа могли вообще выносить за пределы могильника. В итоге я пришел к заключению о возможном существовании не только обезвреживания, но и близких ему обрядов, цели которых нам неясны. Отсюда и мое предположение о существовании разных *постпогребальных обрядов*, одним из которых было обезвреживание [23, с. 156–163].

Сходство в проявлениях обряда обезвреживания в могильниках бассейна Дона и Нижнего Дуная не удивляет. Вопрос стоит много шире. Мне уже приходилось писать, что обряды обезвреживания и иные постпогребальные возникают и существуют у многих народов на определенной стадии развития общества. И это нашло подтверждение в труде ученого из Владивостока Юрия Михайловича Васильева (1939–2008 гг.) о племенах Приамурья IX–XIII вв., оставивших покровскую археологическую культуру, синхронную с салтово-маяцкой и пережившую ее. Итак, совершенно иные географический регион и культура. Невозможно в данном обзоре изложить содержание его почти 400-страничной монографии. Приведу суть исследования, изложенную самим автором в аннотации к книге: *«Автор приходит к выводу, что основной способ захоронения – ингумация – индивидуальные, совместные и подзахоронения. ... Причиной плохого состояния палеоантропологического материала являются эксгумации, при которых органика подвергалась ускоренной деструкции под воздействием природных факторов и деятельности микроорганизмов. Автор предлагает свое видение погребального обряда как двухактного: первый акт – ингумация, за которой через 3–5 лет следовала эксгумация с уничтожением лицевой части черепа и костей верхнего пояса. По мнению автора, в покровской культуре тризны и кенотафы отсутствуют. За кремации принимается обряд «огневого» обезвреживания, при котором гроб и голые кости частично обгорали. Именно это было предпосылкой появления кремаций»*. Помимо цели освобождения души умершего, обряд эксгумации Ю. В. Васильев рассматривает как следствие «вредоносности покойников». «Во время проведения обряда обезвреживания

кроме выбрасывания из могил останков и инвентаря (тогда-то они попадали в соседние погребения и в ровики курганов), вероятно, считалось в порядке вещей присвоить себе какие-то предметы, что грабежом не являлось, а было своеобразной «суверинизацией». Примером этого являются единичные детали поясов в погребениях – пряжки, бляхи и проч., причем с остатками ткани и кожи, т.е. следами порчи» [30, с. 284]. Что касается термина «суверинизация», то, возможно, он не очень удачен, но передает суть происшедшего.

Считаю необходимым подчеркнуть, что исследования обряда обезвреживания Ю. М. Васильев и я вели совершенно независимо друг от друга с конца прошлого века (ср. [25; 30; 31]). Естественно, проявления обряда обезвреживания у населения двух культурных ареалов, отделенных тысячами километров, не могли не иметь своих особенностей. Иначе и быть не могло, но суть обрядов была одна.

Отдельно отмечу, что в салтово-маяцкой культуре не рассматриваются трупосожжения как способ обезвреживания, но в иных культурах кремация в связи с обезвреживанием изучается давно и успешно, в том числе в культурах Древней Руси, Северной Европы [32, с. 194–215; 33, с. 176–181].

* * *

Продолжает поступать новая информация о могильниках и отдельных погребениях с признаками постпогребальных обрядов, в ходе которых происходило вскрытие погребений и манипуляции с останками людей и вещами. Стоит обратить особое внимание на то, что они фиксируются в европейской части России и в Украине в дохазарское время. Среди них примечательно погребение середины I тыс. н.э., обнаруженное на Дону севернее г. Воронежа у с. Ямное [34]. В удлиненной овальных очертаний яме захоронение взрослого индивида, ориентированного на СВВ, с нетронутым инвентарем – лепной горшок круга Чертовицкое-Замятино и две пряжки конца IV – нач. V в. Воронежские исследователи погребения пишут: «Обращает на себя внимание и характер самого погребения. Дело в том, что при неплохой в целом сохранности у скелета отсутствовали кости левой руки, грудной клетки и позвоночника.

Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с обрядом обезвреживания покойного...» [34, с. 4]. Будь такое неяркое погребение единичным на Верхнем и Среднем Дону, можно было бы отсутствие указанных костей все-таки отнести на счет естественных или иных причин. Но это далеко не первая находка подобного типа. Соавторы перечисляют ряд безынвентарных погребений из 1) *Шиловского поселения* (отделение берцовых костей обеих ног и отсутствие большинства костей скелетов); *поселения Таврово* (парное захоронение, оба скелета нарушены); *поселения Стрельбище IV* (скелет лишен черепа и костей предплечий обеих рук; в погребении лепной горшок, аналогичный яминскому). Ориентируясь на предшествующие исследования А. М. Обломского, одним из отличительных признаков этой серии погребений исследователи считают следы «ритуального обезвреживания покойного» [34, с. 5].

Появляется информация об обряде обезвреживания в погребениях поздних кочевников. Однако, ее автор «традиционно» не сообщает о стратиграфии, не зафиксирована она и графически и это обесценивает (но не ставит под полное сомнение) его наблюдения [35]. Этот и подобные случаи свидетельствуют о том, что существует проблема полевых исследований, при которых часть информации теряется.

Необходимо осознать, что для обоснованных суждений о методике раскопок и стратиграфии погребений, в целом об особенностях тех или иных обрядов, исследователь обязан иметь собственный большой опыт полевых исследований. Особенно, когда это относится к обрядам дискутируемым. Например, Г. Е. Афанасьев, насколько мне известно из его публикаций, среди могильников салтово-маяцкой культуры самостоятельно работал только на Ютановском, где вскрыл лишь небольшую группу катакомб. Он не принимал участия в раскопках погребений на Маяцком поселении и на Маяцком могильнике. Поставлю вопрос шире: *археолог должен знать первоисточник.*

Постпогребальные обряды нельзя изучать только в кабинетах. Должно уже в ходе раскопок находить объяснения всем особенностям стратиграфии и залеганию находок в заполнении, изменению положения каждой перемещенной кости и каждой перемещен-

ной вещи, пытаться определить очередность перемещения костей и вещей в каждом отдельном погребении. При этом не следует ожидать, что любое погребение с предполагаемым обезвреживанием будет иметь полный набор признаков. Некоторые признаки могут в том или ином погребении не носить ярко выраженного характера.

Решающее в опознании обряда – тщательность раскопок и столь же тщательное и скрупулезное фиксирование всего их процесса в дневниковых записях, фотографиях, видеозаписях, чертежах, на диктофонах. Сам исследователь должен быть руководителем и участником вскрытия *каждого* погребения, а не полагаться на рабочих, которыми сплошь и рядом являются студенты, школьники и не заинтересованные в научных исследованиях наемные землекопы.

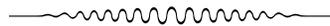
О методике дальнейших исследований постпогребальных обрядов, о дискуссиях по их поводу. Кабинетные дискуссии и обсуждения в археологии неизбежны. Это бесспорно. Но я уже неоднократно предлагал и предлагаю вновь более действенный путь решения споров: проведение сторонниками разных мнений совместных раскопок, что совершенно не сложно сделать на базе любой экспедиции. Не трудно и даже необходимо это сделать в первую очередь на Маяцком могильнике, а затем для сравнения на любом ином, где постпогребальные обряды не зафиксированы. Совместные раскопки могут быть неоднократно повторены с разным составом участников или на других памятниках. Такие совместные полевые исследования должны периодически повторяться, а не ограничиваться одноразовыми раскопками одного или нескольких погребений.

Каковы перспективы в проблематике изучения постпогребальных обрядов? В качестве основной задачи на первое место я ставлю совершенствование всего процесса раскопок. Только безукоризненно препарированный археологический источник может быть положен в основу тех или иных выводов. Это касается и выделения случаев ограблений. Иногда они очевидны. Что же касается признаков осквернения, то остается надеяться, что кто-то из исследователей в ходе новых раскопок выделит комплекс признаков, которые позволят безоговорочно отличать его от ограбления. Пока же осквернение остается неким фантомом.

Литература

1. Флеров В. С. Заметки к теме «Обряд обезвреживания погребенных» / В. С. Флеров // Дивногорский сборник / Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 3. – Воронеж: Научная книга, 2012.
2. Рашев Р., Димитров Димитр Ил. – исследователь на прабългарската култура / Р. Рашев, Димитр Ил. Димитров // Проблеми на прабългарската история и култура. – 4-1. – Сборник в памет ст.н.с. I д.и.н. Димитр Ил. Димитров / Доклади от пета международна среща по прабългарска история и археология. – София, 2007.
3. Погребалният обред като исторически източник за етническата същност на българската народност (по археологически и етнографски данни / Ж. Въжарова // Археология. – Кн. 2. – София, 1977.
4. Рашев Р. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. / Р. Рашев. Рец.: В. С. Флеров. – Москва, 2000 // Археология. – Кн. 1. – 2002.
5. Рашев Р. Българската езическа култура VII–IX век. / Р. Рашев – София, 2008.
6. Стоянова Хр. Обред «обезвреждане на мъртвите» в езическите некрополи (по данни от района на Плиска и Варна) / Хр. Стоянова // Изследвания по прабългарска средновековна археология. Сб. в чест на проф. Рашо Рашев. – Велико Търново, 2007.
7. Атанасов Г., Венелинова С., Стойчев Ст. Ранносредновековен некропол в Шумен (квартал Дивядово) / Г. Атанасов, С. Венелинова, Ст. Стойчев // Археология. – Кн. 1-4. – София, 2007.
8. Станилов Ст. Памятники аварского типа в старобългарской культуре / Ст. Станилов // Проблеми на прабългарската история и култура. – 3. – Шумен, 1997.
9. Апостолов К. Средновековен некропол на хълма «Сакарджа» край гр. Омортаг / К. Апостолов // EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. – София, 2009.
10. Флеров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. / В. С. Флеров – М.: ПолиМедия, 2000.
11. Гатев П. Средновековно селище и некропол от XII в. край с. Ковачево, Пазарджишки окръг. Разкопки и проучвания. / П. Гатев – Кн. XII. – София, 1985.
12. Бармина Н. И. Сакральное пространство Мангупской базилики // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщений. / Н. И. Бармина – Бахчисарай, 2012.
13. Яшаева Т. Храм христианизированных «салтовцев» в предместьях Херсона // Проблеми на прабългарската история и култура. / Т. Яшаева – 4-1. – Доклади от пета международна среща по прабългарска история и археология. – София, 2007.
14. Дончева-Петкова Л. Одръци. Некрополи от XI век. / Л. Дончева-Петкова – Т. 2. – София, 2005.

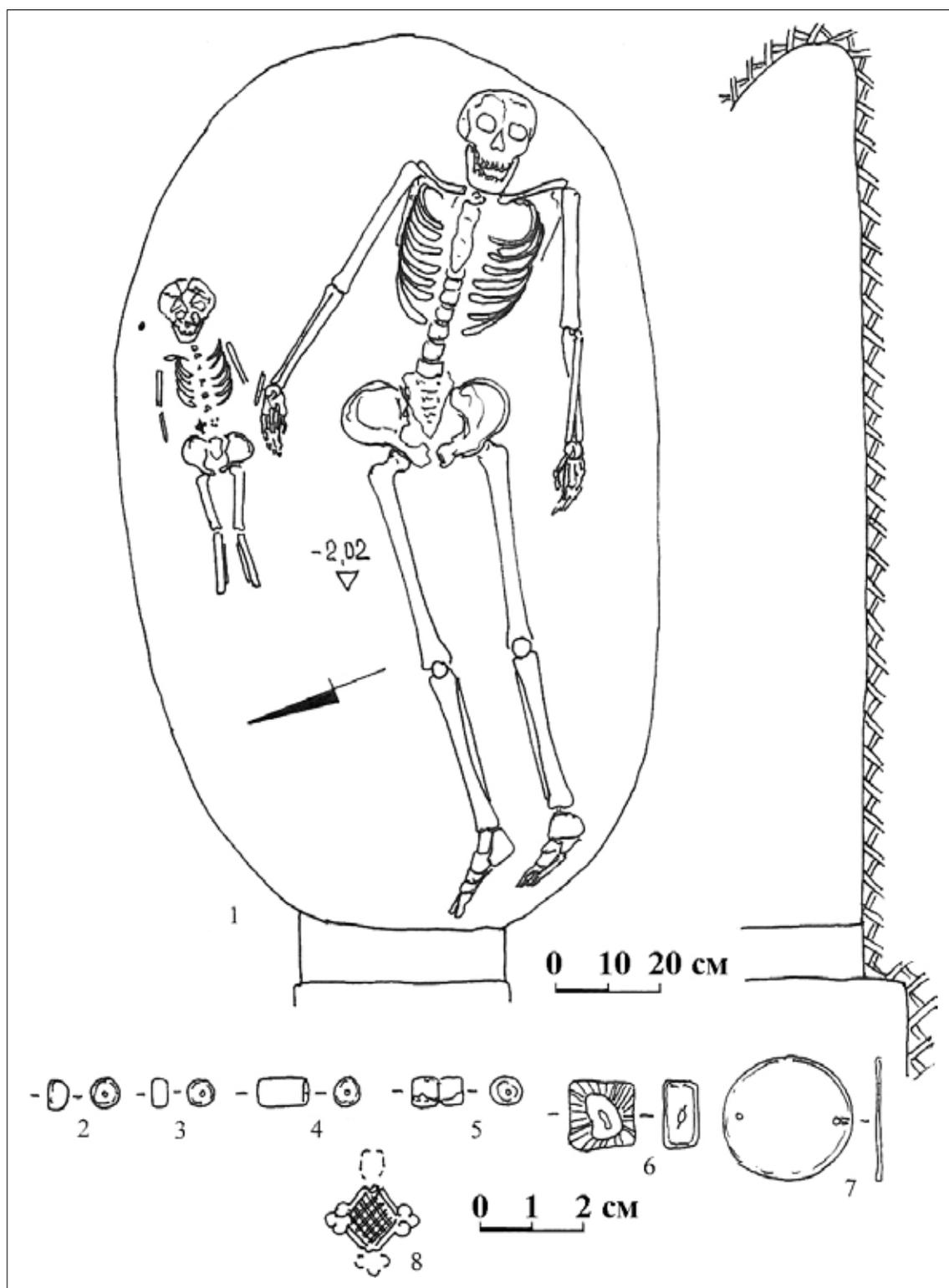
15. Кузев А. Раннесредневековый некрополь под Варной / А. Кузев // *Rapports du IIIe Congres international d'Archeologie Slave. Bratislave 7-14 septembre 1975.* – Т. 2. – Bratislava, 1980.
16. Афанасьев Г. Е. Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) / Г. Е. Афанасьев // *Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. Тез. докл. Всероссийской научн. конф.* – М.: ИА РАН, 2010.
17. Флеров В. С. О методике исследования погребений с обрядом обезвреживания у алан и болгар Восточной Европы / В. С. Флеров // *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл.* – Донецк, 1987.
18. Afanas'ev G. E. System of socially marking grave goods in male burial complexes of alans of the Don / G. E. Afanas'ev // *The archeology of the steppes. Methods and Strategies.* – Napoli, 1994.
19. Калоев Б. А., Мижаев М. И., Салакая Ш. Х. Нарты / Б. А. Калоев, М. И. Мижаев, Ш. Х. Салакая // *Мифы народов мира.* – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1988.
20. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1990.
21. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1976.
22. Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // *Степи Европы в эпоху средневековья.* – Т. 4: Хазарское время. – Донецк, 2005.
23. Флеров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в до н.э. / В. С. Флеров – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. – XIV в. н.э. – М.: Таус, 2007.
24. Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования возможности интерпретации. Автореф. канд. дисс. – Новосибирск, 2005.
25. Флеров В. С. Маяцкий могильник // *Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции.* – М.: Наука, 1984.
26. Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. / В. С. Флеров – Волгоград: Перемена, 1993.
27. Сымонович. Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху / Э. А. Сымонович // *СА.* – № 1. – 1963.
28. Афанасьев Г. Е. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Афанасьев // *РА.* – 2012. – № 2.
29. Аксенов В. С. Повторное проникновение в захоронения Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры. Миф или реальность? / В. С. Аксенов // *Дриновський збірник.* – Т. V. – Харків-Софія, 2012.
30. Васильев Ю. М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н.э.). / Ю. М. Васильев – Владивосток: Дальнаука, 1986.
31. Васильев Ю. М. Вторичный обряд или разрытые погребения? / Ю. М. Васильев // *История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии.* – М., 1986.
32. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. / В. Я. Петрухин – Смоленск, 1995.
33. Петрухин В. Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. / В. Я. Петрухин – М.: Языки славянских культур, 2011.
34. Акимов Д. В., Разуваев Ю. Д., Сурков А. В. Погребение эпохи переселения народов у с. Ямное на Верхнем Дону / Д. В. Акимов, Ю. Д. Разуваев, А. В. Сурков // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. докл. IV Междунар. археологической конференции.* – Самара, 2008.
35. Клименко В. Ф. Два сбруйных комплекса кочевнических погребений в Донбассе // *Донецкий археологічний збірник.* / В. Ф. Клименко – 2009–2010. – № 13/14. – Донецьк, 2009–2010. – С. 248–256.

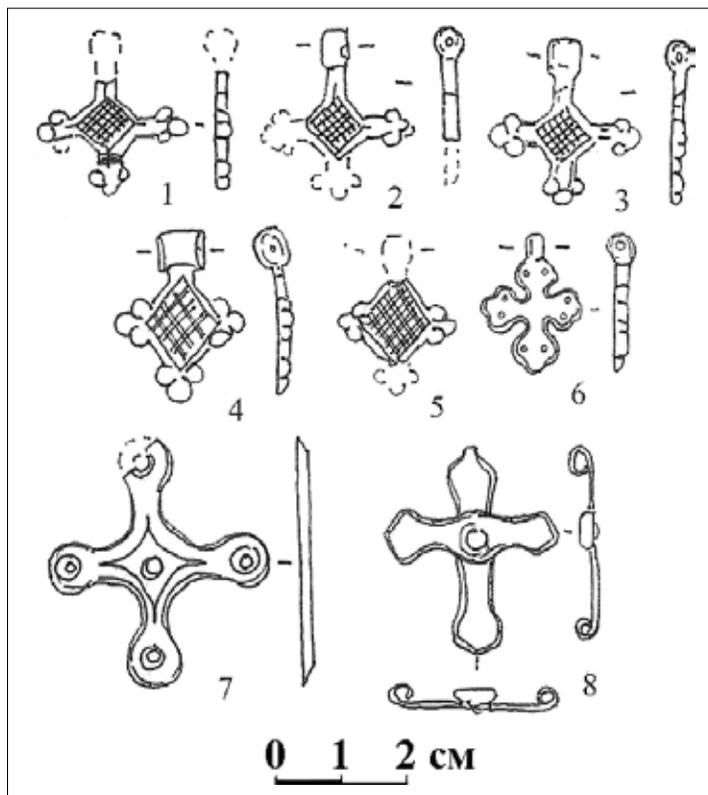
ІЛЮСТРАЦІЇ

К статье В. С. Аксёнова

«Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины»

Илл. 1. Катакомба № 94 Верхне-Салтовского IV могильника.
1 – план погребальной камеры; 2–8 – инвентарь захоронения

Илл. 2. Символы христианской веры из салтово-маяцких захоронений Подонцовья.

1, 2 – катакомба № 15 ВСМ-I;

3 – катакомба № 30 ВСМ-IV;

4 – катакомба № 85 ВСМ-IV;

5 – катакомба № 94 ВСМ-IV;

6 – катакомба № 99 ВСМ-IV;

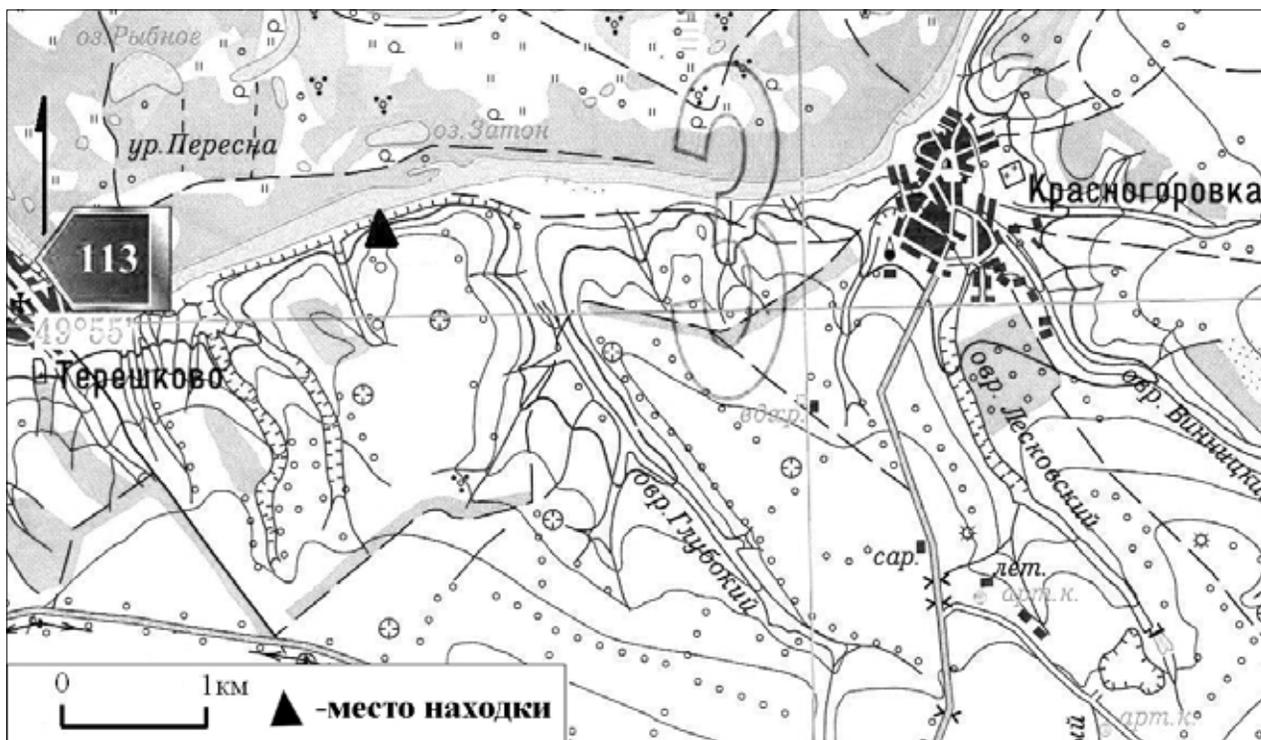
7 – погребение № 144

могильник Червоня Гусаровка;

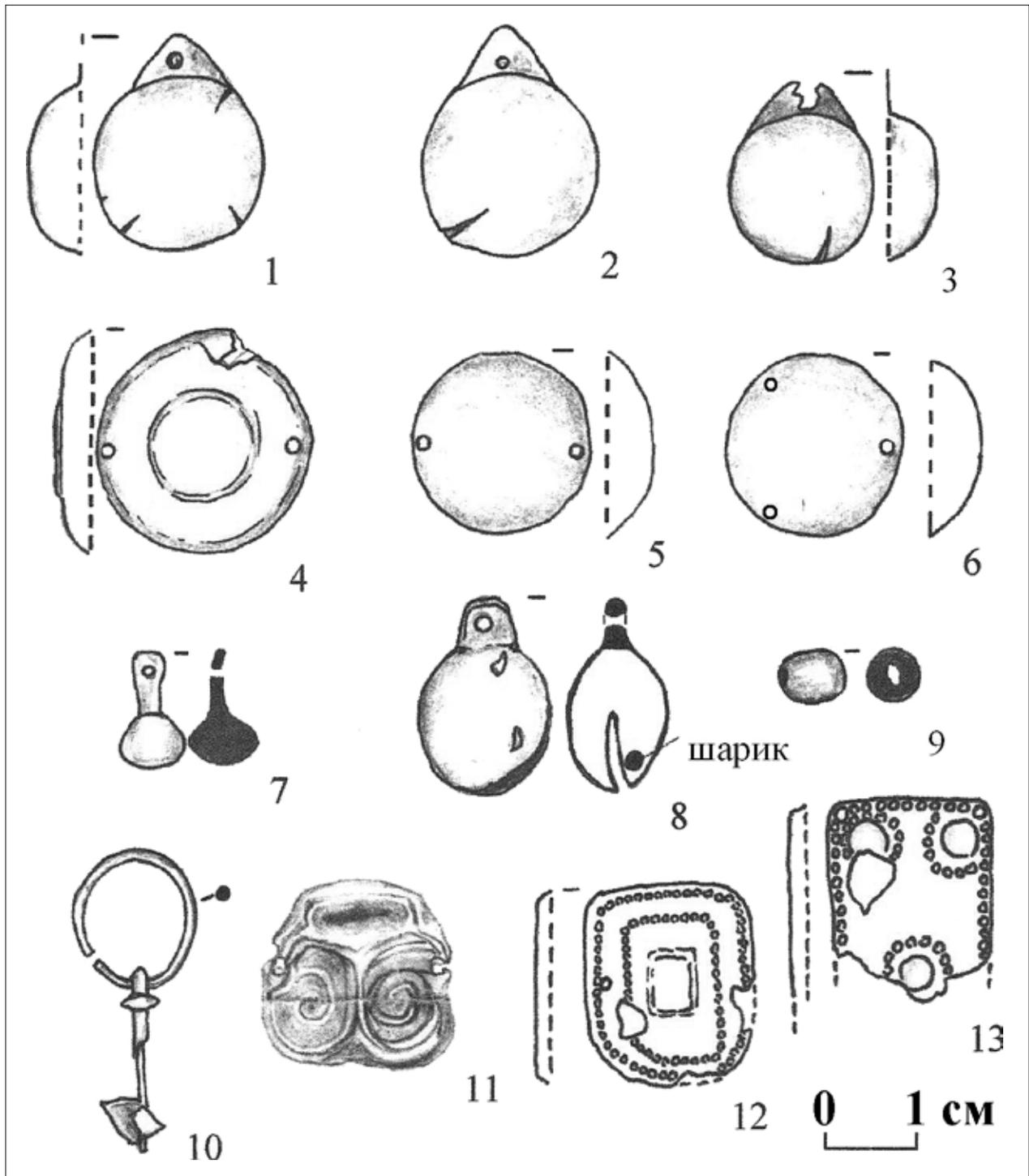
8 – погребение № 159

могильник Червоня Гусаровка.

К статье В. С. Аксёнова и В. Д. Березуцкого
 «Разрушенное погребение салтово-маяцкой культуры у с. Терешково»

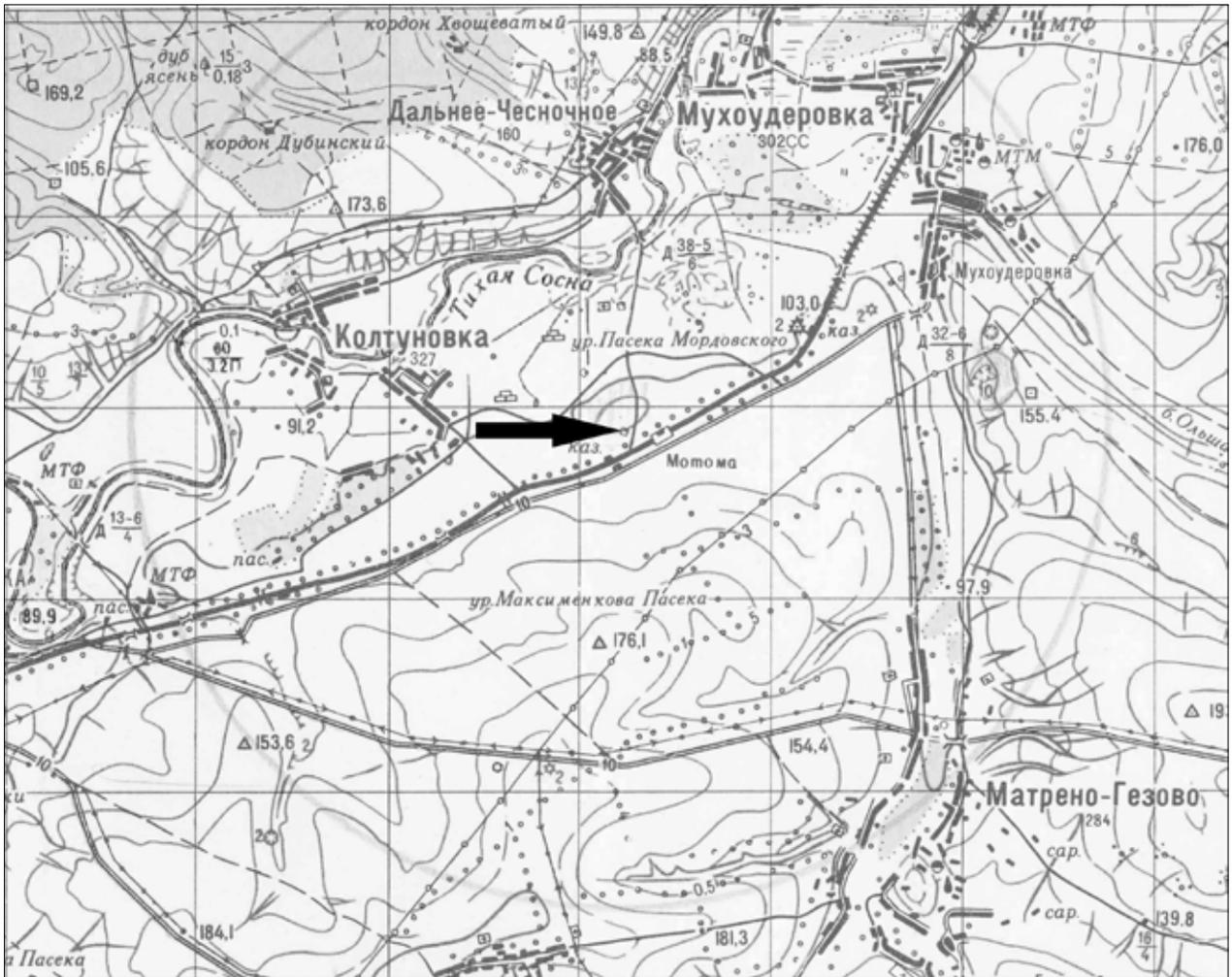

Илл. 1. Месторасположение разрушенного погребения у с. Терешково

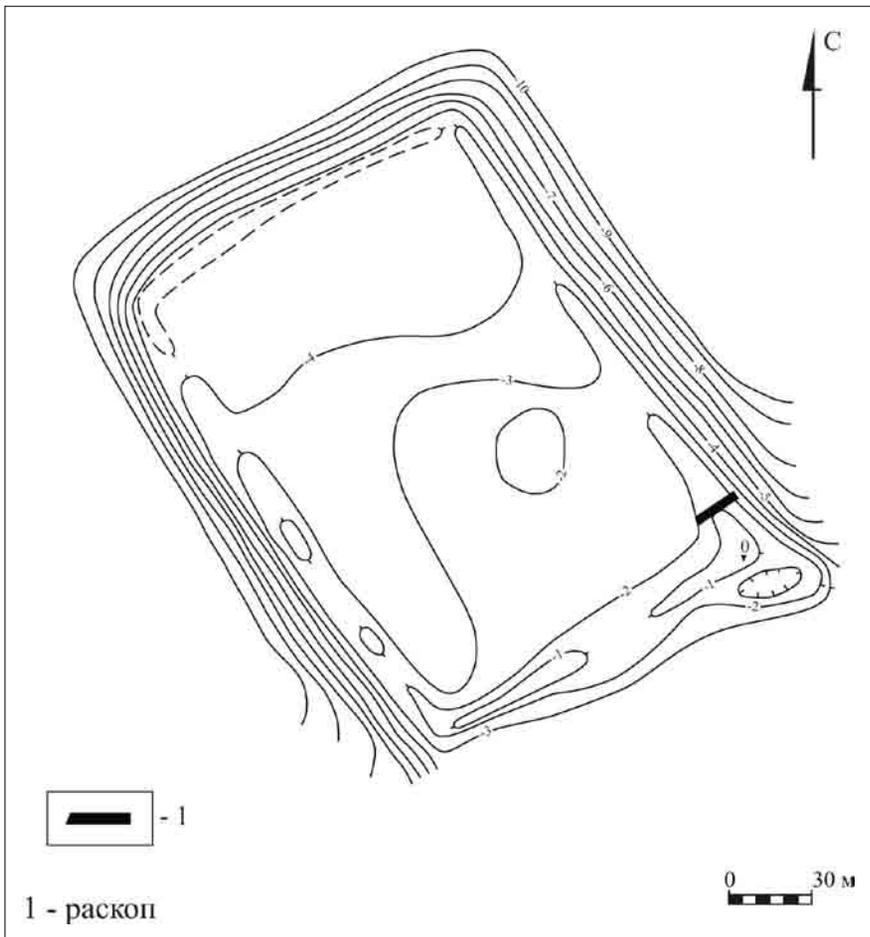

Илл. 2. Вещи из разрушенного погребения. 1-3 – половинки штампованных пуговиц-бубенчиков; 4 – бляшка-нашивка на головной венчик; 5, 6 – бляшки-нашивки; 7 – бронзовая литая пуговица; 8 – бронзовый литой бубенчик; 9 – стеклянная бусина; 10 – серьга; 11-13 – штампованные поясные бляшки

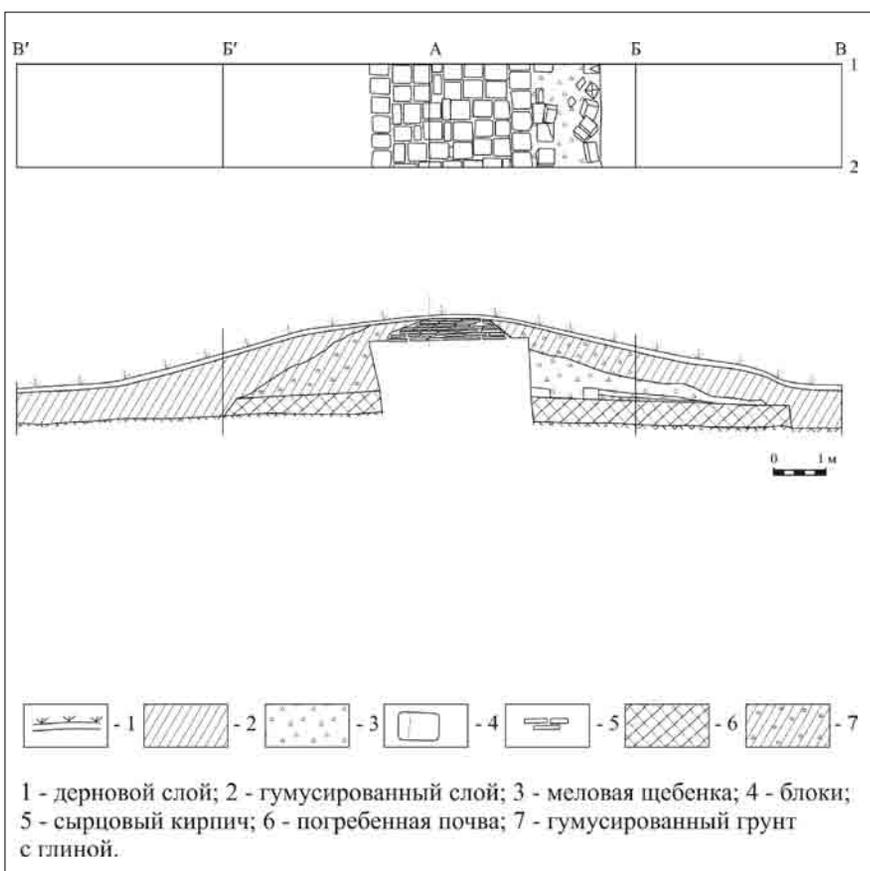
К статье Г. Е. Афанасьева
«Колтуновское (Олександрово) городище хазарского времени
(к проблеме истоков архитектуры и строительных приемов)»

Илл. 1. Место расположения Колтуновского городища

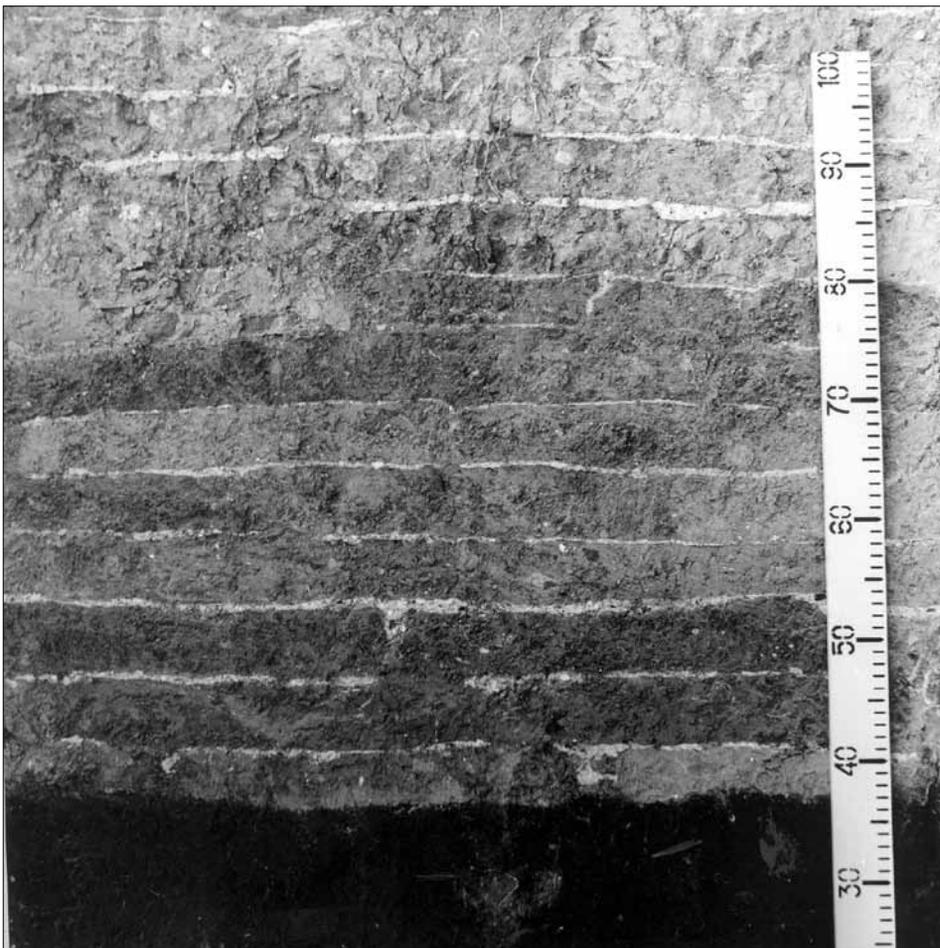
Илл. 2. Схематический план Колтуновского городища

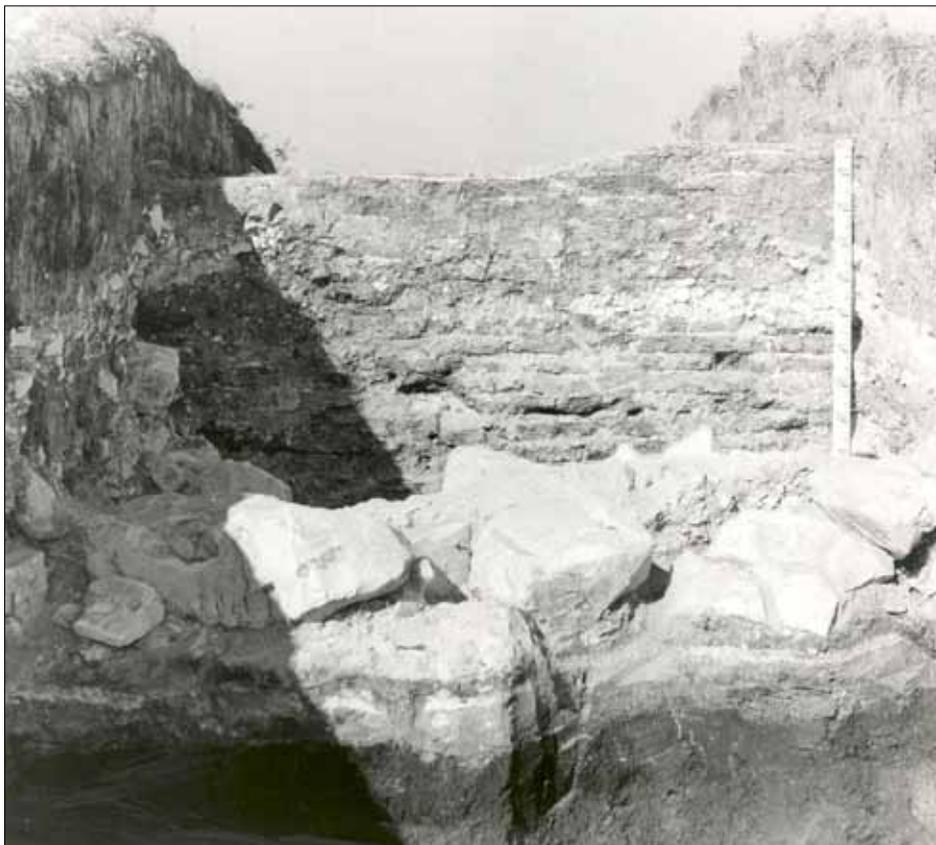
Илл. 3. План и северная бровка раскопа

Илл. 4. Вид сырцовых глиняных и земляных кирпичей крепостной стены после снятия первого штыка

Илл. 5. Вид внутреннего фаса крепостной стены

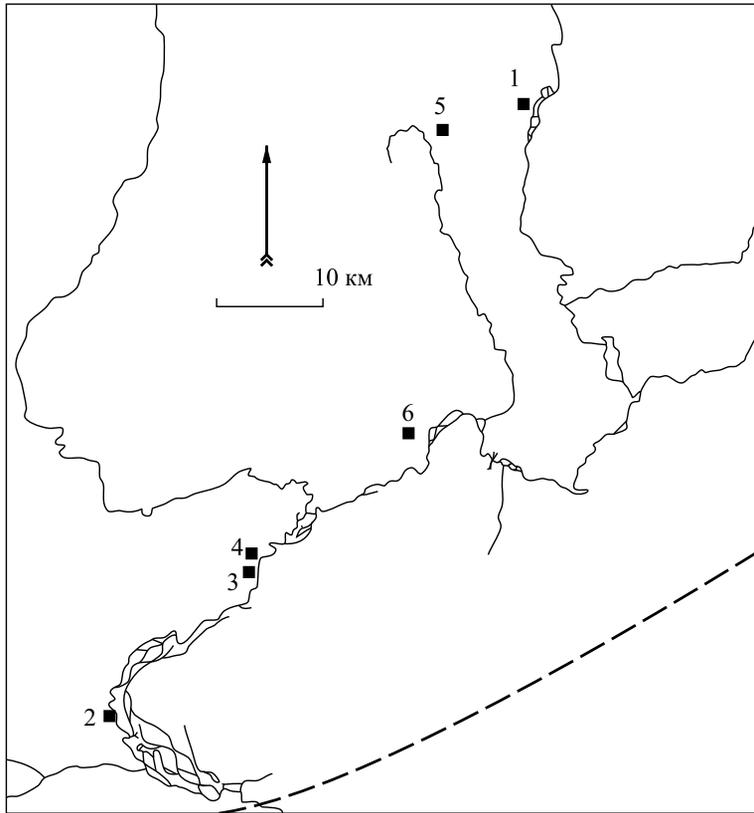

Илл. 6. Вид внешнего
фаса крепостной
стены

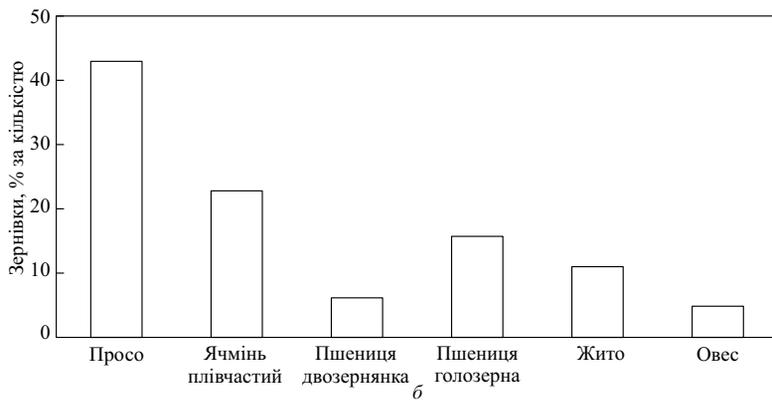
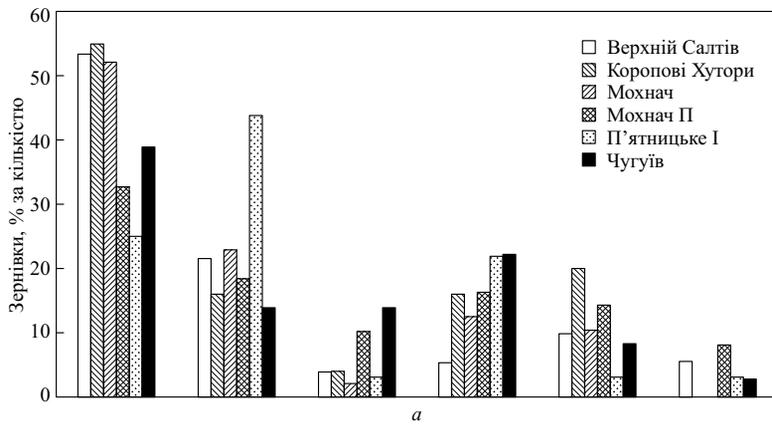

Илл. 7.
Аэрофотоснимок
Колтуновского
городища

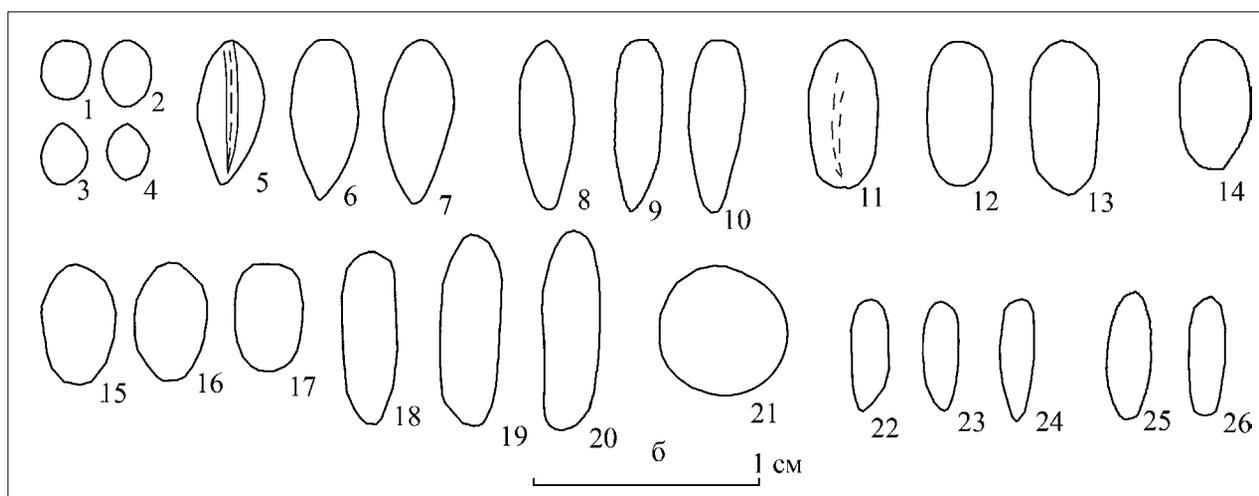
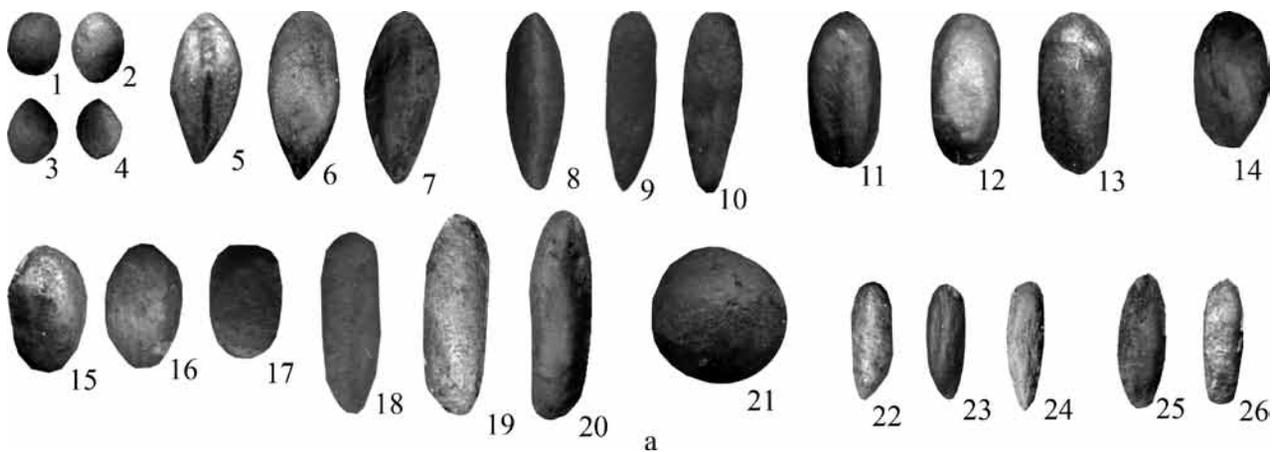
До статті С. А. Горбаненка
«Палеоботанічні дослідження салтівських пам'яток Лісостепу»

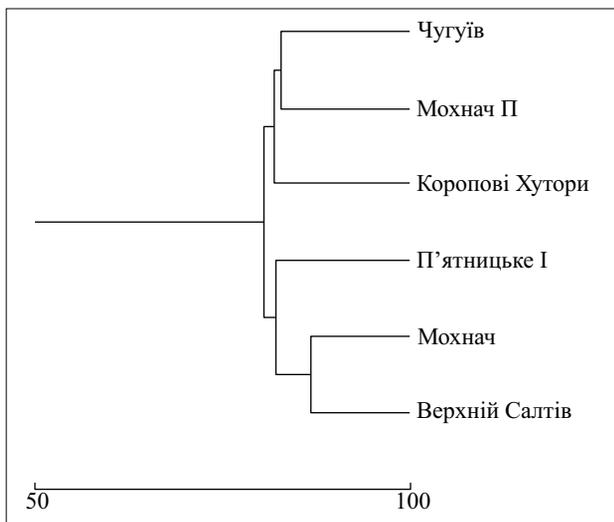
Іл. 1. Карта пам'яток салтівської культури з проаналізованими палеоботанічними матеріалами

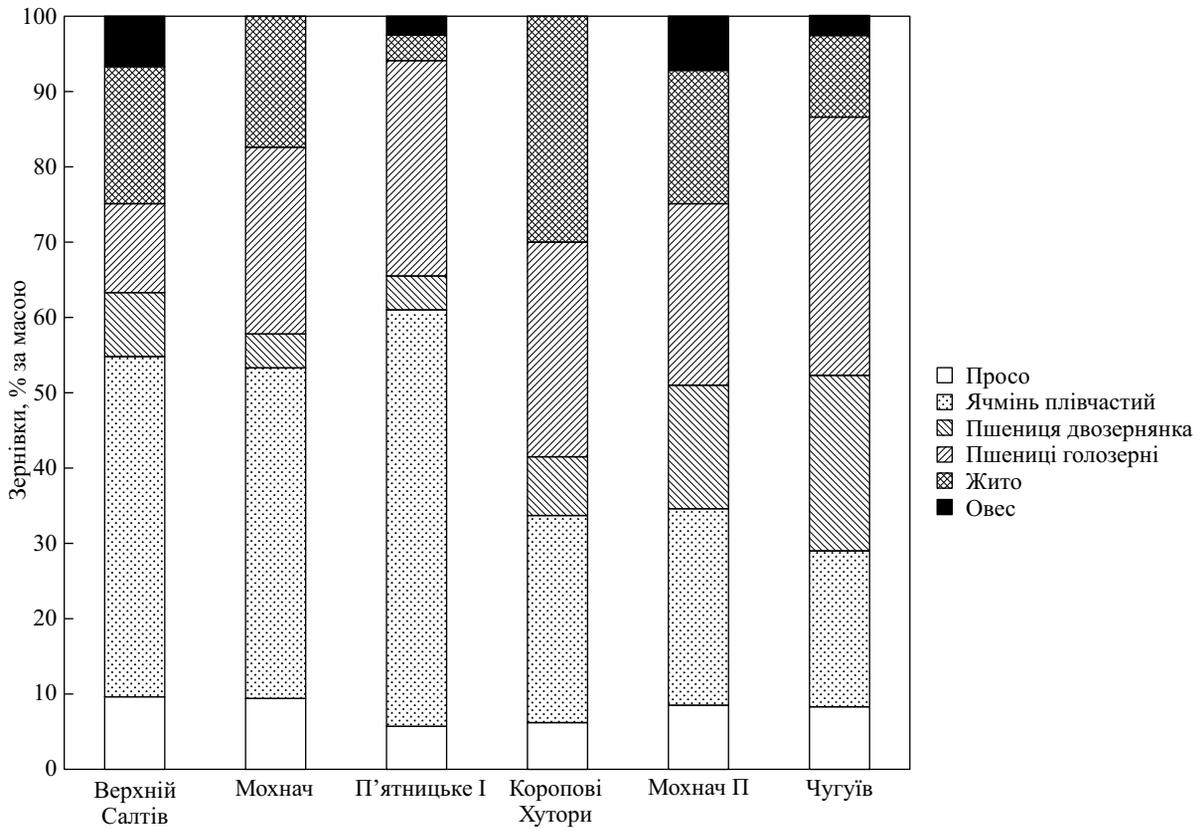
Іл. 2. Палеоетноботанічні спектри зернових культурних рослин з салтівських пам'яток досліджуваного регіону, за кількістю

Іл. 3. Відбитки зернівок культурних та бур'янових рослин з кераміки посе-лення Мохнач II:
 а — пластилінові моделі; б — прорисовки: 1—4 — просо; 5—7 — ячмінь плівчастий;
 8—10 — жито; 11—13 — пшениця двозернянка; 14 — пшениця однозернянка;
 15—17 — пшениці голозерні; 18—20 — овес; 21 — горох посівний; 22—24 — стоколос;
 25, 26 — бур'ян, не визначено

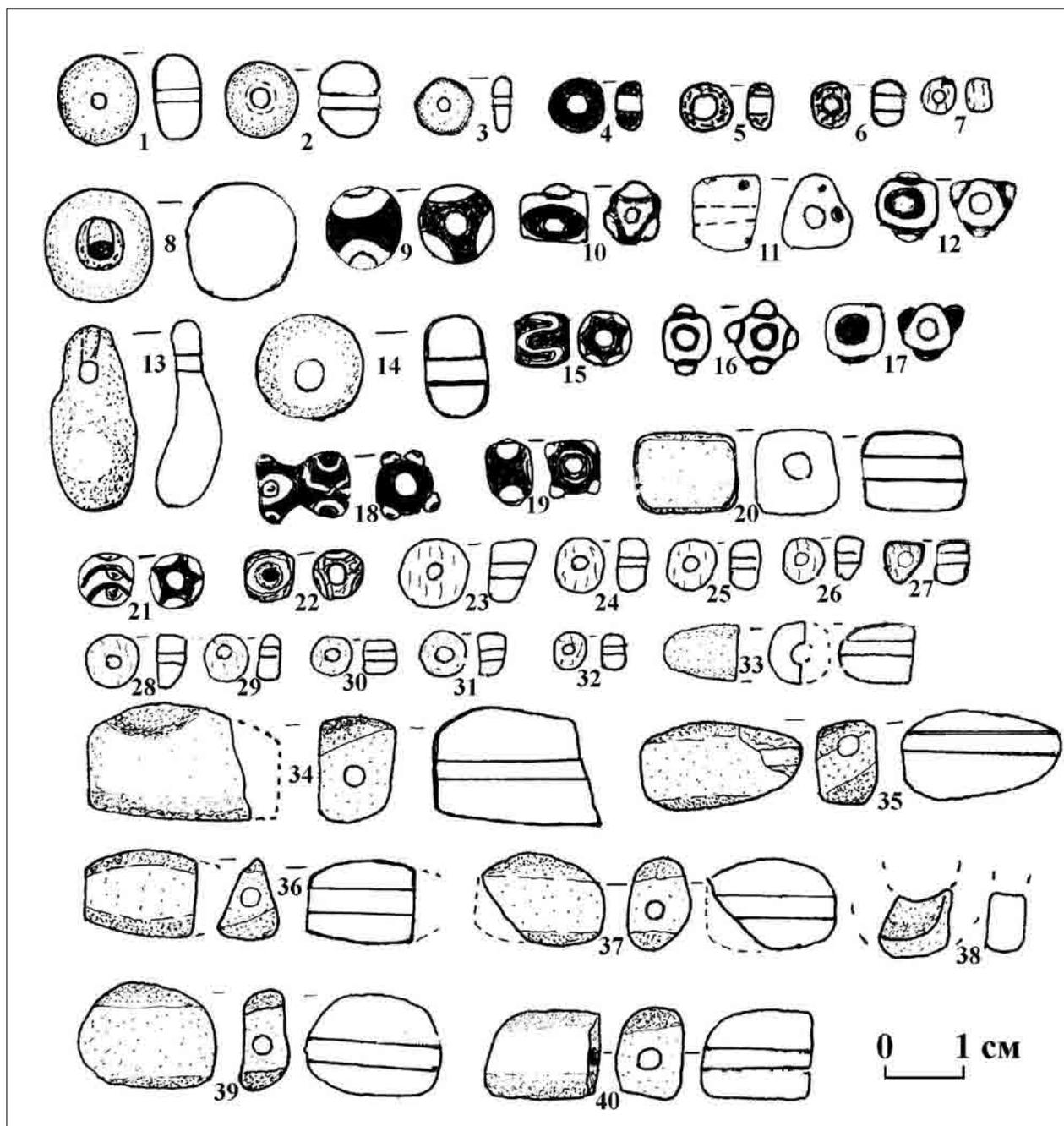

Іл. 4. Кластерне дерево збігу даних.

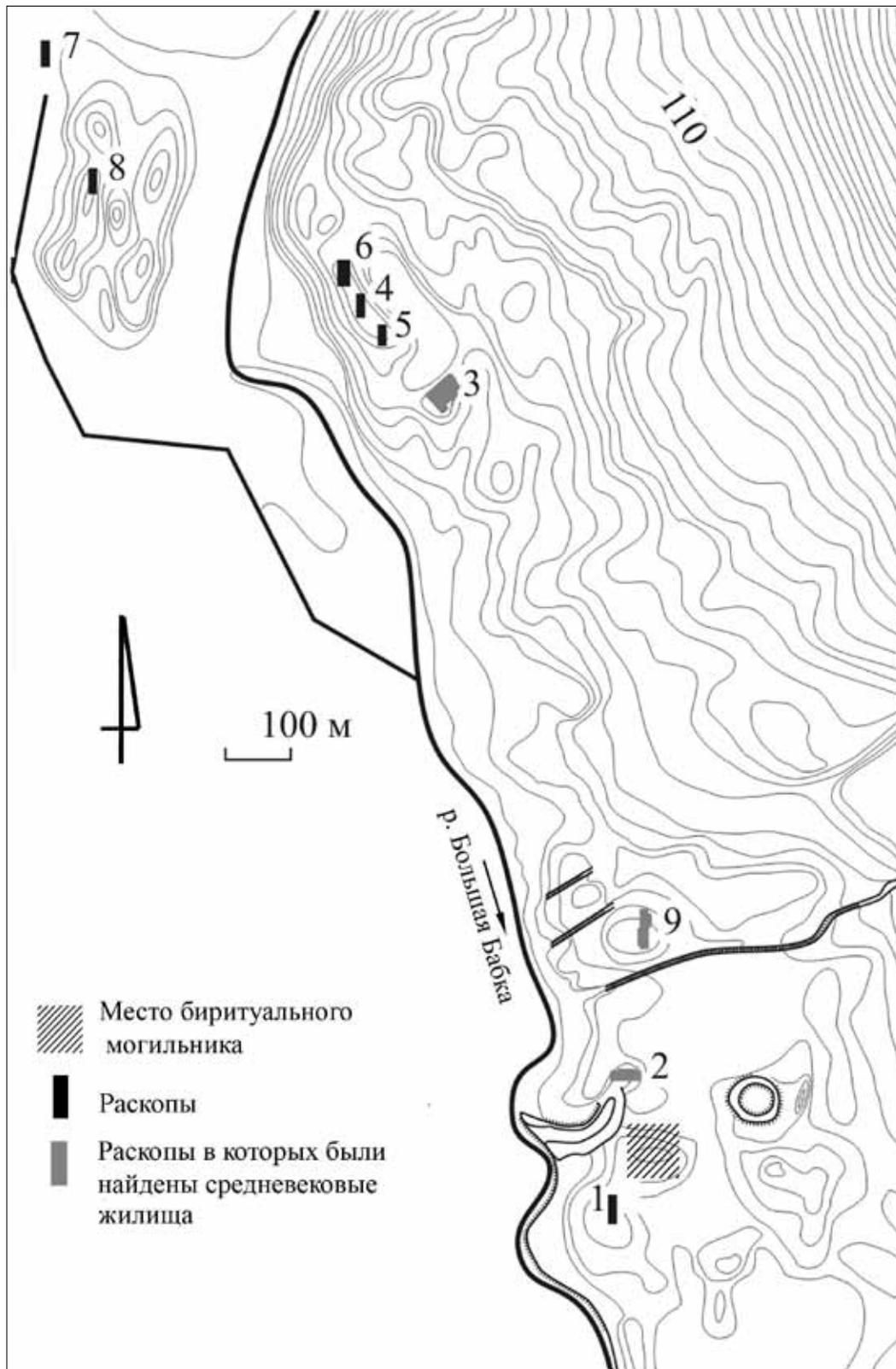
Іл. 5. Палеоетноботанічні спектри зернових культурних рослин з салтівських пам'яток досліджуваного регіону, за масою

До статті В. В. Дідика
 «Намисто ранньосередньовічного Коропівського скарбу»

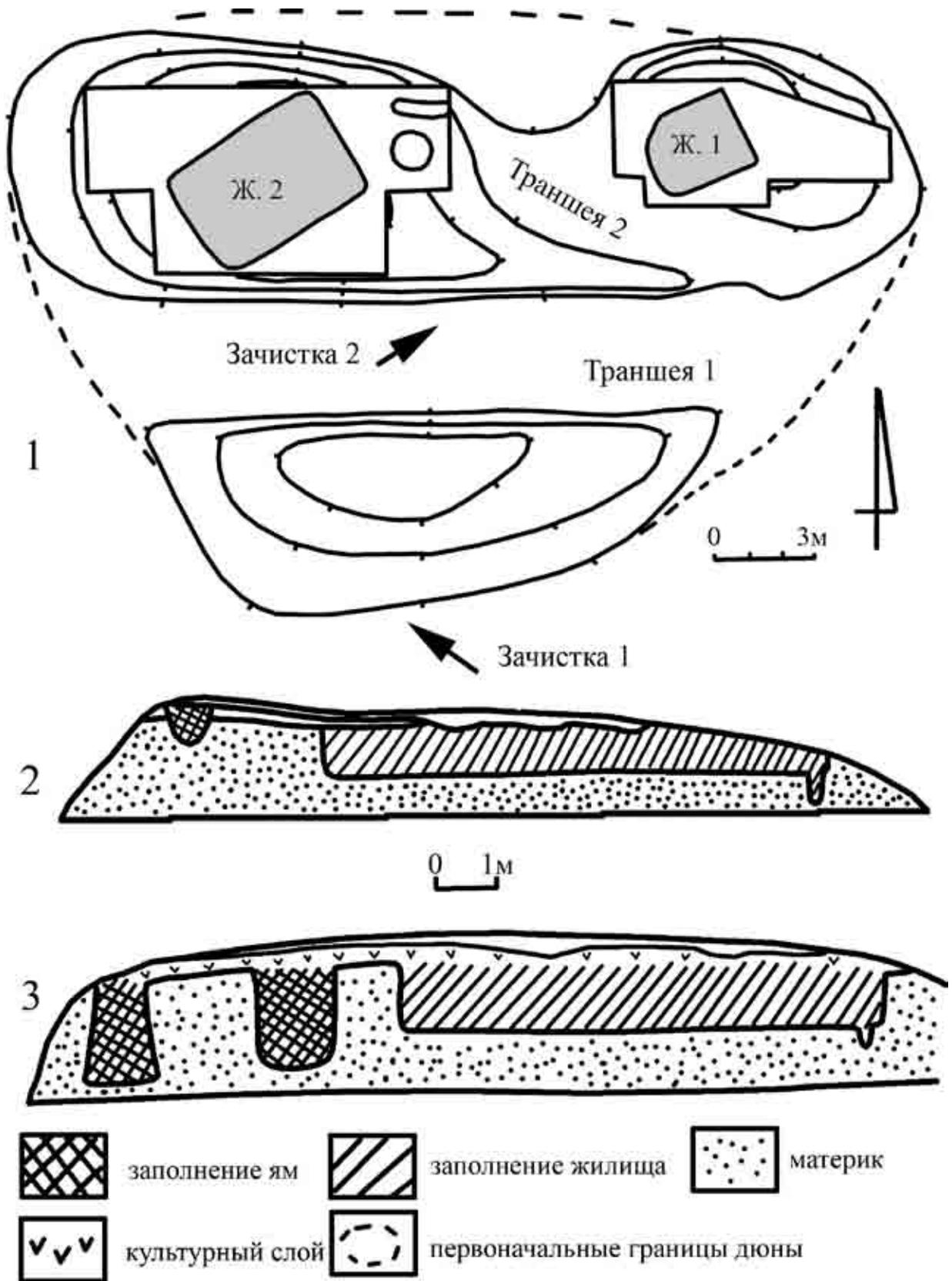

Іл. 1: 1-3 сердолик; 4-22 – скло, 23-32 – роговик; 33-40 – буристин

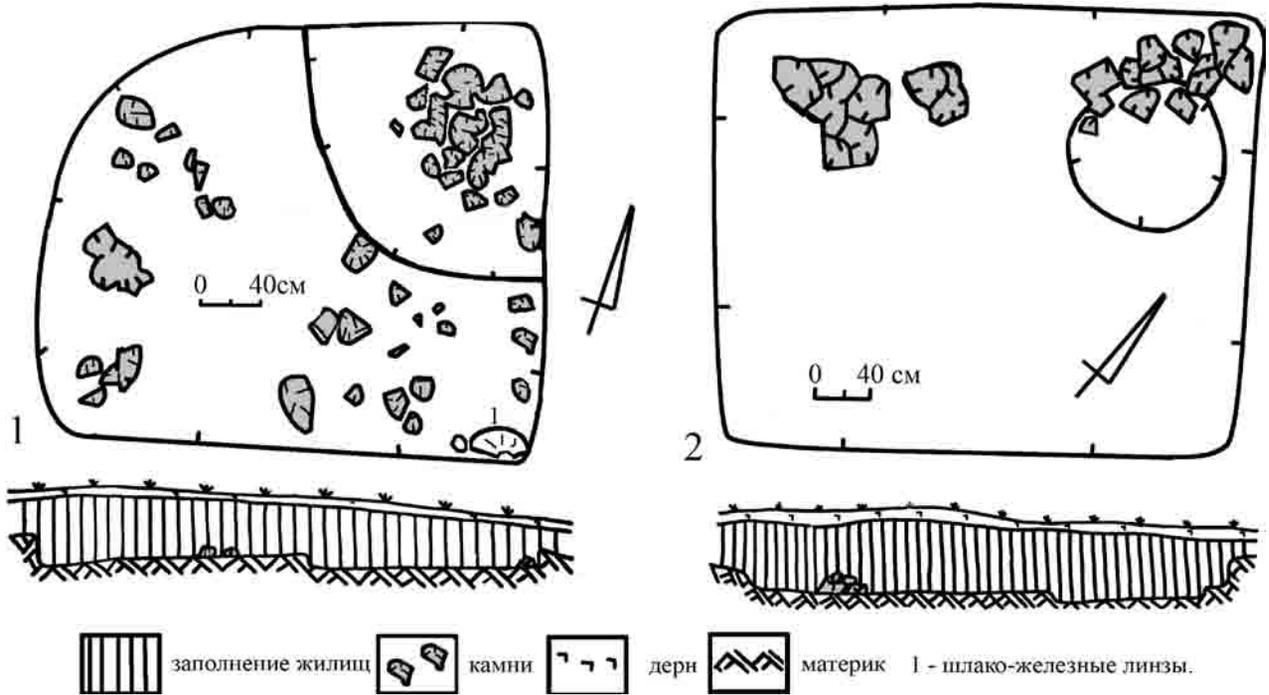
К статье В. И. Квитковского
«Раннесредневековые жилища селища Пятницкое-I»

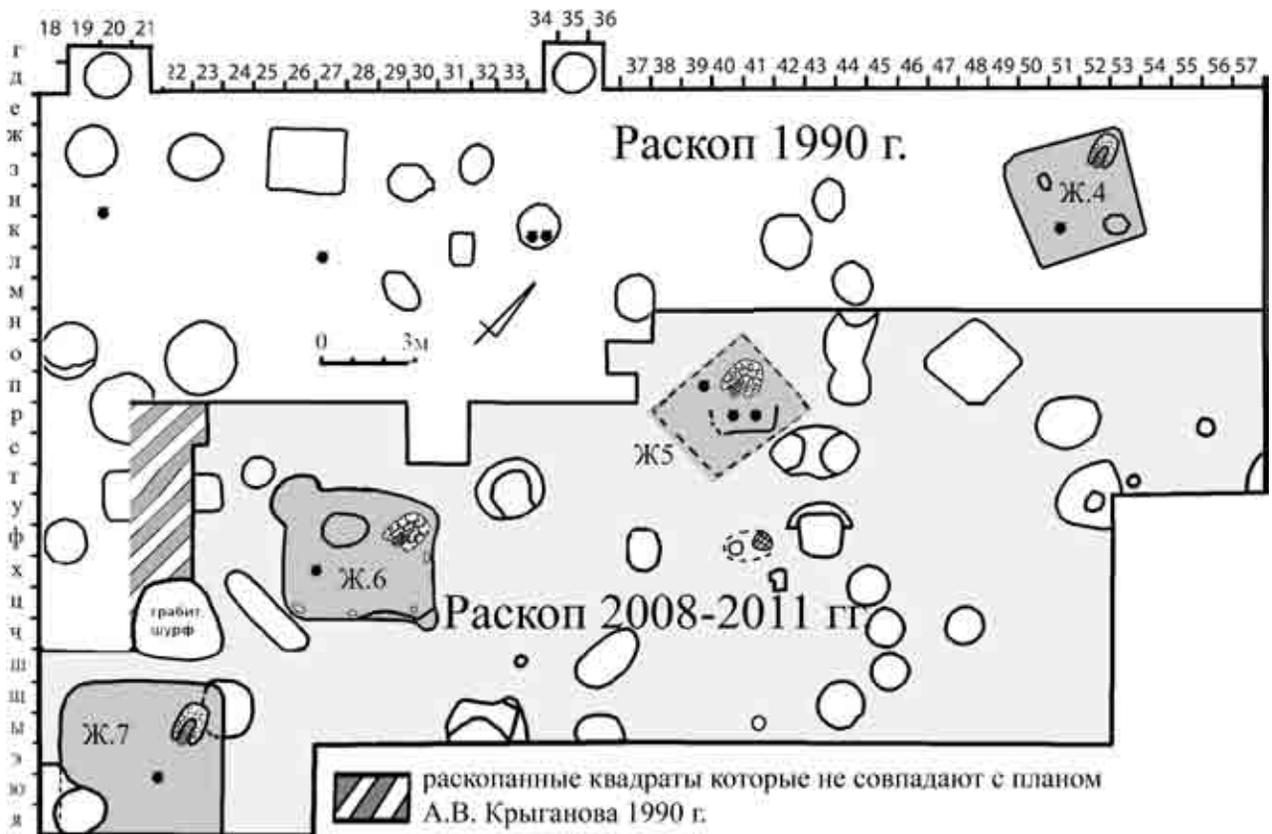
Илл. 1. Топографический план селища Пятницкое-I

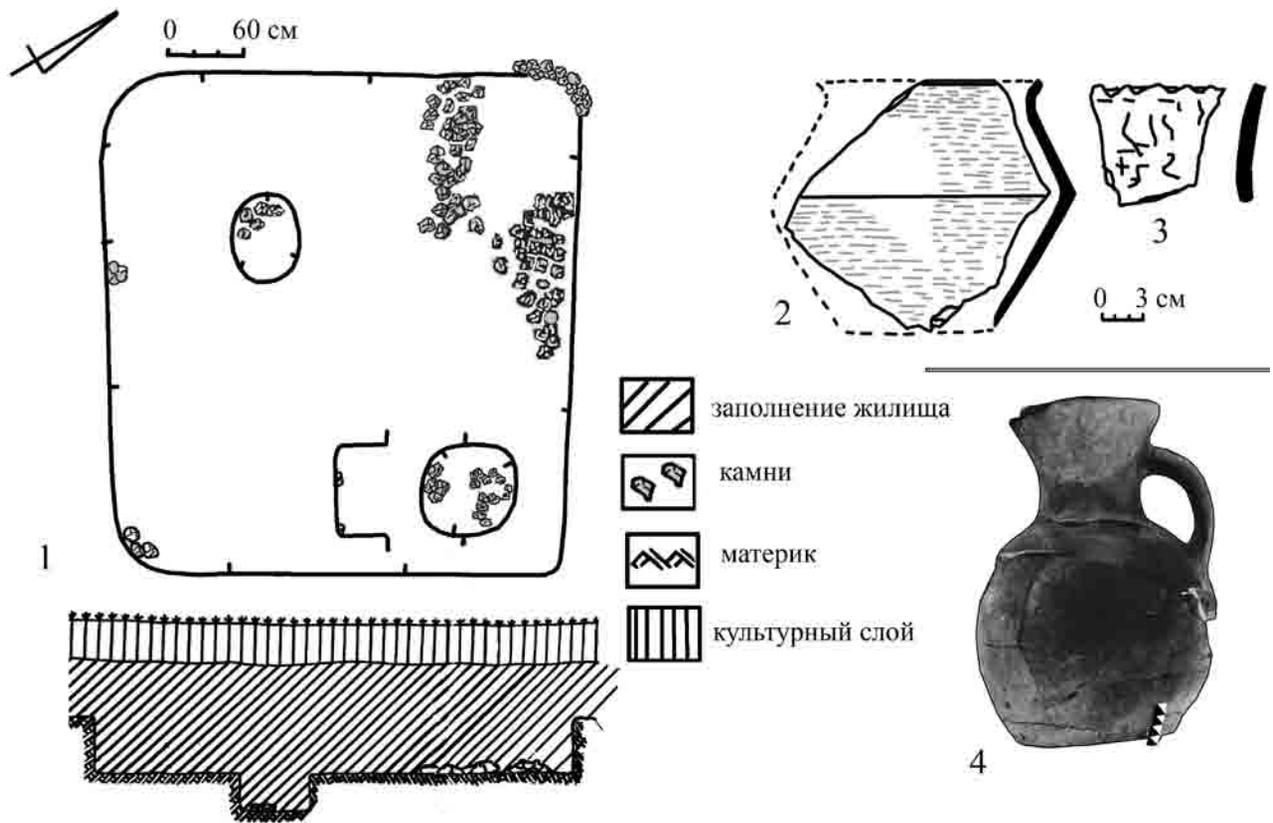
Ілл. 2. План разрушенной дюны с раскопом-2.
 1 – план дюны с зачистками и раскопом-2 (по А. В. Крыганову, 1988); 2 – зачистка-1;
 3 – зачистка-2 (по Б. А. Шрамко 1977)

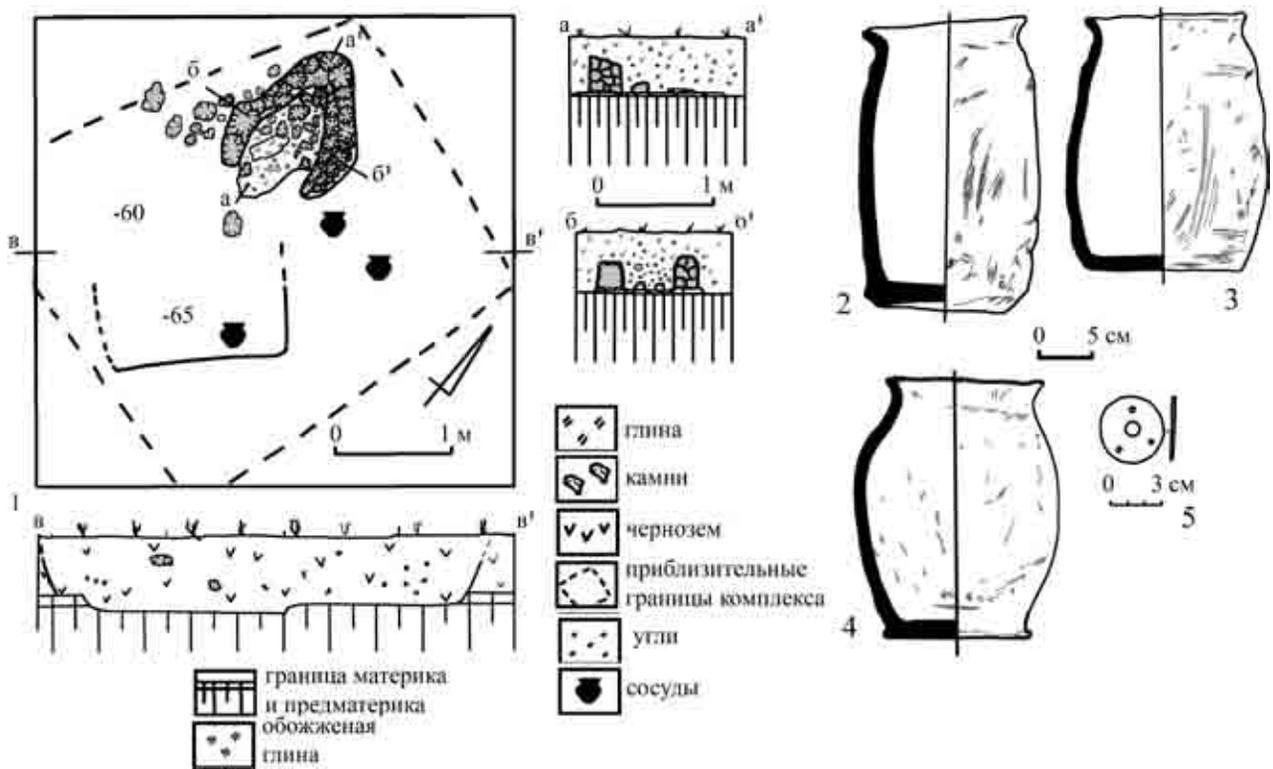
Илл. 3. Жилища 2, 3 (по А. В. Крыганову, 1988).
1 – план и разрез жилища 2; план и разрез жилища 3

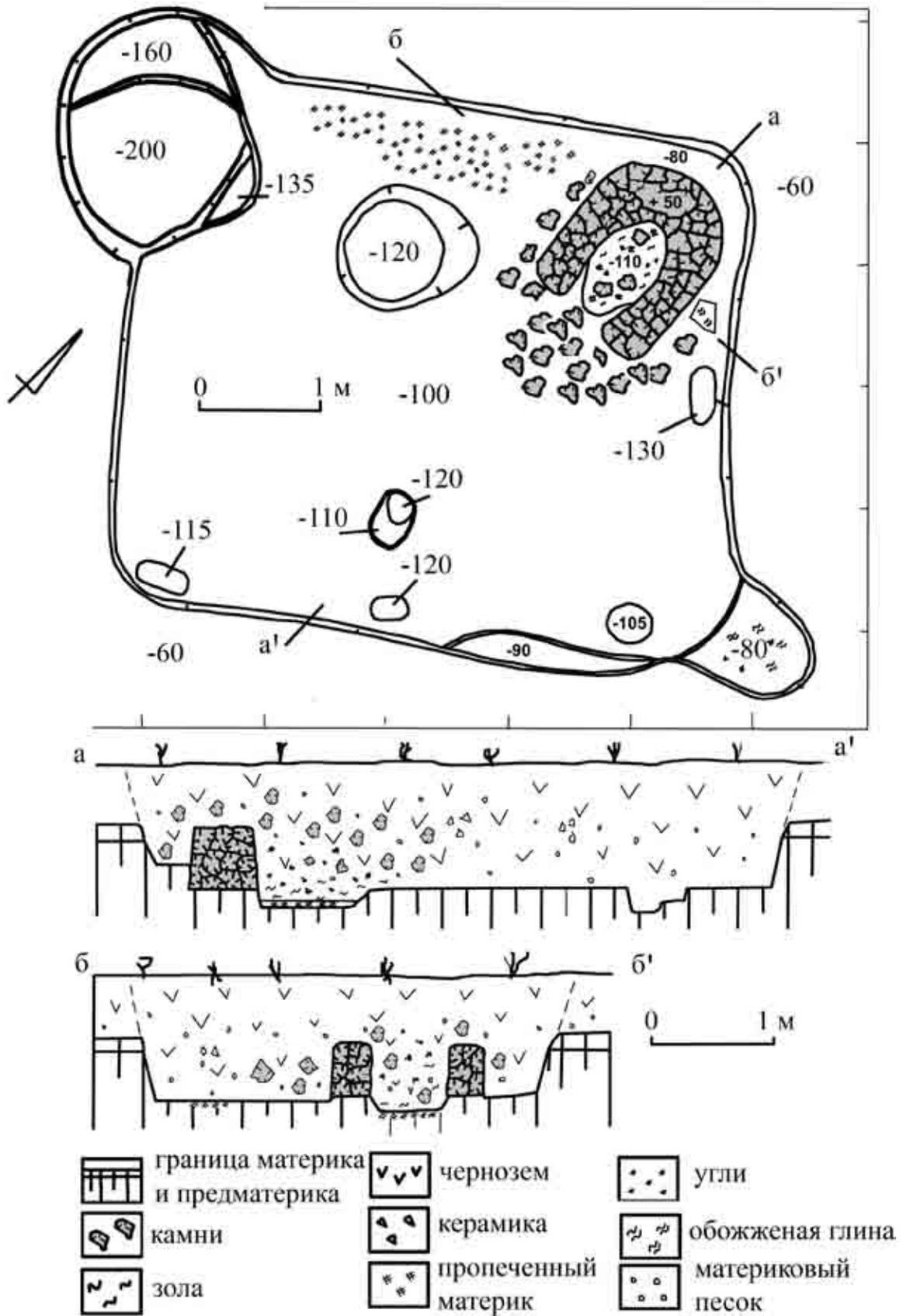
Илл. 4. План раскопа-3

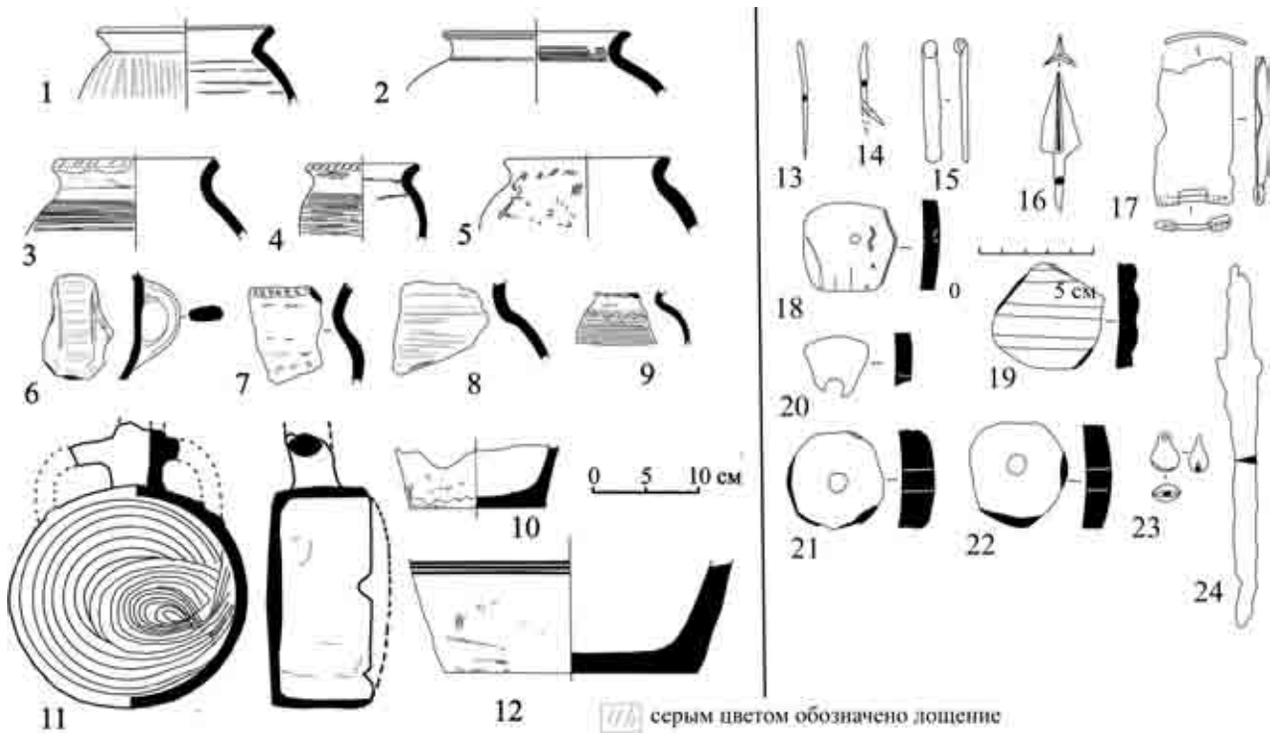
Илл. 5. Жилище 4.
1 – план и разрез жилища 4; 2-4 – находки из заполнения жилищ 2-4

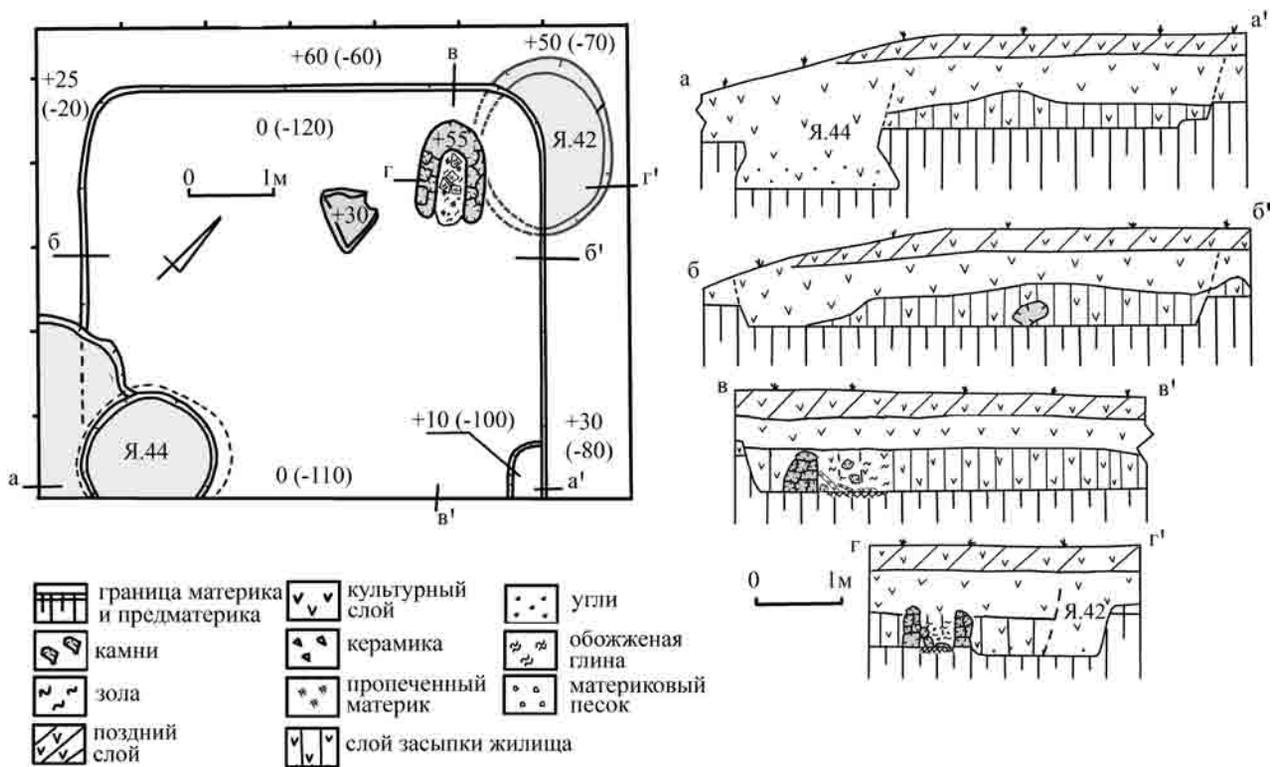
Илл. 6. Жилище 5.
1 – план и разрез жилища 5; 2-5 – находки из заполнения жилища 5

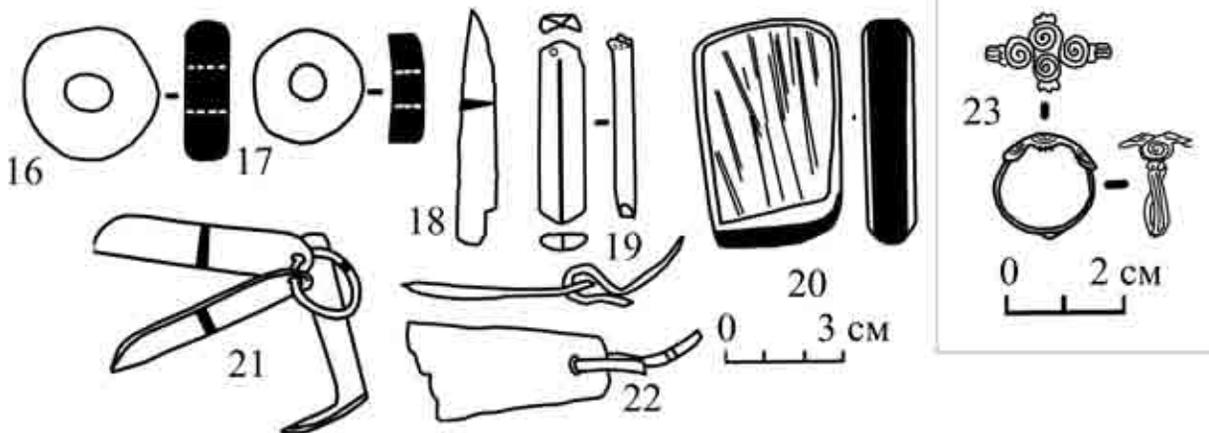
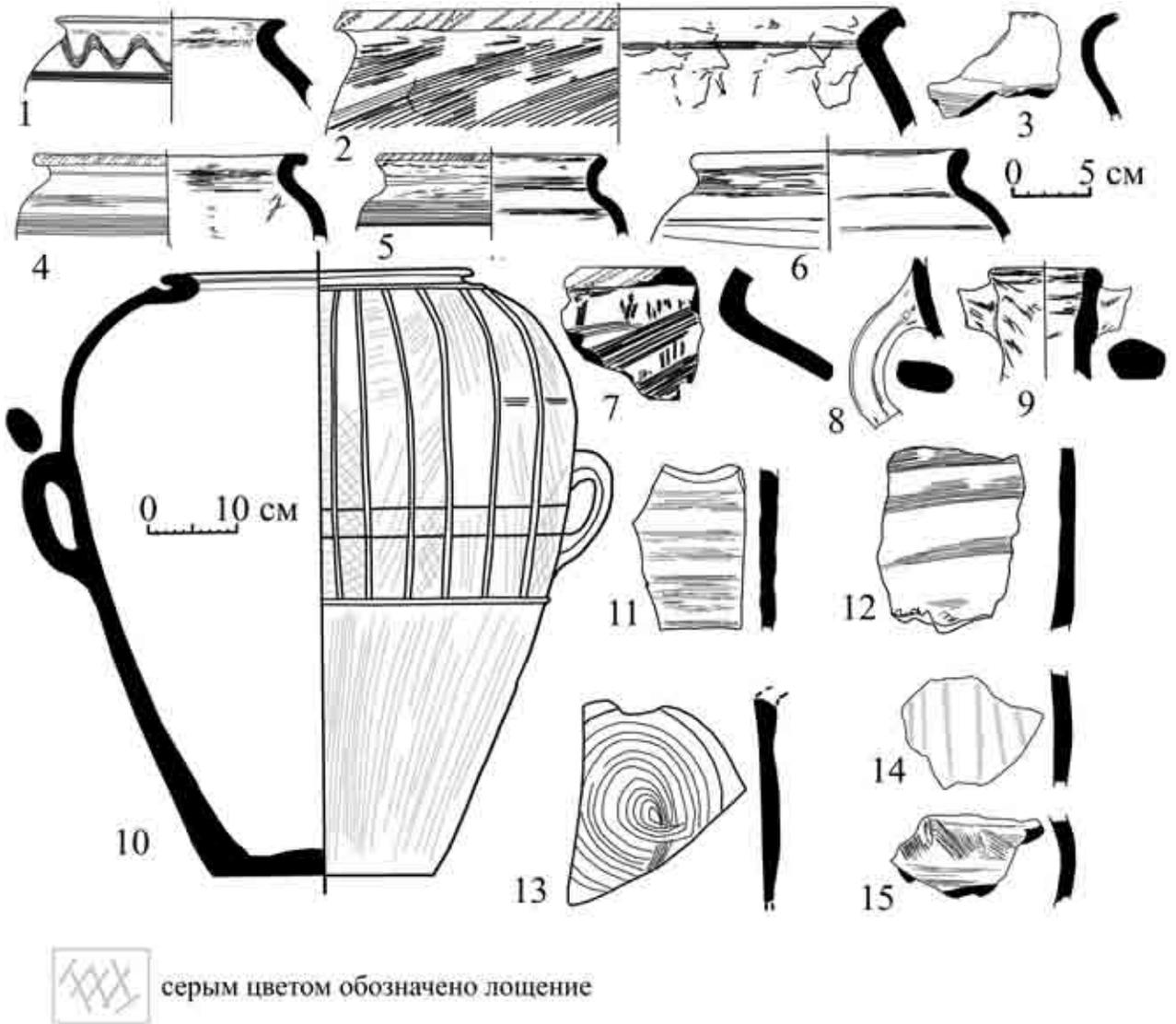
Илл. 7. Жилище 6. 2-4 – глина; 5 – бронза

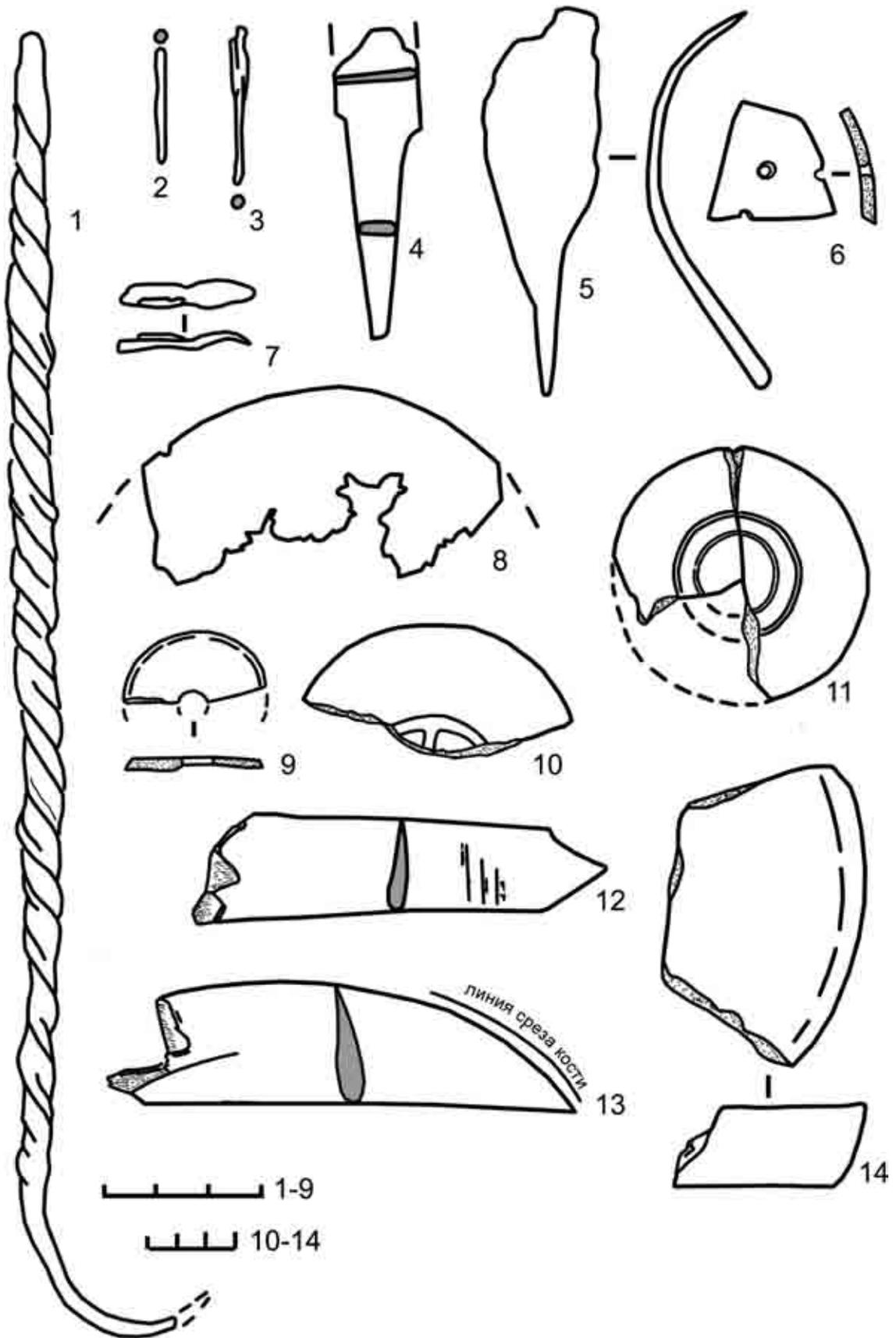
Илл. 8. Находки из заполнения жилища 6.
1-12, 18-22 – глина; 13-17, 24 – железо; 23 – бронза

Илл. 9. Жилище 7

Илл. 10. Находки из заполнения жилища 7.
1-17 – глина; 18, 21-22 – железо; 19 – камень; 19, 23 – бронза

Илл. 12. Находки из заполнения жилища 8 (по В. В. Колоде, 2008).
1-5, 7 – железо; 6, 9-11 – глина; 8 – бронза; 12-13 – кость; 14 – камень

К статье В. В. Колоды
«Два салтовских комплекса из Государева Яра»

1

□ - место обнаружения комплексов

0 1 верста

□ Городокъ, городище

⌒ Пещера, подземный ходъ

⌒ Курганъ неизслѣдованный

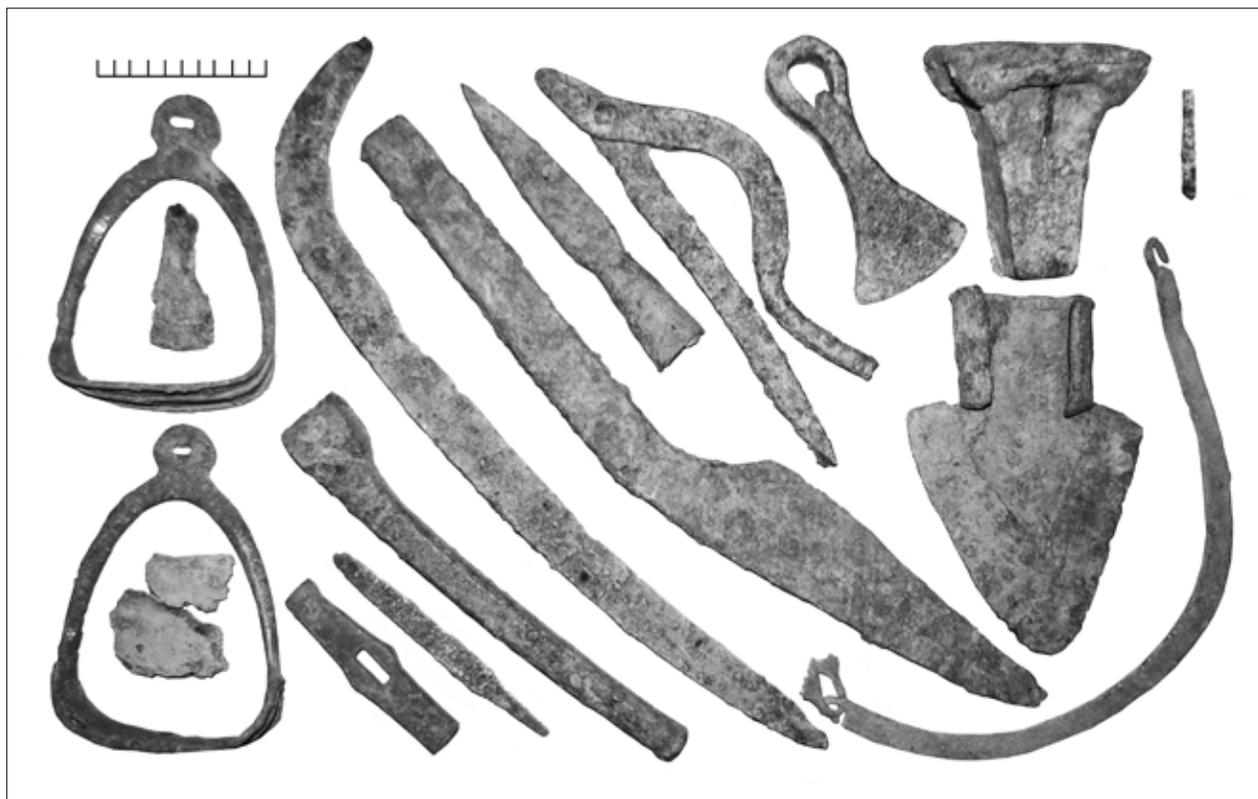
2

Илл. 1. Местоположение комплексов на картах XX в.:
1. современная туристическая карта
2. фрагмент археологической карты Харьковской губернии (Багалей, 1905)

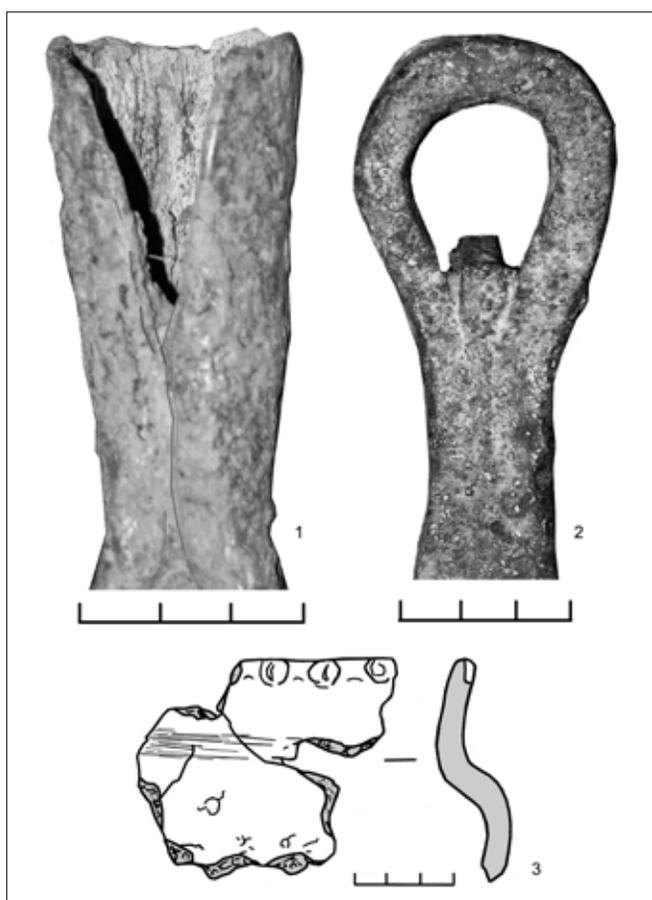

 - место обнаружения комплексов

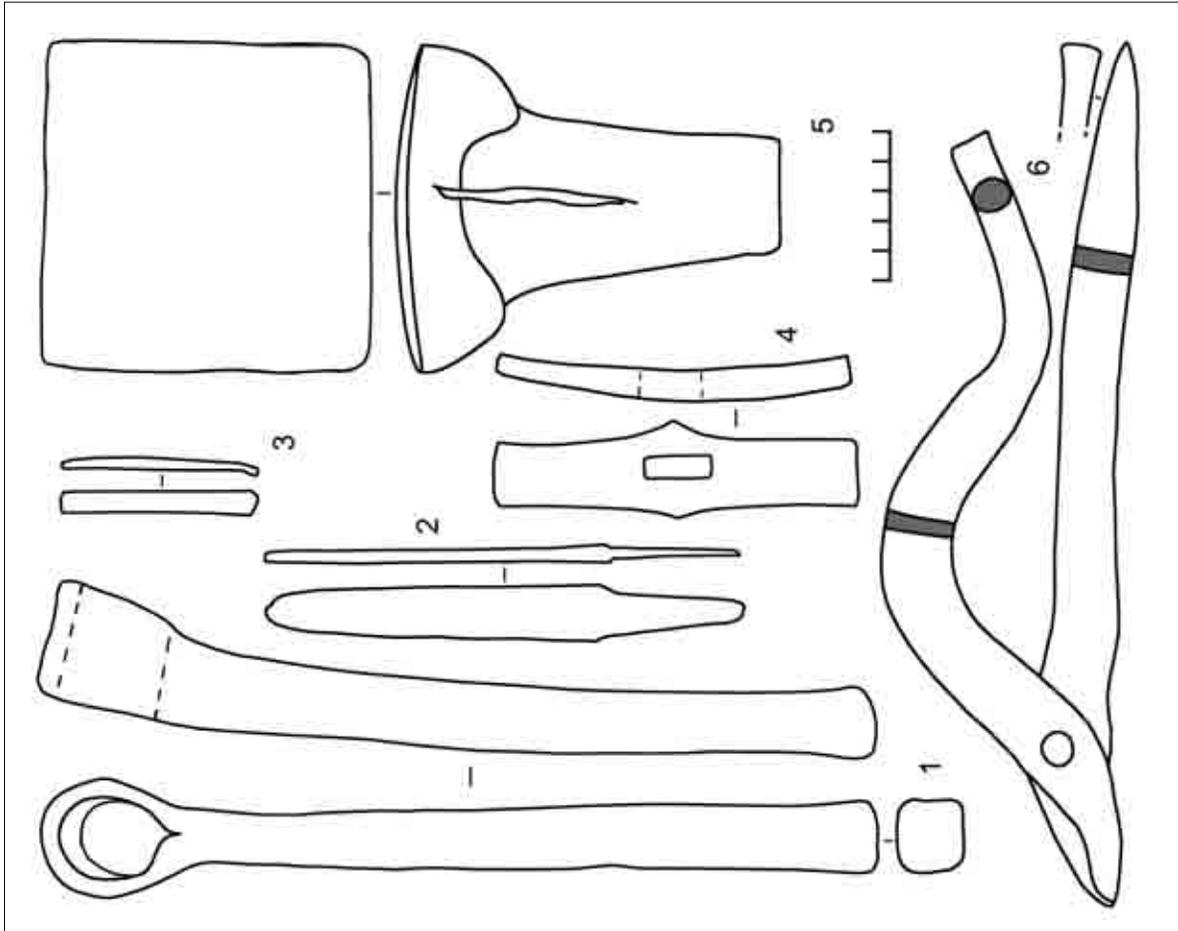
Илл. 2. Фрагмент карты-трёхверстки (XIX в.)

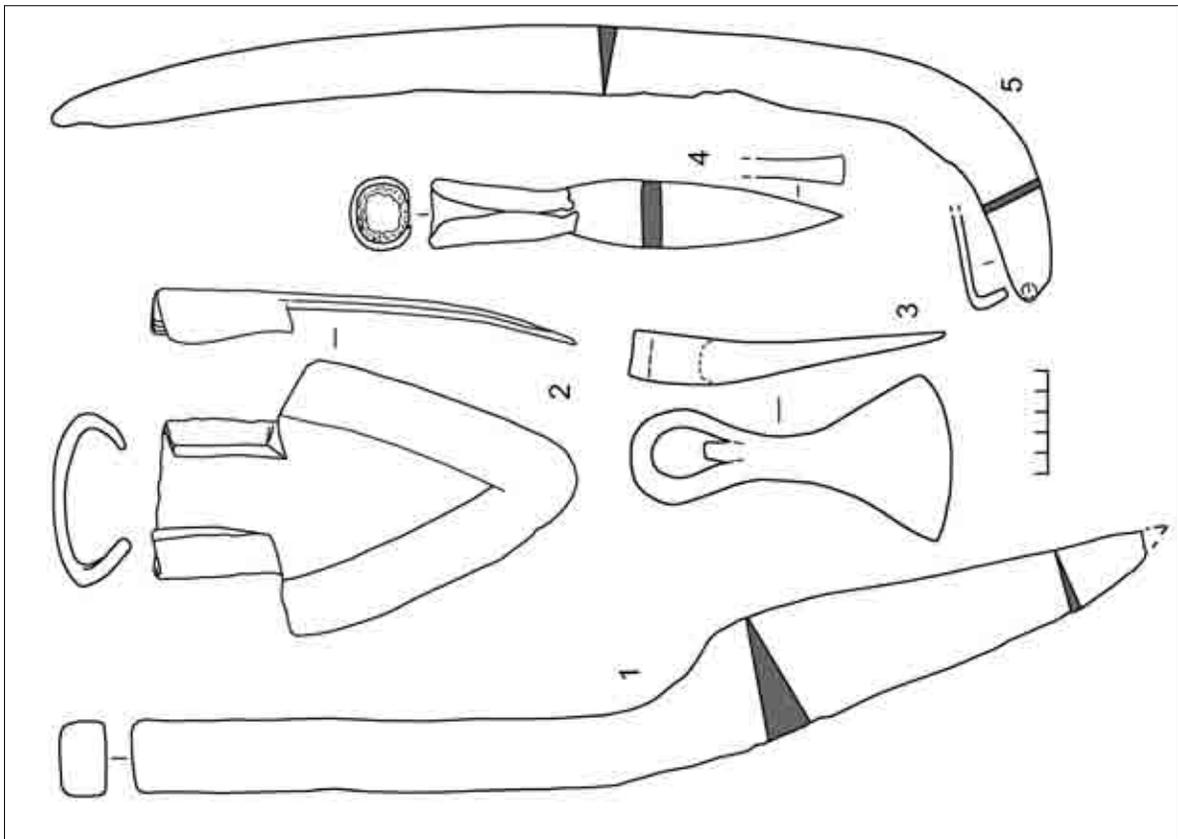
Илл. 3. Комплекс-1 (фото)

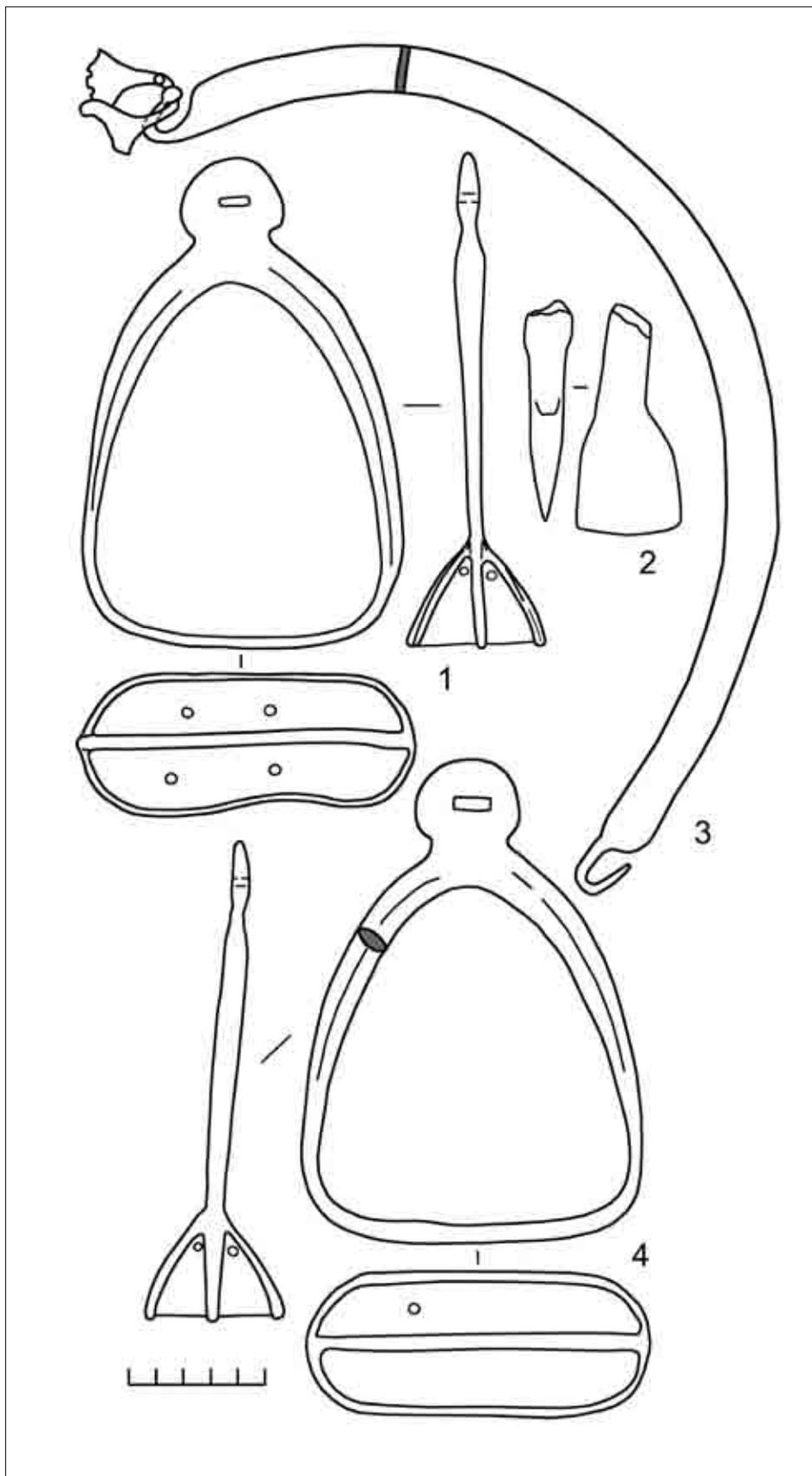
Илл. 4. Комплекс-1, детализация (фото)

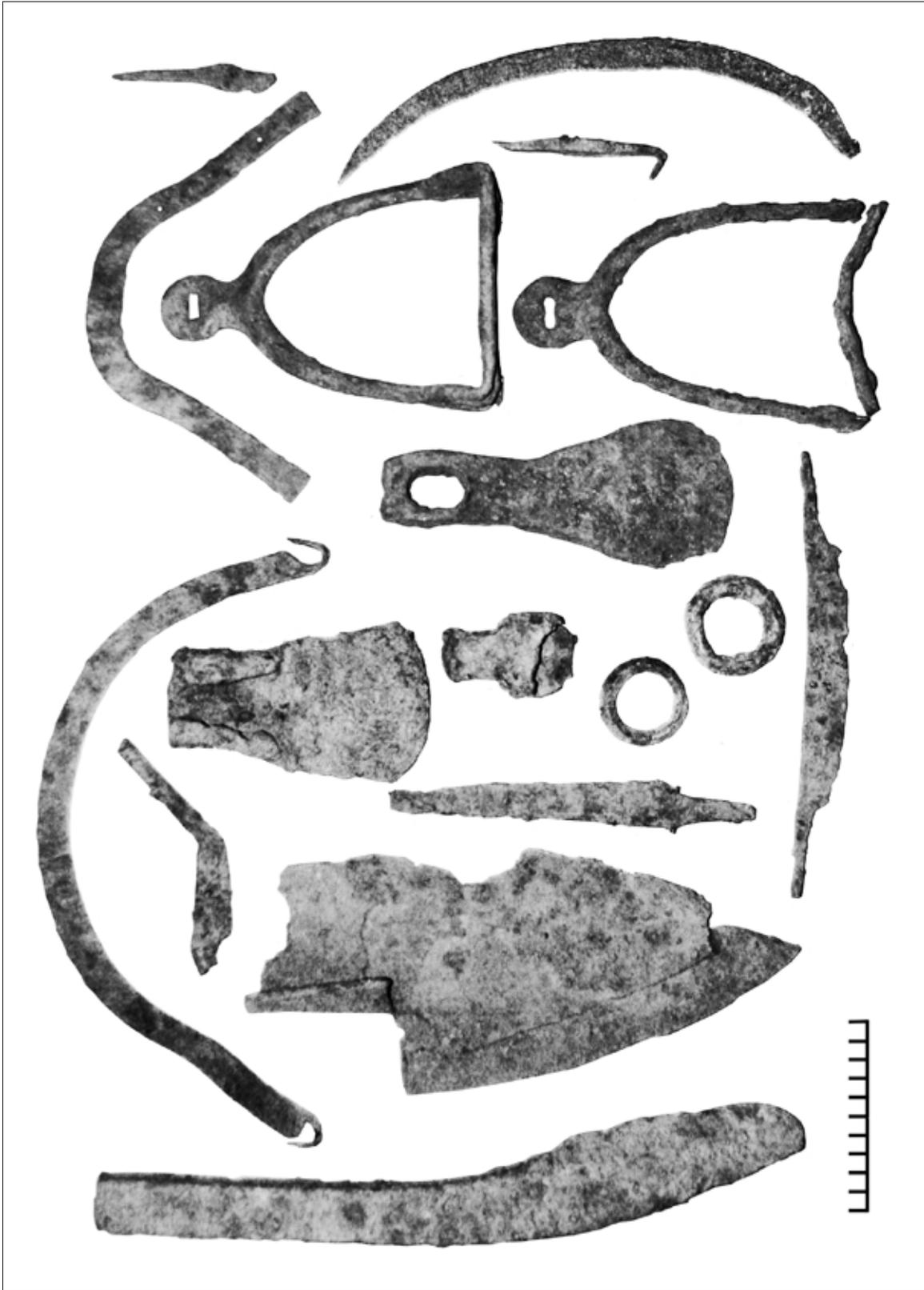
Илл. 6. Кузнечные орудия из комплекса-1

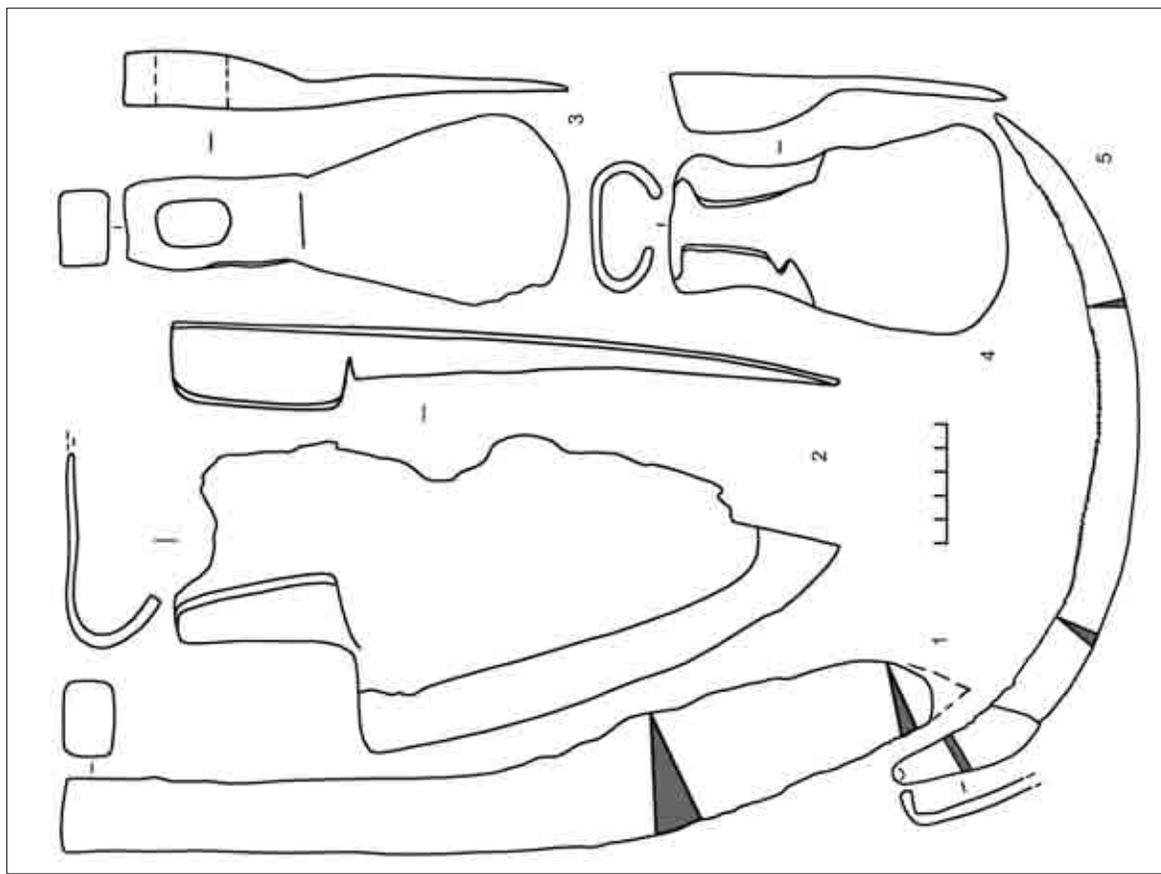
Илл. 5. Сельскохозяйственные орудия из комплекса-1

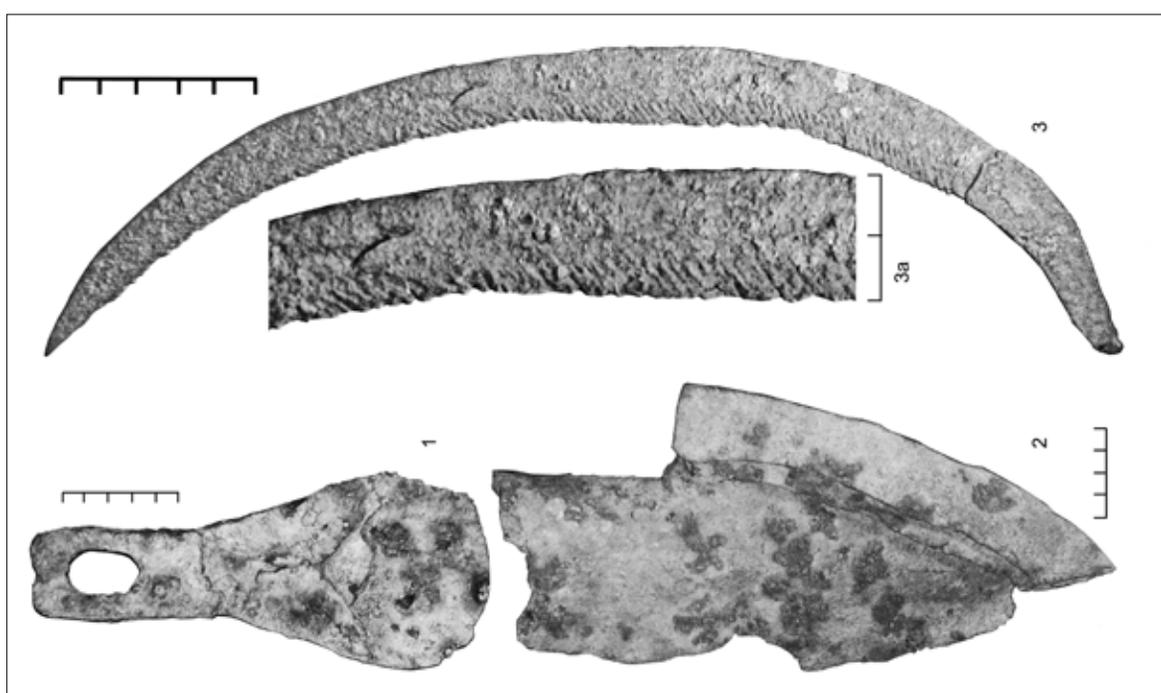
Илл. 7. Предметы воина-кочевника из комплекса-1

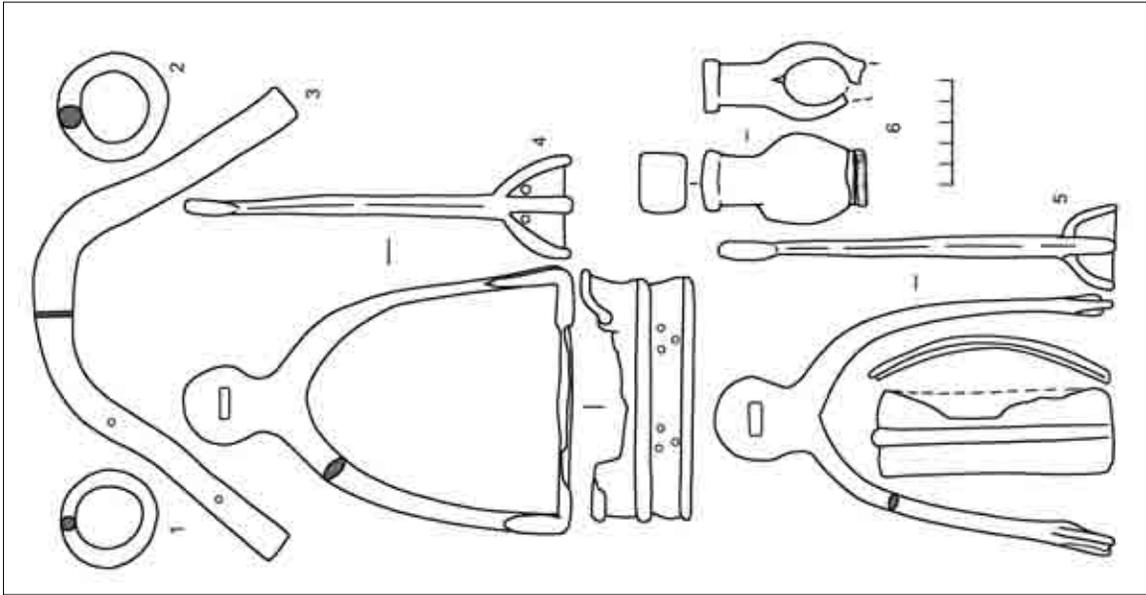
Илл. 8. Комплекс-2 (фото)

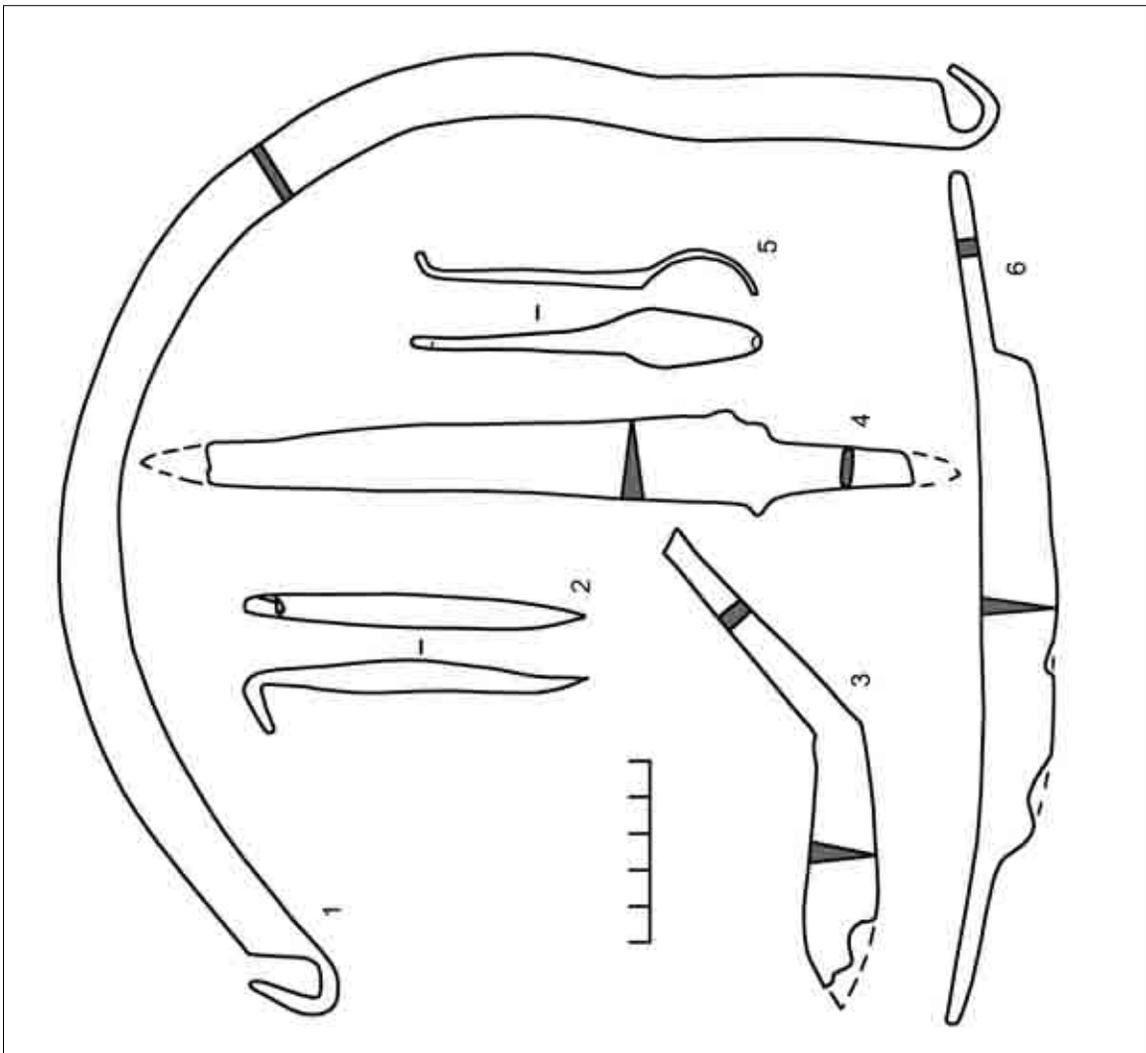
Илл. 10. Сельскохозяйственные орудия из комплекса-2

Илл. 9. Комплекс-2, детализация (фото)

Илл. 12. Предметы воина-всадника из комплекса-2

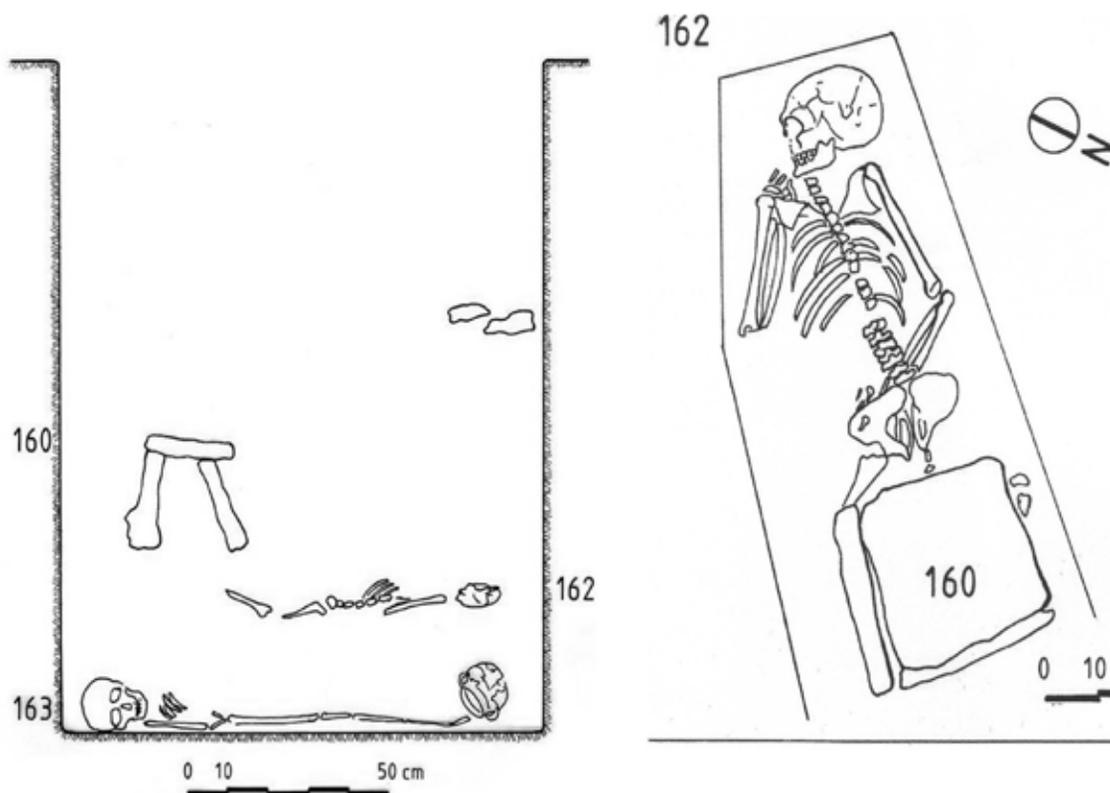

Илл. 11. Орудия труда и предметы быта из комплекса-2

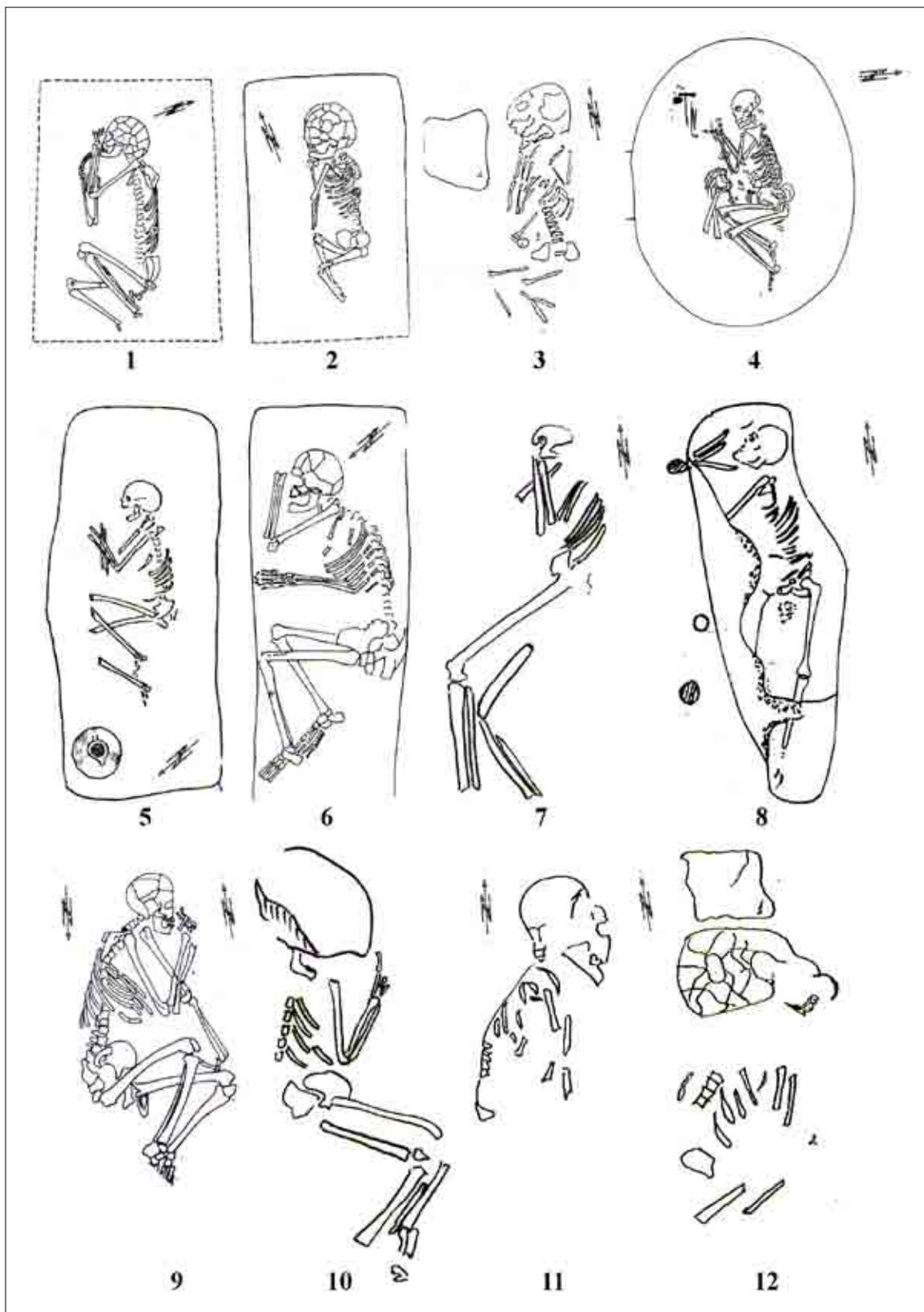
К статье Е. Коматоровой-Балиновой

«Хокери и псевдохокери от биритуалните некрополи в Североизточна България: Възможности за интерпретация»

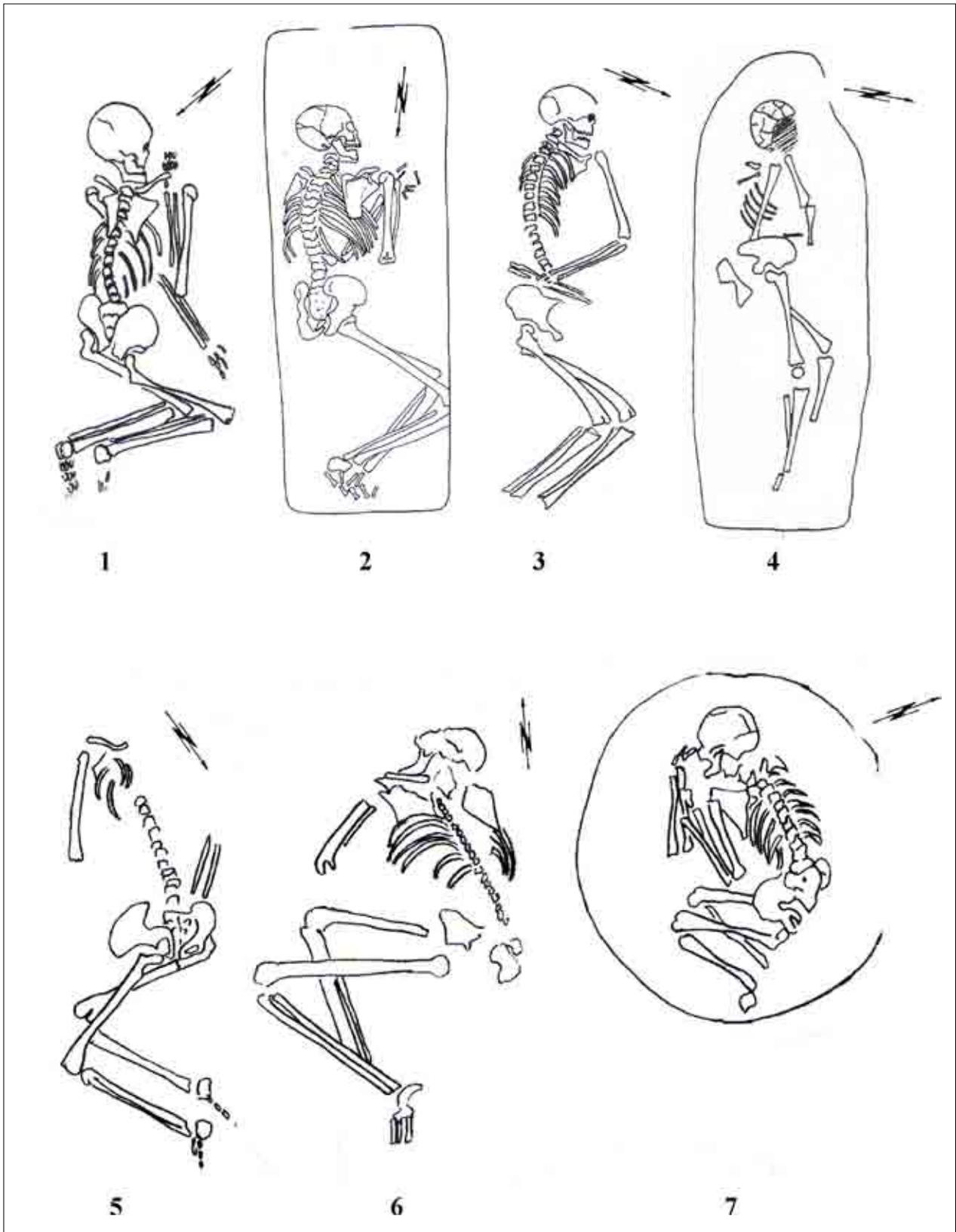
	брой гробове	брой кремации	брой инхумации	брой хокери и псевдохокери	% спрямо инхумации
Нови Пазар	42	2	41	7	17%
Девня 1	84	35	49	7	14%
Девня 3	158	53	105	13	12%
Кюлевча	98	27	71	6	9%
Топола	459	229	230	20	8%
Бдинци	301	111	190	15	7%
Балчик	191	107	83	4	5%
Хитово 1	40	14	26	1	4%
Хитово 3	28	16	12	2	16%

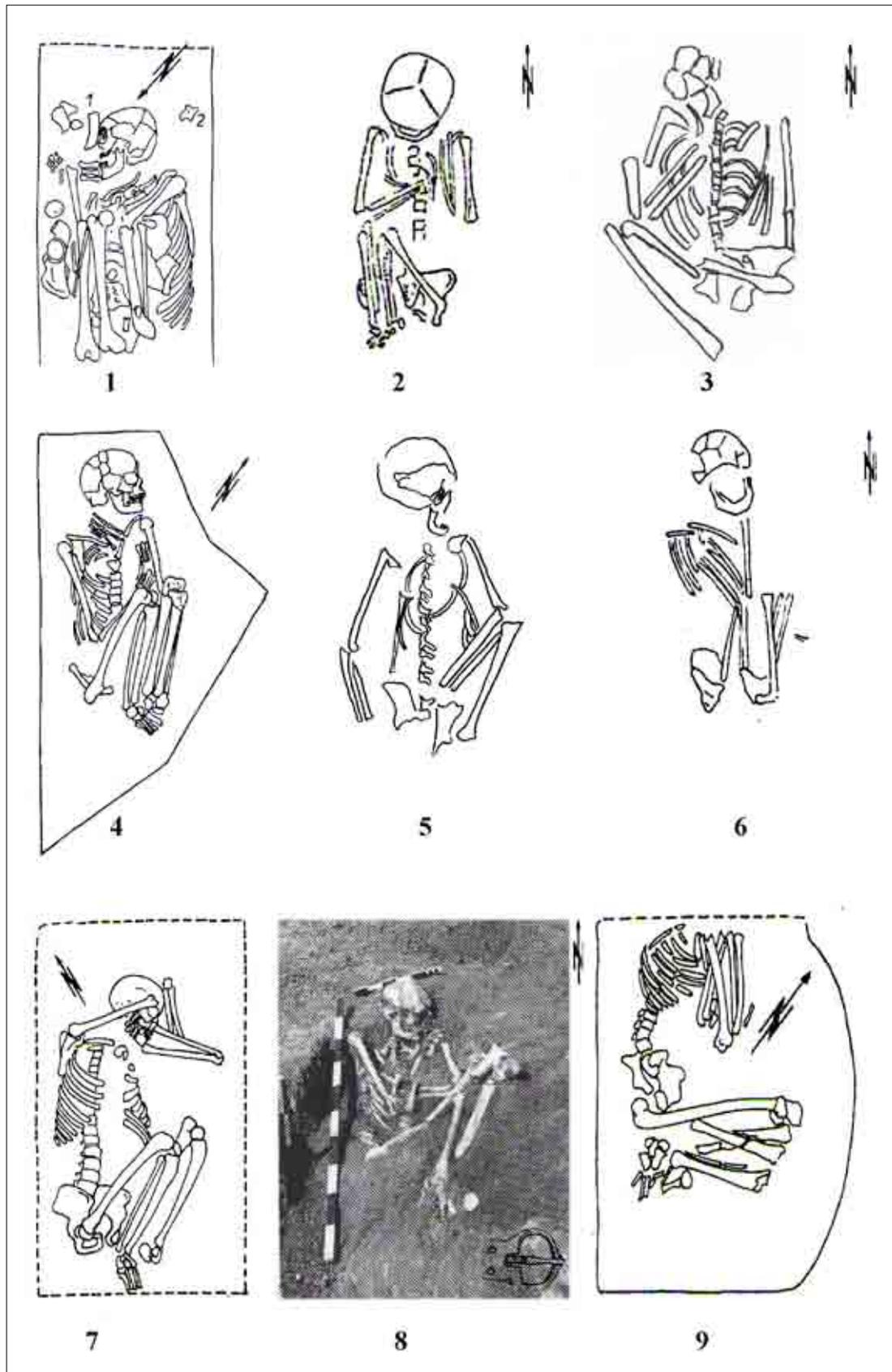
Ил. 1. Таблица: Относителен дял на гробовете с хокери и псевдохокери от българските земи.
 Рис. 1. : Балчик, суперпозиция на гробове 160, 162, 163 (рисунки Е. Коматарова-Балинова, ръководител на разкопките Л. Дончева-Петкова, сезон 2005, публикува се за първи път)

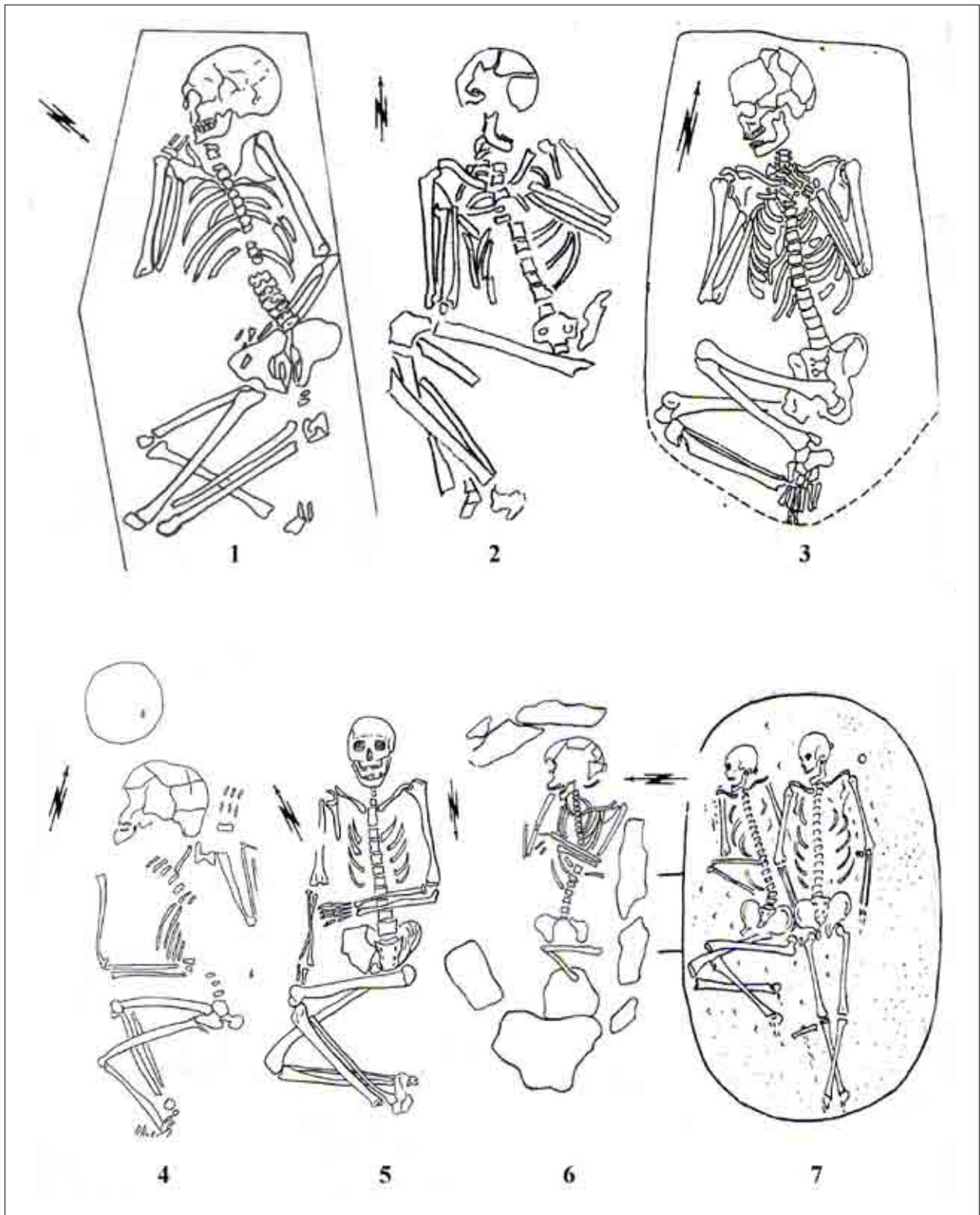
Ил. 2. 1, 2, 6, 9 – Изворул (Румъния), гробове 361, 288, 96, 159 (по Mitrea 1989); 3, 11, 12 – Топола, гробове 311, 281, 316 (теренна документация, ръководители на разкопките Ст. Ангелова, М. Даскалов, В. Йотов, Л. Дончева-Петкова, публикува се за първи път); 4, 5 – Дмитриевски некропол, катакомба 117, ямен гроб 50 (по С. А. Плетнева 1989); 7 – Девня 1, гроб 13 (по Д. Ил. Димитров 1971); 10 – Девня 3, гроб 71 (по Д. Ил. Димитров 1972)

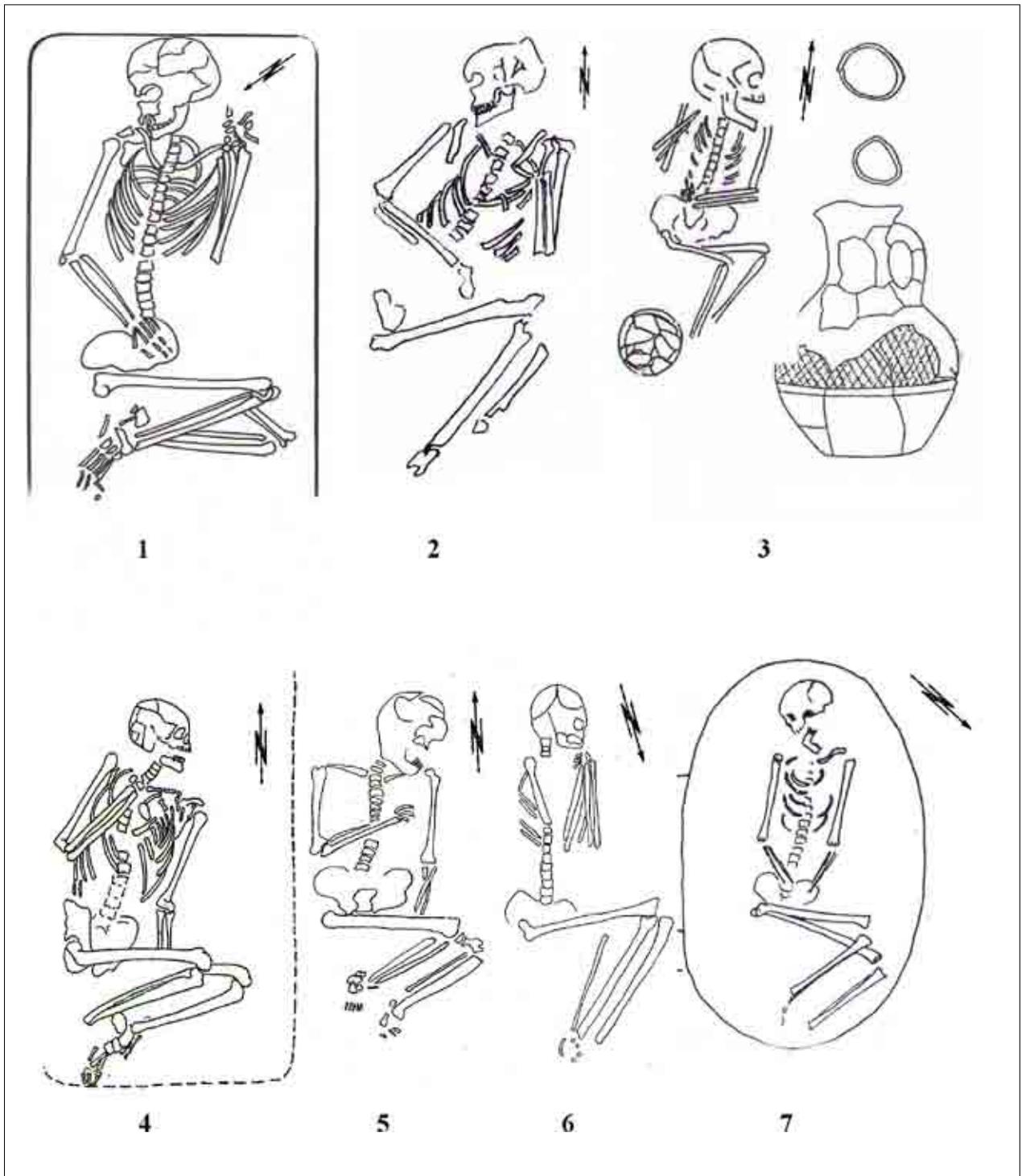
Ил. 3. 1, 3, 5 – Дмитрієвски некропол, катакомби с единични погребения (по С. А. Плетнева 1989); 2 – Изворул, гроб 234 (по Mitrea 1989); 4 – Тенсен, гроб 17 (по И. Баранов 1990); 6 – Топола, гроб 83 (по Дончева-Петкова, Ангелова, Йотов 1989); 7 – Саркел, гроб 161 от яма 25 (по С. А. Плетнева 1967)

Ил. 4. 1, 4, 7, 9 – Изворул, гробове 127, 268, 311, 148 (по Mitrea 1989); 2, 6 – Нови Пазар, гробове 7, 35 (по Станчев, Иванов 1958); 3 – Бдинци, гроб 139 (по Вържарова 1981); 5 – Капул Виилор-Истрия (по Зирра 1963); 8 – Девня 3, гроб 89 (по Д. Ил. Димитров 1972)

Ил. 5. 1 – Балчик, гроб 162 (рисунок Е.Коматарова-Балинова, ръководител на разкопките Л.Дончева-Петкова, сезон 2005, публикува се за първи път); 2 – Девня 3, гроб 28 (по Д. Ил. Димитров 1972); 3 – Изворул, гроб 179 (по Mitrea 1989); 4 – Топола, гроб 154 (теренна документация, ръководители на разкопките Ст. Ангелова, М. Даскалов, В. Йотов, Л. Дончева-Петкова, публикува се за първи път); 5 – Фанагория, гроб 3 (по Атавин 1986); 6 – Балчик, гроб 175 (рисунок Е. Коматарова-Балинова, ръководител на разкопките Л. Дончева-Петкова, сезон 2005, публикува се за първи път); 7 – Дмитриевски некропол, катакомба 33 (по С. А. Плетнева 1989)

Ил. 6. 1 – Балчик, гроб 219 (рисунки Е. Коматарова-Балинова, ръководител на разкопките Л. Дончева-Петкова, сезон 2006, публикува се за първи път); 2 – Девня 3, гроб 107 (по Д. Ил. Димитров 1972); 3 – Нови Пазар, гроб 24 (по Станчев, Иванов 1958); 4 – Изворул, гроб 220 (Mitrea 1989); 5, 6 – Топола, гробове 81, 161 (теренна документация, ръководители на разкопките Ст. Ангелова, М. Даскалов, В. Йотов, Л. Дончева-Петкова, публикува се за първи път); 7 – Дмитриевишки некропол, катакомба 40 (по С. А. Плетнева 1989)

Ил. 7. 1, 3, 4, 5, 6 – Изворул, гробове 236, 85, 265, 231, 252 (Mitrea 1989);
 2 – Нови Пазар, гроб 21 (по Станчев, Иванов 1958)

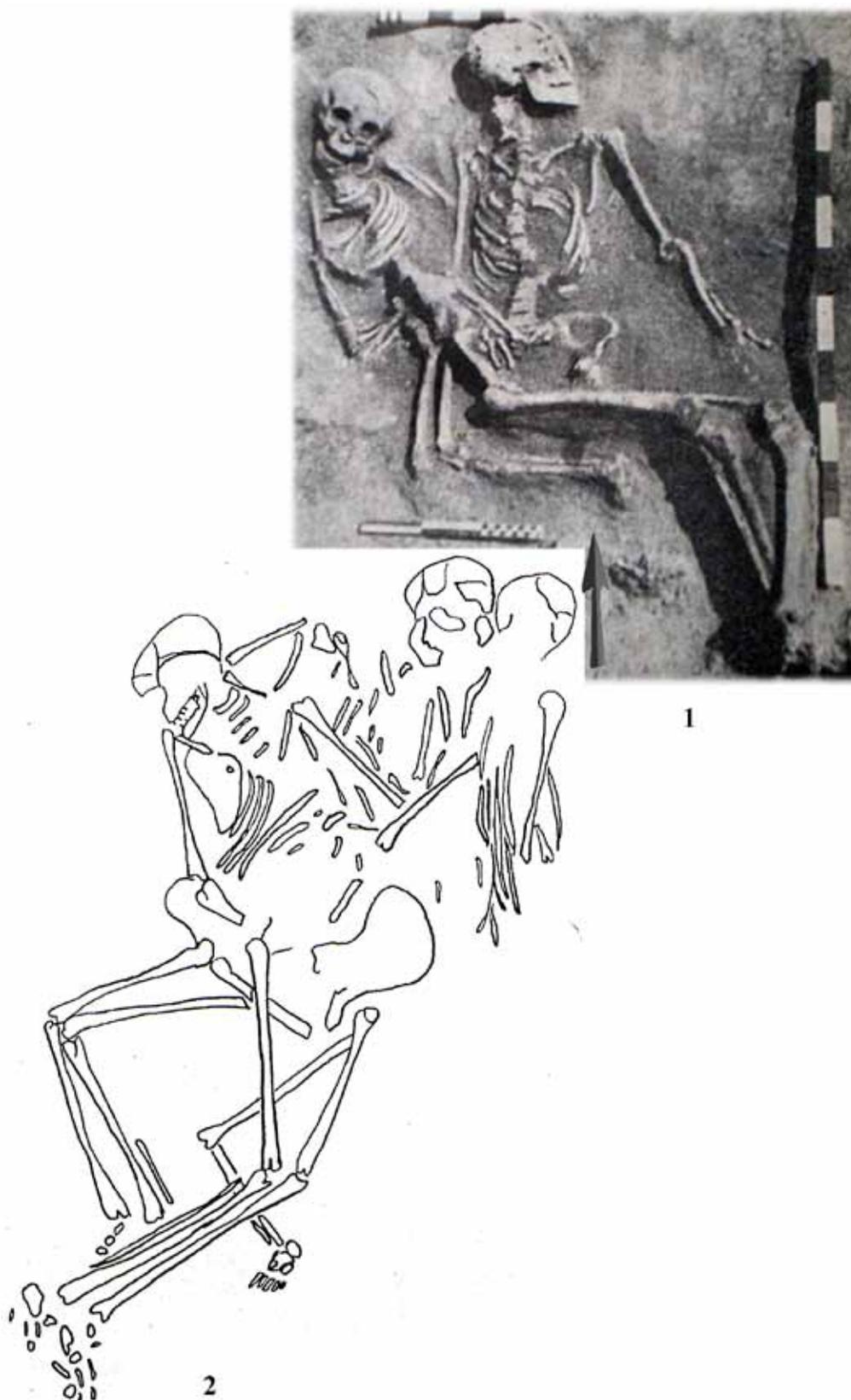

1

2

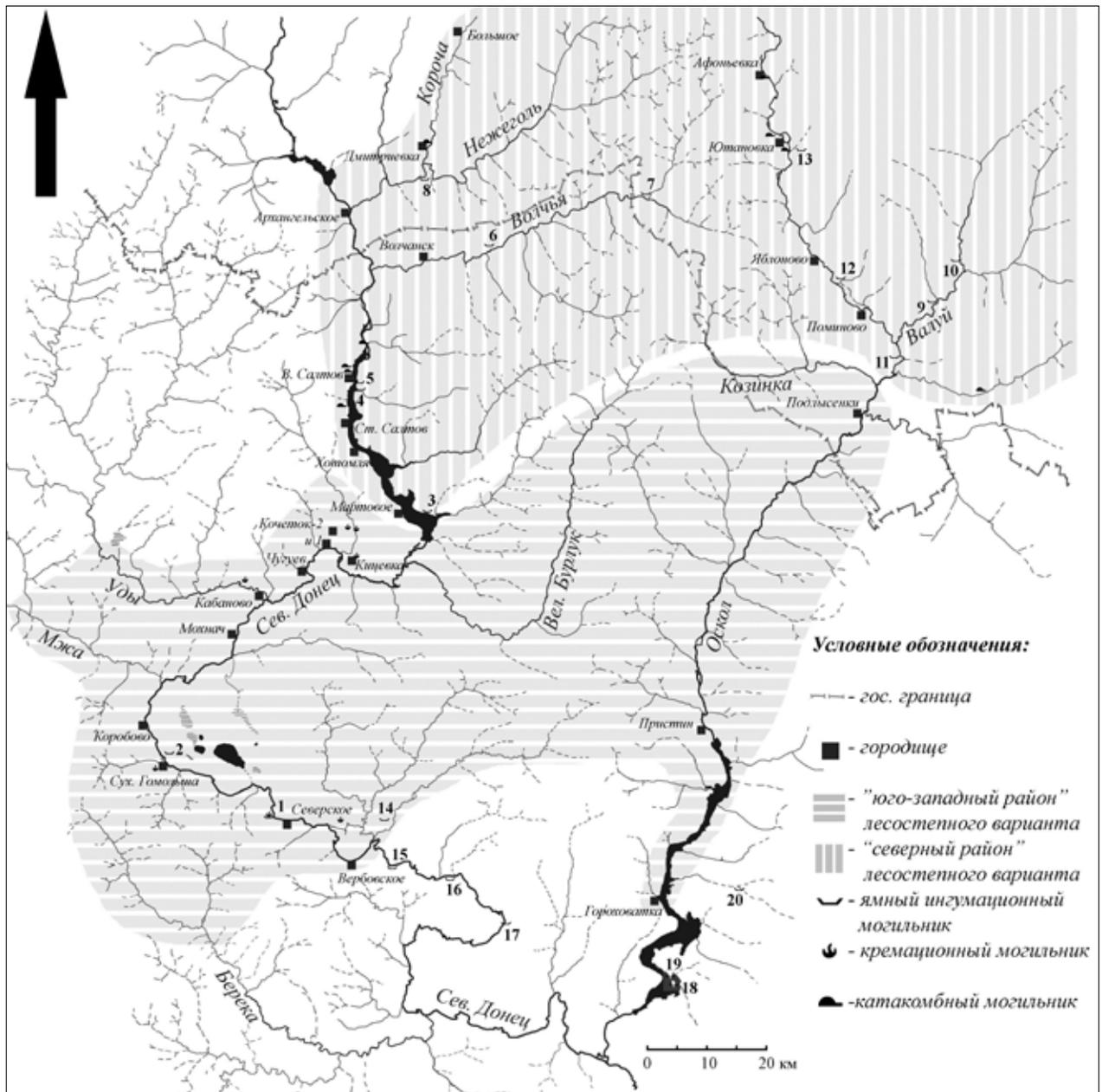
Ил. 8. 1 – Балчик, гроб 255 (фото Е. Коматарова-Балинова, ръководител на разкопките Л. Дончева-Петкова, сезон 2007, публикува се за първи път); 2 – Топола, гроб 191 (теренна документация, ръководители на разкопките Ст. Ангелова, М. Даскалов, В. Йотов, Л. Дончева-Петкова, публикува се за първи път)

Ил. 9. 1 – Варна, гроб 31 (по Д. Ил. Димитров 1976); 2 – Топола, гроб 135 (теренна документация, ръководители на разкопките Ст. Ангелова, М. Даскалов, В. Йотов, Л. Дончева-Петкова, публикува се за първи път)

К статье А. А. Лаптева

«Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи»

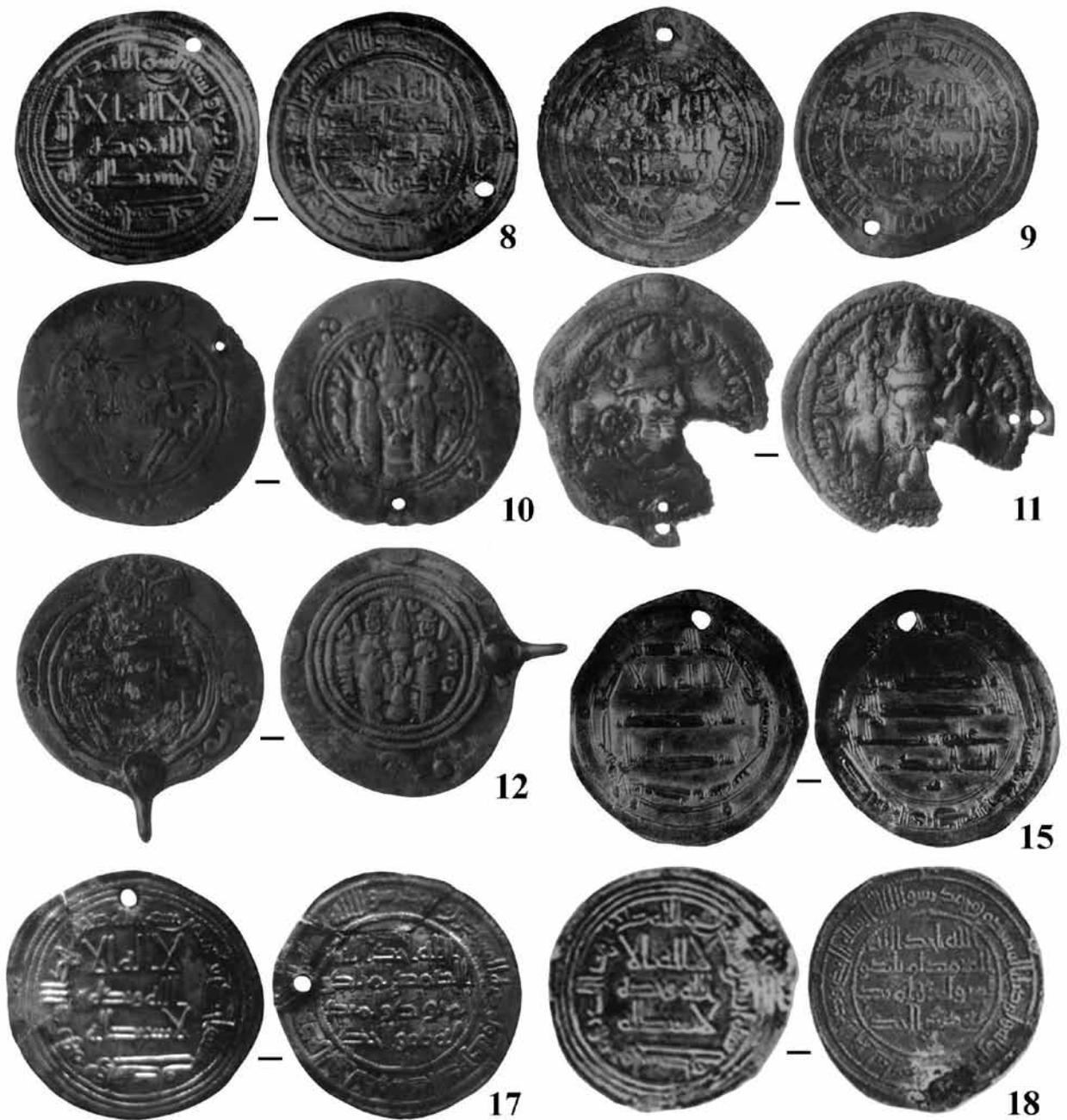

Илл. 1. Салтовские городища и могильники Верхнего Подонья.

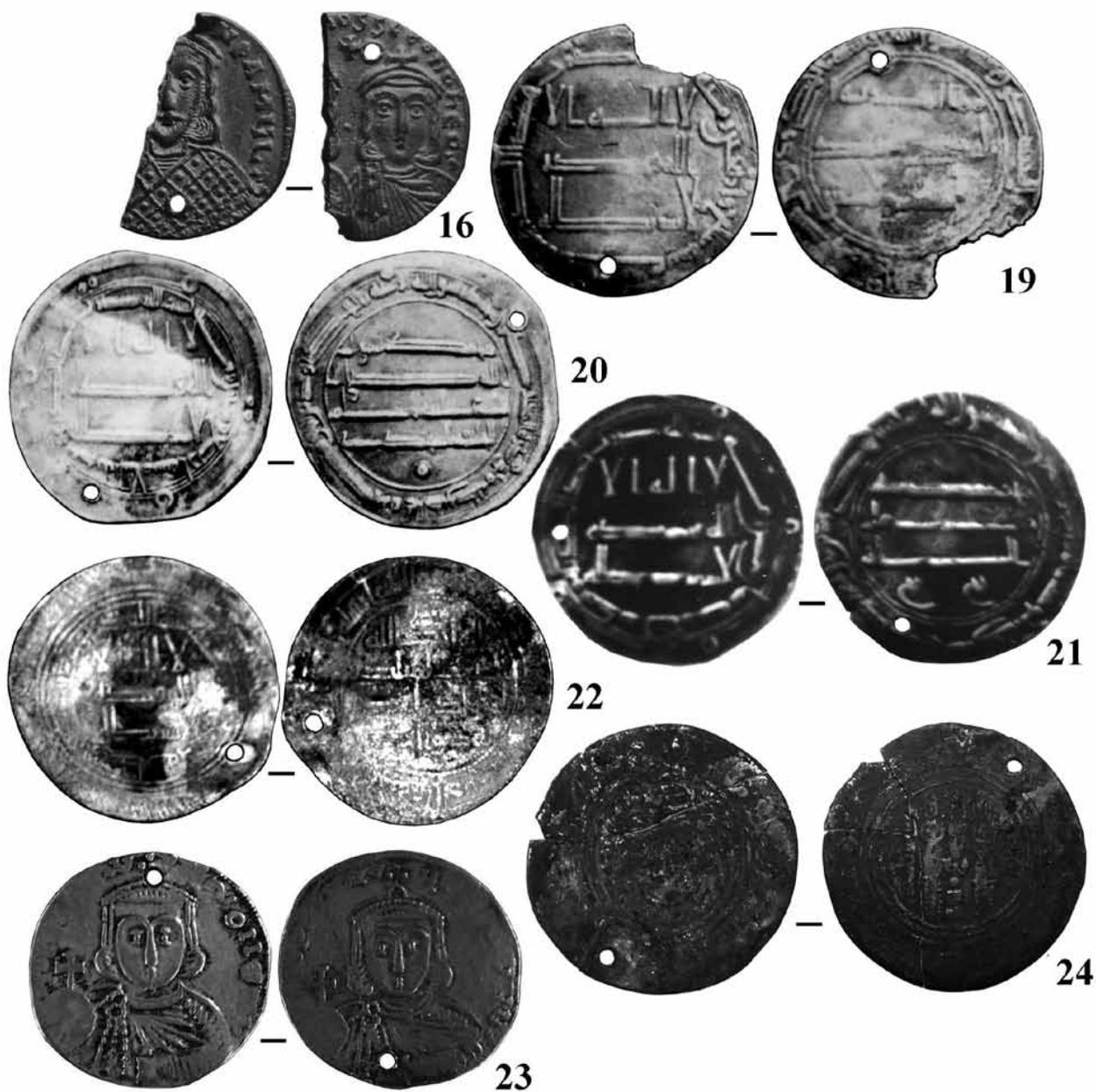
- 1 – Красная Горка; 2 – «Сердюково-2»; 3 – Мартовое; 4 – Петровское; 5 – Нетайловка; 6 – Бочковое; 7 – Тишанка; 8 – Ржевка; 9 – Рождествено; 10 – Мандрово; 11 – Утиново; 12 – Терехово; 13 – Волоконовка; 14 – Балаклея; 15 – Червоня Гусаровка; 16 – Залиман; 17 – Лысогорка; 18 – Рубцы; 19 – Пески Радьковские; 20 – Шейковка

Илл. 2. Монеты из погребений Ржевского (1–2) и Нетайловского (3–7, 13) могильников.
Без масштаба

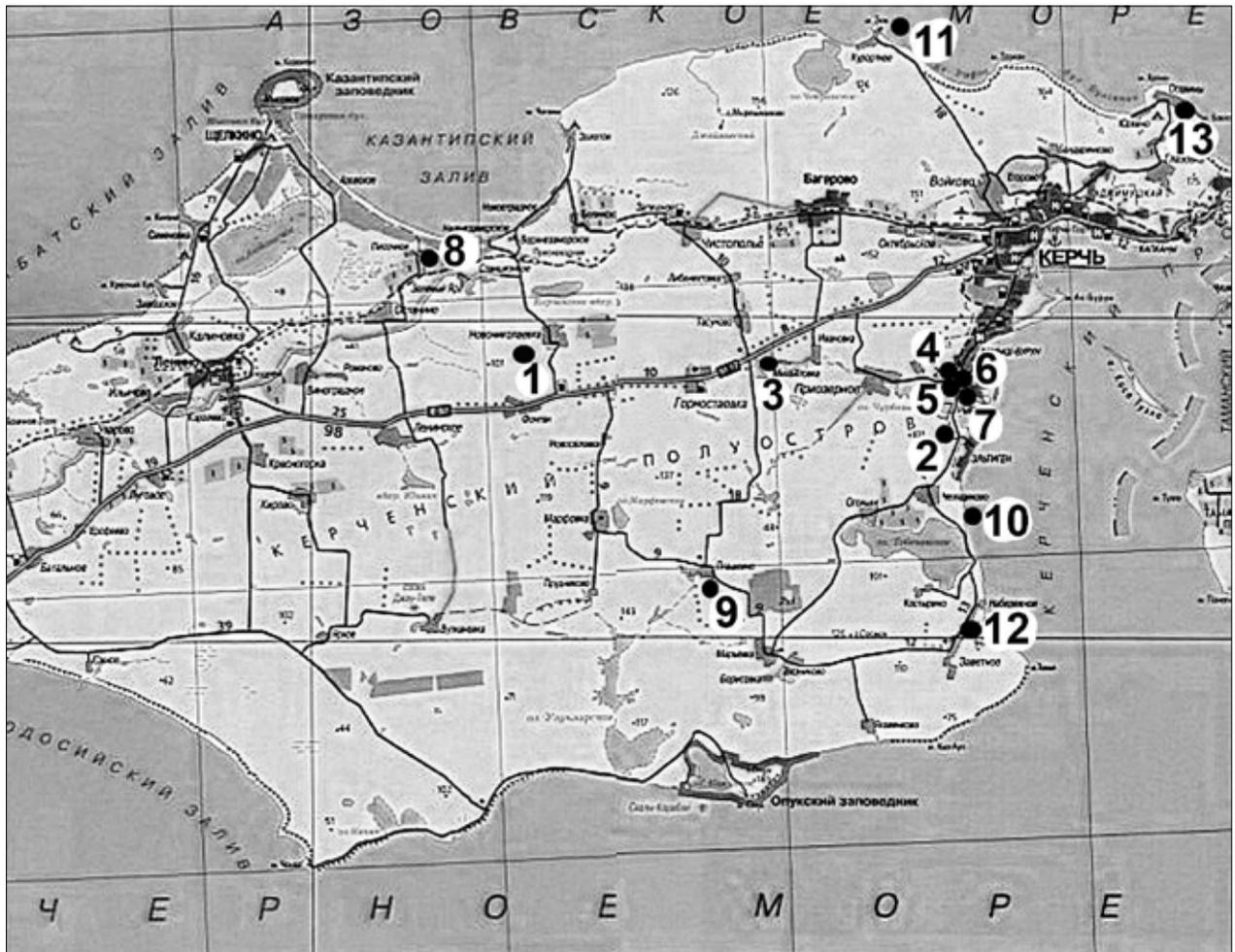

Илл. 3. Монеты из погребений Нетайловского могильника.
Без масштаба

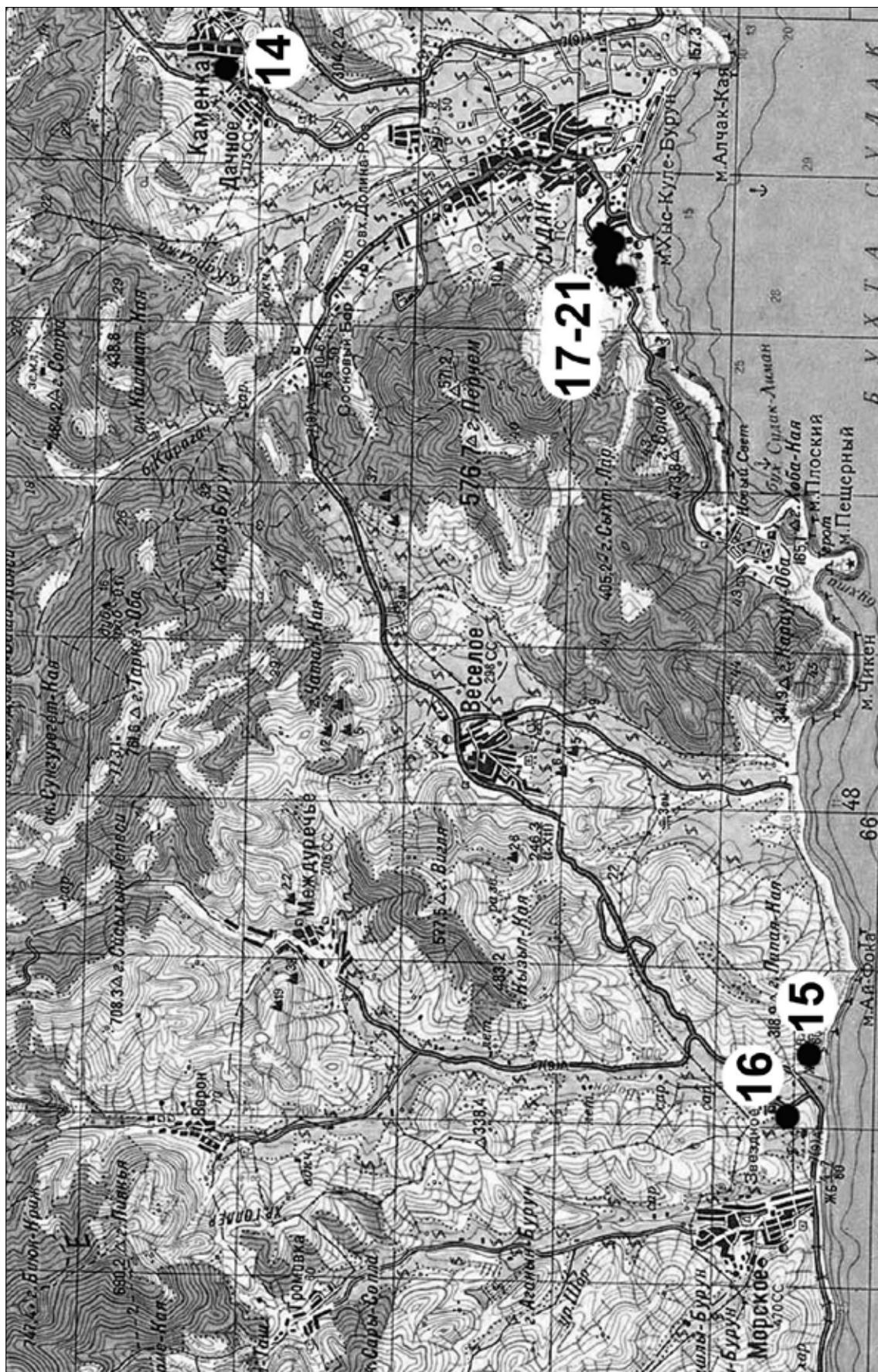
Илл. 4. Монеты из погребений Нетайловского могильника.
Без масштаба

К статье В. В. Майко и Л. Ю. Пономарева
«Салтово-маяцкие некрополи Восточного Крыма
(материалы к археологической карте)»

Илл. 1. Карта могильников Керченского полуострова:

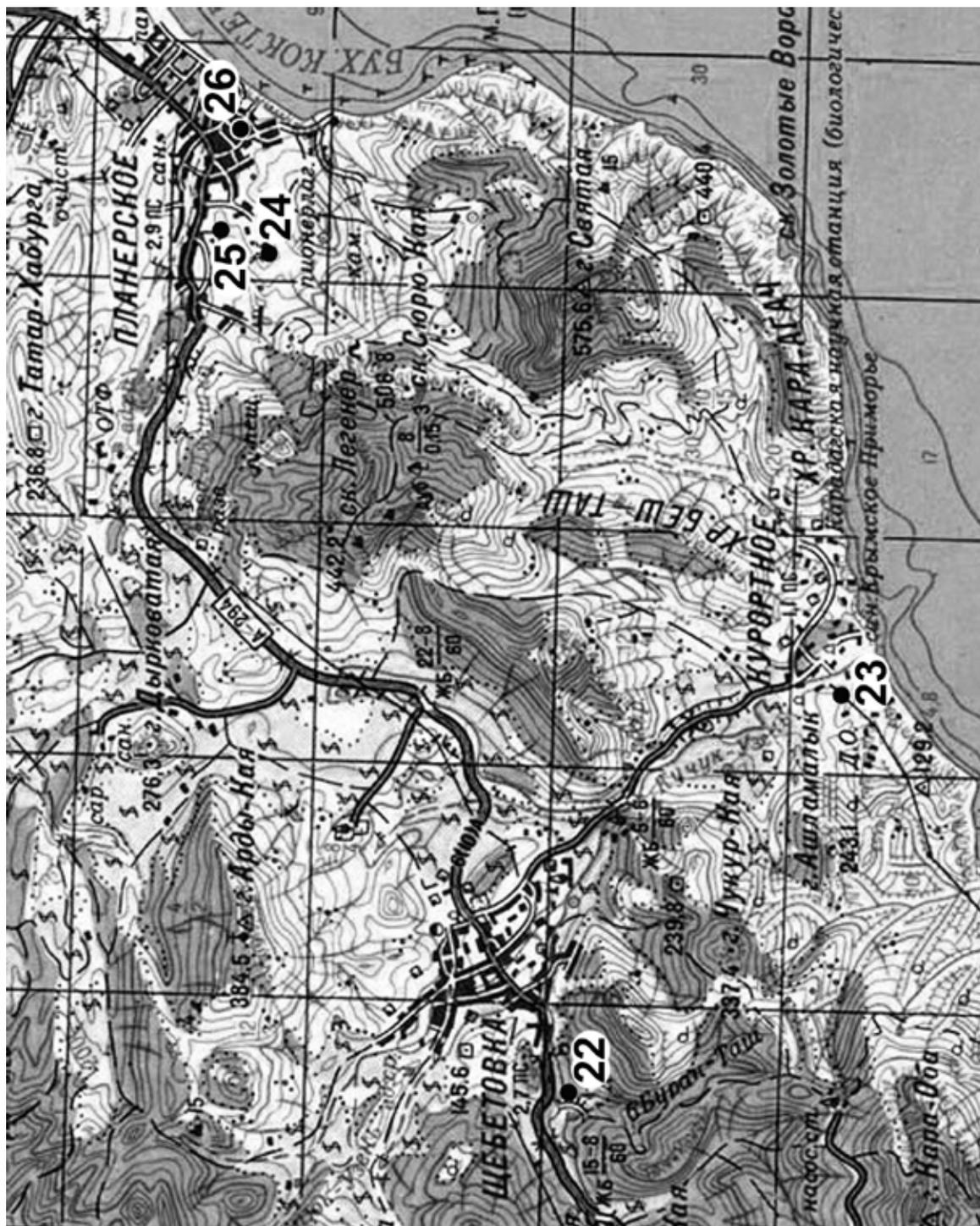
1 – могильник в с. Ново-Николаевка; 2 – могильник Эльтиген-I; 3 – Михайловский могильник; 4 – могильник к западу от городища Тиритака; 5 – могильник (?) в северо-восточной части городища Тиритака; 6 – могильник на юго-западной окраине городища Тиритака; 7 – могильник (?) на участке "Энергостроя" в окрестностях городища Тиритака; 8 – могильник в окрестностях с. Песочное; 9 – могильник в окрестностях с. Пташкино; 10 – могильник на поселении Героевка-2; 11 – могильник(?) на мысе Зюк; 12 – могильник в окрестностях с. Заветное; 13 – могильник на поселении Осовины-I

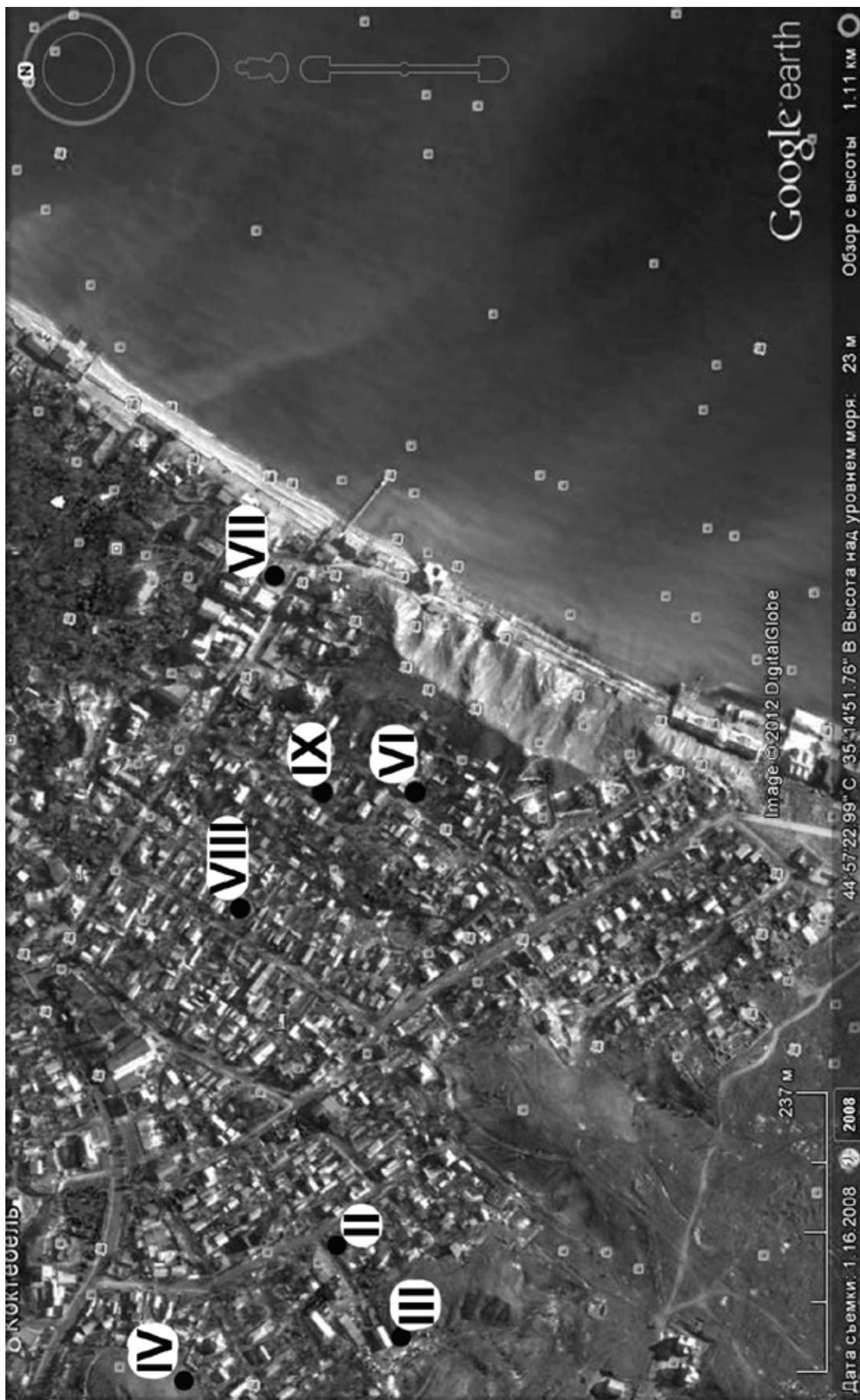
Илл. 2. Карта могильников юго-восточного Крыма. 14 – могильник в с. Дачное; 15 – могильник на юго-западном склоне мыса Ай-Фока; 16 – могильник на юго-восточном склоне мыса Ай-Фока; 17–21 – могильники Судак-П, Судак-ВІ, Судак-УП, Судак-ІХ, на участке куртины XIV Судакской крепости

*Илл 3. Карта могильников средневековой Судгеи:
17 – могильник Судак-II; 18 – могильник Судак-VI; 19 – могильник Судак-VII;
20 – могильник Судак-IX; 21 – могильник на участке куртины XIV Судакской крепости*

Илл. 4. Карта могильников юго-восточного Крыма: 22 – Могильник поселения Отузы-4; 23 – Могильник Кордон-Оба; 24 – Прихрамовый могильник городища на плато Тепсень; 25 – Западный некрополь городища на плато Тепсень; 26 – Могильники городища на плато Тепсень

Илл 5. Карта могильников городища на плато Тепсень:

- II – некрополь Тепсень-II; III – некрополь Тепсень-III; IV – некрополь Тепсень-IV; VI – некрополь Тепсень-VI;
- VII – некрополь Тепсень-VII; VIII – некрополь Тепсень-VIII; IX – некрополь Тепсень-IX

Илл. 6. Карта могильников городища на плато Тепсеň:
I – некрополь Тепсеň-I; V – некрополь Тепсеň-V

К статье Г. Е. Свистуна
«Кабаново (Старопокровское) городище»

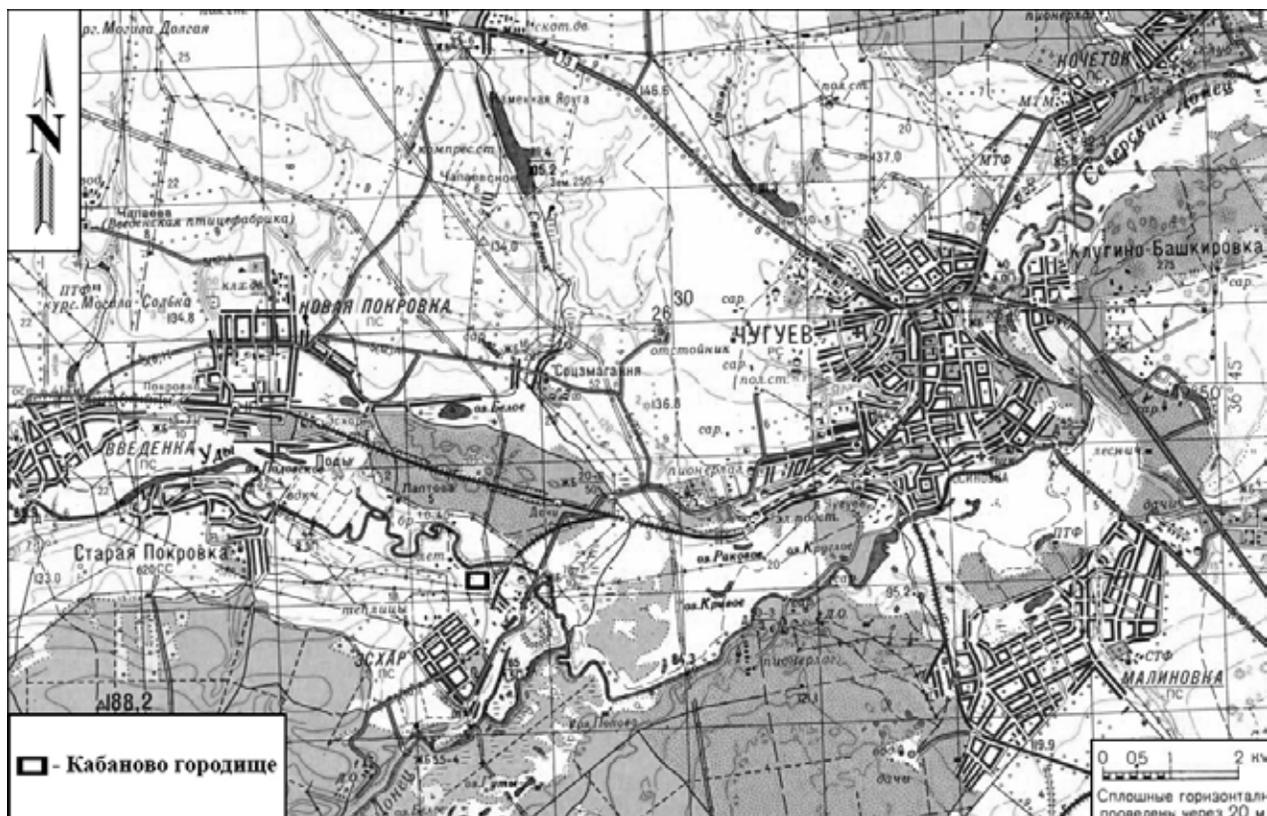
Илл. 1. Вид на Кабаново городище со стороны поймы р. Уды

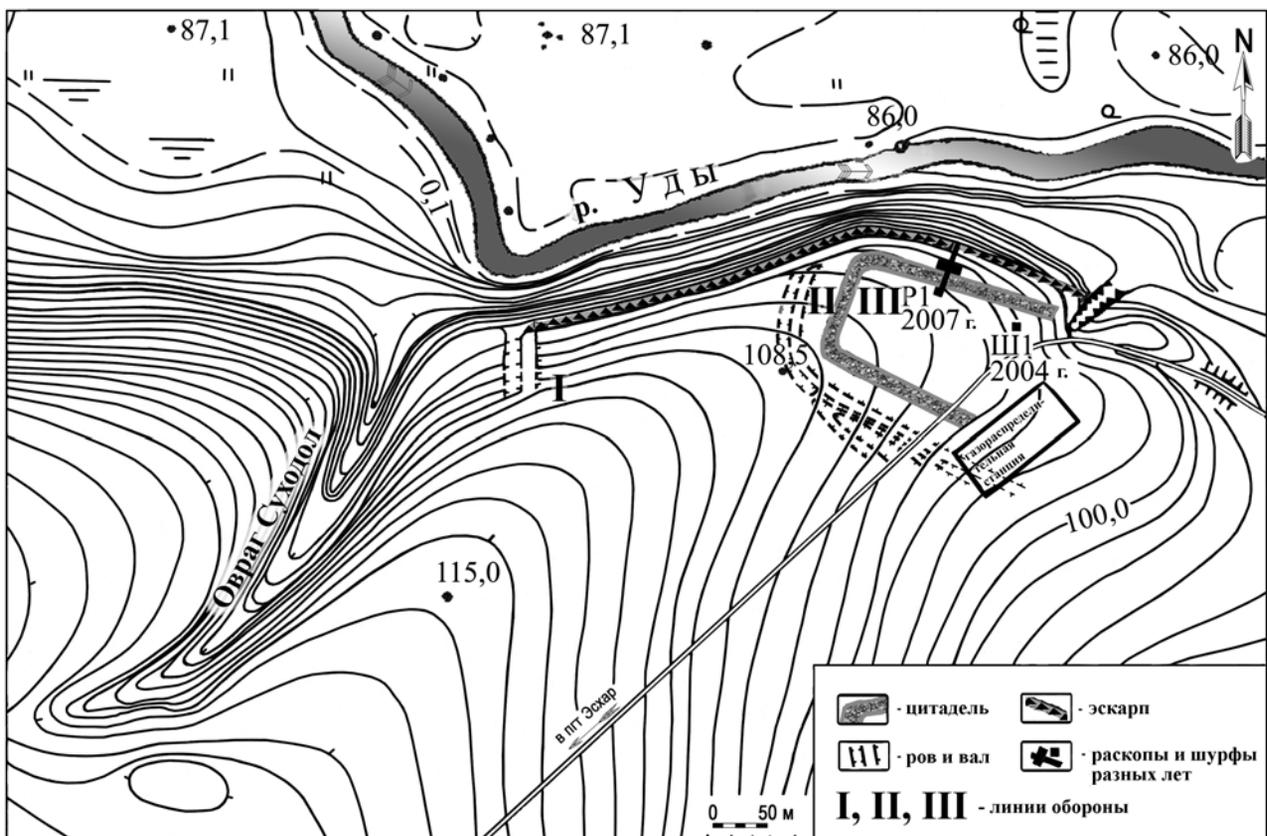
Илл. 2. Вид на пойму р. Уды с Кабанова городища

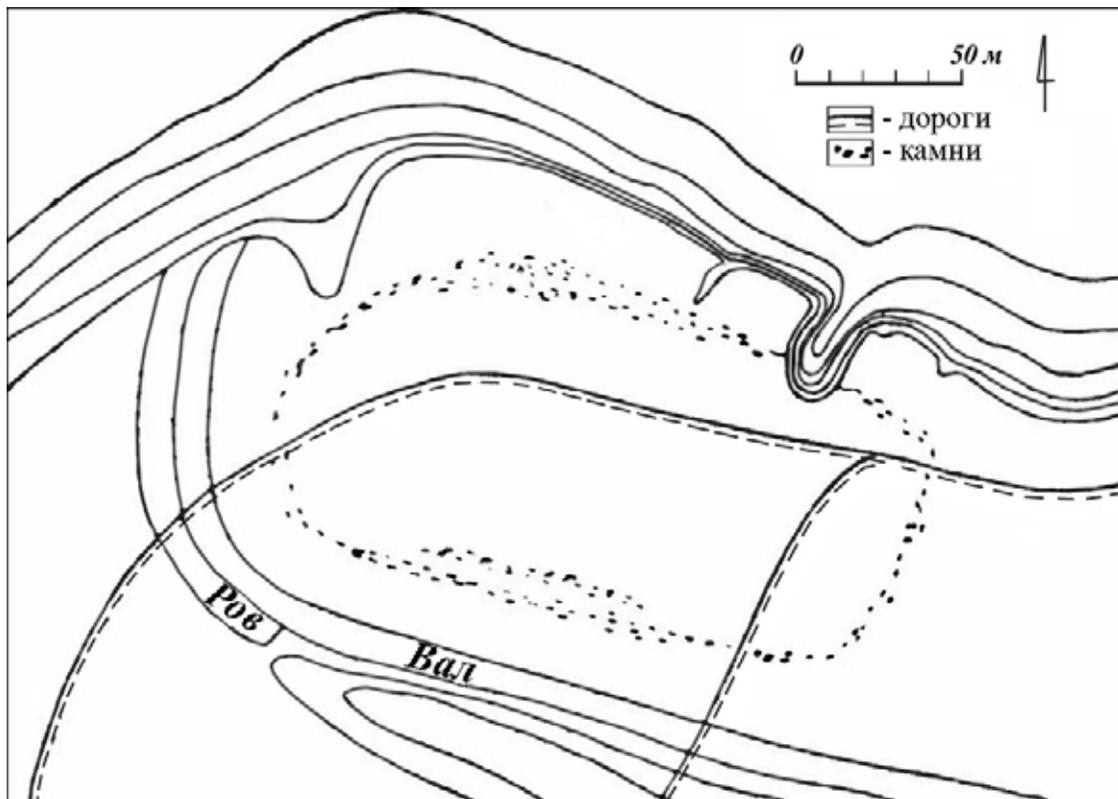
Илл. 3. Эскарп первой линии обороны Кабанова городища

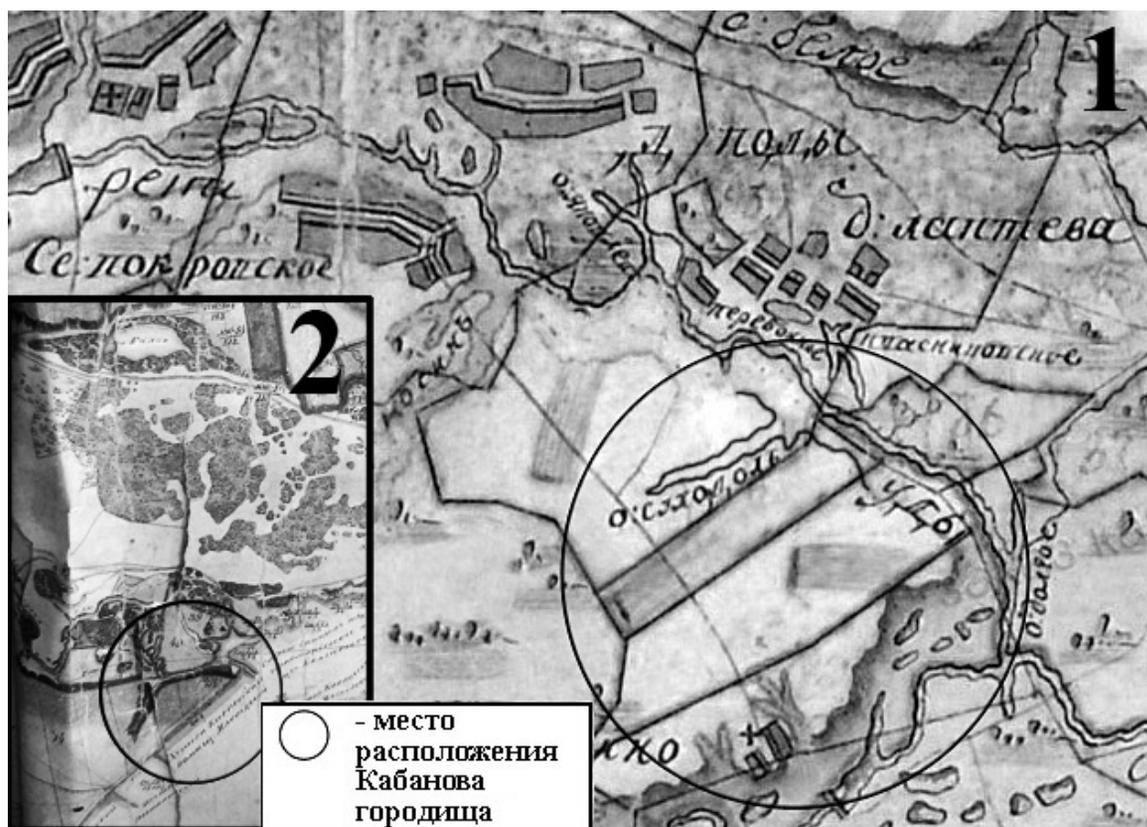
Илл. 4. Месторасположение Кабанова городища

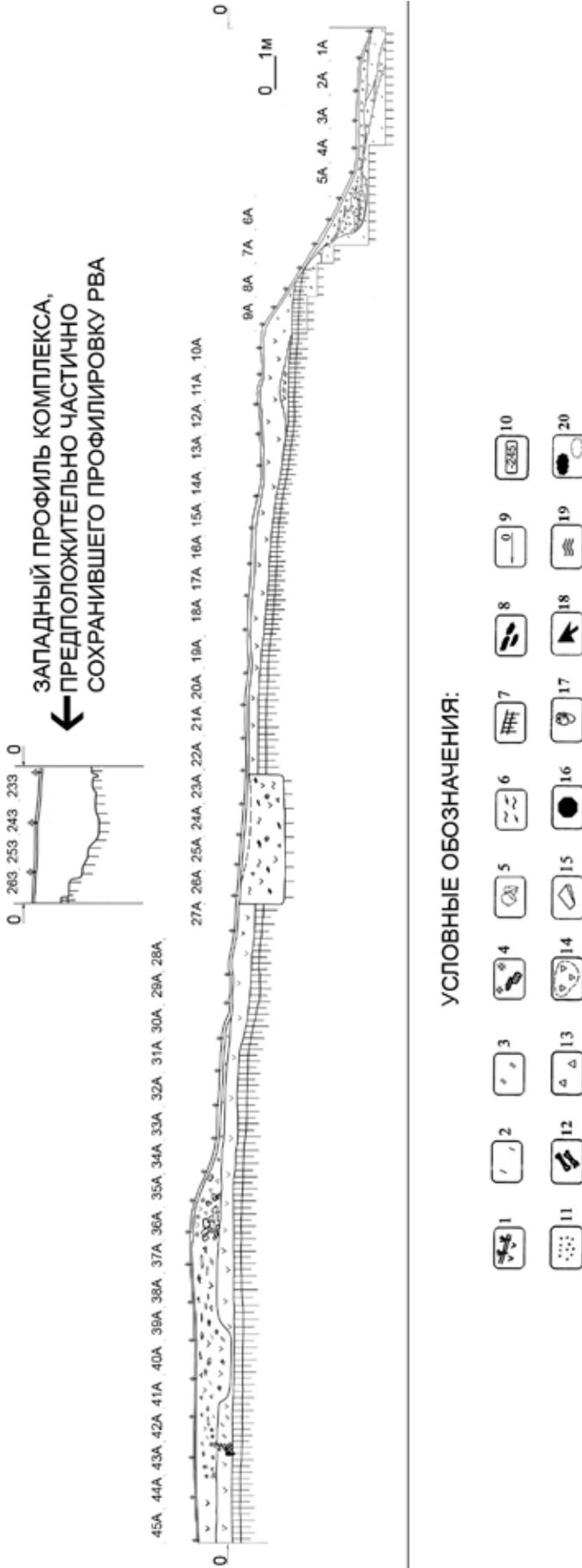
Илл. 5. План Кабанова городища

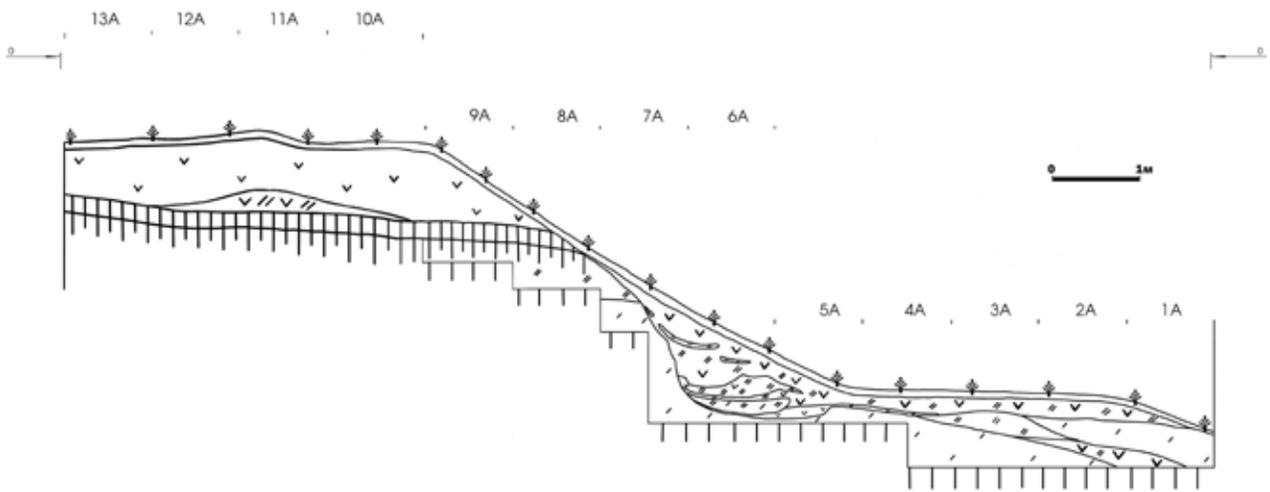
Илл. 6. План Кабанова городища по С. А. Плетневой

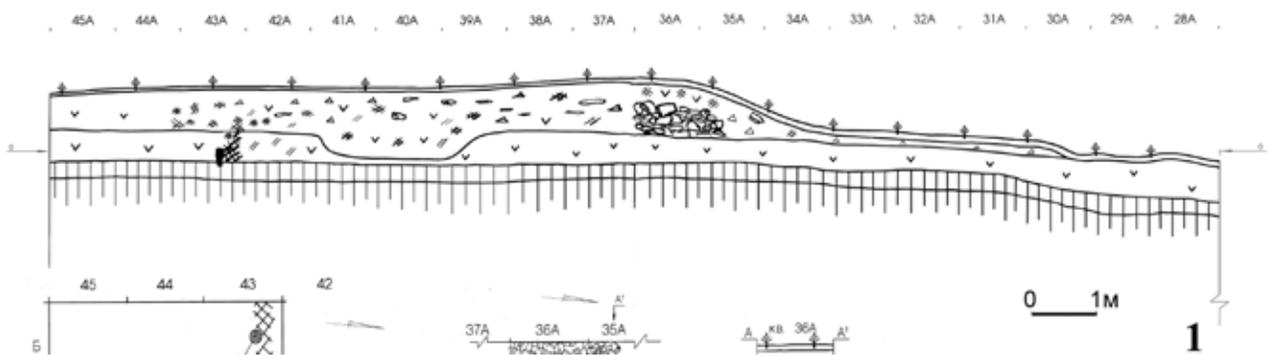
Илл. 7. Месторасположение Кабанова городища на старинных планах (без масштаба):
 1) план генерального межевания Чугуевского уезда 1784 г.; 2) топографический план 1-й и 3-й волости 6-го кавалерийского округа Украинского военного поселения 1843 г.

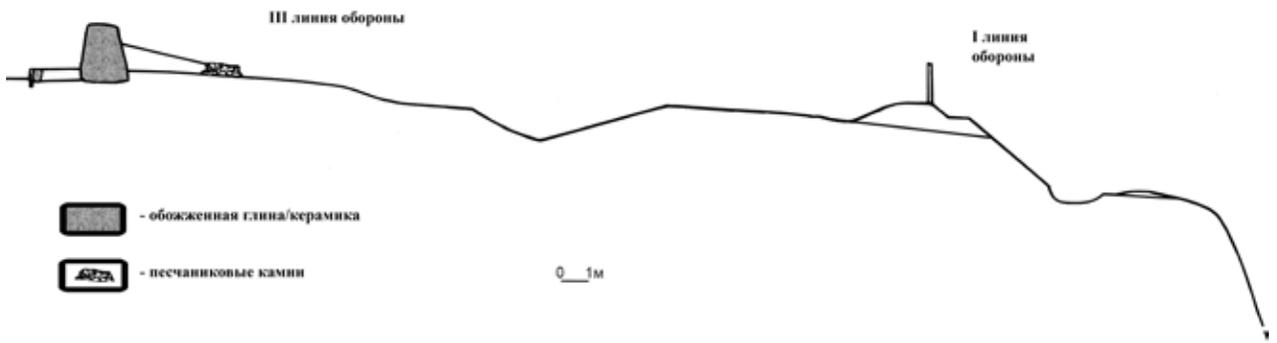
Илл. 8. Стратиграфический профиль северной линии обороны Кабанова городища. Условные обозначения: 1) дерн и чернозем; 2) белый материковый суглинок; 3) коричневая глина; 4) обожженные глина и куски обмазки; 5) песчаник; 6) зола и фракции древесного угля; 7) предметерик и материк; 8) остатки дерева; 9) единый нивелировочный уровень; 10) показатель верхнего края материка; 11) песок; 12) кости; 13) щебень; 14) скопление фрагментов керамической посуды; 15) точильный брусок; 16) кремни; 17) неполный развал амфоры; 18) наконечник стрелы; 19) неопределенная металлическая пластина; 20) крица и черно-металлургический шлак

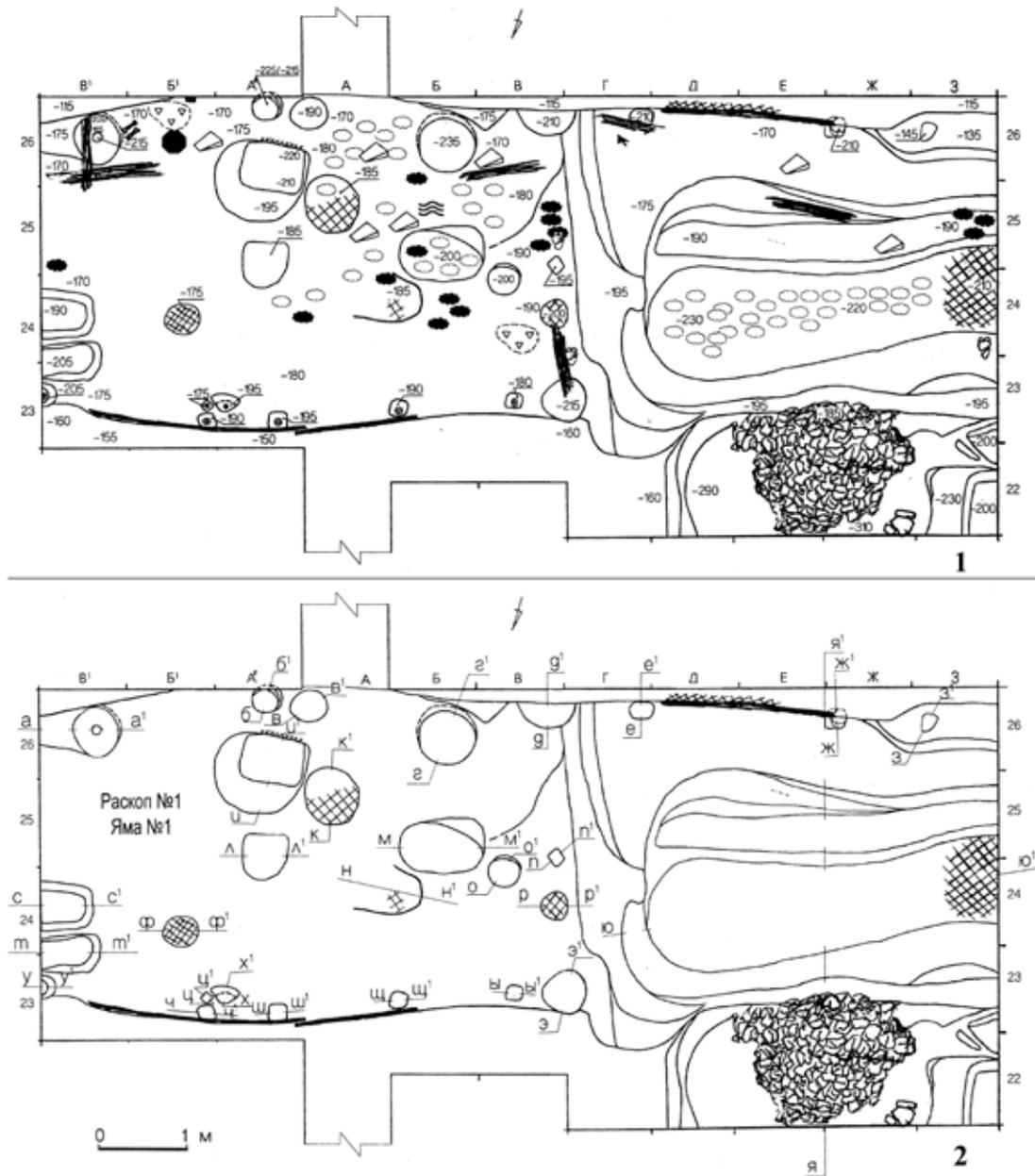
Илл. 9. Стратиграфический профиль эскарпа первой линии обороны Кабанова городища

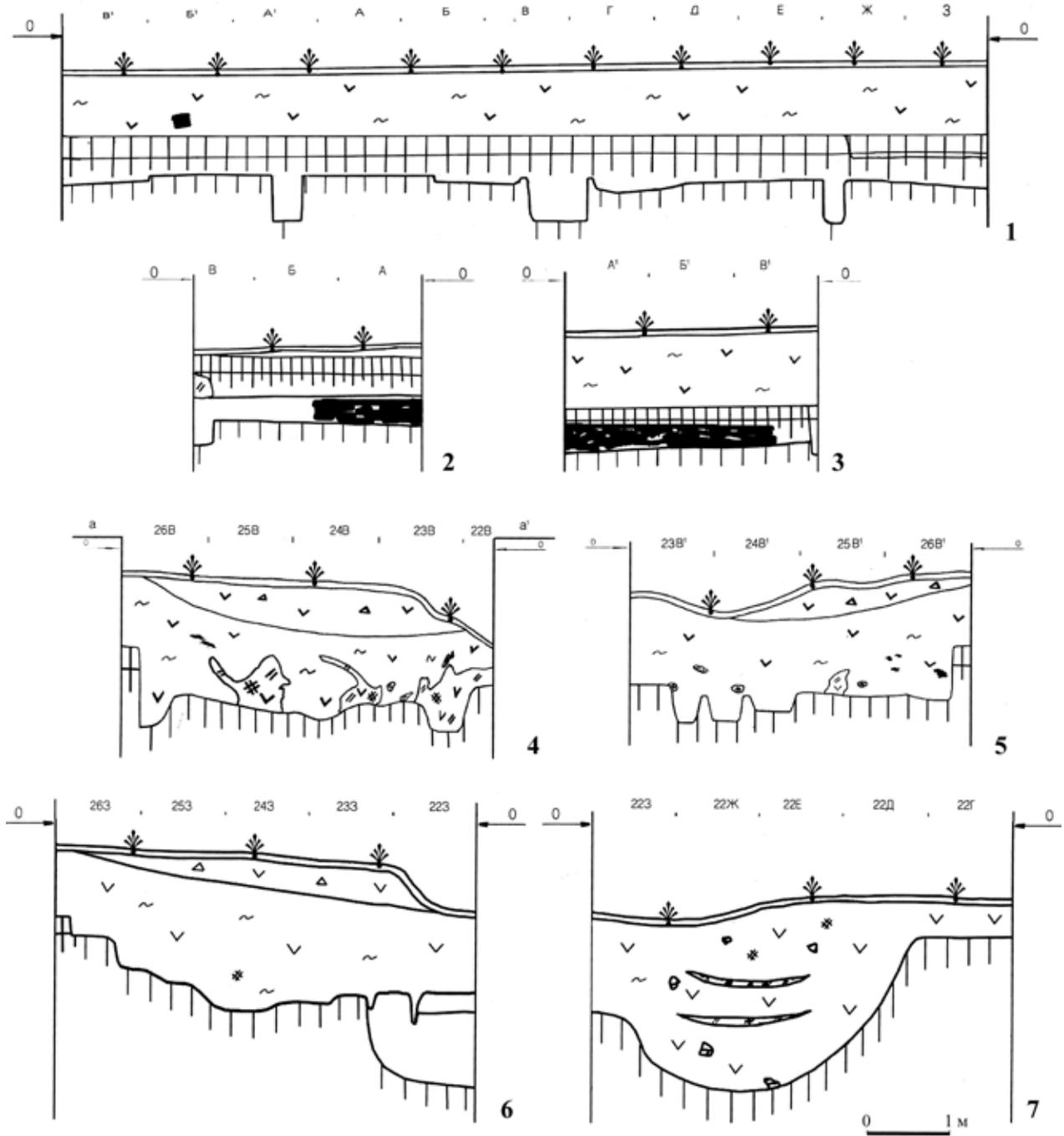
Илл. 10. Стратиграфический профиль третьей линии обороны Кабанова городища

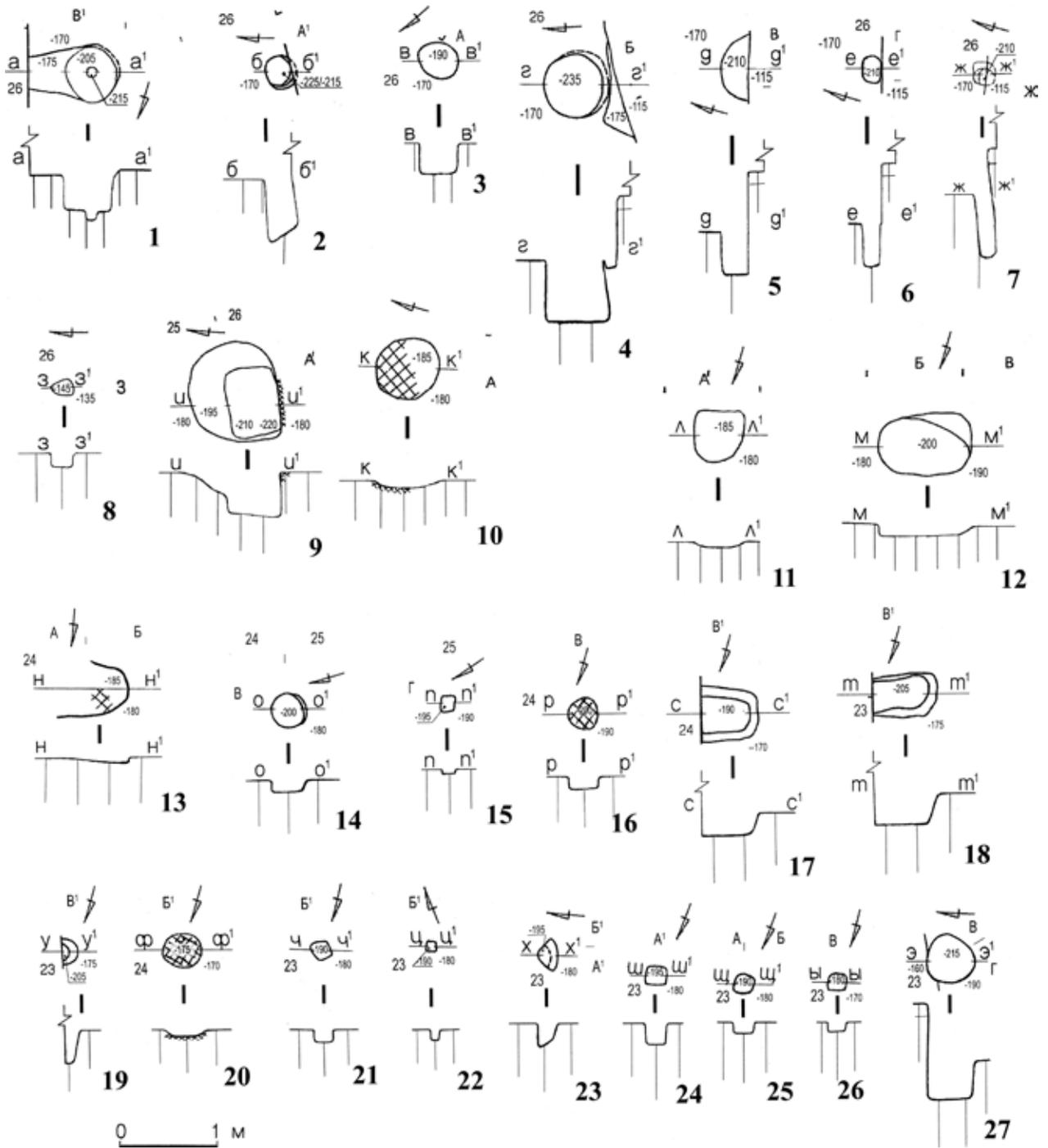
Илл. 11. Вариант реконструкции оборонительных сооружений на северной экспозиции Кабанова городища

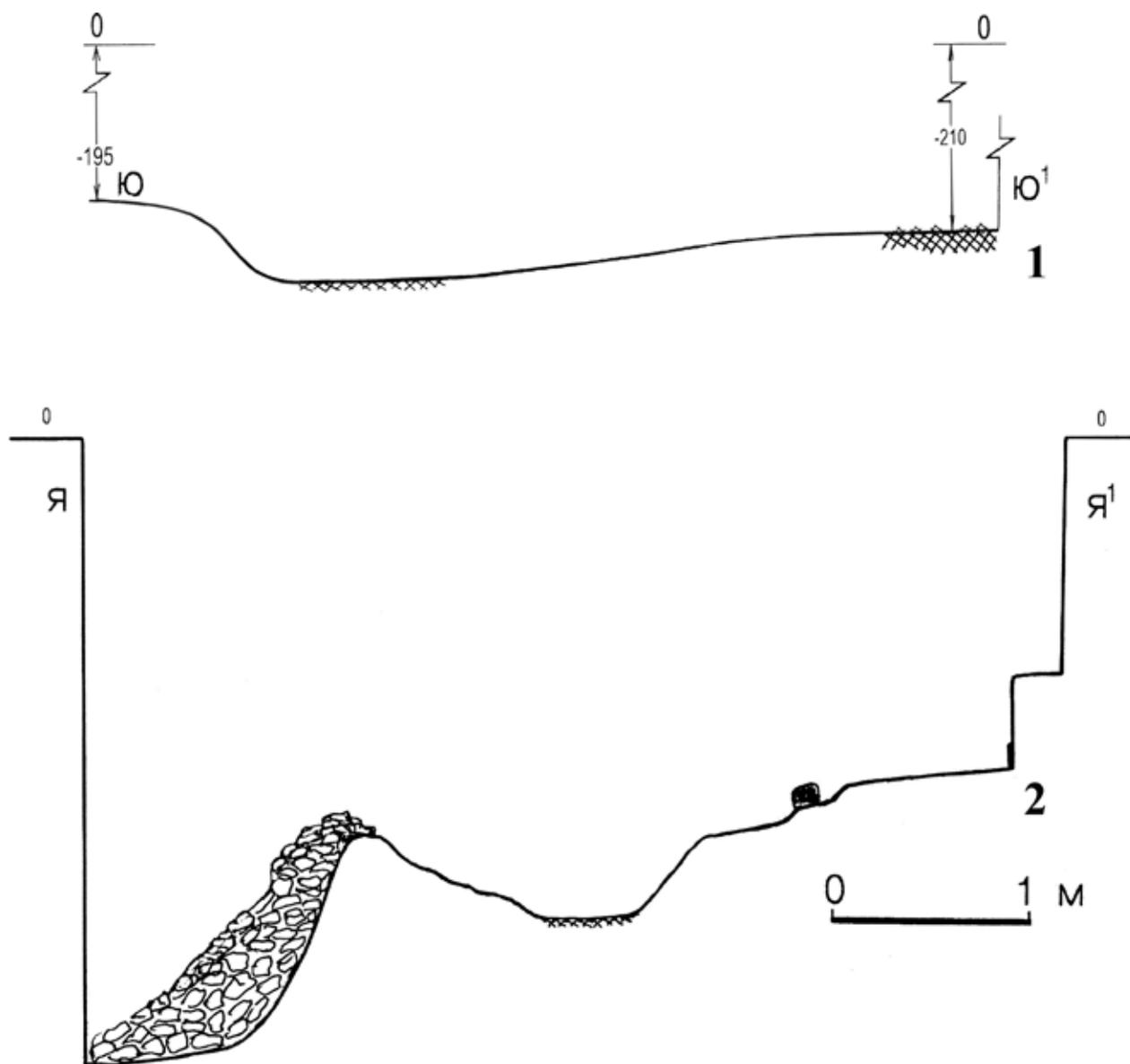
Илл. 12. Планиграфия производственного комплекса на Кабановом городище: 1) с находками; 2) без находок

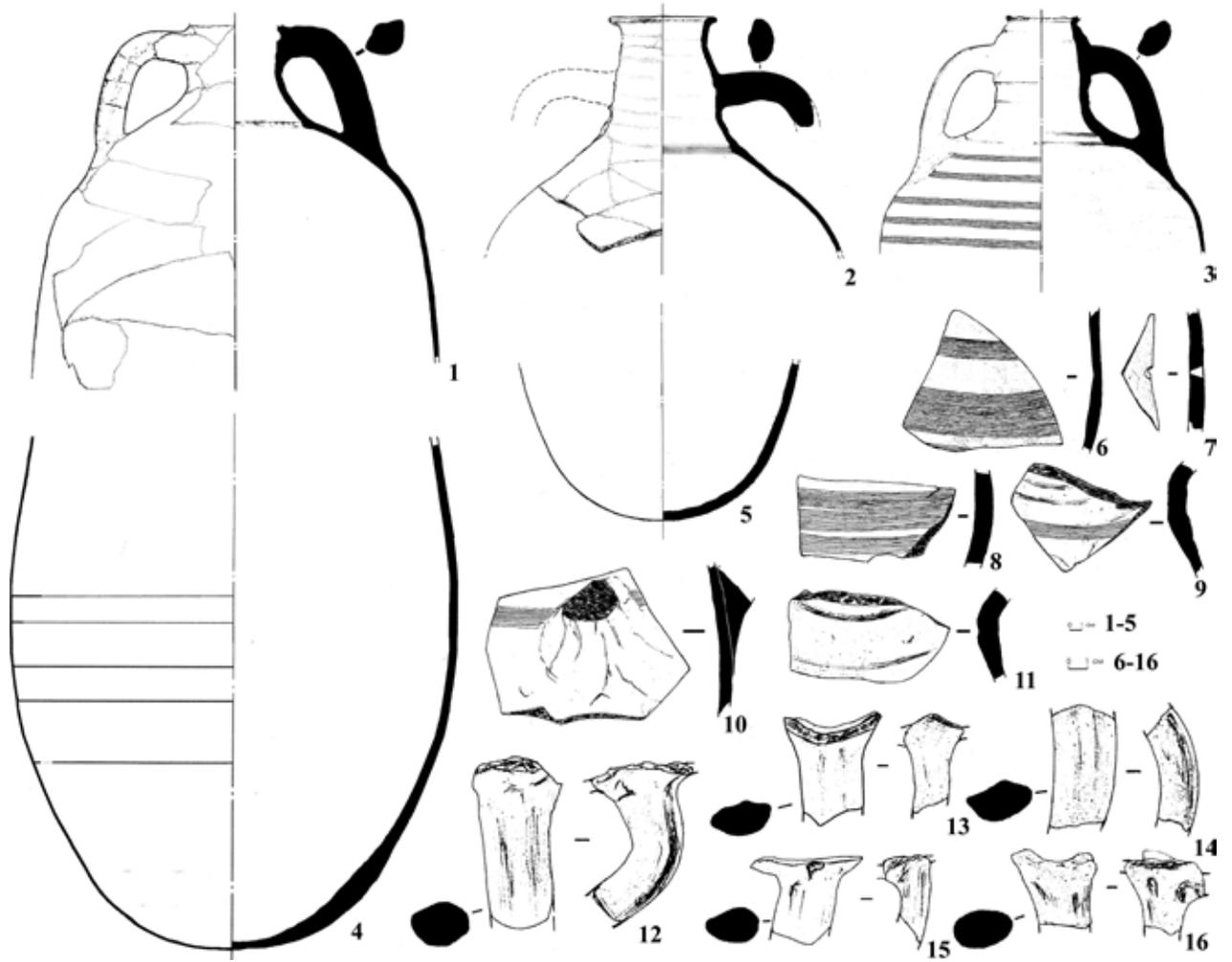
Илл. 13. Стратиграфические профили производственного комплекса на Кабановом городище

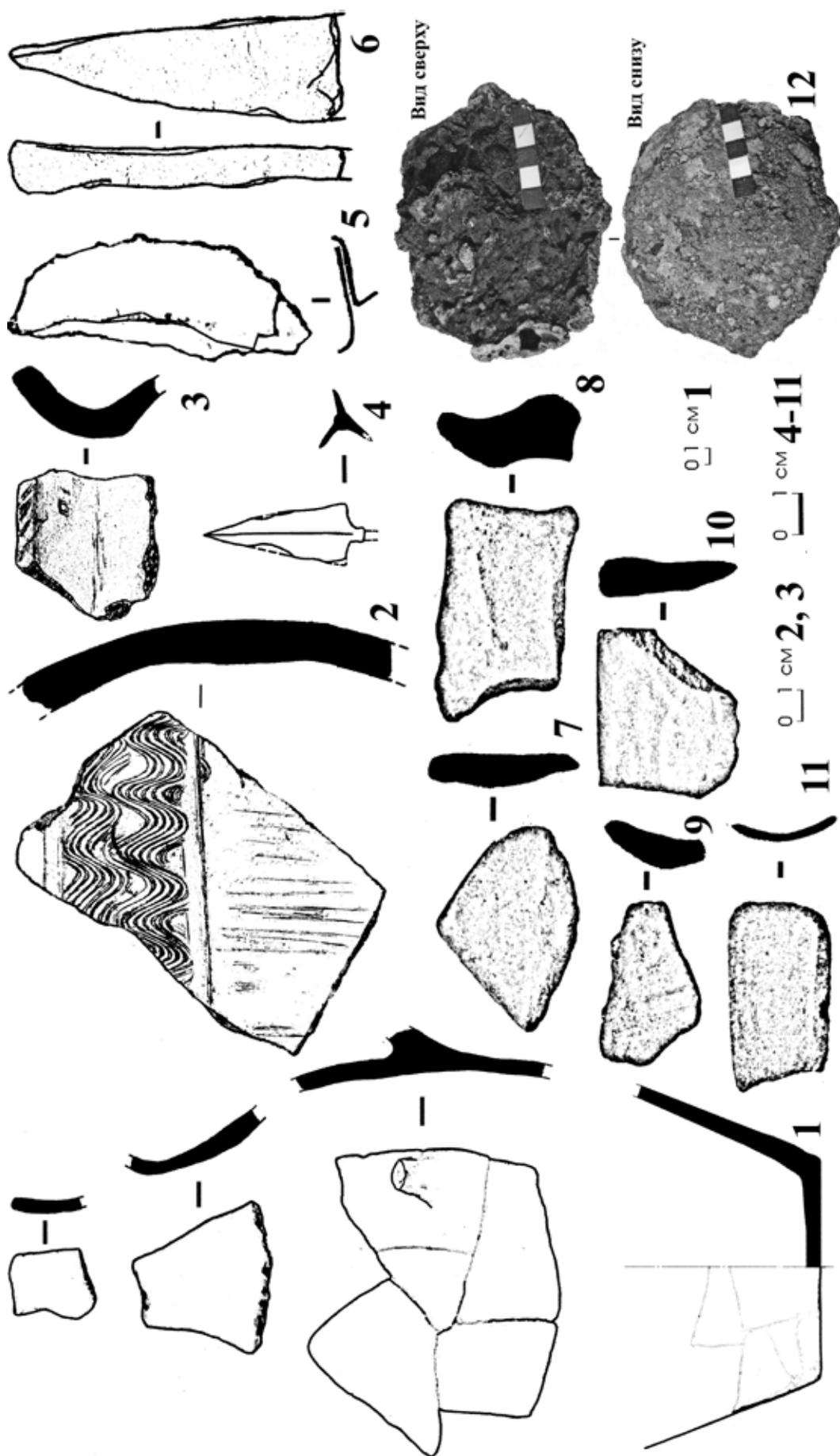
Илл. 14. Планиграфия и стратиграфия ям конструктива постройки и технологического назначения

Илл. 15. Профили технологических ям производственного комплекса

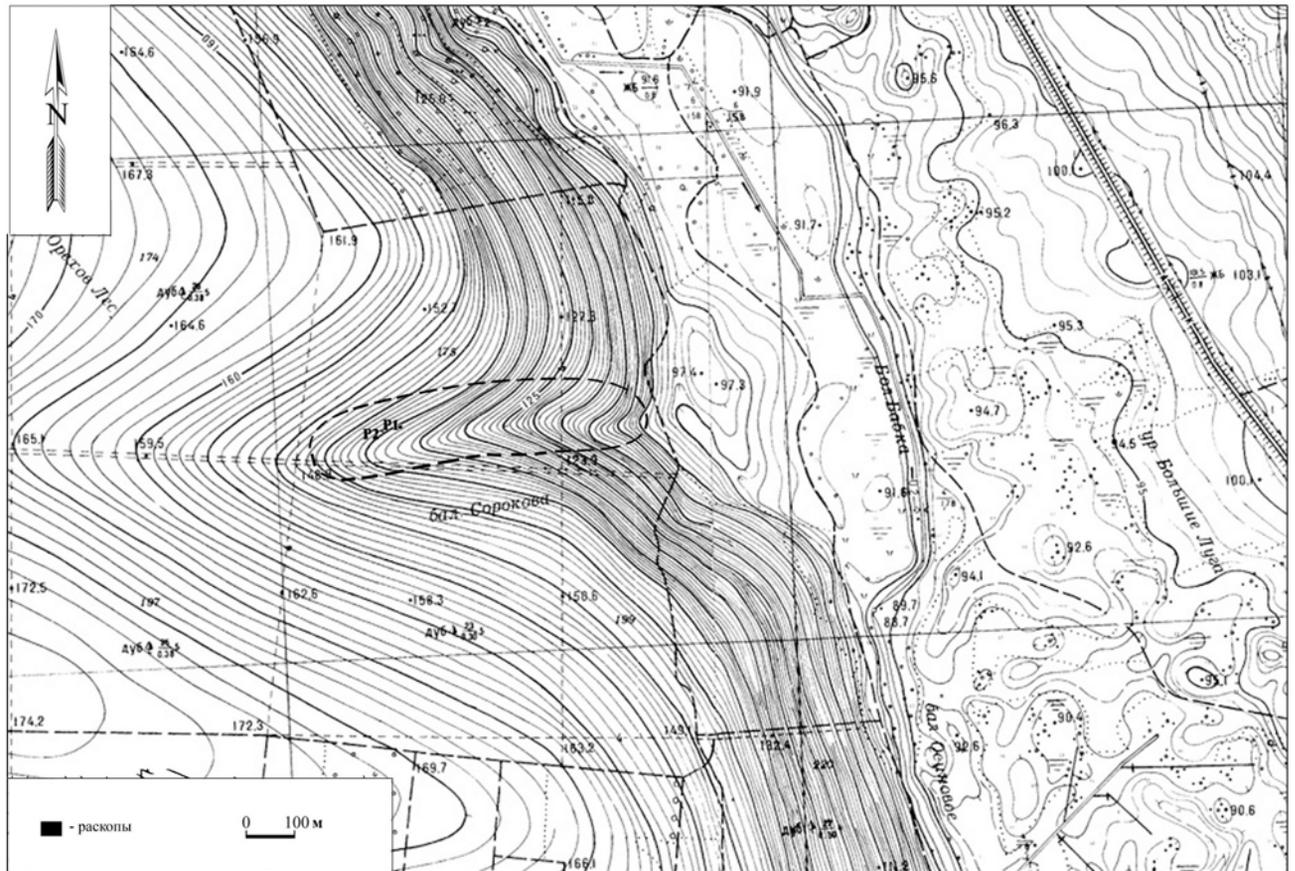

Илл. 16. Салтовская керамическая посуда Кабанова городища

Илл. 17. Салтовская керамическая посуда, металлические изделия и точильные бруски из производственного комплекса на Кабановом городище

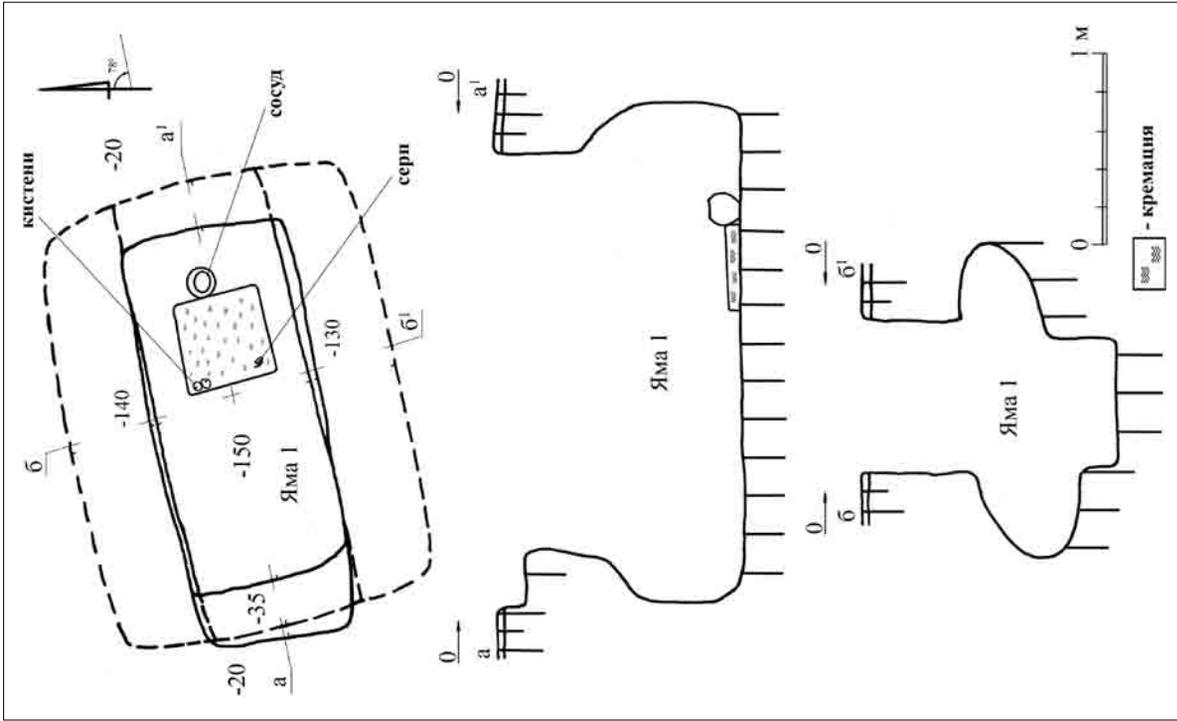
К статье Г. Е. Свистуна и В. И. Квитковского
«Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике»

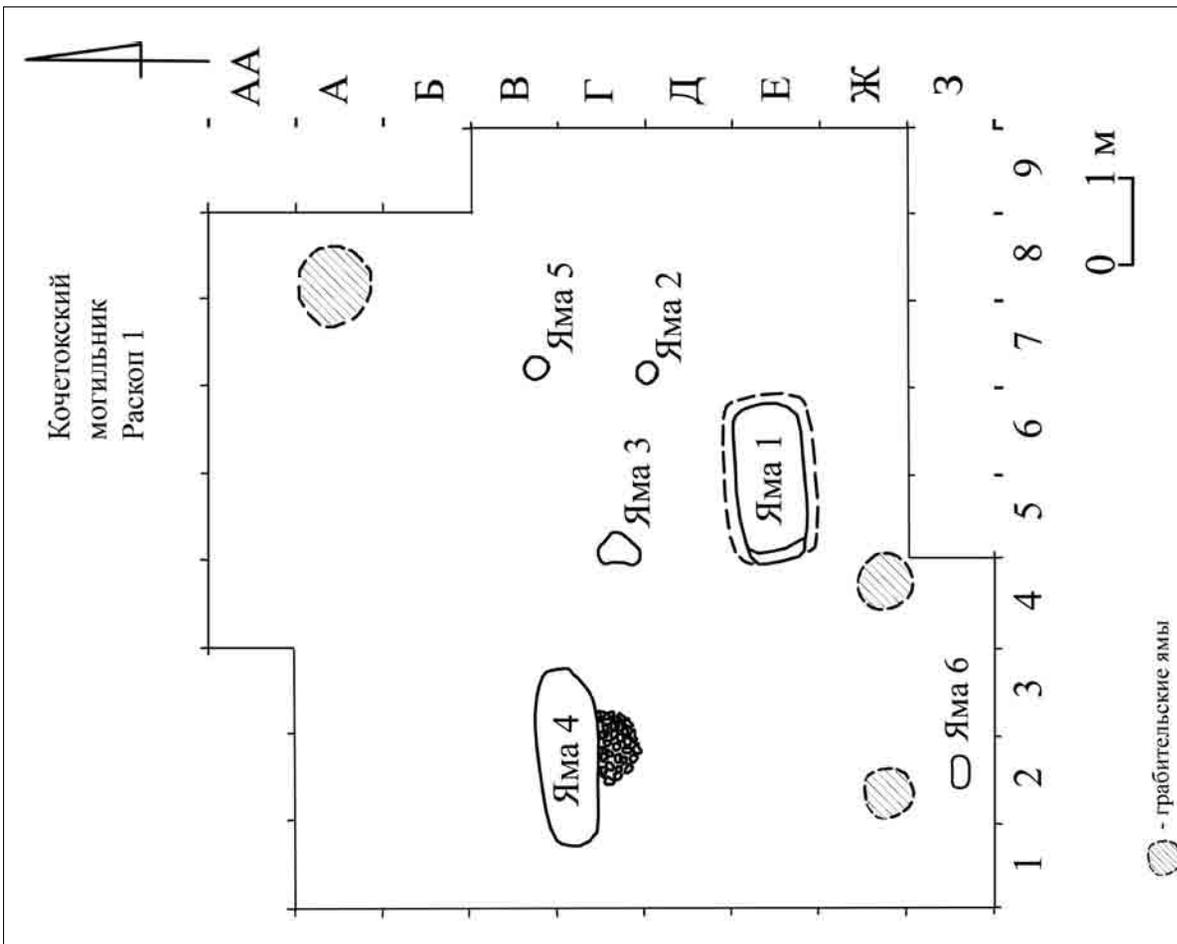
Илл. 1. Территория Кочетокского могильника с раскопами 2012 года

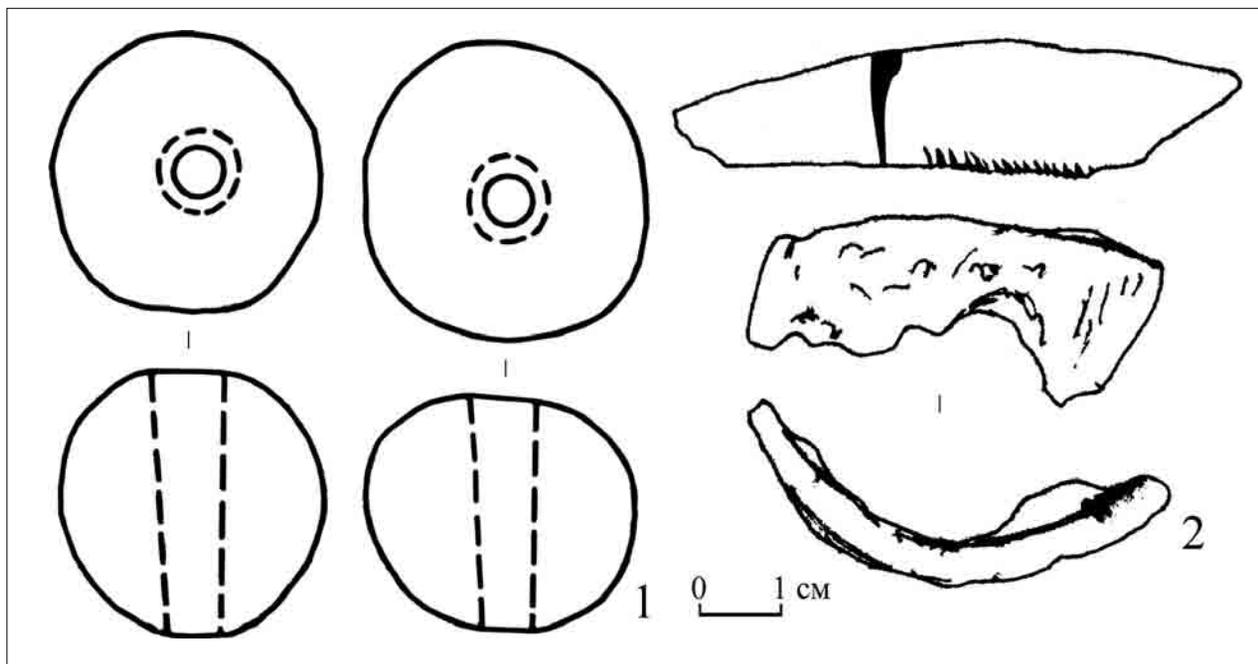
Илл. 2. 1 – вид на Кочетокский могильник с селища Пятницкое-1 (левый берег р. Большая Бабка);
2 – Сороков яр. Вид с востока

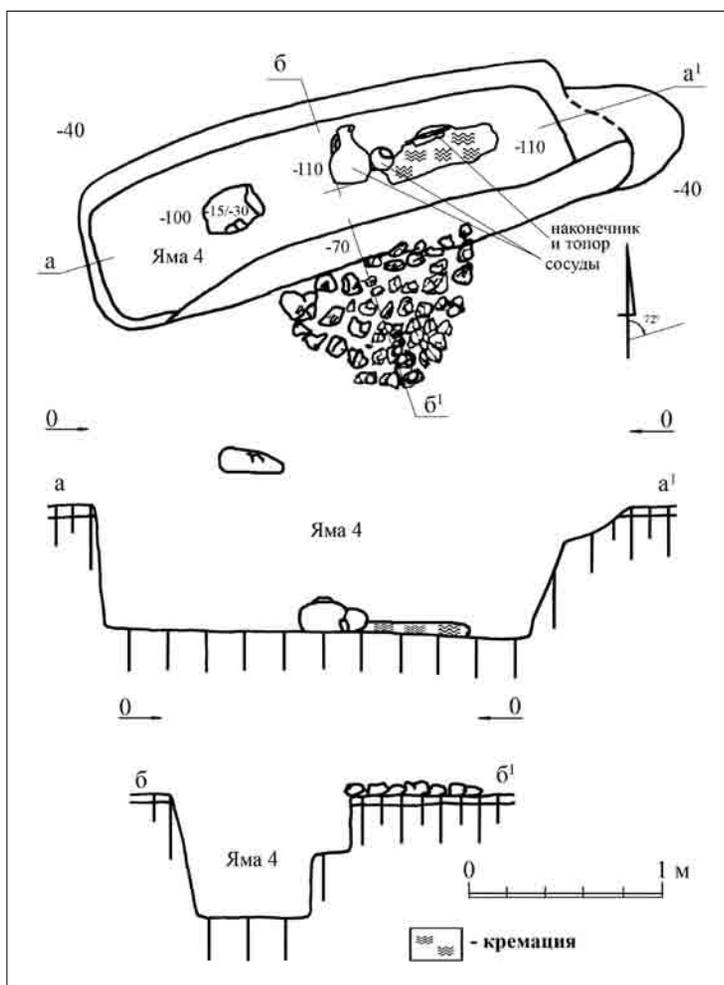
Илл. 4. Планиграфия и стратиграфия ямы 1 раскопа 1 (погр. № 2)

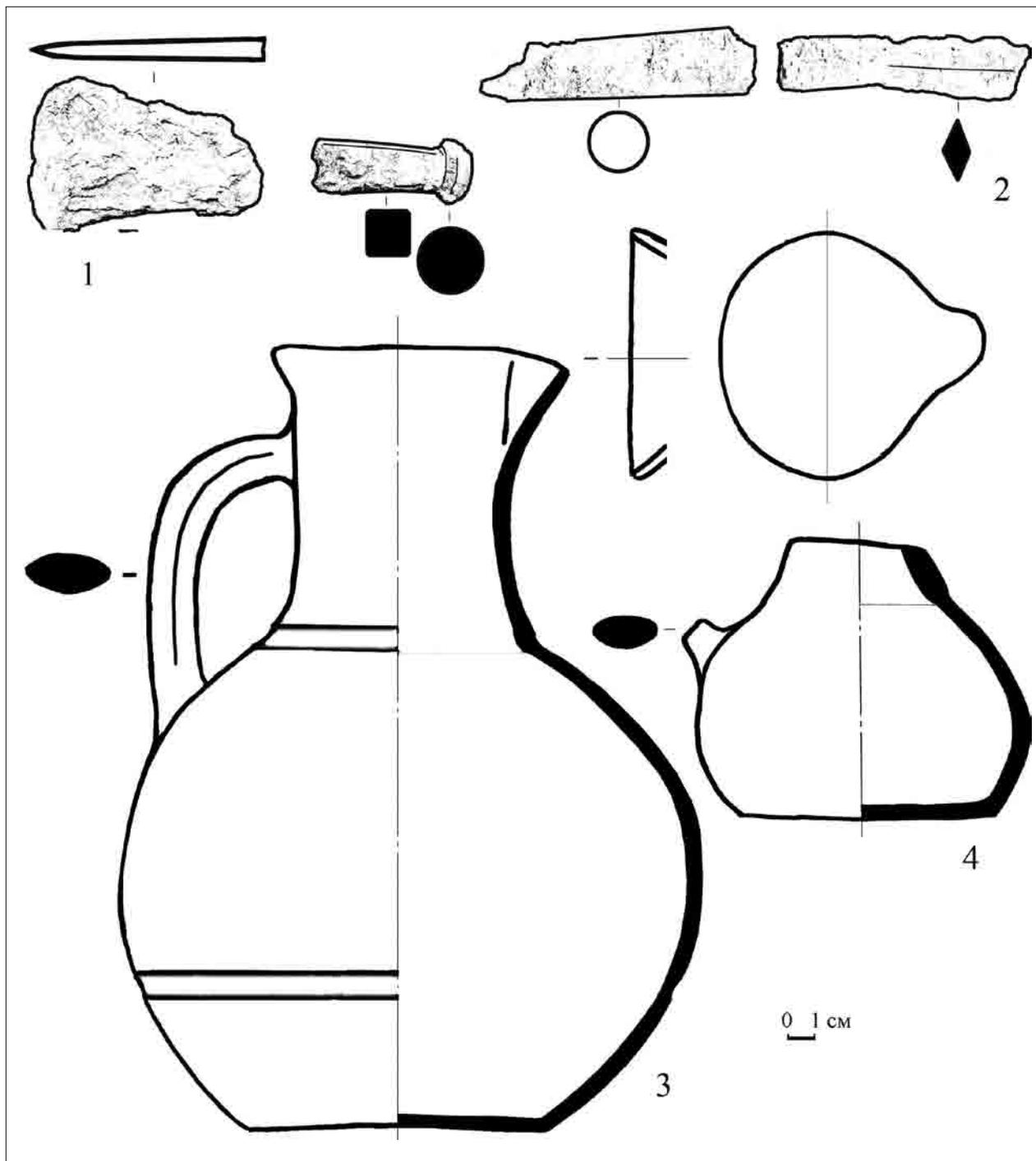
Илл. 3. План раскопа 1 на Кочетокском могильнике

Илл. 5. Находки из ямы 1 раскопа 1 (погр. № 2): 1 – обушки кистеней; 2 – фрагменты серпа.
1, 2 – железо.

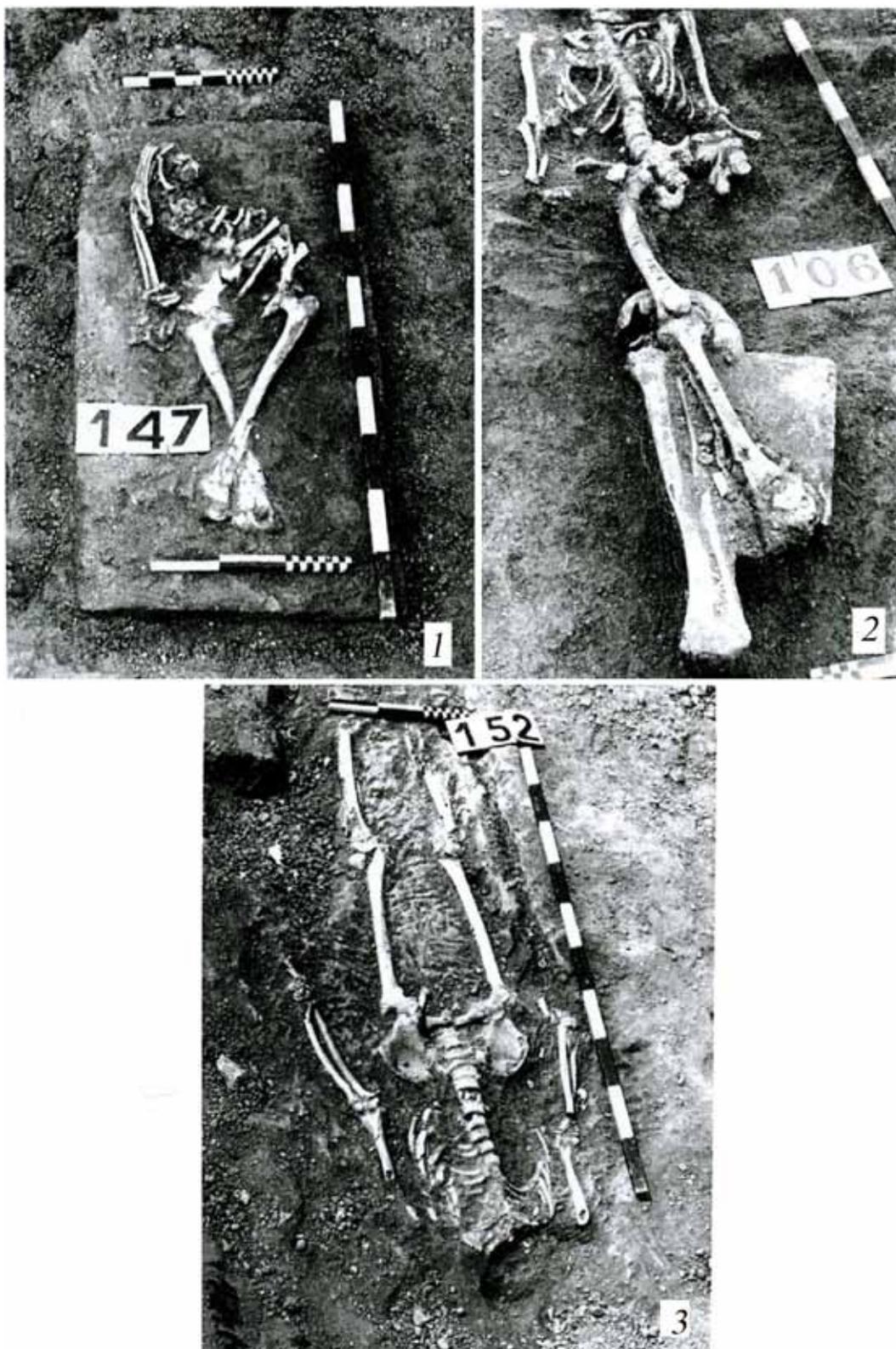

Илл. 6. Планиграфия и стратиграфия ямы 4 раскопа 1 (погр. № 3)

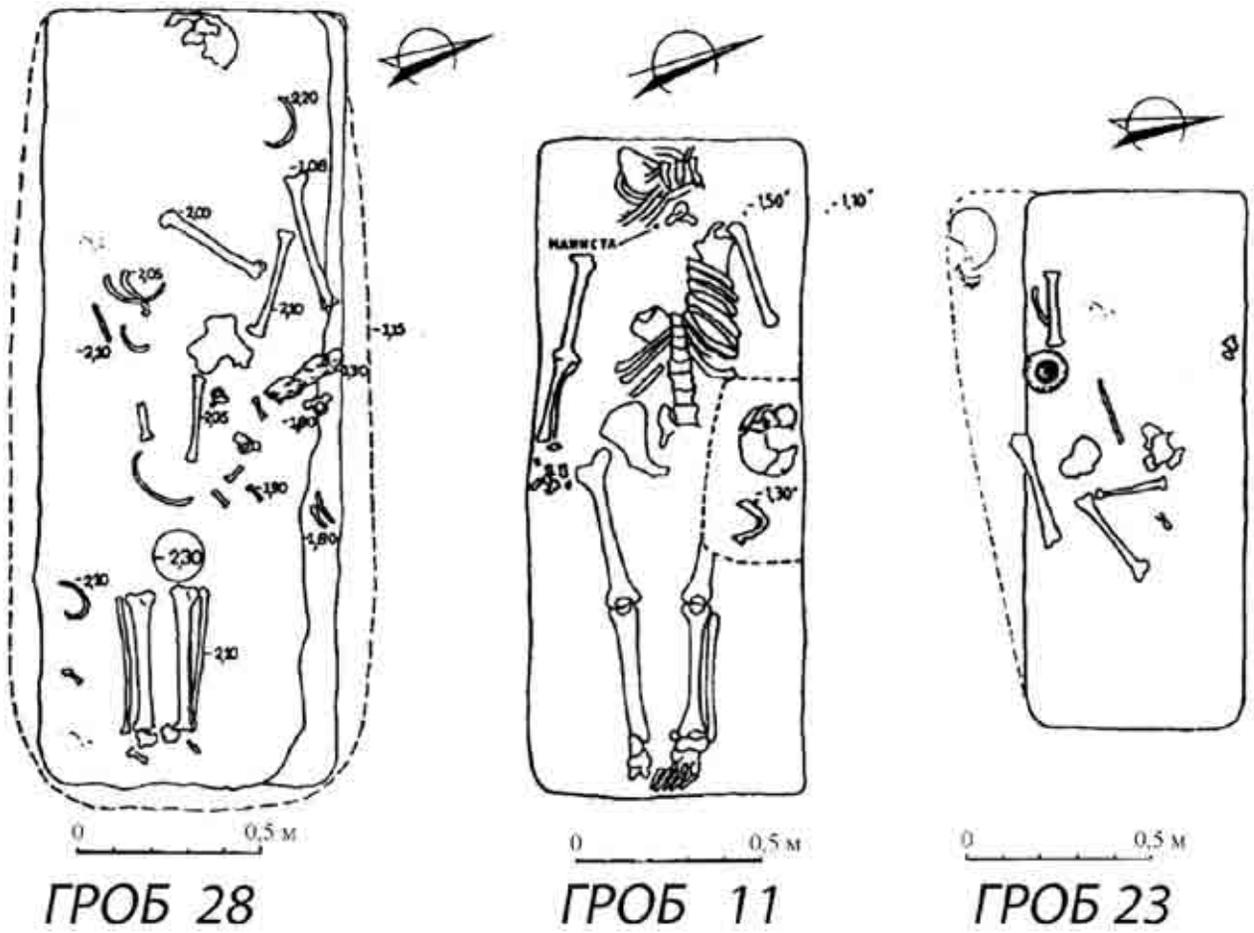

Илл. 7. Находки из ямы 4 раскопа 1 (погр. № 3): 1 – топор; 2 – пика; 3, 4 – кувшины.
1, 2 – железо; 3, 4 – керамика

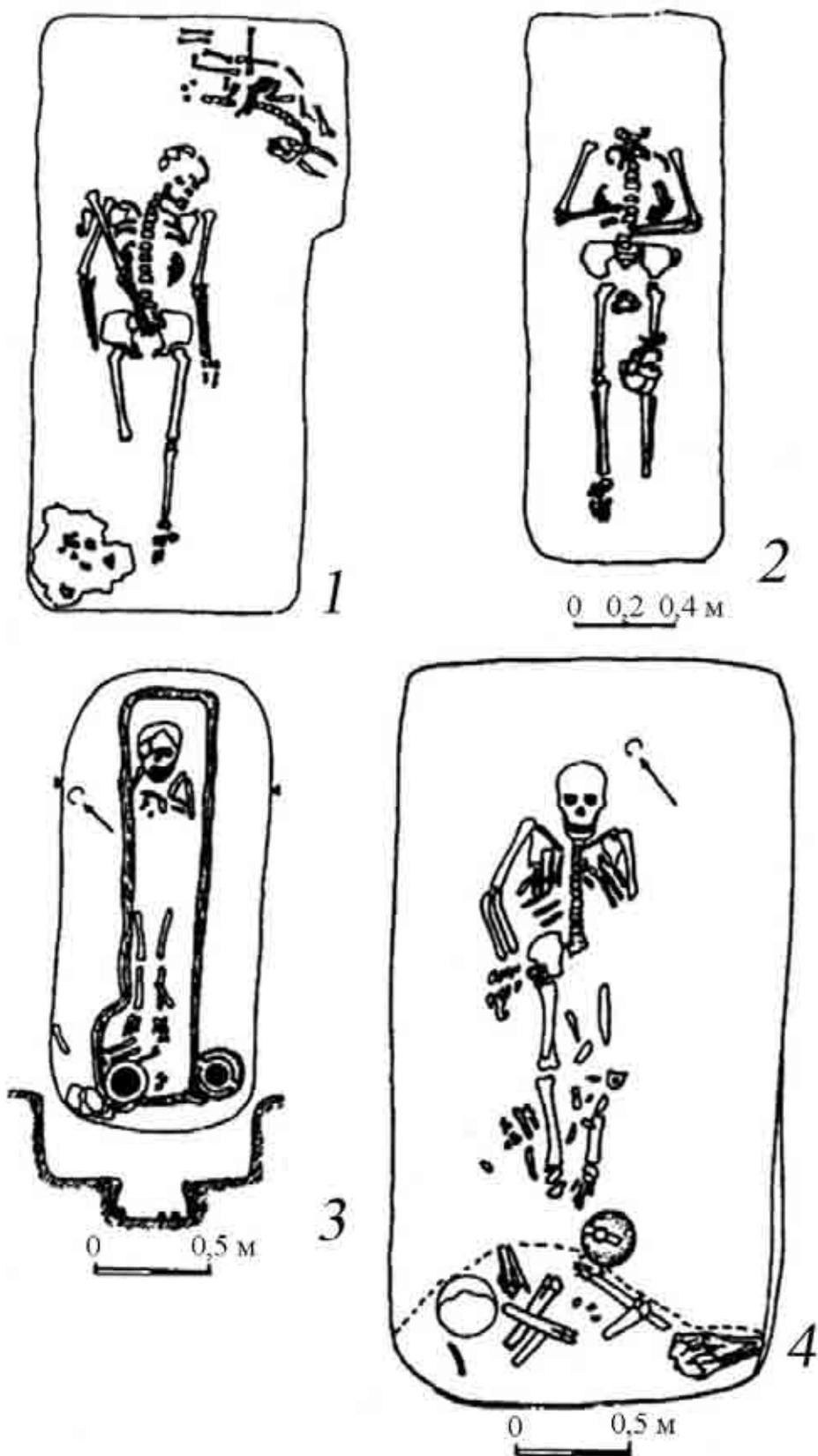
К статье В. С. Флёрова
«К проблеме постпогребальных обрядов:
обзор литературы Болгарии, России, Украины»

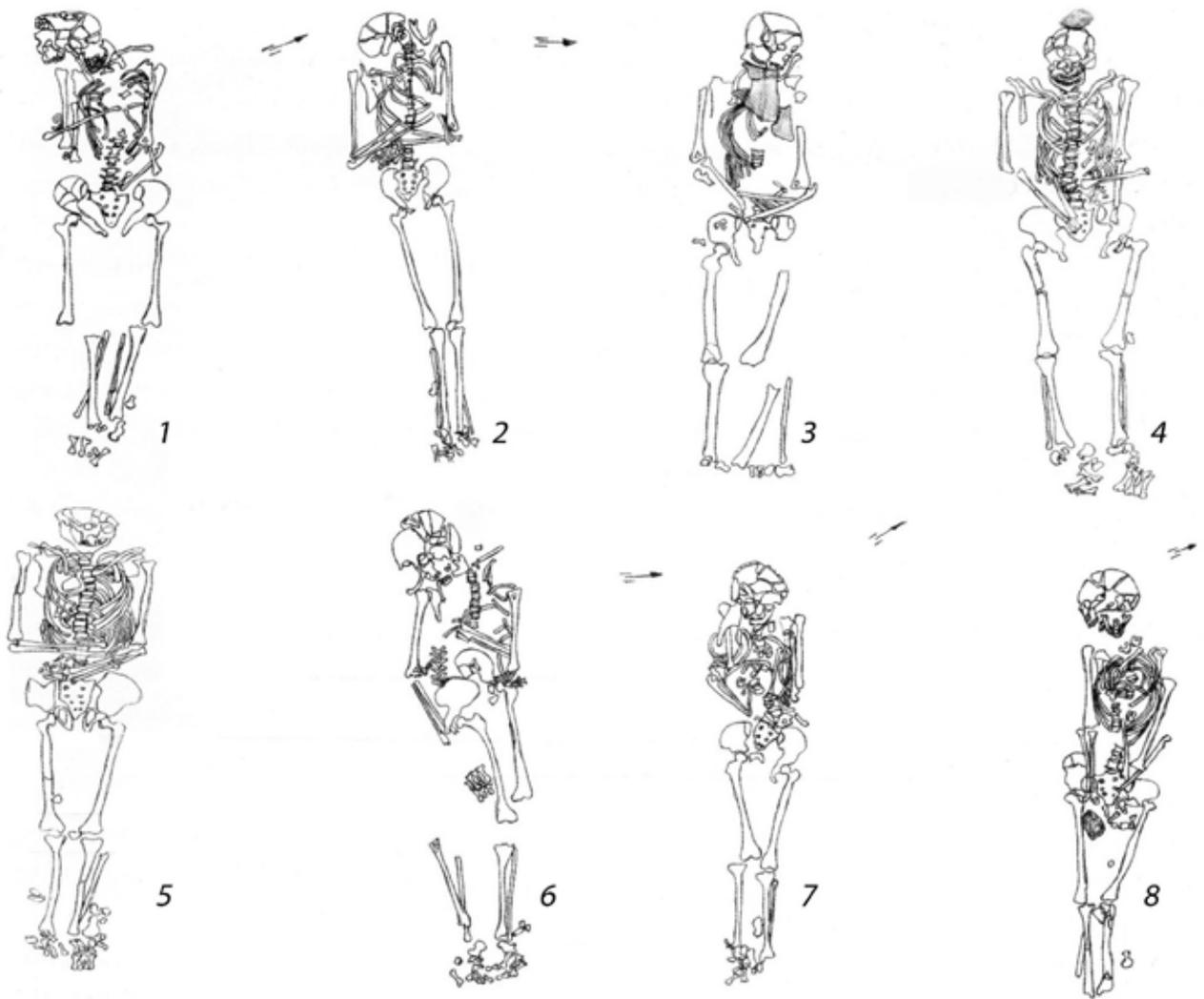
Илл. 1. Некрополь Девня-3

Илл. 2. Некрополь Върбяне, Шуменский округ

Илл. 3. Некрополи Северо-Восточной Болгарии:
 1 – Николово, Русенский округ; 2 – Красен, Русенский округ;
 3, 4 – Ножарево, Силистринский округ

Илл. 4. Некрополь на холме «Сакарджа» (по: Кирчо Апостолу, 2009, С. 220, обр. 2)